

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2017 / № 5

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и археологии (07.00.00) и политологии (23.00.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Archeology (07.00.00) and Politology (23.00.00).

ISSN 2072-8360 (print)

2017 / № 5

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Научный совет

«Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Ефремова Е.С. – к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления МГОУ (зам. председателя)

Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ (зам. председателя)

Антонова Л.Н. – д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. – д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. – д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. – д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. – д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. – д.пед.н., проф., МГОУ

Поляков Ю.М. – к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. – д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. – д.филол.н., проф., МГОУ

Чистякова С.Н. – д. пед. н., проф., член-корр. РАО

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. – д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. – д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. – к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., МГОУ; **Багдасарян В.Э.** – д.и.н., проф., МГОУ; **Воронин С.А.** – д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва); **Гайдук**

В.В. – д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа); **Гонзалес Дж.** – доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Журавлев В.В. – д.и.н., проф., МГОУ; **Захаров В.Н.** – д.и.н., проф., Институт российской истории РАН; **Ковалев**

В.А. – д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет; **Мартынов М.Ю.** – д.пол.н., доц., Сургутский государственный университет; **Михайловский Ф.А.**

– д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет; **Наталици М.** – д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия); **Сельцер Д.Г.** – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина;

Сулакшин С.С. – д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии; **Фукс А.Н.** – д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2017. – № 5. – 276 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

Индекс серии «История и политические науки» по Объединенному каталогу «Пресса России» 40712

© МГОУ, 2017.

© ИИУ МГОУ, 2017.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru, cyberleninka.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

Issued 5 times a year

Series editorial board «History and Political Sciences»

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

A.V. Abramov – Ph. D. in Politology, Associate Professor, MRSU;

V.E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

S.A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V.V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V.V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V.N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

V.A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

M.Yu. Martynov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Surgut State University;

F.A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy);

D.G. Seltzer – Doctor of Political Sciences, Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin;

S.S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Science council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, chef of information and editorial management (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2017. – № 5. – 276 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26139

Index series «History and Political Sciences» according to the union catalog «Press of Russia» 40712

© MRSU, 2017.

© Information & Editorial Office of MRSU, 2017.

The Editorial Board address: Moscow Region State University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В РОССИИ

Волобуев О.В. 1917 ГОД В РОССИИ: ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА	8
Багдасарян В.Э., Волобуев О.В., Иерусалимский Ю.Ю., Федюк В.П., Наумов О.Н., Маслов Д.В., Федорченко С.Н., Телицын В.Л. РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)	15
Журавлев В.В. ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ И МИРА В ИНТЕРЬЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА	69
Мартынов М.Ю. ПРАВЯЩИЙ КЛАСС НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ: ИМПЕРАТИВЫ И ПРЕДЕЛЫ ВЛАСТИ	82

РАЗДЕЛ I ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Богомолов В.И. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ «МАЛОЙ ВОЙНЫ» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА ЗА ПОСЛЕДНИЕ 10 ЛЕТ	89
---	----

Всеобщая история

Коваленко С.А. ПРИЗНАНИЕ ИНОСТРАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И КВАЛИФИКАЦИЙ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	99
Захарова О.Ю. ЦЕРЕМОНИЯ ИНАУГУРАЦИИ КАК ФАКТОР ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ США	108

Отечественная история

Максимова Н. В., Соловьев К.А. ОБИТЕЛЬ ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЫ, ЧТО НА БЕЛЫХ ПЕСКАХ. ИСТОРИЯ И АРХИТЕКТУРА ТРОИЦКОГО БЕЛОПЕСОЦКОГО МОНАСТЫРЯ	115
Горлова Н.И. ПРАКТИКА ДОБРОВОЛЬНОГО УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПРОВЕДЕНИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.	128
Мамедова Т.И. КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ЗВЕНИГОРОДСКИЙ УЕЗД) В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.	135
Розина О.В. СОФЬЯ ДМИТРИЕВНА САМАРИНА И СОЮЗ ПРАВОСЛАВНЫХ ЖЕНЩИН В 1918 ГОДУ ...	145
Суздальцев И.А. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕНЕСЕНИЯ ВОПРОСА О ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ДИСКУССИИ В РКП (б) В КОМИНТЕРН В 1924 г.	154
Горлов В.Н. СТАЛИНСКИЕ ВЫСОТКИ КАК ПАМЯТНИК ПОСЛЕВОЕННОГО СОВЕТСКОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА	163
Рыбаков А.М. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАБОТЫ ПО ОТБОРУ КАНДИДАТОВ НА ПОСТУПЛЕНИЕ В ВЫСШИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧИЛИЩА В 1967–1970 ГГ.	169
Сазонов Д.И. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЦЕРКОВЬ С 70-Х ПО 80-Е ГОДЫ XX ВЕКА. ФАКТОР РЕЛИГИОЗНОСТИ	177

РАЗДЕЛ II ПОЛИТОЛОГИЯ

Чернявский С.И. ПРИДНЕСТРОВЬЕ В ТИСКАХ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА (К 25-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПРИДНЕСТРОВСКОГО КОНФЛИКТА)	187
Искаков И.Ж. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: РОССИЯ И КАЗАХСТАН В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.....	198
Поняев И.М. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1993 ГОДА В РОССИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРИЧИНЫ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ	206
Аржаных Т.Ф. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	216
Вититнев С.Ф. СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ...	227
Мамараев Р.М. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦПРОСА.....	241
Панов А.И. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ КВАНТИФИКАЦИИ ПРИ АНАЛИЗЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ЯВЛЕНИЙ	253
Маталаева Ф.Э. СТРУКТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ МИГРАЦИИ... ..	258

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Куренкова Е.А. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: «РОССИЯ 1905-1907 ГГ.: ЭНЦИКЛОПЕДИЯ / ОТВ. РЕД. В.В. ЖУРАВЛЕВ. М.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2016. – 1196 С.»	269
ХРОНИКА 1917 ГОДА В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	273

CONTENTS

ON THE OCCASION OF THE CENTENARY OF THE 1917 REVOLUTION

O. Volobuev. THE YEAR OF 1917 IN RUSSIA: CHRONICLE OF THE REVOLUTIONARY PROCESS.....	8
V. Bagdasaryan, O. Volobuev, Y. Jerusalemkiy, V. Fedjuk, O. Naumov, D. Maslov, S. Fedorchenko, V. Telitsyn. THE RUSSIAN REVOLUTION: VIEW THROUGH THE CENTURY (ROUND TABLE).....	15
V. Zhuravlev. THE PROBLEM OF WAR AND PEACE IN THE SOCIO-POLITICAL INTERIOR OF OCTOBER 1917.....	69
M. Martynov. THE RULING CLASS ON THE EVE OF REVOLUTION: THE IMPERATIVES AND EXTENTS OF POWER	82

SECTION I HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

V. Bogomolov. SOME ASPECTS OF "LITTLE WAR" IN THE MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE LAST DECADE DESCRIBING THE PATRIOTIC WAR OF 1812.....	89
---	----

General History

S. Kovalenko. RECOGNITION OF FOREIGN EDUCATION AND QUALIFICATIONS AS A KEY FACTOR IN THE INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION DEVELOPMENT.....	99
O. Zakharova. INAUGURATION CEREMONY AS A FACTOR OF PUBLIC DEMOCRACY IN THE USA.....	108

Native History

N. Maksimova, K. Solovyov/ THE MONASTERY OF THE HOLY TRINITY, ON THE WHITE SANDS. HISTORY AND ARCHITECTURE OF THE TRINITY BELOPESOTSKY MONASTERY.....	115
N. Gorlova. PRACTICE OF VOLUNTARY PARTICIPATION OF POPULATION IN STATISTICAL RESEARCH IN THE LATE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY	128
T. Mamedova. COTTAGE INDUSTRY IN THE CONTEXT OF MOSCOW PROVINCE (ZVENIGOROD DISTRICT) DEVELOPMENT IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES	135
O. Rozina. SOFIA DMITRIEVNA SAMARINA AND THE UNION OF ORTODOX WOMEN IN 1918.....	145
I. Suzdaltsev. ON THE PECULIARITIES OF TRANSMITTING IN 1924 THE QUESTION OF INNER-PARTY DISCUSSION OF THE RCP(B) INTO THE COMINTERN	154
V. Gorlov. STALIN'S SKYSCRAPERS AS A MONUMENT TO THE SOVIET POSTWAR URBAN DEVELOPMENT.....	163
A. Rybakov. HISTORICAL EXPERIENCE FOR THE SELECTION OF CANDIDATES FOR ADMISSION TO HIGHER MILITARY-POLITICAL SCHOOL IN 1967–1970S.....	169
D. Sazonov. THE INTELLIGENTSIA AND THE CHURCH FROM THE 70S TO THE 80S OF THE TWENTIETH CENTURY. THE FACTOR OF RELIGIOUSNESS.....	177

SECTION II POLITOLOGY

S. Chernyavskiy. TRANSNISTRIA IN THE GRIP OF THE UKRAINIAN CRISIS (FOR THE 25TH ANNIVERSARY OF THE TRANSNISTRIAN CONFLICT)	187
I. Iskakov. POLITICAL ELITES AND EURASIAN INTEGRATION: RUSSIA AND KAZAKHSTAN IN THE LATE XX – EARLY XXI CENTURY	198
I. Ponyaev. POLITICAL CRISIS OF 1993 IN RUSSIA: PREREQUISITS, REASONS AND MISSED OPPORTUNITIES TO RESOLVE IT	206
T. Arzhanykh. IDEOLOGICAL DISCOURSE IN MODERN RUSSIA: PERSPECTIVES OF FORMING RUSSIAN IDENTITY	216
S. Vititnev. MODERN RUSSIAN CONSERVATISM AND THE POLITICAL PROCESS	227
R. Mamaraev. THE INFLUENCE OF THE SOCIAL AND ECONOMIC FACTOR ON THE ELECTORAL BEHAVIOR OF PEOPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN ACCORDING TO THE RESULTS OF THE OPINION POLL	241
L. Panov. PROBLEMS OF USING QUANTIFICATION WHILE ANALIZING POLITICAL PROCESSES AND PHENOMENA	253
F. Matalaeva. STRUCTURAL BACKGROUND AND CONSEQUENCES OF EUROPEAN MIGRATION	258

SCIENTIFIC LIFE

E. Kurenkova. REVIEW OF THE BOOK: «RUSSIA 1905–1907: ENCYCLOPEDIA / ED.-IN-CHIEF V.V. ZHURAVLEV. M.: POLITICAL ENCYCLOPEDIA, 2016. – 1196 P.	269
V. Bagdasaryan. CHRONICLE OF 1917 IN MOSCOW REGION	273

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В РОССИИ

УДК 94(470)”1917”

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-8-14

1917 ГОД В РОССИИ: ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Волобуев О.В.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио 10А, Российская Федерация

Аннотация. Данная хроника является продолжением публикаций в № 2 и № 3 «Вестника Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки». Хроника отражает развитие революционного процесса в течение сентября – ноября 1917 г. Публикация включает также краткое введение к хронике этих трех революционных месяцев.

Ключевые слова: Октябрьское большевистское восстание в Петрограде, начало социалистического этапа революции 1917 г., Советы рабочих и солдатских депутатов снизу доверху, первые декреты Советской власти, политические партии, армия, вопрос о мире.

THE YEAR OF 1917 IN RUSSIA: CHRONICLE OF THE REVOLUTIONARY PROCESS

O. Volobuev

Moscow Region State University

10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

Abstract. This chronicle is a continuation of the publications, placed in No. 2 and 3 of the *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Political Sciences. The chronicle reflects the development of the revolutionary process during September-November of 1917. The publication also includes a brief introduction to the chronicle of those three revolutionary months.

Key words: October Bolshevik uprising in Petrograd, beginning of the socialist stage of the revolution of 1917, Soviets of workers 'and soldiers' deputies from top to bottom, the first decrees of the Soviet government, political parties, army, the problem of peace.

Рассматриваемый в «Хронике» период насыщен событиями, динамичен и драматичен. Он завершается в публикации ноябрем, т. е. силовым приходом к власти большевиков и созданием ими нового, невиданного в истории государства – Республики Советов. В хронике осенних месяцев 1917 г. можно выделить

© Волобуев О.В., 2017.

следующие смысловые линии: активизация и организация радикально-революционных сил, подготовка большевиками вооруженного восстания в сентябре-октябре, состояние социально-политического вакуума Временного правительства, нарастание общенационального кризиса, проведение вооруженного восстания, создание Советского государства, начало строительства нового государственного порядка, начало репрессивной политики по отношению к политическим противникам. Разумеется, каждый пользующийся «Хроникой» может наметить и подобрать интересующие его содержательно хронологические ряды.

В перечне событий четко выделяются имена вождей большевистской революции – Ленина и Троцкого. Так же четко выделяются имена вождей белого движения – генералов Алексева, Корнилова, Дутова, Каледина. Прослеживаются имена руководителей антибольшевистской социалистической оппозиции – лидеров эсеров Авксентьева и Чернова.

СЕНТЯБРЬ

1 (14 сентября)

Временное правительство провозглашает Российскую республику. Вся полнота власти передана Директории (Совет 5: коллегия из 4 министров и министра-председателя Керенского) – временно назначенному высшему органу госуправления.

2 (15 сентября)

Арест генерала Лавра Корнилова и его сподвижников, заключение их в монастыре города Быхова (Быховские узники).

3 (16 сентября)

Восстание солдат русского экспедиционного корпуса во Франции, в военном лагере Ля-Куртин около города Лимож.

6–15 (19–28) сентября

Съезд народов и областей России (Союз народов, Федеративный съезд) в Киеве потребовал создания демократического федеративного государства.

9 (22 сентября)

Большевики получили большинство в Петросовете. Избран новый Президиум и Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, в состав которых вошли Троцкий и Каменев.

12–14 (25–27) сентября

Ленин пишет в ЦК РСДРП(б) письма: «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание».

14 (22) – 22 сентября (5 октября)

Всероссийское демократическое совещание в Петрограде, делегаты из представителей политических партий и общественных организаций. Избрание Демократического совета (Предпарламента) – совещательного органа при Временном правительстве.

19 сентября (2 октября)

Председателем Московского Совета рабочих и солдатских депутатов избран большевик В.П. Ногин.

22 сентября — 10 октября (5–23 октября)

Тайное возвращение Ленина в Петроград (точная дата не установлена).

23 сентября (6 октября)

ВЦИК и Демократическое совещание приняли решение о созыве 20 октября (2 ноября) очередного съезда Советов.

23-26 сентября (6-9 октября)

Всероссийская забастовка железнодорожников, организованная профсоюзом «Викжель».

25 сентября (8 октября)

Конец Директории. Образование Третьего коалиционного Временного правительства во главе с Керенским.

Троцкий избран председателем Исполкома Петросовета, а Петросовет потребовал отставки Временного правительства.

ОКТАБРЬ**1 (14) октября**

Обращение Ленина «К рабочим, крестьянам и солдатам» с призывом свергнуть Временное правительство

5 (18) октября

ЦК РСДРП(б) принял решение о выходе большевиков из Предпарламента.

6 (19) октября

Постановление правительства о роспуске Государственной думы и ее Временного комитета.

7 (20) октября

Открытие Предпарламента и уход из него большевиков.

10 (23) октября

ЦК РСДРП(б) приняло резолюцию о восстании и создании временного Политбюро в составе 7 человек

12 (25) октября

Легально образован Военно-Революционный комитет при Петросовете, в него вошли большевики, левые эсеры, анархисты. Первоначально создавался как комитет обороны Петрограда, но сразу же стал фактическим центром подготовки вооруженного восстания.

16 (29) октября

Расширенное заседание ЦК РСДРП(б) одобрило резолюцию Ленина о вооруженном восстании.

18 (31) октября

Каменев и Зиновьев выступили в газете «Новая Жизнь» против этой резолюции, за что были обвинены Лениным в предательстве и обнаружении сроков восстания.

22 октября (4 ноября)

ВРК объявил действительными только свои приказы и запретил к исполнению приказы Временного правительства.

23 октября (5 ноября)

Переход гарнизона Петропавловской крепости на сторону Петроградского ВРК.

Приказ Керенского о запрещении большевистских газет «Правда», «Рабочий путь», «Солдат».

24 октября (6 ноября)

Приказ Керенского о расследовании деятельности ВРК, вызове в столицу военных подкреплений, разведки мостов над Невой.

Захват красногвардейцами в Петрограде мостов, почтамта, телеграфа, вокзалов.

Выступление Керенского в Предпарламенте о доверии Временному правительству.

25 октября (7 ноября)

Воззвание Петроградского ВРК «К гражданам России» о низложении Временного правительства (10 часов).

Керенский и Савинков покинули Петроград.

Я.М. Свердлов от имени ВРК направляет телеграммы по всей стране с извещением о победе восстания. Он автор воззвания ВРК «К тылу и фронту».

Открытие второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (22 часа 40 минут). Уход правых эсеров, меньшевиков, бундовцев. Обращение съезда «К рабочим, солдатам и крестьянам» о переходе власти к Советам.

ВРК Эстонии и Минский Совет РСД объявили о переходе власти к Советам. Образован ВРК при Московском Совете РСД.

26 октября (8 ноября)

В ночь с 25-го на 26-е занятие большевистскими воинскими частями Зимнего дворца и арест членов Временного правительства (в 2 часа ночи).

Приняты съездом декреты «О мире», «О земле», «О власти». Избран ВЦИК под председательством Л.Б. Каменева и СНК под председательством В.И. Ульянова-Ленина.

Принято обращение об отмене смертной казни на фронте.

Создание Петроградской городской думой «Комитета спасения родины и революции» под председательством Н.Д. Авксентьева. Московская городская дума образовала «Комитет общественной безопасности».

Атаман А.М. Каледин объявил на Дону о принятии всей власти и борьбе против Советов. Генерал А.И. Дутов как войсковой атаман объявил о принятии всей власти казачьим Войсковым правительством.

27 октября (9 ноября)

Декрет СНК о печати: запрещение «контрреволюционных изданий».

Обращение СНК «Ко всем народам мира» с призывом о прекращении войны.

27–30 октября (9–12 ноября)

Наступление из Гатчины на Петроград казаков генерала П.Н. Краснова.

28 октября (10 ноября)

Занятие в Москве юнкерами Кремля.

Постановления Наркомата внутренних дел «О жилищном моратории» и о создании рабочей милиции.

29 октября (11 ноября)

Ультиматум Викжеля с требованием образования однородного социалистического правительства без Ленина и Троцкого. Переговоры с Викжелем возглавляемой Каменевым комиссии ВЦИК.

Декрет СНК «О восьмичасовом рабочем дне».

Восстание юнкеров в Петрограде.

30 октября – 1 ноября (12–14 ноября)

Приостановление полковником М.А. Муравьевым вооруженного наступления войск Временного правительства на Петроград.

31 октября (13 ноября)

Заявление Керенского о сложении полномочий министра-председателя Временного правительства и Верховного главнокомандующего. Все права и полномочия перешли к Временному правительству, а Верховным главнокомандующим назначен генерал Н.Н. Духонин.

НОЯБРЬ**1 (14) ноября**

Занятие красногвардейцами Гатчины. Арест генерала П.Н. Краснова.

1 (14) ноября – 12 ноября (3 декабря)

Советская власть устанавливается в большинстве губернских городов.

2 (15) ноября

Декларация прав народов России. Опубликована 3 декабря.

В Новочеркасске генерал М.В. Алексеев приступил к формированию Добровольческой армии.

3 (16) ноября

Отряды Красной гвардии отбили Кремль у юнкеров.

4 (17) ноября

Третий Универсал Центральной Рады провозгласил создание Украинской Народной Республики.

ВЦИК предоставил СНК право издавать по неотложным вопросам декреты.

Заявление 5 членов ЦК большевиков (Каменев, Зиновьев, Рыков, Милютин, Ногин) о выходе из ЦК из-за несогласия последнего на формирова-

ние единого социалистического правительства.

7 (20) ноября

Выход из СНК народных комиссаров А.И. Рыкова, В.П. Милютин, В.П. Ногина и отставка Каменева из-за отказа большевиков сформировать однородное социалистическое правительство.

Хлебный паек в Петрограде сокращен до 150 грамм в день.

8 (21) ноября

Председателем ВЦИК избран Я.М. Свердлов.

Нота наркоминдела Л. Троцкого с предложением начать переговоры о мире.

9 (22) ноября

Декретом СНК Духонин смещен с должности Верховного главнокомандующего и на этот пост назначен прапорщик Н.В. Крыленко.

10 (23) ноября

Публикация секретных договоров между Россией и странами Антанты.

11 (24) ноября

Декрет ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий, гражданских, придворных и военных чинов». Введение единого наименования «гражданин Российской республики».

11 (24) – 25 ноября (8 декабря)

Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. На заседании съезда и ВЦИК Совета РСД утвержден объединенный ВЦИК, подтверждены декреты о мире, земле и рабочем контроле.

12 (25) ноября

Начало выборов в Учредительное собрание

14 (27) ноября

ВЦИК принял «Постановление о рабочем контроле» на предприятиях. Создание на предприятиях фабзавкомов.

Германское командование приняло предложение СНК начать переговоры о мире.

15 (28) ноября

Публикация приказа о демобилизации старой армии.

Образован Закавказский комитет для борьбы с большевиками во главе с Е.П. Гегечкори.

17 (30) ноября

Введение в СНК наркомов земледелия – А.Л. Коллегаева, юстиции И.З. Штернберга, почт и телеграфа П.П. Прошьяна.

Начало национализации частных предприятий.

19 ноября (2 декабря)

Бегство Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина и других генералов из Быхова на Дон.

19–28 ноября (2–11 декабря)

Первый съезд и образование партии левых эсеров.

20 ноября (3 декабря)

Обращение СНК к трудящимся мусульманам России и Востока с призывом начать борьбу против всех форм угнетения.

Занятие отрядом Н.В. Крыленко военной ставки в Могилеве и расправа с Н.Н. Духониним.

20–22 ноября (3–5 декабря)

Начало советско-германских переговоров о временном перемирии.

21 ноября (4 декабря)

Постановлением ВРК создана комиссия по борьбе с контрреволюцией. Декрет СНК о праве на отзыв депутатов.

22 ноября (5 декабря)

Декрет об упразднении прежней судебно-прокурорской системы и создание новой с выборностью и правом отзыва судей и судебных заседателей, а также учреждение революционных трибуналов.

23 ноября (6 декабря) – январь 1918

Образование в Петрограде «Союза защиты Учредительного собрания» (правые эсеры, народные социалисты, меньшевики-оборонцы) с отделениями в Москве, Одессе, Самаре и др. городах.

24 ноября (7 декабря)

Провозглашение независимости Финляндией.

26 ноября (9 декабря)

Декрет СНК об открытии Учредительного собрания при наличии 400 депутатов.

26 ноября (9 декабря) – 10 (23) декабря

Второй Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов поддержал большевистский СНК и избрал новый ЦИК, вошедший в новый ВЦИК.

27–29 ноября (10–12 декабря)

Перевод военных заводов в Петрограде на выпуск паровозов, сельхозмашин и другой мирной продукции.

28 ноября (11 декабря)

СНК объявил о начале переговоров о мире с Германией.

Декрет СНК «Об аресте вождей гражданской войны против революции», под которыми имелись в виду руководители кадетов.

28 ноября (11 декабря) – 3 декабря (16 декабря)

Конференция Верховного совета Антанты (по существу, англо-французская). Обсуждение вопроса о дальнейшем участии России в войне. Союзники решили поддерживать группировки, выступающие против большевиков, но и с большевиками полностью не порывать из-за боязни их сближения с Германией. В декабре 1917 г. между Францией и Англией заключено тайное соглашение о разделе сфер влияния в России.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;

e-mail: volobuevov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Volobuev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Full Member of the International Academy of Higher School, Professor of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modernity, Moscow Region State University

e-mail: volobuevov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волобуев О.В. 1917 год в России: хроника революционного процесса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 8–14.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-8-14

FOR CITATION

O. Volobuev. 1917 in Russia: chronicle of the revolutionary process. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 8–14.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-8-14

УДК 940(470+571)"1917"

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-15-68

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

**Багдасарян В.Э.¹, Волобуев О.В.¹, Иерусалимский Ю.Ю.², Федюк В.П.²,
Наумов О.Н.¹, Маслов Д.В.¹, Федорченко С.Н.¹, Телицын В.Л.³**

¹ Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

² Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова

150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, Российская Федерация

³ Институт всеобщей истории Российской Академии Наук

119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А

Аннотация. Круглый стол посвящён проблемам российского революционного 1917 года. Авторы исследуют аспекты периодизации революционной эпохи, исторического сознания, вопросы антиоктябрьской пропаганды, большевистских политических технологий, а также нюансы историографии революции. Сегодня все более для разных стран мира актуализируются вызовы революций нового типа (так называемые «цветные революции»). Результаты круглого стола могут быть в том числе использованы государственной и региональной властью, так как дают понимание механизмов перерастания социальных проблем в революцию. Кроме того, изучение революционных событий столетней давности закладывает когнитивные основания своевременного реагирования на эти вызовы в интересах будущего России.

Ключевые слова: Октябрьская революция, Февральская революция, 1917 г., Россия, политическая история, историография.

THE RUSSIAN REVOLUTION: VIEW THROUGH THE CENTURY (ROUND TABLE)

**O. Volobuev¹, V. Bagdasaryan¹, Y. Ierusalimskiy², V. Fedjuk², O. Naumov¹,
D. Maslov¹, S. Fedorchenko¹, V. Telitsyn³**

¹ Moscow Region State University

10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

² Yaroslavl State University named P.G. Demidova

ul. Sovetskaya, 10, Yaroslavl 150000, the Russian Federation

³ Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Abstract. The round table is devoted to the problems of the Russian revolutionary year of 1917. The authors scrutinize the aspects of the periodization of the revolutionary chronicle, historical consciousness, questions of anti-October propaganda, the Bolsheviks' political technologies, as well as the nuances of the historiography of the revolution. Today the challenges of revolu-

© Волобуев О.В., Багдасарян В.Э., Иерусалимский Ю.Ю., Федюк В.П., Наумов О.Н., Маслов Д.В., Федорченко С.Н., Телицын В.Л., 2017.

tions of a new type (the so-called "color revolutions") are becoming more actualized for different countries of the world. The results of the round table can be used by the state and regional authorities, as they give an understanding of the mechanisms for the development of social problems in the revolution. Besides, the study of the revolutionary events which took place a hundred years ago gives the cognitive basis for a timely response to these challenges in the interests of the future of Russia.

Key words: October revolution, February revolution, 1917, Russia, political history, historiography.

Багдасарян В.Э.

Вступительное слово

Затруднительная ситуация в отношении темы Революции начинается уже с вопроса о том, как обратиться к читателям. Любое обращение имеет свой идеологический коннотат, содержащий определенный конфликт и соотносимый с событиями столетней давности: «дамы и господа» – воспроизводит обращение периода Российской империи, «граждане» – Февральской революции, «товарищи» – революции Октябрьской. Поэтому в контексте иницируемой дискуссии мы используем обращение «коллеги», имея в виду, что перед нами стоит профессиональная задача ответа на вызовы, которые адресуется история современности и будущему.

Для обозначения дискуссионного пространства обратимся к двум цитатам современников революционных трансформаций. Первая – из Василия Розанова: «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три... Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Странным образом – буквально ничего». Вторая – из знаменитой книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир»: «И вдруг я понял, что набожному

русскому народу уже не нужны больше священники, которые помогали бы ему вымалывать царство небесное. Этот народ строил на земле такое светлое царство, какого не найдешь ни на каком небе, такое царство, за которое умереть – счастье...». Эти цитаты отражают два принципиально важные аспекта Революции: с одной стороны, трагедия гибели государства, великая катастрофа, с другой, – обращенный миру великий проект, великая, хотя и утопическая, мечта.

Давно стало очевидным, что история является не только сферой научного познания, но и инструментом политики и идеологии. Сегодня и в экспертных кругах, и на высшем политическом разных стран уровне говорят об исторической политике или, в другой версии, о политике исторической памяти. О важности этой темы свидетельствует то, что буквально месяц назад из уст Президента России прозвучали слова: «Мы видим, какие риски влечет циничное отношение к прошлому. Как фальсификация, манипуляция историческими фактами ведет к разобщению стран и народов, к появлению новых разделительных линий, формированию образа врага». Президент говорил об истории Второй мировой войны, но не в меньшей степени эти слова могли бы быть отнесены к Революции 1917 года. И если раз-

делительные линии в связи с историей Второй мировой войны проходят главным образом между государствами, то в отношении к истории Революции – внутри самого российского общества. Конфликт столетней давности воспроизводится в общественном сознании и сегодня. И это, безусловно, создает угрозы для развития страны, продуцирует опасность новых потрясений.

Безусловно, история не знает со- слагательных наклонений. Но применение историками метода сценарных альтернатив много дает для настоящего, предостерегает от совершенных в прошлом ошибок. Мы ставим сегодня по отношению к событиям исторического прошлого вопрос – а можно ли было противоборствующим силам договориться? Если да, то на какой ценностной платформе? Это главный вопрос, который вынесен в повестку дискуссии. И полученные выводы будут адресованы современной России.

Результаты круглого стола могут быть использованы в том числе государственной и региональной властью, так как дают понимание о механизмах перерастания социальных проблем в революцию. Сегодня все более для разных стран мира актуализируются вызовы революций нового типа («цветные революции»). Изучение революционных событий столетней давности дает когнитивные основания своевременного реагирования на эти вызовы в интересах будущего России.

Волобуев О.В.

«Наступили великие и страшные дни»

27 февраля 1917 г., в день когда в Петрограде народный протест сольется

с выступившей на его стороне солдатской массой, писатель М.М. Пришвин завершит очередную запись в дневнике пророческими словами: «Наступили великие и страшные дни» [71, с. 77]. Ряд историков именно 27 февраля (по старому календарному стилю 12 марта) считает началом народного восстания в Петрограде, и он же, этот день, является началом Великой российской революции. Но не столь важно, «бунт женщин» 23 (8 марта) или «бунт солдат» 27 февраля будут приняты за начальную дату, гораздо значимее разобраться, когда и чем историки заканчивают Великую Российскую революцию. В данном выступлении как первый и исходный ставится вопрос об ее отношениях с привычными для нас Февральской и Октябрьской революциями и ее хронологических рамках.

И сразу же первый вопрос влечет постановку второго: о политической революции и революции социальной. Без этого мы запутываемся, словно в трех соснах, в трех революциях 1917 г. – Великой Российской, Февральско-мартовской «буржуазно-демократической», Октябрьско-ноябрьской «социалистической». Социальная революция – это всестороннее, коренное изменение исторической реальности, всех сфер жизнедеятельности общества (от власти и идеологии до экономики и социальной структуры), которое характеризуется сконцентрированным во времени насильственным разрушением старого общественного строя. Все великие революции – социальные. Все великие революции затрагивают и втягивают в смуту более или менее широкие массы населения. Именно они самые масштабные, а посему самые кровавые и страшные.

Политическая революция затрагивает только политическую сферу – вот почему она часто выступает под разными названиями – восстание, государственный переворот, цветная революция, путч. По исполнению она может быть и народным восстанием, и военно-политическим путчем. По результатам – государственным переворотом, сменой политических элит и политических режимов. При этом не затрагиваются существовавшие ранее общественные отношения и формы собственности. Собственность может менять хозяев, но она не создает системы новых общественных отношений. Соответственно, если принять данные понятия и пользоваться ими как критериями, то Февральская революция относится к категории политических: общественные отношения в России в корне не изменялись до ноября 1917 г. И не случайно в Историко-культурном стандарте составители ограничились таким определением: «Февраль–март: восстание в Петрограде и падение монархии. Конец Российской империи».

Сложнее обстоит дело с Октябрьской революцией, которая «вывернула наизнанку» весь революционный процесс, изменила его целеполагание, привела к фундаментальным и радикальным изменениям всего общества. Социальные революции требуют времени для радикальных перемен, которые не совершаются в один день, один месяц и даже в один год. Социальные революции включают в себя и вызванные ими гражданские войны. Обратимся к истории Великой Французской революции, с которой и политики и историки очень часто сравнивали Великую Российскую революцию. В дневниковой записи Пришвина за 23

марта 1917 г. есть такой эпизод. Некий торговец стал распродавать на Невском проспекте «множество книг в зеленой обложке» и «мгновенно его окружила огромная толпа». Книга была сразу же раскуплена. Это была «История Французской революции» [71, с. 80]. Люди искали для себя ответ, какой будет *их* революция.

При сравнении разных аспектов истории революций сразу же заметна разница между 1917 г. в России и Великой Французской революцией. Прежде всего, это вопрос о гражданской войне как составной части революции или отделенного от нее социально-политического явления. Для понимания диалектичности взаимодействия перманентности и дискретности революционного процесса важно понимание хронологии его основных (переломных) дат и определение стартовой и финальной точек.

Имеются разные даты окончания Великой Французской революции: во французской историографии это 1799 г., в российской чаще – 1794 г. Периодизация же ее в отечественной исторической науке выглядит следующим образом:

Великая Французская революция 1789–1794 (1799) гг.

(Источник: История Европы. Т. 5. М., 2000)

1789. 5 мая. Открытие Генеральных штатов. Начало революции.

1789, 14 июля. Взятие Бастилии

1792, август. Народное восстание. Свержение монархии

1793, 31 мая – 2 июня. Народное восстание. Падение жирондистов. Якобинская диктатура.

1794, 17 июля (9 термидора). Термидорианский переворот.

1795, октябрь. Режим Директории. Принятие новой Конституции.

1799, 9 ноября (18 брюмера). Государственный переворот. Принятие новой Конституции.

К сожалению, Великую Российскую революцию пока затруднительно представить в новой хронологической схеме, подобной модельным схемам Английской революции середины XVII в. и Французской революции конца XVIII в. Для начала попробуем определить ее общие хронологические рамки. Некоторые историки окончание революции связывают с разгоном Учредительного собрания 6 (19) января 1918 г. Дальше, в их трактовке, следует Гражданская война. Действительно, январь – рубежный месяц в развитии революционного процесса. Можно выделить следующие вехи на этом рубеже:

- распространение советской власти почти на всю подконтрольную ранее Временному правительству территорию страны;

- разгон Учредительного собрания;

- принятие «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и провозглашение РСФСР на Третьем Всероссийском съезде Советов (становление первой конструкции советского государства);

- Заявление Центральной Рады о независимости Украины и ее выходе из состава России; гражданская война на Украине между Радой и Советской Украиной; провозглашение Одесской и Донецко-Криворожской Советских республик;

- признание Германией Украинской Народной Республики и подписание обеими сепаратного соглашения в Брест-Литовске;

- антибольшевистские вооруженные выступления на Дону, в Оренбуржье, на юге Восточной Сибири (начало войны окраин с большевистским Центром).

К этому еще можно добавить признание РСФСР независимости Финляндии и начало в ней гражданской войны. Все вышеперечисленные события свидетельствуют об окончании того короткого периода, который фигурировал в советской историографии под названием «Триумфальное шествие Советской власти» и завершение которого в ней относили к февралю-марту 1918 г. Соответственно, началом Гражданской войны вполне обоснованно можно считать январь 1918 г., без ее привязывания к какому-то одному конкретному событию. Ее завершение в советской историографии относили к концу 1920 г. При этом крестьянские восстания 1921–1922 гг. и локальные военные действия этих лет выводились за пределы Гражданской войны.

Применяя утвердившиеся в исторической науке критерии оценки хронологических рубежей социальных революций, можно считать окончанием Великой Российской революции декабрь 1922 г. Приведем аргументацию в обоснование такой датировки. К концу этого года произошли следующие знаковые события:

- образование Союза Советских Социалистических Республик (СССР) – государства нового типа в мировой истории;

- объединение в рамках единого Советского государства почти всей территории бывшей Российской империи, за исключением существенных изменений на западных рубежах (потери Финляндия, Прибалтика, за-

падные части Белоруссии и Украины, Бессарабия); на 1921–1922 гг. приходится и первоначальное дипломатическое оформление этих границ;

– формирование, в основном, правового пространства нового общества (Гражданский, Уголовный и Уголовно-процессуальный, Трудовой, Земельный кодексы РСФСР 1922 г.).

Следовательно, Советский Союз возникает в 1922 г. как легитимное в восприятии большинства его граждан, политически определившееся государство, с установившимися границами. И это знаменует переход от революционной неустойчивости к послереволюционной стабильности, закрепляемой принятием Конституции СССР второй сессией ЦИК СССР в июле 1923 г. и ее утверждением вторым съездом Советов (после ратификации съездами Советов республик) в январе 1924 г.

Представим одну из возможных периодизаций Великой Российской революции:

Великая Российская революция 1917–1922 гг.

1917, 23 (или 27) февраля – 2 марта. Народное восстание в Петрограде и государственный переворот в России. Фактическое падение монархии.

1917, 25–26 октября (7 ноября). Большевицкое восстание в Петрограде и провозглашение власти Советов (Советской республики).

Ноябрь 1917 – январь 1918. Укрепление и территориальное расширение советской власти. Начало социалистического этапа революции.

Январь – май 1918. Начальный период Гражданской войны: две волны интервенции (Четверной союз и Антанты) и первые локальные очаги Гражданской войны.

Май 1918 – ноябрь 1920. Фронтальная Гражданская война

Ноябрь 1920 – декабрь 1922. Завершающий период Гражданской войны.

Рассмотрим еще такой вопрос, как соотношение двух путей развития революционного процесса. В советской историографии друг другу противопоставлялись события Февраля-марта и Октября-ноября 1917 г. Этот подход к событиям 1917 г. можно назвать концепцией двух революций. Но он, на первый взгляд, не согласуется с концепцией Великой Российской революции как единого процесса. Выход из этого историографического тупика возможен, если рассматривать революционный процесс как непрерывный (перманентная, но не в плане мировой, революция) и в то же время дискретный, то есть разделяемый на последовательно наступающие качественно отличные временные состояния. Непрерывность в данном случае выступает в виде фаз единого общего процесса развития. При этом его векторы направлений могут меняться. Для понимания исторического развития могут использоваться принятые в научной терминологии такие понятия, как непрерывно-дискретный и дискретно-непрерывный процессы. В нашей трактовке революционный процесс в России 1917 г. относится к последней категории.

Февральское народное восстание в Петрограде сменило императорскую власть на две новые – на Временное правительство и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Так, с самого начала революции всплывают два ее лица – либеральное и социалистическое. Неожиданно для всех складывается двоевластие, и хотя Пе-

тросовет признает Временное правительство как легитимную власть – это не снимает их конкуренцию. В “Записках о революции” Н.Н. Суханова есть такой удачный образ: соглашение Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и Временного правительства было «*уговором об условиях поединка*» [96, с. 177]. Практика революционного действия ведет общественные силы по пути от формального к реальному двоевластию, а “революция низов” развивается и углубляется под социалистическими лозунгами. Это делало рано или поздно неизбежным не просто “бодание”, а столкновение по принципу “кто кого забодает” между двумя центрами власти. Попытка найти решение основного противоречия революции путем создания коалиционного правительства в апреле не привела к утверждению в стране сильной власти. И хотя идея коалиции выдержала два мощных удара слева – июльские вооруженные демонстрации – и справа – августовское вооруженное выступление генерала Л.Г. Корнилова – правительство А.Ф. Керенского уже в октябре было почти сброшено «с корабля революции». Целеполагание общественного движения изменилось: либералы были не только оттеснены от революционного движения, но и противопоставлены ему, а радикальные социалисты его возглавили. Из двух векторов революции доминирующим оказался радикально-социалистический, ибо он опирался на народные представления о справедливости (справедливый мир, черный передел, общество без эксплуатации) и имел вождя-организатора в лице партии большевиков, готовой и к восстанию, и к диктатуре, и к массовому террору.

Альтернатива военной диктатуры (с реорганизацией или упразднением Временного правительства) была отсечена неудачей/крахом вооруженного выступления под руководством Корнилова. Отсроченным последствием этого краха стала социально-политическая изоляция Временного правительства. Большевизация Советов была проявлением нарастания отчуждения масс от Временного правительства. Укоренение в общественном сознании левоориентированных масс лозунгов “Долой министров-капиталистов!” и “Вся власть Советам!” свидетельствовало, что время двухструйной революции, каковой она была в своем начале, прошло. Ее радикально-социалистическая составляющая набрала и обрела сокрушительную энергию.

Выделим фазы революционного процесса в 1917 г. на основании вышеизложенных соображений и его трактовки как дискретно-непрерывного явления.

– 23 февраля (8 марта) – 2 (15) марта. Народное восстание в Петрограде и падение монархии Романовых. Народное восстание заканчивается созданием Временного правительства, Петросовета и отречением Николая II от престола.

– 3 (16) марта – 4 (17) мая. Первое (либеральное) Временное правительство и формирование механизма двоевластия; начальная фаза этапа демократической революции. Апрельские (20-21) демонстрации и начало противостояния тыловых гарнизонов и Временного правительства.

– 5 (18) мая – 2 (15) июля. Первое коалиционное Временное правительство как попытка консенсуса между либералами и умеренными социалистами.

– 3–4 (16 -17) июля – 31 августа (13 сентября). Фаза обострения внутренних противоречий революционного процесса и борьба за власть с использованием силовых методов. Провал попытки установления военной диктатуры со стороны генералитета.

– 1 (14) сентября – 24 октября (6 ноября). Сосредоточение государственной власти в руках А.Ф. Керенского и создание социально-политического вакуума вокруг Временного правительства. Большевизация Советов и армии. Подготовка большевиками свержения Временного правительства вооруженным путем. Последняя фаза демократического этапа революционного процесса.

– 25-26 октября (7-8 ноября) 1917 – 5-6 (18-19) января 1918. Победа большевистского вооруженного восстания в Петрограде: низложение Временного правительства и создание Советского правительства. Начальная фаза социалистического этапа революции, сопровождающаяся установлением власти Советов на всей территории страны и заканчивающаяся разгоном Учредительного собрания.

Таким образом, революционный процесс в России 1917 г. включает два этапа – демократический и социалистический и ряд сменяющих друг друга фаз на каждом из этапов.

Шесть лет революции стали теми “страшными днями”, о которых провидчески писал Пришвин. Но не будем перелистывать “страшные дни-страницы”, с их ужасами: расстрелами ни в чем неповинных жертв, пытками, насилиями и грабежами. Достаточно посмотреть недавно вышедший фотоальбом “Революция и Гражданская война в России. 1917 – 1922 гг.”.

Хочу только обратить внимание на то, что от голода (5,2 млн. чел.) и эпидемий (3,9 млн.) погибло больше людей, чем в боях (260 тыс. красных+170 тыс. белых, в подсчетах не учитывались умершие от болезней и позже от ран). Но больше, чем на фронтах, погибло в результате красного и белого террора (1,5–2 млн.) [72, с. 148, 240]. В труде по истории населения России общие потери вооруженных сил определяются в 2,5–3,3 млн. чел. (включая убитых в боях, умерших от ран и болезней) [58, с. 97]. Вполне понятно, что все эти цифры относительны (нормальную статистику в гражданских войнах не ведут) и что, наряду с ними, существуют и другие, основанные на разных источниках и методиках подсчета. Нас в данном случае интересуют соотношения по разным категориям убыли населения. Мемуары участников войны и художественная проза писателей, при всей их пристрастности (в дневниковой записи 10 февраля 1918 г. И.А. Бунин заметил, что настоящей беспристрастности никогда не будет), несут в себе и незамутненные свидетельства военных преступлений и разорений. И задача историка – разобраться в двух историях: в событиях самой революции и в истории ее осмысления и толкования [100; 28].

Багдасарян В.Э.

1917-й год: историческое сознание народа и антиоктябрьская пропаганда

Народ голосует за большевиков и монархистов.

Настоящее определяется прошлым, всеми теми историческим накоплениями, которые переводят состояние

«было» в состояние «сейчас». Но и настоящее, в свою очередь, определяет прошлое, диктует ее восприятие на основе современных представлений и ценностных матриц, опрокидываемых в историю. В этом отношении особое значение приобретает мониторинг исторического сознания. Одним из важнейших вопросов такого мониторинга является отношение к Революции 1917 года, как важнейшему событию, что следует признать вне зависимости от ее оценки в плюс или минус, не только в истории России, но и человечества.

Отношение к Революции выступает, помимо диагностики исторической памяти народа, одним из наиболее индикативных выразителей современного идеологического спектра России. Идеологическое самоопределение включает и определение политической силы, от которой нынешние адепты той или иной идеологии выводят свое преемство. В этом отношении уникальные результаты мониторинга

исторического сознания (именно так их определил, в частности, академик С.Ю. Глазьев) в фокусе Революции 1917 г. представляет проект, инициированный Фондом Андрея Первозванного. В рамках проекта проводился опрос, косвенно мониторирующий историческое сознание современных россиян – виртуальные выборы в «Учредительное собрание» через сто лет. Предоставлялась возможность проголосовать за одну из семи партий, соответствующих политическому спектру Революции 1917 г. – большевики, меньшевики, эсеры, левые эсеры, монархисты, кадеты, октябристы, анархисты. Голосование шло в социальных сетях, продолжалось несколько месяцев и охватило более 30 тысяч человек.

Полученные результаты в наиболее широкой нише проголосовавших – группа «В Контакте» – отражены на приводимом ниже рисунке. Эксперты в формате экспертной сессии анализировали полученные результаты (рис. 1) [17].

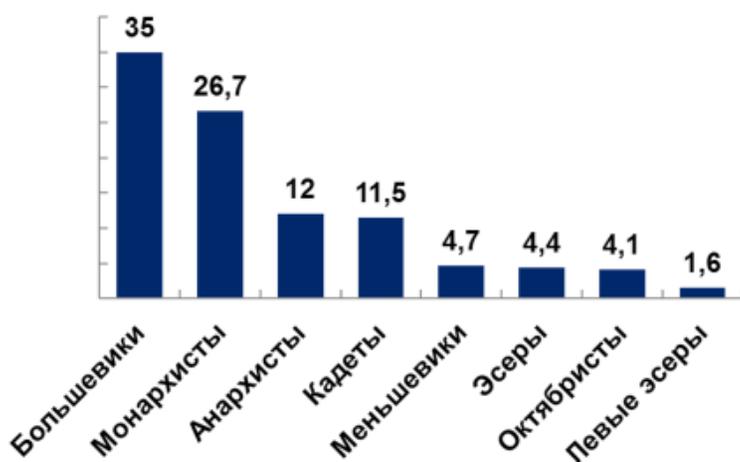

Рис. 1. Выборы в Учредительное собрание – 100 лет спустя (в сети «В Контакте») (в %).

Первое место по результатам голосований с большим отрывом от всех остальных партий заняли большевики. При голосованиях по итогам командных игр студентов на базе МГИМО и ЯГУ, при участии студенческих коллективов МГУ и МГОУ, победа была, по результатам голосований зрительского зала и жюри, опять-таки за большевиками [13]. Конечно, это не был классический социальный мониторинг. Однако результаты проекта позволяют сделать вполне определенный вывод о том, что современное российское общество по своим доминирующим симпатиям в прошлом остается преимущественно просоветским. И эта его позиция имеет принципиальное расхождение с подходом, представляемым современной российской учебной литературой и властным дискурсом. Советские симпатии общества сохраняются вопреки существующей системе исторической пропаганды, что позволяет говорить о преломляемом через историю ценностном противостоянии народа и элиты. Просоветские симпатии большинства подтверждаются и данными других социологических опросов, в частности опросом Левада-центра, согласно которому наиболее предпочтительными для россиян оказались плановая модель экономики и советская модель политического устройства.

Вторую позицию по результатам голосования заняли монархисты, отстав на 10 % от большевиков, но на 13 % опередив идущих третьими анархистов. С одной стороны, это указывает на расколотость современного российского общества. Конфликт между «белыми» и «красными» воспроизводится на уровне массового исторического со-

стояния и в настоящее время, по прошествии столетия. Это представляется серьезной угрозой в контексте значимых внешних вызовов, требующих высокого уровня консолидированности народа. Совпадение в 2018 г. даты столетия начала Гражданской войны и президентских выборов в России может явиться, при существующей ситуации расколотости общества по отношению к прошлому, фактором политической дестабилизации.

Раскол усиливается различием позиций в отношении к прошлому разных возрастных групп россиян. Если среди представителей среднего возраста и старшего поколения в голосовании победили большевики, то среди молодежи – монархисты. Протестные настроения можно обнаружить в высоких позициях – третьем месте по результатам голосования – анархистов – 12 % голосов.

Однако другой стороной полученных результатов проведенных выборов явился доминирующий выбор россиян в пользу идеологии сильного российского государства. Голосовавшие за большевиков голосовали, по сути, за советский патриотизм, исторические достижения СССР. Голосовавшие за монархистов голосовали за патриотизм православной империи и образ великой державы в ее православно-монархической версии. Но это означает, что патриотизм является единой высшей ценностью и для тех, кто отдает свое предпочтение «красным», и для тех, кто идентифицирует себя с «белыми». Соответственно, ценностное объединение россиян принципиально возможно, и это объединение может состояться на платформе патриотизма.

Другим обстоятельством, обнаруживаемым в причинах голосования за большевиков и монархистов, на основе мониторинга комментариев в форумах, являлся запрос россиян на выдвижение со стороны государства системы высших государственных ценностей и смыслов (идеологии). Такого рода достаточно четко артикулированные ценностно-смысловые доктрины были и у монархистов – идеология православной государственности, и у большевиков – идеология коммунизма. Запрос на формирование ценностно-мировоззренческих систем бытия, не обязательно по подобию прежних систем, но с учетом новых реалий и вызовов, существует у большинства современного российского населения.

Виртуальные выборы в Учредительное собрание через сто лет показали провал популярности либеральной идеологии в современной России. Партии, которые прямо или опосредованно могли бы ассоциироваться с либеральной идеологией, получили меньшинство голосов. Даже суммарно все партии, которые имели своих представителей в разных составах Временного правительства, набрали заметно меньше голосов, чем большевики или монархисты. Идеология ценностей Февральской революции (феврализма), вопреки апелляции к ней как к российскому историческому шансу в западной и российской либеральной печати, не имеет популярности среди россиян.

Важные выводы можно сделать по результатам подобного голосования в Белоруссии и на Украине. Итоги виртуальных выборов в обеих республиках – первая позиция – большевики,

вторая – монархисты, оказались такие же, как в России. Это свидетельствует о сохранении на уровне массового сознания славянских стран «ближнего зарубежья» общей с российским социумом ценностно-мировоззренческой матрицы во взглядах на прошлое. Особенно полученный результат важен по отношению к Украине, население которой подвергается, как известно, массивной антироссийской исторической пропаганде. Несмотря на попытки очернения официальной пропагандой исторических образов России в образе Российской империи и СССР, украинское население все равно голодает преимущественно за связываемые с российско-имперским и советским прошлым, а в целом – с исторической Россией, идеологические позиции.

История Революции продуцирует политические конфликты. Как преодолеть конфронтацию?

Само обращение к теме Революции имеет политические конфликтные проекции, какая бы ее интерпретация не была предложена. Есть здесь и внешнее, и внутреннее проявление конфликта.

Внешнее преломление связано с выдвижением в рамках реализации советского проекта планетарной альтернативы развития. СССР, по словам выдающегося отечественного мыслителя Александра Зиновьева, выступил не просто в качестве геополитического противника Запада, но эволюционного конкурента с весомыми шансами на успех. В советский период был достигнут абсолютный исторический максимум по удельному весу экономики России в мировом ВВП. Удельный вес СССР был таким, какой сегодня имеет Китайская Народная Республика. В

плане военных потенциалов его положение было еще более значимым. Понять природу внешнего конфликтного отношения к Революции и советскому проекту в целом, игнорируя при этом объективный фактор мировой конкуренции, было бы методологически неверно.

Внутреннее проявление конфронтационности темы Революции связано с воспроизводимым через сто лет партийно-идеологическим противостоянием. Это противостояние никогда и не прекращалось. В советское время оно было перенесено на «русское зарубежье». После распада СССР конфликт реминисценции 1917 года вновь вернулся в Россию, явившись катализатором раскола российского общества. Ломаются копья между сторонниками различных общественно-политических групп, выводящих свое преемство от сил, боровшихся друг с другом во время Революции и Гражданской войны. И это, безусловно, создает угрозы для развития страны, продуцирует опасность новых потрясений.

Как же быть с пролонгируемыми темой Революции конфликтами? Существуют четыре возможные позиции реагирования на новую актуализированную конфронтацию.

Первая позиция – забвение. Она состоит в том, чтобы вообще уйти от рассмотрения острых углов революционного нарратива – не ворошить прошлое, чтобы не создавать конфликтных ситуаций в настоящем. Но идти по этому пути, означает вообще принятие логики запрета на историю, которая разворачивается через противоречия и конфликты. Кроме того, самоустранение от участия в дискуссии не будет означать ее прекращения. Провоциро-

вание конфликта будет осуществляться вне зависимости от нашего к нему отношения и погасить его представляется возможным только через смену конфликтной парадигмы. Мы хорошо помним, к каким последствиям может привести политика забвения, реализуемая в брежневский период. Создаются «белые пятна истории», затем эти «белые пятна» превращаются в «черные», а потом осуществляется очернение всей истории страны, лишаемой право на существование.

Вторая позиция – принять одну из сторон конфликта. Но это бы означало прямое разжигание новой Гражданской войны.

Третья позиция заключается в призыве к взаимному покаянию всех сторон исторического противостояния. Но покаянская практика, как показывает мировой опыт, часто приводит к формированию коллективных комплексов и, как следствие, реваншизму. Сама идея всерусского покаяния очень напоминает покаяние всегерманское после поражения Германия во Второй мировой войне. И соответствующие параллели уже проводятся.

Остается четвертая позиция – разрешения противоречий через выход на более высокий уровень ценностного синтеза. Перспективы такого синтеза оказываются потенциально возможны при переходе на методологию цивилизационного подхода. Применение цивилизационного подхода соотносится со словами Президента в Послании Федеральному Собранию 2012 г. о России как особом типе государства-цивилизации. Но если российская цивилизация продолжает существовать, то значит, что ее цивилизационное существование не было

прервано большевиками. И Московская Русь, и Российская империя, и СССР представляли собой исторические модификации единой цивилизационной парадигмы. Морфологически они находились в конфликте друг к другу, парадигмально представляли единый цивилизационный феномен. Соответственно и в фокусе анализа 1917-го года выход на уровень российской цивилизационной парадигмы позволит показать, что конфликт не имел характер фундаментального противоречия и, соответственно, преодолим. Противоречие в исторических переменных при единстве в цивилизационных константах.

Конечно, большевиков в 1917 г. трудно было бы назвать патриотами. Большевистское положение о России как «хворосте мировой революции» хорошо известно. Но со временем, столкнувшись с реальными задачами управления страной и вызовами внешнего иноцивилизационного давления, большевики все более очевидно переходили на патриотическую платформу. И, во всяком случае, те, кто сегодня связывает себя с традицией СССР, относятся к ней через призму ценности патриотизма. Недостаточными патриотами показали себя в Гражданскую войну и «белые», идя на уступки западным державам в обмен на политическую и военную помощь. Но, как и в случае с большевиками, в данном измерении более важно, что современные адепты православно-монархической традиции исходят из безусловной ценности патриотизма. И те, и другие оказываются патриотами и сторонниками российского государственного суверенитета, что, таким образом, дает основание для разрешения конфликта.

Признавая, что и императорская, и советская Россия являются различными выражениями российской цивилизации, следует, по этой логике, признать наличие в фундаменте обеих общих ценностных оснований. Обнаружив эти ценностные основания, с опорой на них строится уже Россия в настоящем и будущем. Идея, каким образом может формироваться преемственная российская история, была сформулирована патриархом Московским во время Рождественских чтений 2015 г. Каждый период российской истории внес свою идеальную компоненту в развитие российской цивилизации: Древняя Русь – веру, Российская империя – державность, Революция – справедливость, Советский Союз – солидарность, Российская Федерация – человеческое достоинство. Речь шла именно об идеалах, далеко не всегда соответствующих практике. Казалось бы, у Церкви, больше, чем у какого-либо другого общественного института, есть весьма резонные основания для критики Революции. Но патриарх признает принципиальную значимость привнесенных Революцией и советским периодом истории идеалов: «А было, – задавался вопросом патриарх во время выступления на Рождественских чтениях, – что-то хорошее в революции?» И далее отвечал: «Вся эта механика, никогда бы это инспирирование из-за рубежа, никогда бы эта система пропаганды не сработала, если бы она не легла на очень чувствительную нравственную почву, на востребованность справедливости. Не было достаточно справедливым российское общество во время империи. И социальное, имущественное расслоение, и этот фактор был использован всеми

этими пропагандистами, которые привели к кровавой бане, но стремление к справедливости присутствовало в революционном процессе. И разве мы можем сказать, что это плохо, что люди стремились к справедливости? А советский период? Да, конечно, и лагеря, и коллективизация, сопровождавшаяся кровью, и индустриализация при помощи ГУЛАГа, а разве не было энтузиазма, разве не было солидарности? А разве не было освоения целины? А разве не было комсомольских молодежных отрядов? А разве не было многого другого, о чем сегодня воздыхают люди, скажем, старшего и средне-старшего возраста? Солидарность» [73]. То, что патриарх говорит о позитивности опыта комсомольских молодежных отрядов – дорогого стоит и дает прекрасный пример объединения на общей патриотической платформе различных сил российского общества.

Октябрьская революция и факторы советофобии

Не будет откровением сказать, что современный мир является миром войн нового типа – информационно-психологических и когнитивных, а история – едва ли не главным ристалищем этого противоборства. Было бы странным, если 1917 год не оказался в фокусе политико-исторической пропаганды. Для нас в данном случае принципиально важно, что за вывеской критики советского, в чем-то, действительно, заслуживающего справедливой критики, часто скрываются банальные антирусские и антироссийские фобии. «Мы думали, что нас ненавидят за то, что мы *«красные»*, а нас *ненавидят* за то, что мы *русские!*», – это откровение можно, прежде всего, адресовать к историческому дискурсу.

В Польше менее месяца назад принят закон о декоммунизации, хотя, казалось бы, коммунистическая идеология в польском обществе выкорчевана уже давно под корень. Советские символы не просто запрещаются, но и оскверняются. В Кракове установлен памятник – писающий Ленин желтого цвета [32]. Не вызывает сомнения, что эти выпады направлены не против идеологии коммунизма, которая снята сегодня с повестки Европы, а против России.

На Украине в майданный и пост-майданный период демонтировано более 1200 памятников Ленину [70]. Акции демонтажа рассматриваются как антироссийские манифестации. Казалось, Ленин и коммунизм давно уже не являются образами идеологического позиционирования России. В российской исторической школьной литературе сегодня они подвергаются острой критике, имеющей зачастую тенденциозный характер. Тем не менее, Майдан наглядно показывает, что через дезавуирование советского осуществляется негативизация связываемого с ним русского. А вот еще один эксцесс современной украинской политики – те же самые вандалы, которые демонтируют и оскверняют памятники Ленина, облили красной краской памятник равноапостольному князю Владимиру в Киеве, выражая тем самым недовольство в связи с его победой над Степаном Бандерой при опросе общественного мнения. Атеист Ленин и Владимир-креститель парадоксальным образом оказываются в одной связке антироссийской пропаганды и русофобии.

Первый фактор проецируемой на Октябрьскую революцию советофобии состоит в выдвигании СССР

реальной идеологической и геополитической альтернативы Западу. И это была альтернатива, имеющая реальные шансы на победу. Арнольд Джозеф Тойнби свидетельствовал именно об этом – модификации через Революцию цивилизационного противостояния: «С момента коммунистической революции, последовавшей за либеральной революцией в 1917 г., Россия бросила вызов Западу, какого он не знал со времен второй оттоманской осады Вены в 1683 г. Коммунистический российский вызов Западу был не только вызовом господству Западу над всем остальным миром: это был также вызов западному либерализму от имени западной идеологии, которая теперь стала действенной силой в великой незападной стране. Под предводительством России коммунизм вознамерился соревноваться с либерализмом за умы и сердца незападного большинства человечества, которое еще не предалось ни одному из этих двух соперничающих жизненных путей» [100].

В результате Октябрьской революции произошло то, что Иммануил Валлерстайн считает возможным только в исключительных случаях – изменение мир-системы. Все другие великие свершения истории, включая и революции, действовали иначе – ускоряя или затормаживая уже и без того развертывавшиеся исторические процессы. Российская Революция меняла саму парадигму развития мира. В этом она отличается от Великой Французской революции, явившейся логическим завершением процесса распада феодального мира. А вот как оценивает значение Российской Революции сам основоположник мир-системного анализа. «Послание русской революции,

– пишет Валлерстайн, – различным образом повлияло на мир сильных государств, который мы будем называть панъевропейским, и на мир неевропейский. В ретроспективе едва ли можно сомневаться, что угроза перехода рабочего класса на более воинственные позиции заставила правящие классы сильных государств реагировать быстро и умно. В результате социальный пакет, способный удовлетворить трудящихся в панъевропейских странах, сильно увеличился... Но какое бы значение не имел этот результат, он бледнеет по сравнению с влиянием русской революции на неевропейский мир» [70]. В пробуждение Востока, ревизии системы западнотризма, видит он главный исторический итог произошедшей благодаря Октябрю 1917 года мир-системной трансформации.

Вторым фактором неприятия Октябрьской революции является заключенный в ней антиэлитаризм. Советская модель по сей день оказывается вызовом в отношении любых форм неравенства. Сегодня нельзя быть сторонником любых версий идеологии избранничества и превосходства и не являться при этом антисоветчиком. Соответственно, западничество и элитаризм оказываются базовыми идеологическими основаниями антиоктябрьской историографии и исторической публицистики.

Дезавуирование советского периода истории не может не включать негативизации ее исходной точки, каковой являлась Октябрьская революция.

Одним из значимых факторов распада СССР было дезавуирование советской истории. Критическая кампания в СМИ была начата в 1987 г. и приурочивалась к столетию Октябрю

ской революции. Вначале в фокусе критики оказывался сталинизм и брежневизм, затем – весь советский период истории и, наконец, всей России. Следствием такой критики оказалось распространение представлений о нелегитимности СССР – как преступного, по своей сущности, государства [20]. Подсказываемым выводом из исторической делегитимизации СССР являлась его самоликвидация.

Футурология Семнадцатого года

У семнадцатого года есть не только составляющая истории, но еще и футурологии. В условиях того тупика, в который был заведен мир, – вначале волнами системных кризисов, а потом и планетарной войной, – мысль человечества генерировала образы иного будущего жизнеустройства. И Россия оказалась главным мыслительным конденсатором своего времени. Если рассматривать историю человечества в интеллектуальном измерении, то, безусловно, российский семнадцатый год стал временем не только трагических потрясений, но и величайшего футурологического дискурса. Можно принимать или не принимать революцию, можно стоять на позициях монархистов, большевиков, кадетов или эсеров, но нельзя отрицать ее величия. И как диссонируют с попытками понижения значения Российской Революции, оценки, данные ей современниками – выдающимися мыслителями, далеко не разделявшими идеологии коммунизма.

Анатоль Франс: «Если в Европе есть друзья справедливости, они должны почтительно склониться перед этой Революцией, которая впервые в истории человечества попыталась учредить народную власть, действующую в

интересах народа» [98].

Джавахарлал Неру: «...Советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир» [64, с. 24].

Герберт Уэллс: «Я считаю Октябрьскую революцию одним из величайших событий истории. Она коренным образом изменила идеологию всего мира...» [12, с. 593].

Томас Манн: «Я хочу, чтобы никто не сомневался в моем чувстве уважения к историческому событию моего времени – Русской революции. В своей стране она покончила с давно ставшими нетерпимыми анахроническими порядками, подняла духовный уровень народа, 90 процентов которого были неграмотными, создала несравнимо более человеческие условия жизни для народных масс. Она является величайшей революцией после политической революции 1789 года, и, подобно ей, оставит своей след в жизни человечества» [12, с. 449].

Бернард Шоу: «Для меня, старого человека, составляет глубокое утешение, сходя в могилу, знать, что мировая цивилизация будет спасена... Здесь, в России, я убедился, что новая коммунистическая система способна вывести человечество из современного кризиса и спасти его от полной анархии и гибели» [16].

Прошло сто лет. Как и сто лет назад, мир сотрясаем финансово-экономическими кризисами. Военная эскалация подводит человечество к порогу больших войн. Социальное и межстрановое расслоение достигло исторического максимума. Как и сто лет назад, ру-

шится традиционная система ценностных и мировоззренческих координат, все чаще проявляются эксцессы озвещения человека. И в этих условиях вопрос о выдвигании альтернативы, о создании образа будущего имеет решающее для судеб человечества значение. Многие в мире ожидают, что и новую глобальную ценностную альтернативу предъявит вновь человечеству именно Россия. В этом плане осмысление семнадцатого года есть не просто обращение прошлого, но и, что особенно важно – дискурс о будущем.

Иерусалимский Ю.Ю., Федюк В.П.

1917 г. в Ярославской губернии

Наступил столетний юбилей событий 1917 г., коренным образом изменивших социально-экономический и общественно-политический строй в России. Конечно, судьба страны вершилась в столицах, но перемены не обошли стороной и российскую провинцию. Ярославль и сто лет назад выделялся среди губернских центров центральной России. Этому способствовало удачное положение на главных транспортных артериях: волжский речной путь, прямое железнодорожное сообщение с обеими столицами. Ярославль стал одним из пунктов великой Транссибирской магистрали. Город стремительно рос и к 1917 г. насчитывал населения 128 тыс. человек.

При этом Ярославская губерния продолжала оставаться провинцией в типично российском смысле этого слова: жизнь здесь текла медленно, а известия о происходящем в столицах доходили с опозданием. Интересно посмотреть, о чем писали газеты

в губернском центре накануне февральской революции. Их читатели, в отличие от нас, еще не знали, что календарь перелистывает последние спокойные дни. Итак: состоялся концерт в помощь раненым воинам; в окрестностях города прошла лыжная гонка. В доме Михайлова показывали великана Т. Бакулина ростом в три аршина и пять с половиной вершков (почти 2 м 30 см), девушку 19 лет весом в 13 пудов 18 фунтов (220 кг), которая, несмотря на это, демонстрировала «поразительную красоту» [21]. Еще одно объявление, которое можно считать символичным, – 26 февраля 1917 г. в Волковском театре заезжая труппа давала оперу М.И. Глинки «Жизнь за царя». Через три дня царя в России уже не было.

Очевидцы революционных событий в Ярославле вспоминали, что 27 и 28 февраля в городе ощущалось напряженное ожидание. С улиц пропали городские. У дома губернатора на набережной столпились автомобили и экипажи губернского начальства. Днем 28 февраля в Ярославль поступила телеграмма о событиях в Петрограде. Губернатор попытался задержать ее, но это было уже невозможно. Первыми из рабочих о революции узнали железнодорожники. В тот же вечер в главных железнодорожных мастерских состоялось собрание. Было решено, соединившись с рабочими Ярославской Большой мануфактуры (ЯБМ), выйти на следующий день на улицы.

Утром 1 марта известие о революции облетело весь город, взорвав размеренный ритм жизни старого Ярославля. Несмотря на будний день, на улицах собирался народ. Среди толпы заметны были солдатские шинели. Не-

знакомые люди заговаривали друг с другом. Кто-то начал уже срывать вывески с царскими орлами.

Вечером того же дня в здании земской управы собрались представители земства, городской думы, кооперативов, выборные от фабрик и заводов. Председательствовавший на собрании отставной генерал К.К. Черносивтов зачитал телеграмму о событиях в столице и предложил создать «для поддержания порядка в городе» Комитет общественной безопасности. Главой комитета был избран председатель губернской земской управы Д.Е. Тимрот. Возражений это не вызвало. Правда, когда дело дошло до того, чтобы скрепить подписями протокол, произошла досадная заминка – никто не хотел подписываться первым¹. Действительно, в происшедшие перемены было трудно поверить, но это было только начало.

Два дня спустя Временное правительство назначило в губернии своих комиссаров, предписав им выполнение обязанностей прежних губернаторов. Ярославским губернским комиссаром стал все тот же Черносивтов. Отсутствие разграничения полномочий между губернским комиссаром и Комитетом общественной безопасности создавало почву для многочисленных недоразумений. Дело осложнялось тем, что одновременно появился еще один представительный орган, претендовавший на власть.

В тот же вечер, 1 марта 1917 г., когда был образован Комитет общественной безопасности, в том же здании земской управы несколько десятков рабочих (железнодорожники, представители ЯБМ), собравшись в помещении од-

ной из канцелярий, объявили о создании Совета рабочих депутатов. Через три дня состоялось первое общее собрание Совета, на котором был избран его руководящий орган – Исполком. Состав Совета пополнялся в течение всего последующего месяца. К этому времени были установлены нормы представительства в Совете: предприятия с числом работающих от 250 до 500 человек посылали одного депутата, в случае, если рабочих было более 500 – двух, крупные заводы делегировали по три депутата от каждой тысячи работающих.

Большая растерянность царила в первые дни революции в уездах. Пошехонский исправник запрашивал губернатора: «Получена агентская телеграмма об организации исполнительного комитета Государственной Думы. Земство распространяет ее по городу и уезду. Почта считает легальной. Прошу указаний». Поверх текста (он сохранился в архиве) красным карандашом написано: «Эта телеграмма осталась без ответа»². Время неслось слишком стремительно. К тому времени, когда телеграмма была доставлена по адресу, не было уже ни исправника, ни губернатора. К слову, о почтовой службе. В мартовские дни 1917 г. она попросту не могла справиться с захлестнувшим ее потоком корреспонденции [26, с. 224]. Газеты даже завели специальную рубрику, где публиковались адресаты полученных телеграмм, с тем, чтобы они сами могли прийти на почту, не дожидаясь, пока до них доберется почтальон.

Обычно не слишком людные улицы Ярославля в мартовские дни 1917 г.

¹ Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 4. Л. 68.

² Государственный архив Ярославской области. Ф. 73. Оп. 7. Д. 1450. Л. 18.

были заполнены народом. У газетных киосков выстраивались длинные очереди. Мальчишки-разносчики, почувствовав возможность сорвать куш, просили от 20 коп. до рубля за газету, обычно стоившую пятак. Незнакомые люди поздравляли друг друга с пришествием свободы. Повсюду царил ощущение праздника, никто не думал, что праздник скоро отойдет тяжелым похмельем. Впрочем, какой-то подспудный страх все-таки ощущался: «Дай Бог, чтобы все обошлось спокойно – пока без манифестаций, без флагов, без митингов» [22].

Но как же без митингов и манифестаций! Уже в субботу 4 марта в городе прошла стихийная демонстрация, собравшая под свои знамена преимущественно рабочих. На следующий день, в воскресенье, состоялась еще более массовое шествие, на этот раз с участием солдат местного гарнизона. К полудню на Семеновской (ныне – Красной) площади Ярославля стал собираться народ. Войска торжественным маршем прошли перед зданием Городской думы, с балкона которой их приветствовали члены Комитета общественной безопасности. Начальник гарнизона обратился к войскам с приветствием: «Поздравляю вас с торжеством объявления свободы в России!». Солдаты отвечали дружным: «Ура!» [23].

Обратим внимание на эту сцену. «Объявление свободы», – так можно было сказать о царском манифесте, но никак не о революции. Однако в России привыкли к тому, что все, в том числе и свобода, даруется сверху. За дарованием свободы должно было последовать разъяснение, что теперь можно, а что по-прежнему нельзя.

Но в этот раз никакого разъяснения не было. Итогом стала сначала растерянность, а потом разудалая анархия. Радость, кружившая головы, рождала планы в духе фантастических утопий: «Боже мой, дух занимает от счастья. Как хорошо жить будем! Школы построим, откроем народные университеты ... Крестьяне будут работать машинами, не все руками ворочать ... Пришел великий творческий момент нашей истории! Народ творит волю свою!» [24].

Прежний режим казался настолько незыблемым, что происшедшее создавало впечатление чуда. Ну, а раз чудо произошло, то почему бы не быть другим чудесам? Примерно в это же время, а точнее 10 марта, массовая манифестация по случаю свободы прошла и в Рыбинске. Так вот, рыбинский Совет на заседании, состоявшемся в тот же день, постановил считать 10 марта первым днем весны¹. Можно, конечно, иронизировать по поводу столь явного пренебрежения календарем, но это решение было вполне в духе времени. Свободный народ может все – и сроки наступления весны перенести и даже солнце заставить пойти по небу вспять.

Население Ярославской губернии, как и всей российской провинции, до той поры было слабо вовлечено в политику. Даже жители губернского центра, не говоря об уездах, оказались не подготовлены к тому потоку лозунгов и призывов, который обрушился на их головы в первые недели революции. Различные политические партии соревновались между собой за то, чтобы

¹ Центр документации новейшей истории Ярославской области – филиал ГАЯО (ЦДНИ ГАЯО), Ф.394. Оп. 1. Д. 33. Л. 8.

привлечь к себе как можно большее число сторонников.

В начале марта в Ярославле возродилась организация партии кадетов во главе с директором Демидовского лицея В.Н. Ширяевым. В дальнейшем кадетские организации были созданы в Рыбинске, Угличе, Ростове. Кадеты объединяли в своих рядах прежде всего интеллигенцию: профессоров, инженеров, адвокатов. Месяцем позже, в апреле, состоялась губернская конференция партии эсеров. Эсеровские организации действовали не только в городах, но и в некоторых крупных селах. Это было связано с тем, что ядром их стали мелкие служащие и низкооплачиваемая интеллигенция, прежде всего сельские учителя. Эсеры пользовались симпатией и у части крестьян. Это обусловило их преобладание в руководстве губернского Совета крестьянских депутатов, созданного в марте 1917 г. В рабочей среде положение эсеров было несколько слабее.

На роль выразителей интересов рабочего класса претендовали социал-демократы. Во время Первой российской революции социал-демократы в губернии активно заявили о себе. Но к 1917 г. ни большевики, ни меньшевики не имели здесь сколько-нибудь многочисленных сторонников. Первое организационное собрание Ярославской организации РСДРП состоялось только в середине апреля. Она объединяла в своих рядах как большевиков, так и меньшевиков, причем позиции последних были более прочными. Большевики получили преобладание и в руководстве Совета рабочих депутатов. Будучи сторонниками умеренной линии, они, в отличие от большевиков, не призывали к свержению прави-

тельства. Но и без этого Совет вскоре оказался в состоянии конфронтации с прочими губернскими властями.

Первый случай противостояния был связан с «нотой Милюкова». 18 апреля (по новому стилю это 1 мая) в губернии, как и по всей стране, впервые открыто отмечался день солидарности трудящихся. В Ярославле прошла многолюдная манифестация, на которой антивоенные лозунги звучали чаще, чем какое-либо другие. Это было во вторник, а в пятницу центральные газеты принесли известие о том, что министр иностранных дел, лидер кадетов П.Н. Милюков от имени Временного правительства дал обязательство послам союзных держав в том, что Россия продолжит войну до победного конца.

Утром следующего дня состоялась экстренное заседание Ярославского Совета рабочих депутатов. Большевики на нем потребовали, чтобы Совет выразил недоверие центральной власти и в знак протеста снял со страниц своей газеты объявление о «Займе свободы», выпускавшемся правительством с целью сбора средств для ведения войны. Предложение это прошло почти единодушно. В дополнение было решено организовать в городе демонстрацию под лозунгом «Долой империалистическую войну!».

Антивоенные настроения были особенно сильны в солдатской среде. Революция дала толчок быстрому разложению армии. Повсеместное возникновение солдатских комитетов посеяло рознь между солдатами и офицерами. В Ярославле, к счастью, удалось избежать расправ над офицерами, но начальник гарнизона генерал Проваторов был вынужден в середине апреля уйти в отставку. Его заменил

полковник Лебедев, единственной за-слугой которого было то, что он пер-вым из офицеров присягнул Времен-ному правительству.

Еще ранее по инициативе командо-вания ярославского гарнизона в городе был создан Совет военных депутатов, куда на равных началах вошли пред-ставители, как солдат, так и офицеров. Возглавил его прапорщик Б.В. Дюшен, в последующие месяцы сделавший быструю политическую карьеру. Од-нако просуществовал Совет военных депутатов недолго. Уже через три не-дели большая часть представителей от солдат заявила о выходе из его состава и образовала самостоятельный Совет солдатских депутатов. В начале апре-ля он объединился с Советом рабочих депутатов. То же самое произошло и в Ростове (в Рыбинске с самого начала действовал объединенный Совет ра-бочих и солдатских депутатов).

Солдатская масса в большинстве своем была настроена весьма ради-кально и объединение двух Советов существенно усилило влияние больше-виков. В апреле 1917 г. VII партийная конференция большевиков поддержа-ла выдвинутый В.И. Лениным лозунг «Вся власть Советам!» [47, с. 113–118]. В Ярославле это привело к глубокому расхождению позиций большевиков и меньшевиков, продолжавших под-держивать правительство. На состо-явшемся 19 мая собрании ярославские большевики приняли решение о выхо-де из состава объединенной организа-ции РСДРП. Несколькими днями поз-же было избрано бюро ярославской большевистской организации, которое возглавил А.М. Дадукин. В июне само-стоятельная большевистская органи-зация возникла в Рыбинске, в Ростове

большевики и меньшевики состояли в составе единой организации вплоть до осени.

К лету в Ярославской большевист-ской организации числилось около 250 человек (из них 100 солдат), у меньше-виков – 400, примерно столько же – у эсеров, кадетская организация объ-единяла менее ста человек. На фоне более чем стотысячного населения города это было очень немного. Еще меньшими по численности были пар-тийные организации в уездах.

Даже после того как спало востор-женное настроение первых дней ре-волюции, жизнь в губернии так и не вошла в прежнюю колею. Это было особенно заметно в Ярославле. С улиц исчезли дворники, тротуары утопали в грязи. После того как была разогнана полиция, резко выросли преступность и хулиганство. Заменявшие городских милиционеры, по большей части на-бранные из студентов и гимназистов старших классов, защитой обывателю служить не могли.

Недовольство постепенно охваты-вало все социальные слои. Еще в марте по настоянию Совета рабочих депу-татов на большинстве предприятий губернии был введен 8-часовой рабо-чий день с сохранением прежней зара-ботной платы. Как результат, выросла себестоимость продукции, а вслед за ней и цены. Это породило новую вол-ну стачек, в ходе которых выдвигались требования повышения заработной платы. Предприниматели под давлени-ем Совета и при полном невмешатель-стве местных властей были вынуж-дены уступать рабочим. В результате наблюдался новый виток роста цен. К середине лета 1917 г. заработная плата на предприятиях губернии в среднем

выросла в 3–4 раза, цены же за это время поднялись вшестеро.

Деревня была недовольна задержкой в решении земельного вопроса. Крупных крестьянских волнений в губернии не было (лишь ранней весной в Мологском и Пошехонском уездах имели место два случая разгрома помещичьих усадеб), но самовольные порубки леса, затяжные конфликты из-за арендной платы стали повсеместным явлением [99].

Городских обывателей все больше начинали волновать нарастающие продовольственные трудности. Две трети необходимого хлеба и прежде поступали в губернию извне, теперь же срыв традиционных поставок грозил голодом. Уже летом в городах губернии неоднократно имели место случаи, когда толпа громила продовольственные лавки или захватывала хлебные баржи.

Известия о событиях в столицах только подливали масла в огонь. Как известно, в разгар летнего наступления на фронте Временное правительство предприняло попытку направить в поддержку действующей армии некоторые тыловые части. Это вызвало в Петрограде 3–4 июля 1917 г. массовое выступление солдат и рабочих, которым попытались воспользоваться в своих целях большевики. В Ярославле приказ об отправке на фронт получили 210 и 211 запасные полки. Полковые солдатские комитеты приняли решение в знак протеста выйти 6 июля на демонстрацию. Однако она не состоялась, так как накануне из столицы было получено сообщение о неудаче выступления.

На смену радостному настроению февральско-мартовских дней пришло

мрачное ощущение грядущего всеобщего развала. Единственное, что на короткое время отвлекло от этого жителей губернии – выборы в местное самоуправление. Впервые в истории России они должны были проходить на основе всеобщего и равного избирательного права. Предвыборная кампания, растянувшаяся с конца июня до начала августа, вылилась в острейшую борьбу политических партий. В итоге на выборах в городскую думу Ярославля блок эсеров и меньшевиков получил 69 мест из 103, большевики завоевали лишь 12 мест, кадеты – 11. В Рыбинске местные большевики выступали на выборах единым блоком с меньшевиками и эсерами. Объединенный социалистический список получил здесь 50 мест из 60. Победа досталась умеренным социалистам и в других уездных городах (кроме Углича, где удача улыбнулась кадетам). После выборов Комитет общественной безопасности заявил о своем самороспуске, передав свои полномочия вновь избранным органам самоуправления.

Большевики умело использовали обстановку, сложившуюся в стране после провала корниловского выступления. Об этом говорят итоги перевыборов в Советы в сентябре 1917 г. Так, в новый Совет рабочих депутатов вошло 36 большевиков (было 16), 40 меньшевиков, 27 эсеров. В объединенном Совете рабочих и солдатских депутатов больше всех мест получили сторонники В.И. Ленина – из 250 мандатов большевикам принадлежало 111, меньшевикам и эсерам – 82, беспартийным и представителям других партий – 57. В железнодорожном районе города Ярославля, где раньше влияние меньшевиков было довольно ощути-

мо, большевики получили подавляющее преимущество. В Рыбинском Совете соотношение мест большевиков и меньшевиков стало – 40 к 32. В Романово-Борисоглебском уезде эсеры из 200 мандатов сохранили лишь 40, что говорит о существенном уменьшении влияния эсеров на крестьян региона.

Видя массовые требования передать власть Советам, эсеро-меньшевистское руководство объявило о созыве Демократического совещания для того, чтобы привлечь массы к государственному управлению. Большевики решили принять в нем участие лишь для критики позиции эсеров и меньшевиков. От Ярославля были избраны 3 большевика и один сочувствующий, а также два меньшевика, что свидетельствовало об усилении позиции большевиков в губернии.

Население города ощущало резкое ухудшение условий жизни и связывало это с политикой Временного правительства. В ряде районов страны наблюдался недостаток продовольствия. Ярославль не был исключением. Это признавали и представители правительства. Телеграммы и донесения местных властей в центр пестрят следующего рода сообщениями: «Срочно пришлите хлеба», «Хлеба осталось ровно на 3 дня». Даже в Рыбинске – известном центре речной хлебной торговли еще с первой половины XIX в. [14] – привоз хлеба сократился в 3 раза. Рабочие в городах губернии громили склады, но зачастую они были пустые.

Весть о победе советской власти в столице пришла в Ярославль 26 октября. В тот же день прошли массовые митинги и демонстрации трудящихся. 27 октября в «Доме народа» (ныне Волжская набережная, д. 23, Ярослав-

ский художественный музей) – бывшей резиденции губернатора – состоялось заседание Ярославского Совета рабочих и солдатских депутатов. На голосование было поставлено три резолюции: большевистская, эсеровская и меньшевистская.

За принятие большевистской резолюции о переходе власти в руки Советов проголосовали 88 депутатов, против – 44, воздержались – 2. Большевики и эсеры с возгласами по отношению к большевикам: «Узурпаторы, насильники!», покинули зал. Эсеровская боевая дружина и группа солдат 211 запасного полка во главе со своим командиром правым эсером Власовым предприняла попытку ареста большевиков – членов Совета. Однако многочисленные сторонники большевиков – солдаты и рабочие – проникли в окружавший резиденцию губернатора зимний сад и помешали этому.

Большевики заняли почту, губернскую типографию, банк. В банке ночью, когда туда явились большевики, находились лишь сторож, уполномоченный временного правительства и кассир. Несмотря на протесты представителя Временного правительства, кассир добровольно отдал ключи революционерам. Но когда открыли хранилище, оказалось что оно пустое – денег там не было.

Установление Советской власти незде прошло мирным путем. Так, во время занятия большевиками здания городской милиции в Ярославле на Ильинской (в настоящее время Советской) площади, начальник милиции скомандовал подчиненным: «К оружию!». После перестрелки сопротивление милиционеров было подавлено. Красногвардейцы ЯБМ, во

главе с Федором Холуевым заняли 3-ю Закопторосльскую часть милиции. Офицеры милиции оказали вооруженное сопротивление, которое не привело к успеху. Также стрельбой сопровождался захват железнодорожного моста через Волгу.

2 ноября 1917 г. исполнительный комитет Ярославского совета рабочих и солдатских депутатов постановил образовать Красную гвардию. Записывали в нее с 4 часов дня до 8 вечера ежедневно. 28 октября при исполнении Совета для защиты революции был создан ВРК под председательством большевика Д.И. Гарновского.

Комиссар Временного правительства, меньшевик Б.В. Дюшен (он в августе сменил К.К. Черносвитова), член исполкома горсовета, поддерживаемый товарищами по партии, на все предложения сдать дела упорно отказывался, вследствие чего был взят большевиками под стражу. Его посадили под домашний арест в одной из комнат «Дома народа». Желая использовать этот арест в целях агитации против большевиков, меньшевики М.М. Равич и И.И. Шлейфер, пообещав уговорить Дюшена подчиниться распоряжению Совета, были допущены к однопартийцу и объявили себя арестованными вместе с ним. Спровоцированные этим рабочие, главным образом железнодорожники, потребовали под угрозой забастовки освободить представителей «демократии». После сдачи дел Б.В. Дюшен был освобожден, чему способствовало еще и заступничество А.М. Коллонтай.

Таким образом, власть к Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов перешла в Ярославском крае преимущественно мирным путем, во

многом благодаря позиции большинства населения, которое устало от беспорядка, вызванного Февральской революцией. Разумеется, далеко не все население губернии единодушно поддержало большевиков, доказательством этого служит июльское восстание 1918 г. Но эта тема заслуживает отдельного изучения.

Наумов О.Н.

Октябрь 1917 года: взгляд консерватора

В современной историографии нет единого мнения об Октябрьской революции; ее признают и величайшей трагедией России, и восхваляют, оправдывая все кровавые последствия, якобы продиктованные исторической целесообразностью. В прошлом оценки были не менее многообразны, поэтому научная объективность требует, чтобы при изучении событий 1917 г. анализировался комплексно весь спектр суждений, высказанных представителями различных политических кругов и социальных слоев.

Заметной фигурой в русском консервативном движении начала XX в. был Леонид Михайлович Савелов (1868–1947), известный историк дворянства, выдающийся генеалог, архивист, библиограф¹. Научная деятельность не мешала ему делать успешную служебную карьеру, активно участвовать в общественно-политической жизни. Он принадлежал к убежденным монархистам, пользовался большим авторитетом в дворянском движении, последовательно отстаивая

¹ О Л.М. Савелове см.: [45, с. 424–454], [59, с. 4–12], [60, с. 3–12], [61, с. 497–498], [62, с. 444–445], [63, с. 144–152], [27, с. 76–77], [34, с. 67–74].

интересы старинных поместных родов и выражая позицию значительной части элиты.

1917 год Л.М. Савелов встретил на высоком посту холмского губернатора, но собиравшись вскоре оставить службу. Предполагалось, что на Пасху он получит звание почетного опекуна (приравненное к сенаторскому), а затем сосредоточится исключительно на научной работе, для чего, возможно, даже покинет Россию.

Февральскую революцию и свержение монархии историк не принял категорически и позицию свою не скрывал. Не считая новую власть легитимной, он демонстративно отказался поддерживать Временное правительство и не послал официальную телеграмму о его поддержке. Только под нажимом подчиненных холмский губернатор, в конце концов, подписал соответствующий документ, упомянув в нем только своих чиновников, но не себя.

Ответственность за смену власти Л.М. Савелов возлагал на политических деятелей либерального толка и военных, рассматривая их поведение как фактическую измену Родине и политический заговор. В воспоминаниях он написал прямо: «Считаю, что главными преступниками, главными виновниками гибели и позора нашей Родины являются такие люди, как Миллюков, Родзянко и вожди нашей армии в лице великого князя Николая Николаевича, Алексева, Рузского, Брусилова и других, заставивших армию изменить своему долгу и присяге в тот момент, когда армия была накануне окончательной победы» [81, с. 51].

В марте 1917 г., как и все другие губернаторы, Л.М. Савелова уволили в отставку. Он приехал в Москву и по-

пытался возобновить научные исследования, прерванные Первой мировой войной. Однако из-за нараставшего политического и экономического кризиса в сентябре 1917 г. бывший губернатор с семьей покинул город и отправился на Юг России. В 1920 г. Л.М. Савелов эмигрировал, жил в Греции, Королевстве сербов, хорватов и словенцев и, наконец, оказался в США. Везде он вел активную общественную и научную деятельность, с 1934 г. издавал историко-генеалогический журнал «Новик», написал воспоминания [87].

В опубликованных и неопубликованных трудах, мемуарах и переписке историк обстоятельно изложил собственную, довольно оригинальную точку зрения на события России начала XX в. В 1919–1920 гг. он напечатал в газете «Ялтинский вечер», а в 1920-е гг. – в издании «Вера и верность» (выходило в городе Нови Сад) цикл статей [74–80], где дал оценку Октябрю 1917 г. и последовавшим событиям. В конце 1920-х гг. Л.М. Савелов утратил интерес к политике и сосредоточился на изучении генеалогии и истории русского дворянства. С того времени мысли о революции появлялись в его работах эпизодически. Находящаяся в нашем распоряжении совокупность источников позволяет обстоятельно и всесторонне реконструировать отношение Л.М. Савелова к событиям Октября 1917 г.

Историк называл их революцией, но по сути считал безусловным государственным переворотом, не имевшим серьезных предпосылок и произошедшим без широкого участия народа, обманутого громкими лозунгами и демагогией «международной шайки

разных проходимцев»¹ [87], а также бандитами «с твердой волей, знавшими, чего они хотели, и затопившими в крови чужую им Россию» [81, с. 328]. Ответственность за Октябрь возлагалась исключительно на Временное правительство, которое было слишком слабым политически, не справилось с управлением страной и ввергло ее в хаос и безвластие. В течение 1917 г. происходило разложение всех сфер жизни общества. Пытаясь создать демократическую Россию, либералы из правительства способствовали ее уничтожению. Системным кризисом воспользовались большевики, захватившие власть.

Л.М. Савелов считал Октябрьский переворот непосредственным продолжением Февральской революции. Соответственно, «рабоче-крестьянское правительство» ученый называл «законным наследником» Временного правительства и, издеваясь над ним в привычных генеалогических категориях, определял эту власть как «правительство псевдонимов» [86].

Во всех политических потрясениях 1917 г. Л.М. Савелов обвинял либерально настроенных деятелей, и в особенности тех, кто работал в земстве, готовившем «при посредстве всех этих студентов, студенток, учителей, бесполезной армии господина Щербины»² почву для всего того, что пришлось испытать России в 1905 г., а затем в

¹ Следует пояснить, что в эмиграции историк пользовался двойной фамилией Савелов-Савелков вместо просто Савелов.

² Имеются в виду земские статистики; Федор Андреевич Щербина (1849–1936), экономист, статистик, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1904), в 1870-х гг. участвовал в народническом движении, депутат 2-й Государственной думы (1907).

разные февральские и октябрьские революции» [81, с. 221]. «Интеллигенция мечтала о приближениирая на земле, не чувствуя, что стоит на пороге чрезвычайщины», – саркастически замечал бывший губернатор [81, с. 328]. Увидев «кошмарные последствия» своей «многолетней подрывной работы», в 1920-е гг. русская интеллигенция, по мнению Л.М. Савелова, подсознательно раскаялась в содеянном, стала заниматься изучением прошлого, но было уже слишком поздно, старая Россия погибла [87].

Будучи генеалогом, Л.М. Савелов рассматривал любые исторические события прежде всего антропоцентрически, через действия конкретных людей. Для него Октябрь 1917 г. был не результатом объективных, общих, надличностных процессов и причин, а следствием поступков конкретных персон. Он определял смысл революции через характеристику тех, кто в ней участвовал. Деятели новой власти историк называл проходимцами, грабителями, ворами и мошенниками. По его представлению, эти люди заняли видные должности и возглавили государство только благодаря своей наглости и беспринципности. «Революция оборвала все [...] у всего русского народа, за исключением кучки негодяев, продавших свою совесть и поставивших свое личное счастье выше блага своего народа», – заявлял Л.М. Савелов [81, с. 83].

Уничжительной критике подвергались дворяне, примкнувшие к Октябрьскому перевороту и служившие советской власти. Их поведение стало позором для всего сословия и изменой присяге, данной императору. Особую ненависть вызывал у историка дворя-

нин Г.В. Чичерин, вошедший в большевистское правительство. Причина такого поведения элиты, по мнению Л.М. Савелова, заключалась в том, что многие дворяне, не обладая твердыми политическими убеждениями, оказались дезориентированы в сложной ситуации, растерялись от происшедшего, да и сама революция «многих переродила» [81, с. 178].

Будучи всю жизнь антисемитом, ученый подчеркивал роль евреев в событиях 1917 г., называя Октябрь делом «рук еврейства и нашей интеллигенции» [81, с. 58]. Причем образ еврея у Л.М. Савелова прочно ассоциировался с понятием «комиссара» [81, с. 350]. Также ненавидел он «предателей»-латышей, которые в период Первой мировой войны клялись в верности российскому престолу, всячески подчеркивали свою историческую общность со славянством, а затем приняли активное участие в развале империи и в репрессиях против русского народа [83]. Бывший губернатор противопоставлял им татар, многие из которых участвовали в Белой армии и, например, защищали Ялту от наступления красных войск [84].

В целом, Л.М. Савелов обвинял в организации событий осени 1917 г. «инородцев», маргиналов всех мастей и либералов. Сам же русский народ, не осознавший вовремя опасности, был, по его мнению, не более чем безучастным зрителем происшедшего.

Октябрьский переворот Л.М. Савелов расценивал как величайшее бедствие для России, ее позор и катастрофу для русской государственности, для русской культуры. Он озаменовал эпоху «крушения старых идеалов, эпоху свержения старых кумиров, эпоху

отрицания того, что признавалось и чтилось человечеством в течение многих веков» [85]. В самом общем, философско-культурологическом плане это была борьба христианства с новым, бездуховным (в отличие от старого, создававшего определенную культуру) язычеством, уничтожающим духовную культуру через прославление материального.

Л.М. Савелов проводил аналогии между возникшей после 1917 г. властью и монголо-татарским игом, прямо называл большевиков «ордой», которая силой и обманом захватила Русь, надругалась над святынями и нанесла непоправимый урон ее архитектурному и культурному наследию, разрушая монастыри и усадьбы. Советскую власть историк признавал «новым игом», погрузившим народ даже не сумерки, а в «полнейшую тьму». Условия жизни после переворота, по его мнению, были каторжными [87], ко всем слоям общества власть относилась по-хамски, отправляя, в частности, представителей бывшей элиты на тяжелые принудительные работы [86]. Как считал Л.М. Савелов, Октябрем 1917 г. Россия насильственно отодвинута в развитии на много столетий назад [88, с. 16].

Большевизм был абсолютным злом, стремившимся разорвать связи народа с собственным прошлым. Л.М. Савелов категорически отрицал наличие «особой» пролетарской этики, науки, литературы и признавал, что после Октября 1917 г. дворянство навсегда утратило политическое значение, стало категорией исключительно исторической.

Ни на какую созидательную работу, по мнению историка, большевики не способны, а только на грабежи,

убийства, расстрелы и прочие беззакония. Он осуждал те страны, которые в 1920-е гг. установили дипломатические отношения с СССР и начали развивать экономические отношения с ним. «Грабители и убийцы¹ раскатывают свободно на награбленные деньги, а правители государств жмут руки, покрытые кровью убитых жертв» [81, с. 352], – с гневом писал бывший губернатор.

Убеждения Л.М. Савелова представляли собой крайнюю форму консервативной критики Октября 1917 г. Аналогичной точки зрения придерживалась значительная часть эмиграции, связанная с монархическим и дворянским движениями. Эти воззрения, конечно, не претендовали на историческую объективность. Это была личная, эмоциональная оценка событий человеком, в результате переворота потерявшим и социально-должностной статус, и материальное благополучие, и полноценную возможность заниматься научной работой. Некоторые положения его концепции Октября мифологичны и не вполне соответствуют действительности, но и достоверные факты (например, сотрудничество конкретных дворян с советской властью) получали одностороннюю, только негативную интерпретацию. Позиция Л.М. Савелова была субъективна, но ее, тем не менее, необходимо учитывать при анализе общественного отклика на 1917 г.

В любом случае историку нельзя отказать в прозорливости, поскольку его утверждение, что большевики рано или поздно потеряют власть, а Советское государство канет в историче-

¹ Под грабителями и убийцами понимались деятели Советского государства.

ское небытие, оказалось истинным. «Русский народ проснется от своего тяжелого сна, и на Руси вновь взойдет солнце» [88, с. 16], – поэтически провозглашал Л.М. Савелов, и его пророчество о конце эпохи Октября сбылось в 1991 г.

Маслов Д.В.

Некоторые вопросы современной историографии Октябрьской революции 1917 г. в России

Отмечаемый в этом году юбилей Великой русской революции не мог остаться без внимания специалистов и общественности и активизировал острые дискуссии. Особое место в них занимают вопросы, связанные с оценкой событий, произошедших в октябре 1917 г. Советская историография именovala их не иначе, как «Великая Октябрьская социалистическая революция». Это событие характеризовалось как имеющее всемирно-историческое значение, являющееся началом эры прогресса для всего человечества. В характеристике революции акцент неизменно делался на руководящей роли партии большевиков, возглавленной Лениным и опиравшейся на поддержку трудящихся. Одной из крупнейших работ советского времени стала трехтомная монография И.И. Минца «История Великого Октября» [54–56].

В конце 1980-х гг. усилиями нового руководителя Научного совета АН СССР по истории Октября П.В. Волобуева начался пересмотр господствовавшей до этого концепции Октябрьской революции. В условиях объявленной М.С. Горбачевым «перестройки» как «продолжении Октября» была поставлена задача «очистить» его

от наслоений сталинизма, якобы искажившего высокие идеалы Октябрьской революции. В середине 1990-х гг. П.В. Волобуевым, В.П. Булдаковым в рамках набиравшего популярность антропологического подхода к истории был взят курс на освещение революции через восприятие рядового индивида. Проблемы революции активно исследуют и зарубежные специалисты – А. Рабинович («Революция 1917 года в Петрограде: большевики приходят к власти»), Р. Пайпс («Русская революция»), З. Галили, Э. Кетол, М. Рейман, У. Розенберг, Ц. Хасегава, Л. Хеймсон, А. Уайлдман, А. Улам и др.

В постсоветский период, казалось бы, возникли все предпосылки для отхода от идеологизации истории Октября. Однако, как отмечает известный исследователь данной проблематики В.П. Булдаков, на смену прежней конъюнктуре пришла новая, столь же далекая от исторической реальности, как и предшествующая [7, с. 178]. Причем это явление характерно как для отечественной, так и для зарубежной историографии.

Современная историография вопроса далека от идеализации октябрьских событий. Некоторые специалисты, и в еще большей степени – общественные деятели, поспешили вообще отказать Октябрю хоть в какой-то степени позитива. Одно время в политическую моду вошло стремление выводить именно из Октября все последующие беды России. Большинство историков следует более взвешенному подходу. Признавая факт серьезных усилий большевиков по подготовке выступления, они не склонны преувеличивать масштабы поддержки массами этой партии. В

качестве опоры РСДРП(б) называют воинские подразделения, непосредственно дислоцирующиеся рядом с «колыбелью революции». Более объективно стали изучаться события в Москве и ряде других городов, где большевики встретили ожесточенное, в т.ч. вооруженное сопротивление. Тем самым была поставлена под сомнение ленинская трактовка промежутка времени до весны 1918 г. как периода «триумфального шествия советской власти».

Из этого отнюдь не следует вывод о том, что взятие власти большевиками было лишь актом грубого насилия, не имевшим под собой никаких объективных оснований. Историки сегодня разделяют вопросы о готовности России к социализму в 1917 г. (каковой в целом не было) и готовность активной части общества «творить историю», которая была налицо.

Остается открытым вопрос о квалификации событий Октября 1917 г. Указанное выше пышное название советских времен в наше время практически не встречается. Да и категория революции даже без эпитетов стала употребляться реже. Чаще звучат сочетания «октябрьский переворот» (со ссылкой на то, что так называли это событие и сами большевики сразу после прихода к власти) и «октябрьское вооруженное восстание». Представляется, что в данном случае дискутирующие ведут речь о разном. То, что произошло непосредственно в октябре 1917 г., в большей степени является переворотом во власти, осуществленным путем вооруженного восстания. Но если понимать под революцией коренные преобразования во всех сферах общественной жизни, то очевидно, что к

середине 1930-х гг. и в экономике, и в политической жизни, и в идеологии произошли перемены, свидетельствующие о смене общественного строя. И первые из таких преобразований были объявлены уже на II Съезде Советов. Вопрос, следовательно, не в том, какую направленность приобрели эти изменения и можно ли считать построенное общество социалистическим (как полагали большевики), а в самом факте коренных общественных изменений. А считать ли их великими, очевидно, покажет время.

Тем не менее М.М. Горинов полагает, что «Октябрь – это, действительно, Великая Октябрьская социалистическая революция. Великая – потому что положила начало очередному технологическому рывку, превратившему Россию в одну из двух мировых сверхдержав. Октябрьская – потому что свершилась в октябре 1917 г. по старому стилю. Социалистическая – потому что очистила традиционный авторитарно-общинноартельный уклад русской жизни от язвы капиталистического неравенства. А также потому, что «вписала» Россию в глобальный процесс социализации производства (исторический аналог – государственно-монополистический капитализм на Западе: «Новый курс» в США, национал-социализм в Германии, фашизм в Италии). Революция – потому что в очередной раз перетряхнула все социальные слои русского общества» [25, с. 97].

В работах В.П. Булдакова для обозначения периода революционных потрясений употребляется известный по другому отрезку отечественной истории термин «Смута». С ее предшественницей начала XVII в. российскую

революцию роднит всеобщность кризиса государства и общества, переплетение многих факторов исторического процесса, крах устоявшегося веками образа жизни. Вместе с тем полностью отождествлять эти события вряд ли правомерно, т.к. из российской революции в результате возник новый общественный строй, чего нельзя сказать о XVII в.

Активно дискутируется и такой вопрос: Октябрь 1917 г. – самостоятельное событие или часть общего революционного процесса. Когда речь идет о революции как процессе социальном, то ее рамки принято толковать расширительно. А.В. Шубин называет революционным период 1917–1922 гг. И.В. Нарский рассматривает как единый период 1914–1922 гг., в рамках которого Октябрь 1917 г. выступает лишь как один из подъемов противостояния социальных сил. В своих выступлениях на организованных МГОУ и Государственным архивом Московской области сессиях, посвященных событиям 1917 г., О.В. Волобуев раскрывал содержание историко-культурного стандарта, в котором революция 1917 г. дается как единый процесс. В случаях, когда революция рассматривается лишь как акт взятия власти, то привычно выделяются Февральская и Октябрьская революции.

Остается актуальным и вопрос о причинах столь легкой победы большевиков в 1917 г. (по крайней мере, в Петрограде). И здесь выводы во многом зависят от политической ориентации автора (у профессионалов это, естественно, проявляется значительно меньше). Негативные оценки объяснения Октября сопровождаются, как правило, указанием на отсутствие

объективных причин взятия власти большевиками. В качестве объяснений приводятся: «обман» большевиками измученных затянувшейся войной масс, готовых поддаться на любые популистские лозунги; бесцеремонность лидеров большевиков и их готовность пойти до конца ради власти; отмечаются демагогия и бездеятельность А.Ф. Керенского, не сумевшего применить насилие в момент, когда это было обусловлено обстановкой. Согласно данным трактовкам, приход к власти большевиков был обусловлен их коварством, вероломством, отказом от общепринятых демократических процедур. Среди причин объективного порядка называется чаще всего отсутствие у широких общественных слоев демократического опыта как «прививки» от диктатуры.

Отдельно следует сказать о «причине», которую периодически вбрасывают в общественное сознание люди, далекие от науки, но страстно любящие сенсации. Речь идет о т.н. «немецком золоте», т.е. якобы переданных немецкими властями денежных средствах, с помощью которых революционеры вернулись из эмиграции в Россию и на эти же деньги «сделали революцию». Современным сочинителям подобных сенсаций, как правило, невдомек, что, во-первых, эта фальшивка появилась еще в послереволюционные годы и давно уже опровергнута фактами, обнародованными серьезными исследователями¹. Суть этой истории вкратце сводится к следующему. Большевики и представители ряда других социалистических партий, находившиеся на момент Февральской революции в швейцарской эмиграции, узнав о со-

бытиях в Питере, приняли решение вернуться на родину. Однако правительства стран-союзников (прежде всего Англии) в этом русским революционерам отказали. Оставался один путь – через Германию. Вокруг мероприятий по возвращению революционеров появились политические дельцы типа Парвуса. Однако Ленин категорически настоял на том, чтобы ни в какие финансовые отношения с немецкими властями или частными лицами не вступать. И вагон, который любят сегодня именовать «запломбированным» с намеком на далеко идущие последствия, был на таком режиме всё время передвижения, чтобы избежать всякого контакта с немецкими официальными лицами. Примечательно, что в том же 1917 г. политические противники Ленина во Временном правительстве и в Петросовете, узнав об этой истории, не придали ей значения. А им-то было очень выгодно именно тогда ее «раскрутить» и политически убить большевиков.

Всем этим давно известным фактам не стоило бы уделять здесь внимания, если бы не устойчивая популярность этой версии истоков российской революции октября 1917 г. А псевдоискателям исторической правды остается лишь напомнить, что революции «за деньги» сделать нельзя.

Серьезные исследователи находят в октябрьских событиях переплетение объективных и субъективных факторов, в котором трудно отдать первенство какому-либо из них. В последние годы акцент явно сместился с экономических на психологические факторы, которым советская историография не уделяла достаточного внимания. Большевики умело сыграли на

¹ См., напр., работы: [94; 49].

психологии толпы, ждущей быстрых и простых решений. Но при этом надо учитывать, что все остальные силы, участвовавшие в революционных событиях 1917 г. – от либералов до эсеров – доказали свою политическую несостоятельность, неумение управлять революционной стихией, в чём позднее многие из них сознавались. Российская интеллигенция, составлявшая ядро революционных партий, проявила склонность к радикализму в его крайних формах, неумение и нежелание идти на компромиссы с оппонентами. В неготовой к социализму стране власть, как стало модным утверждать, сама свалилась к ногам большевиков (в крупных городах, прежде всего, и на ряде фронтов). Современная историография дегероизировала взятие Зимнего дворца «широкими народными массами» и в целом события 25–26 октября 1917 г. На основании опубликованных в последние годы источников общество узнало о фактах произвола и анархии, которыми сопровождались те события. Но всё это не отменяет факта, признаваемого всё большим числом исследователей (в т.ч. и тех, кто коммунистам явно не симпатизирует), что в условиях октября 1917 г. реальной альтернативы большевикам уже не было. Вместе с тем В. Логинов опровергает распространённое суждение о том, что «власть в октябре 1917 г. валялась под ногами». Борьба, по его мнению, была не закончена, а ее исход до последнего оставался непредсказуем [48, с. 500, 507].

Одно из популярных направлений исследования революции – вопрос об альтернативах общественного процесса в России в 1917 г. Одно время поиск таких альтернатив был призван найти

варианты бескровного демократического развития России в послеоктябрьский период. Однако, как отмечает А.В. Шубин, боязнь умеренных социалистов потерять союз с буржуазией и интеллектуальной элитой исключила реализацию идеи «однородного социалистического правительства» и тем самым оставила большевиков один на один с властью, что и предопределило последующие события [104].

Это лишь часть вопросов, по которым не стихают историографические и общественные дискуссии. Небольшие рамки статьи не позволяют затронуть такие важные аспекты заявленной темы, как вопрос о закономерности российской революции и ее предпосылках; вопрос о реформаторских альтернативах революции, в частности, о значении реформ П.А. Столыпина; связь между Февралем и Октябрем 1917 г.; взаимосвязь Революции и Мировой войны, и другие вопросы. В заключение отметим работы, посвященные историографии российской революции в целом [7; 8; 10; 41; 57; 101; 51].

Федорченко С.Н.

Политические технологии большевиков в 1917 г.

Политические технологии – это приёмы по управлению общественным мнением, служащие конкретным властным задачам. Россия за всю свою историю прошла определённые этапы становления и развития политических технологий. В чём-то наблюдалась их специфика, обусловленная культурно-цивилизационным колоритом, а также особенностями политического и социально-экономического развития

нашей страны, но в некоторых случаях они были универсальны, имея много общего с зарубежными аналогами. Сами политические технологии априори не несут в себе какого-либо отрицательного значения и являются лишь средством достижения или сохранения власти: во-первых, они могут действительно служить деструктивным целям, но, во-вторых, ничто не мешает использовать их же как инструмент созидания, солидаризации общества, возрождения государства, консолидации политической нации.

Генезис отечественных политических технологий всегда всецело зависел от двух исторических условий – культурно-ценностной специфики России и развития в ней новых видов и элементов коммуникации. Это учитывали и большевики. Являясь во многом порождением эпохи модерна, большевики не только использовали научный инструментарий в рационалистическом познании окружающего мира, тренды секуляризации, промышленного развития, возникновения и развития политических идеологий, новых социальных классов, групп и политических партий. Они понимали, что если раньше, в период российского преמודерна, транслятором властных смыслов и образов были устное народное творчество, мифы, сказания, былины, легенды, исторические предания, летописи, повести, архитектура, иконопись, другие виды искусства, то модерн давал в руки большевиков инструментарий новых элементов коммуникации – книг, газет, журналов, кинематографа и радио, которые серьезно расширили возможности для праксиса политических технологий, подразумевавших не только воспита-

тельную миссию, но и содержавших определённый социально-культурный код и политический месседж.

Три основных вида политических технологий, практикуемых большевиками в 1917 году и позже (формирование сакральных матриц, героического пантеона и образа врага) очень примерно можно увязать с древнейшим у большинства народов мифом о *Мировом древе* [90, с. 14–56], в котором рассказывается о связи трёх миров – божественного, человеческого и подземного. Политическая антропология, как интересное и перспективное направление на стыке политологии, истории, археологии и антропологии, помогает осознать, что генезис образа врага во всех обществах был тесно связан с древнейшим архетипом зла, тёмных сил подземного мира, несущих вред всем людям и всему живому. При этом технология героизации обычно впитывала архетип предков-героев, древних вождей, архетип их противостояния злу, природным стихиям, враждебным племенам и народам, достойные примеры подражания, нацеленные на воспитание молодёжи (защита Родины, смелость, справедливость, помощь близким и т.п.). Наконец, приём сакрализации власти во многом опирался на древнейший архетип табу, божественного. Другими словами, большевики в 1917 г. довольно грамотно использовали эти основные политико-технологические приёмы, направленные на легитимацию нового советского государства. В своё время подобными методами пользовались античные и средневековые политики, французы и американцы во время своих революций и др. Так что большевики в этом плане были не одиноки,

а вполне адекватно учитывали некоторые закономерности политических процессов.

Активным направлением большевистских политических технологий стало формирование так называемого *образа врага* (представление противоположной стороны в негативном виде на основе древнего архетипа зла, архетипа подземного мира, враждебного к людям). В отличие от большевиков, царская пропаганда так и не смогла сформировать чёткий образ врага для укрепления собственного политического режима. Вдобавок возникшие партии и антиправительственные движения расщепляли общероссийский образ врага по причине политической конкуренции между собой и монархией. Довольно много сил отнимала и антипропагандистская работа, направленная против социал-демократической антивоенной агитации, наконец, дореволюционное правительство сосредоточилось на разъяснении целей и характера войны, укреплении морального духа и предотвращении дезертирства [46, с. 90–93]. Зато более целостный образ врага получилось разработать у большевиков.

Образом врага, сплотившим большевиков, изначально стали монархия, царь, капитал, полиция, кулак. В.И. Ленин, Н.К. Крупская, Г.М. Кржижановский и др. наладили связи между революционными организациями на местах, сетью рабочих кружков, предусмотрели конспиративную работу, механизм агитации и пропаганды социалистических идей, распространения и хранения нелегальной литературы. Большевистская верхушка решительно пресекала различного рода отступления от основной стратегии

и тактики партии (достаточно вспомнить мгновенную реакцию Ленина на манифест «Credo» Кусковой) [37, с. 137–142]. К 1917 г. большевики добились создания довольно эффективной системы пропаганды образа врага в российском общественном сознании. Руководил идеологической работой ЦК РСДРП(б), при котором существовала лекторская коллегия, дававшая пропагандистские кадры для российских регионов. В качестве целевой группы политико-технологической работы большевистской партии были не просто рабочие и крестьянство, а именно слой молодёжи. Так, 65% россиян по переписи 1987 г. составляла молодёжь (население до 30 лет), к 1914 г. 29% российских рабочих деревни и города имело возраст до 19 лет [35, с. 82–92]. Большевики прекрасно учли этот фактор, понимая, что молодёжь более радикальна, эмоциональна, социально активна и склонна к политическому переустройству общества.

После Февральской революции острие критики большевиков направилось на Временное правительство. Более чёткие очертания образа врага стали приобретать и другие их политические соперники – меньшевики и эсеры. К примеру, 20 июня 1917 г. Московский комитет РСДРП(б) принял резолюцию, согласно которой предполагалось организовать антиправительственную пропаганду, а также критику партии меньшевиков и эсеров; 28–29 июня Московское областное бюро РСДРП(б) на пленарном заседании приняло резолюцию, где предписывалось разоблачать пособническую деятельность эсеров и меньшевиков, бороться за укрепление военных партийных организаций; 20–21 сентября

в Ярославле рабочие вместе с солдатами потребовали от местного Совета, где были в основном меньшевики и эсеры, выдать мандаты для поиска продовольствия; 23 сентября в Рославле (Смоленская губерния) солдаты добились от эсеро-меньшевистского Совета перевыборов, 4 октября в Рязани солдаты после принятия губернским съездом крестьянских депутатов эсеровской декларации потребовали принятия большевистской резолюции [106, с. 90–96] и т. п.

Но большевики не делали ставку только на обличение и критику политических соперников, они планомерно практиковали политическую технологию создания *героического пантеона* (конструирование образов именно как положительных примеров на основе архетипов добра). Традиция этого приёма имеет исторические корни в героическом эпосе, постоянно обращаясь к теме единства Русского мира, его богатырях-защитниках, консолидации страны. Поэтому первостепенно задачей большевиков стал перехват революционного политического месседжа у Временного правительства, миссии народных заступников-героев у своих политических соперников. Сначала основная доля солдатских депутатов после февраля шла за меньшевиками и эсерами, что определило изначальную ориентацию большевистской пропаганды на рабочих и солдат (это подтверждает анализ публикационной работы издательства ЦК РСДРП (б) «Прибой», где к интересам этих категорий населения в октябре было адаптировано порядка 50 наименований брошюр и книг каталога).

Большевистская агитация в армейских массах, провал июньского

выступления, карательные меры со стороны Временного правительства вызвали улучшение настроений в целевой аудитории солдат по отношению к РСДРП(б) [107, с. 34–41]. Большевики стали приобретать среди солдат ореол героических народных заступников, стремящихся к окончанию войны и смело идущих вразрез с политикой правительства и эсеров. Позже большевистская агитация активизировалась и по отношению к целевой группе крестьян, стараясь вытеснить и здесь эсеров. Важной задачей большевиков здесь был перехват политического месседжа о земельном вопросе. Лениным была поддержана и так называемая «идея клапанов», означающая временное сохранение части буржуазной прессы, через которую выходило недовольство слоёв, ограниченных Октябрьской революцией [1, с. 70–82]. Важно подчеркнуть, что после завоевания власти большевики взяли курс на героизацию ярчайших представителей собственной партии, участников Гражданской войны. После 1917 г. героический пантеон новой власти стали пополнять красные командиры, советские учёные, рабочие, крестьяне. Хорошим подспорьем здесь стал кинематограф, печать, радио, а значительно позже – телевидение. Ничего подобного до Октябрьской революции не было. Практически невозможно представить позднее царское и Временное правительство, ставящих в качестве примера для подражания обществу, молодёжи успехи простых людей. Таким приёмом большевики надолго привлекли к своему проекту массы россиян.

Политическая технология конструирования *сакральных матриц* подраз-

умевала постоянное обращение большевиков к историческому процессу, наделение коммунизма священными, позитивными свойствами, а также сакрализацию самой коммунистической власти. Не случайно, рассматривая категорию цивилизационной матрицы, О.Э. Бессонова пишет, что генезис отечественного институционального ядра исходил из той доминирующей стороны архетипа, которая эффективно учитывала все реальные исторические среды, где складывалась наша страна (политико-культурная, природно-климатическая, национально-демографическая, материально-технологическая и культурно-религиозная) [6, с. 131]. Это хорошо сочетается с идеями Н.А. Бердяева и концептом А. Тойнби «вызов-и-ответ». Последний показал, что только народ, ответивший на вызовы природы, создаёт цивилизацию. Безусловно, это также учитывали большевики. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» подчёркивал, что большевики взяли от марксизма его мессианскую сторону, тогда как религиозные верования, на которых основывалась сакральная платформа монархии, уже до революции стали разлагаться. Вместо ослабшего образа народа-крестьянства коммунисты в консолидирующем страну мифе о пролетариате по-новому восстановили миф о русском народе и его мессианстве [5, с. 107–153]. По словам политического философа, большевики осуществили в России не просто Третий Интернационал, – на него перешли черты Третьего Рима – ортодоксальной идеи священного царства и русского мессианства. На практике коммунистическая пропаганда советского государства поставила сложную

задачу – создание идеального Царства Божия на Земле, для чего был разработан и символический код (появились свои коммунистические мессии, мученики, ритуалы и святые). Были учтены и коллективистские, общинные ценности, распространённые в обществе [29, с. 128–140; 97, с. 31]. Ничего принципиально нового здесь не было, достаточно вспомнить пропаганду петровской идеи «общего блага» – воспитания способности подданных служить государству. Большевицкое мессианство было направлено как во вне (мировая революция, Коминтерн и т.п.), так и намечало поистине грандиозные задачи строительства совершенно нового государства [43, с. 10–23] с распространением массовой грамотности, доступной культуры, науки, медицины, появлением социальных лифтов, поднимающих простых людей на самые высокие управленческие уровни.

А что же конкуренты большевиков? Конечно, царская политическая полиция в 1917 г. и раньше пыталась противодействовать распространению тех социалистических идей, сведений, теорий, которые могли представлять опасность для существующего общественного порядка, но в её антипропагандистской работе не наблюдалось целостности. Работе политической полиции мешали противоречия между различными государственными органами власти, занимавшимися проблемой экстремизма. Поэтому идеи русских марксистов и большевиков достигали российской аудитории, находя поддержку в некоторых её слоях. Хотя дореволюционные Осведомительное бюро и Отдел печати МИД по своим задачам были схожи с современными

российскими пресс-службами, но на практике их работа была хорошо поставлена лишь в плане осведомления правительства, а не осведомления печати [31, с. 130–135]. Иными словами, эффективной «обратной связи» между обществом и государством царскому политическому режиму наладить не удалось. Временное правительство также не смогло добиться целостного политико-технологического воздействия на российское общественное мнение, так как при нём конкурировали Информационный отдел и Отдел печати при Политическом управлении. Большевики подобные противоречия старались не допускать, подавляя партийную фракционность в корне, что и позволило им организовать централизованное информационное воздействие на россиян.

* * *

Таким образом, приход к власти большевиков был определён не просто силовыми методами и социально-экономическими условиями. РСДРП(б) провела серьёзную информационную работу по завоеванию общественного мнения, вникая в проблемы многих целевых аудиторий тогдашней России. Во-первых, большевики в отличие от царского и Временного правительства создали из своих политических оппонентов целостный образ врага, который сплотил и самих революционеров. Конструирование образа врага предусматривало представление противоположной стороны в негативном виде на основе древнего архетипа зла, враждебного к людям. Во-вторых, благодаря грамотно организованной агитации, большевики начали создавать героический пантеон из собственных

революционеров и активных деятелей партии (именно как положительных примеров на основе архетипов добра и архетипов народных заступников, а также образа народных мучеников). Наконец, в-третьих, большевики, практикуя технологию формирования сакральных матриц, не догматизировали марксизм, а, переосмыслив отечественный исторический процесс, создали консолидирующий страну миф о пролетариате, по-новому восстановив миф о мессианстве русского народа.

Телицын В.Л.

О революционном процессе 1917 года – прогресс и регресс

Основоположники и западноевропейские теоретики марксизма характеризовали и оценивали революции не иначе, как «локомотивы исторического прогресса» [50]. Им вторили их российские последователи – теоретики-радикалы, которые ни на йоту не желали отступать от «чистого марксизма» [9; 41]. А все человеческие трагедии, которые явились последствием революции и последовавшей Гражданской войны, характеризовались «варварскими» формами прогресса [19, с. 365].

Общественный прогресс, в отличие от революции, это – рост материального благосостояния граждан страны, базирующегося на эффективно развивающейся экономике [108, р. 3]. Однако понятие «прогресса» имеет тенденцию трансформироваться в утопическую парадигму, а революция из пространства реальности перемещалась в пространство мифа [92; 39].

Человек традиционного общества (обыватель) в условиях революции вы-

живал, а не приумножал свое материальное благосостояние. Мало того, он пребывал в идеализированном прошлом, а не в неведомом для него настоящем и будущем. А в эпоху революций обыватель подвергался «обольщению» прогрессом¹.

Революция с точки зрения теории – это утопия, с точки зрения реальности – настоящая социальная катастрофа, естественно, в силу консервативности и конформизма человеческого мышления. А чтобы совесть человека не слишком отягощал груз социальных преобразований, революцию конвертировали в миф. И последний создают сами революционеры, от которых «эстафету» перехватывают исследователи-обществоведы [36].

Обыватель не был склонен признаваться в собственных ошибках и собственных просчетах, тем более – в заблуждениях, «предписанных» самой историей. К сожалению, данная тенденция сохраняется и в наши дни. Обществоведы стремятся оправдать теоретиков и вождей революции: человеческие пороки и слабости якобы «искажают» их «идеальные» замыслы и самопожертвование борцов за «светлое будущее» [11; 40].

Конечно, далеко не все рассуждали именно так. К примеру, бесспорен факт, что Российская империя накануне Первой мировой войны с точки зрения состояния экономики (аграрного и индустриального секторов) являлась вполне преуспевающей страной. Что же мешает стране рационально

двигаться по пути эволюции? Почему же «скептики» проигрывают в спорах, уступая в своих доводах революционным «оптимистам»?

Нет ничего более идеализируемого в современном общественном сознании, чем русская революция 1917 г.: в основе последней констатации вечное «обывательское» недовольство своим положением материального плана. Человек – извечный «бунтарь», если даже он позиционирует себя конформистом [53, с. 123]. Чем же недовольны обыватели? В основе недовольства революций – негодование к носителям власти (чиновникам), особенно к тем, кто «обманул их ожидания». Ставка в таком случае делается на революцию. И последнюю воспринимают как прорыв в «светлое будущее» [2, с. 221, 265].

Но никаких «прорывов», естественно, не происходит: один чиновник меняется иным. Вектор оптимального развития – процесс медленной эволюции общества через развитие самого человека, причем в качестве творца собственного будущего. А русская революция 1917 г. – это состояние, когда в человеке проснулся дикарь. И не стоит искать виновников коллективного умопомрачения, здесь главное – ментальность.

Человек никогда не доволен тем, что имеет, он всегда жаждет большего, причем – как правило – в фантастических очертаниях (особенно в условиях революции, которая, по мнению обывателя, должна решить все глобальные проблемы, причем – в одночасье). Соблазн революционного прыжка «в светлое будущее» был более привлекателен, чем длительный эволюционизм, сопряженный с просчетами и ошибками, с длительным ожиданием в процес-

¹ Термин «обыватель» употребляется нами не как исключительно «городской житель», а в широком аспекте – «человек, лишенный общественного кругозора, живущий личными интересами» (С.И. Ожегов).

се решения поставленных задач. Этот соблазн появляется от открывшихся мифических перспектив преодоления бытовых тягот повседневности. С другой стороны, русское государство «всегда ломало кости обществу своим необъятным весом» [66].

Сегодня мало кто сомневается в том, что революции начала XX столетия (в том числе и русская) были подготовлены радикальными идеями Просвещения [36, с. 130], получившими развитие в России еще с конца XIX столетия. Образ революции, который сформировали радикальные ее почитатели и последователи, оказал определяющее влияние на всю русскую историю и культуру (почти до конца XX столетия). В мышлении русского радикального интеллигента революция перенеслась в сакральный срез общественной жизни [15]. Процесс формирования ее образа проходил через сознательное забвение тех ужасов (политических, идеологических и просто бытовых – террор, эпидемии, голод и проч.), которые сопровождали «торжество революции». «Сведения» о революции русские радикалы черпали из работ западноевропейских теоретиков социализма [89; 63, с. 151], отказываясь верить в то, что происходит на практике после свержения власти насильственным путем. Настоящий образ «бессмысленного и беспощадного» русского бунта оказался скрыт обещаниями «светлого будущего», а ее жертвы оценивались как неизбежные «издержки» перехода от одной «формации» к другой.

Еще один повод к революции: так называемый «экономический кризис». Революция хотя и решает одни хозяйственные проблемы, но усугу-

бляет другие. В результате, человека возмущало социальное неравенство, противоречащее декларируемым хозяйственным достижениям, которых не было [30]. (Что и произошло в России после 1917 года.)

Конечно, в возможности осуществления революции в России в 1917 г. можно было бы усомниться, не окажись у «руля власти» Николай II [103]. Он как монарх оказался откровенно слаб. В эпоху модернизации правитель может существовать, если только он будет действовать на опережение ситуации: он обязан упреждать события, «подталкивая» ожидаемый прогресс [3; 99]. В этом был убежден еще Н. Макиавелли [108, 198–201]. Но российский император жил прошлым, мыслил в категориях спокойствия и застоя, не задумываясь о том, что происходит в различных уголках его огромной страны. Такое положение противостоит естественному, все могло обернуться (и обернулось) трагедией. Как отмечали исследователи, императорская ментальность тянула «Россию в направлении, противоположном тому, к которому тяготела идеология вотчинного самодержавия, и стремилось консервативное чиновничество. Правительству, философия и практика коего покоились на началах вотчинного абсолютизма, не оставалось ничего другого, как стать на путь экономической политики, подрывавшей его же основы» [68]. Ситуация в России второго десятилетия XX в. усугублялась тяготами мировой войны. Материализм, утилитаризм и позитивизм влияли на идеологию русской радикально настроенной интеллигенции, и приверженность к этой идеологии была определенным критерием причастно-

сти к интеллигенции вообще. Ни один «верующий в Бога и бессмертие души», как бы ни был он «просвещен» и «прогрессивен» в остальном, не мог претендовать на звание «интеллигента». Не было места среди интеллигенции и тем, кто придавал существенное значение роли случая в человеческих делах, либо верил в неизменность «человеческой природы», либо в высшие нравственные принципы. История русской революции 1917 года «изобилует примерами “интеллигентов”, которые, усомнившись в том или ином положении этой идеологии, были исторгнуты из интеллигентской среды» [69].

Стоит в этой связи напомнить и об идее мировой революции – еще об одном фетише российских радикалов 1917 г. Но даже в первые революционные годы она – мировая революция – даже для многих революционных радикалов – оставалась призраком. Из письма Д. Рязанова К. Радеку (1918 г.) следовало, что со «стороны Советской России думать о том, что она может зажечь социалистический пожар в западной Европе, есть детские мечты. Такая же детская мечта говорить о независимой экономической политике в Советской России» [71]. Из последнего замечания следовало, что, в общем, причина революции лежала не столько в социально-экономической плоскости, сколько в психологии восприятия человеком окружающего пространства. Неудивительно, что падение самодержавия вызвало такой восторг у российского обывателя.

Не подлежит сомнению тот факт, что на отношении российских граждан к свержению самодержавия сказался культ Великой французской революции. Это был даже не культ, а настоя-

щее поклонение фетишу, на который «молились» российские радикалы, стараясь не замечать террор (якобинство), который свершался во Франции в конце XVIII столетия [18].

В наши дни все гораздо «проще»: революцию совершили «заговорщики-конspirаторы», злонамеренно сбившие Россию с прогрессивного пути развития [93; 94]. Все непонятное кажется обывателю (и не только ему, а еще и любителям во всем усматривать заговор «западной закулисы») злонамеренным. Это заложено в природе человека [4].

В марте 1917 г. восторг охватил ту часть населения, которая привыкла бунтовать лишь «на собственной кухне» [65, с. 101, 181], не задумываясь о постреволюционных перспективах – своих и страны в целом. Даже крестьянство – большинство населения России – связывало с падением самодержавия решение аграрного вопроса, причем – в духе так называемого «Черного» или «Коренного» передела. Однако революция 1917 г. обернулась полем несбыточных надежд – в том числе и для крестьянства, в том числе и для «кухонных» диссидентов.

Сегодня забывается, что Русская революция 1917 года ожидаемого прогресса не принесла (и не могла принести в принципе). Влияние русского общества (в первую очередь – крестьянства) на векторное движение революции было скорее консервативным, нежели прогрессивным: сокрушив монархический режим, российские крестьяне держались за общину – архаическую социальную и экономическую структуру, что привело к замедлению эволюции сельского хозяйства, к движению последней к энтропии [50].

Русскую революцию 1917 года вновь – как и двадцать пять лет назад – начинают/продолжают оценивать как «Великую» (правда – не как социалистическую). Современное общество (интеллигентное) продолжает мыслить в той же парадигме, что и в 1917 г., согласно которой предреволюционная Россия двигалась от традиции к модерну. Если бы русская интеллигенция – в 1917 г. – была более зрелой, то есть терпеливой и лучше разбирающейся в психологии правящих кругов монархии, возможно, удалось бы совершить упорядоченный переход от думской демократии к настоящему конституционному строю. Но этих качеств российской интеллигенции, к несчастью, не хватало. С того дня, как манифест 17 октября 1905 г. вступил в силу, они использовали любую возможность развязать войну против монархии [67].

Российская история начала XX в. развивалась не «одномерно», и не «спиралевидно», а «циклично». Революция способна сдерживать прогресс, а не стимулировать его движение. Настоящий (а не мнимый) общественный прогресс может развиваться только эволюционным путем. Основой его является совершенствование самого человека, самого общества. Все остальное – порождение социальных иллюзий, революционный соблазн и радикальный самообман.

Багдасарян В.Э.

Заключение

Сто лет назад расколотое российское общество встало на путь братоубийственной бойни. Раны от этого братоубийства продолжают кровоточить по сей день. По сей день события сто-

летней давности служат источником идеологических конфронтации. Между тем глобальные вызовы современности, обостряющаяся конкурентная борьба, эскалация военной напряженности требуют высокой степени национальной консолидации. Достигнуть этой консолидации возможно, найдя только единые ценностные основания российской истории. Такие ценностные основания были найдены, в частности, в позиции большинства населения России, да и «ближнего зарубежья» к Великой Отечественной войне. Народная инициатива «Бессмертный полк» воочию показала потенциалы ценностного единения в вопросах исторической памяти. Задача, стоящая перед экспертным сообществом, историками, учителями, общественными деятелями – найти основания такого единения и применительно к событиям Революции и Гражданской войны.

Но возможно ли это? Можно ли примирить идейных преемников тех, кто стоял по разные стороны баррикад? На каком ценностном основании будет возможно такое объединение?

Мы полагаем, что возможности национального ценностного консенсуса в отношении прошлого существуют. Эти основания выражаются в формулируемой Президентом национальной идее – патриотизме. Национальная идея в том и заключается, чтобы объединять нацию. Существуют сегодня в российском обществе те, кто отстаивает преимущества советской системы жизнеустройства и в великих достижениях СССР видит предмет гордости за нашу общую Родину. Есть те, кто обращается к модели Российской империи, гордясь яркими страницами истории дореволюционной России.

Есть, наконец, и те, кто, считая себя подлинным либералом, верит, что великие перспективы и победы перед Россией открывала Февральская революция. Стоя – одни за Февральскую революцию, другие – за Октябрьскую, третьи – за незабываемость самодержавной модели государственности – все они являются патриотами своей страны, сторонниками ее суверенитета. Значит, само существование и процветание Родины является для всех них высшей ценностью, находящейся над всеми идеологическими разногласиями. И если это действительно так, то достижение базового единства позиций – возможно. Именно об этом, обращаясь к опыту 1917-го года, говорил в Послании Федеральному Собранию Президент России: «Уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, для укрепления общественно-политического, гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь. Недопустимо тащить расколы, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь, в собственных политических и других интересах спекулировать на трагедиях, которые коснулись практически

каждой семьи в России, по какую бы сторону баррикад ни оказались тогда наши предки. Давайте будем помнить: мы единый народ, мы один народ, и Россия у нас одна».

Необходимым представляется осуществление комплекса практических шагов, направленных на формирование ценностно единой для большинства россиян патриотической линии позиционирования истории Революции и Гражданской войны. Нужны подчиненные этой цели просветительские проекты, исторические художественные произведения, исторические фильмы, объединяющие в общей народной памяти совместные мемориалы. Необходимо сформировать предметную интегративную версию отечественной истории, включающей все периоды государственности России в качестве важнейших составных звеньев развития российской цивилизации за ее более чем тысячелетнюю историю. Мы обращаемся ко всем, кто в силу профессии или в качестве любителей обращается к изучению прошлого России: сосредоточить усилия на решение этой принципиальной для будущего страны задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Е.А. Московская периодическая печать в 1917–1918 годы: проблема взаимодействия с новой властью // Гуманитарные науки. 2013. № 3 (11). С. 70–82.
2. Артемьева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему : философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. 496 с.
3. Асонов Н.В. Политические доктрины российского самодержавия и их модернизация. М.: РАГС, 2009. 296 с.
4. Багдасарян В.Э. «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX–XX вв. М.: Сигнал, 1999. 515 с.
5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 1990. 224 с.
6. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН. 2006. 143 с.
7. Булдаков В.П. Историографические метаморфозы «Красного Октября» // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М.: АИРО-XXI, 1996. С. 179–205.

8. Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия М.: РОССПЭН, 2010. 378 с.
9. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени, Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 759 с.
10. Васьковский О.А., Тертышный А.Т. Феномен диктатуры пролетариата (1917 год в России в оценке историков). Екатеринбург: Урал. гос. экон. ун-т, 1995. 225 с.
11. Вахитов Р.Р. Революция, которая спасла Россию. М.: Алгоритм, 2017. 224 с.
12. Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1987. 639 с.
13. В МГИМО прошли «предвыборные дебаты в Учредительное собрание 1917 года» [Электронный ресурс] // Русское военно-историческое общество [сайт]. URL: <http://rvio.histrf.ru/activities/news/item-3406> (дата обращения: 10.07.2017).
14. Велитченко Н.С. Хлебная торговля Верхней Волги в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1980. 189 с.
15. Вилков А.А., Захарова Т.И. Сакральные основания власти в политической жизни России. Саратов: Издательский центр «Наука», 2010. 200 с.
16. Воронцова Т. В гостях у «старшего брата» [Электронный ресурс] / Издательский дом «Первое сентября» [сайт]. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200300909> (дата обращения: 10.07.2017).
17. В столетие Революции россияне голосуют за большевиков [Чинкова Е., 16.05.2017] [Электронный ресурс] / Комсомольская правда [сайт]. URL: <http://www.kp.ru/daily/26679/3702214/> (дата обращения: 10.07.2017).
18. Генифе П. Политика революционного террора, 1789–1794. М.: УРСС, 2003. 320 с.
19. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007. 336 с.
20. Гордина Е.Д. Проблемы отечественной истории на страницах массового журнала «Огонек» 1987–1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004. 228 с.
21. Голос (Ярославль). 1917. 8 февраля.
22. Голос (Ярославль). 1917. 3 марта.
23. Голос (Ярославль). 1917. 7 марта.
24. Голос (Ярославль). 1917. 8 марта.
25. Горинов М.М. Русская революция и кризисный ритм российской истории // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века (Сборник материалов всероссийской научной конференции). М.: Институт гуманитарного образования, 2007. С. 90–98.
26. Гуревич М. Историко-статистический сборник по Ярославскому краю. Ярославль, 1922. 232 с.
27. Двоеносова Г.А. Автографы Л.М. Савелова в Национальном архиве Республики Татарстан // Отечественные архивы. 1998. № 5. С. 76–77.
28. Дойчер И. Незавершенная революция. Россия 1917–1967. М.: Интер-Версо, 1991. 272 с.
29. Докучаева А.В., Михайлов В.П., Федорченко Л.В. Российская культура – связующий фактор на постсоветском пространстве // Россия и современный мир. 2014. № 1 (82). С. 128–140.
30. Ершов К.П. Эволюция взглядов и деятельности А.И.Балабановой в первой половине XX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М.: РУДН, 2016. 27 с.
31. Жданова И.А. «Век пропаганды»: управление информацией в условиях войны и революции в России в марте-октябре 1917 года // Отечественная история. 2008. № 3. С. 130–135.
32. Желтый писающий Ленин появился в центре польского Кракова [10.06.2014] / НТВ

- [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1030477/> (дата обращения: 10.07.2017).
33. Памятники Ленину [Электронный ресурс]. URL: <http://leninstatues.ru/leninopad> (дата обращения: 10.07.2017).
 34. Замаева Е.В. Л.М. Савелов и археологические исследования в Воронежской губернии начала XX в. // Исторические записки: научн. труды исторического ф-та Воронежского ун-та. Вып. 11. Воронеж, 2005. С. 67–74.
 35. Измозик В.С. В.И. Ленин и большевики в 1917 году // Проблемы истории и историографии. Сборник докладов межвузовской научной конференции. Т. 1. СПб.: «ЛЭТИ», 2013. С. 82–92.
 36. Исаев И.А. Идея порядка в консервативной ретроспективе. М.: Проспект, 2011. 400 с.
 37. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: введение в социальную и политическую теорию. М.: URSS - Ленанд, 2016. 320 с.
 38. Карцев В.П. Кржижановский. М.: Мол. гвардия. 1980. 383 с.
 39. Кириллова Н.Б. Медиалогия как синтез наук. М.: Академический проект, 2013. 368 с.
 40. Косарев А.И. Российская революция – объективная закономерность в мировом историческом процессе: (к 100-летию Российской революции): Историческое эссе. М.: Юрлитинформ, 2017.
 41. Костриков С., Кострикова Е. Локомотивы истории. Революционный 1917-й. М.: Алгоритм, 2017. 224 с.
 42. Кочетков Г.Н. Россия в 1917 году: выбор пути исторического развития (историография проблемы) // Европейская историография XX века: материалы российско-британской конференции историков. Ярославль-Эксетер: [б.и.], 1992. С. 23–38.
 43. Красин Ю.А. Величие и трагизм советского «эксперимента» // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 10–23.
 44. Красный Октябрь: двулика история / В.П. Булдаков, А.Х. Бурганов, В. Бухараев. Казань: [б.и.], 1992. 63 с.
 45. Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940. Ч. 1. М.: Наследие, 1994. 520 с.
 46. Кунжаров Е.М. Российская государственная пропаганда Первой мировой войны в отечественной историографии // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2013. №3(13). С. 90–93.
 47. Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции (Апрельские тезисы) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. М.: Политиздат, 1969. С. 113–118.
 48. Логинов В.Т. Неизвестный Ленин. М.: Алгоритм, 2010. 576 с.
 49. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.: АИРО-XXI, 2006. 142 с.
 50. Малиа М. Локомотивы истории. Революции и становление современного мира М.: РОССПЭН, 2015. 405 с.
 51. Маслов Д.В. Историография новейшей истории России: учебное пособие. М.: МГОУ, 2016. 164 с.
 52. Матисов В.И. Среди людей неименитых: воспоминания современника. СПб.: Алетейя, 2010. 112 с.
 53. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. 575 с.
 54. Минц И.И. История Великого Октября. В 3-х томах [Т. 1]. М.: Наука, 1977. 784 с.
 55. Минц И.И. История Великого Октября: в 3-х томах [Т. 2]. М.: Наука, 1978. 1008 с.
 56. Минц И.И. История Великого Октября: в 3-х томах [Т. 3]. М.: Наука, 1979. 903 с.

57. Миллер В.И. Революция в России, 1917–1918 гг. (Проблемы изучения): дис. ... докт. ист. наук в форме науч. доклада по совокупности опубликованных трудов. М., 1995. 76 с.
58. Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3х т. Т. 1. М.: РОССПЭН. 2000. 463 с.
59. Наумов О.Н. Л.М. Савелов и Историко-родословное общество в Москве // Историческая генеалогия. 1994. № 4. С. 4–12.
60. Наумов О.Н. Леонид Михайлович Савелов – архивист // Отечественные архивы. 2005. № 3. С. 3–12.
61. Наумов О.Н. Савелов Леонид Михайлович // Общественная мысль русского Зарубежья: энциклопедия. М., 2009. С. 497–498.
62. Наумов О.Н. Савелов Леонид Михайлович // Российский консерватизм середины XVIII – начала XX в.: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 444–445.
63. Наумов О.Н. Леонид Михайлович Савелов и изучение Отечественной войны 1812 года // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 4. М.: Альянс-Архео, 2013. С. 144–152.
64. Неру Дж. Открытие Индии. М.: Иноиздат, 1955. 908 с.
65. Ойзерман Т.И. Оправдание ревизионизма М.: Канон+, 2005. 688 с.
66. От заката до рассвета. Ночь как культурологический феномен. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 2005. 300 с.
67. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 424 с.
68. Пайпс Р. Русская революция. Т. 1: Агония старого режима. М.: Захаров, 2005. 480 с.
69. Памятники Ленину, снесенные на Украине с декабря 2013 года (список, фотографии) / Памятники Ленину [Электронный ресурс]. URL: <http://leninstatues.ru/leninopad> (дата обращения: 10.07.2017).
70. Парадокс Валлерстайна [Bohemicus, 12.08.2012] / Livejournal [Электронный ресурс]. URL: <http://bohemicus.livejournal.com/72244.html> (дата обращения: 10.07.2017).
71. Пришвин М.М. Дневники. М.: Правда, 1990. 480 с.
72. Революция и Гражданская война в России. 1917–1922 гг. М.: ИД “Достоинство”, 2016. 384 с.
73. Рождественское интервью святейшего патриарха Кирилла телеканалу «Россия» [Электронный ресурс] / Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3914070.html> (дата обращения: 10.07.2017).
74. Савелов Л.М. В глубин народной // Ялтинский вечер. 1919. 25 сент. № 58.
75. Савелов Л.М. Социал-революционеры и их тактика // Ялтинский вечер. 1919. 22 ноября. № 101.
76. Савелов Л.М. За социалистическим забралом // Вера и верность. Новый Сад, 1924. № 43–44.
77. Савелов Л.М. Мысли вслух: несколько слов о демократии и любви // Вера и верность. Новый Сад, 1924. № 68.
78. Савелов Л.М.. Наемник – не пастырь // Вера и верность. Новый Сад, 1924. № 47.
79. Савелов Л.М. Отдельная личность // Вера и верность. Новый Сад, 1924. № 53.
80. Савелов Л.М. Царь и Церковь // Вера и верность. Новый Сад, 1924. № 50.
81. Савелов Л.М. Исторические наброски. Партия народной свободы // Вера и верность. Новый Сад, 1924. Новый Сад, 1925. № 74–75.
82. Савелов Л.М. Воспоминания / подгот. текста, предисл., коммент., им. указ. О.Н. Наумова. М.: Старая Басманная, 2015. 488 с.

83. Савелов Л.М. Латыши и Россия // Ялтинский вечер. 1919. 15 дек. № 121.
84. Савелов Л.М. Татары в России // Ялтинский вечер. 1919. 7 марта. № 193.
85. Савелов-Савелков Л.М. Русские святители и их значение в истории // Новик. 1938. № 2.
86. Савелов Л.М. Принудительные работы или несколько слов о хаме // Ялтинский вечер. 1920. 26 марта.
87. Савелов-Савелков Л.М. Генеалогия // Новик. 1939. № 4.
88. Савелов-Савелков Л.М. Из истории внешних сношений Киевской Руси (X–XIII вв.) // Новик. 1940. № 1.
89. Сапон В.П. Философия пробудившегося человека: либертаризм в российской лево-радикальной идеологии, (1840-е – 1917 гг.). Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2005. 334 с.
90. Сафронов В.А., Николаева Н.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М.: Белый волк, Облиздат. 1999. 312 с.
91. Смолин С.Н. Политический процесс в современной России. М.: Проспект, 2004. 326 с.
92. Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». СПб.: Нева, 2002. 512 с.
93. Стариков Н.В. Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века. М.: Яуза-Эксмо, 2006. 512 с.
94. Стариков Н.В. 1917. Разгадка русской революции. М.: Эксмо, 2008. 416 с.
95. Супоницкая И.М. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М.: РОС-СПЭН. 2010. 298 с.
96. Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3 т. Т. 1, кн. 1-2. М.: Политиздат, 1990. 383 с.
97. Тойнби – о России, Западе и коммунизме [Электронный ресурс] / Горизонт событий [сайт]. URL: http://gorizontsobytij.ucoz.ru/publ/dzhozef_tojnbi_o_rossii_1961_g/2-1-0-11 (дата обращения: 10.07.2017).
98. Франс А. Пятая годовщина Русской Революции // Франс А. Собр. соч. в 8-ми т. Т. 8. М.: ГИХЛ, 1960. С. 756.
99. Ханин М. Вместе с рабочим классом // Северный рабочий (Ярославль). 1987. 29 мая.
100. Хантингтон С.Ф. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
101. Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы». Взгляд на Великую Французскую революцию через 200 лет. М.: Интер-Версо, 1991. 272 с.
102. Шепелева В.Б. Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России: (по материалам отечественной и зарубежной историографии). Омск: ОмГУ, 2005. 391 с.
103. Шишлянникова Г.И. Политические взгляды и государственная деятельность Николая II: 1881 - февраль 1917 гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Тамбов, 2009. 25 с.
104. Шубин А.В. Основные проблемы отечественной истории XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2010. Выпуск 1. URL: <http://history.jes.su/s207987840000034-6-2> (дата обращения: 10.07.2017).
105. Шульц Э.Э. Николо Макиавелли и складывание основ теории социального протеста // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. Вып. 29. № 1. С. 198-201.
106. Юрьев А.И. Влияние эсеров и большевиков в армейских частях центра России накануне Октябрьской революции 1917 года // Вопросы отечественной истории. Межвузовский сборник научных статей преподавателей, аспирантов и соискателей. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2015. С. 90-96.
107. Юрьев А.И. К вопросу о влиянии эсеров и большевиков на крестьян, рабочих и сол-

дат центра России накануне Октябрьской революции 1917 года // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 1 (13) С. 34-41.

108. Bailey T. A Discourse on the Causes of Political Revolutions. London: Published by W. Strange and B. Steill, 1830. 32 p.

REFERENCES

1. Ageeva E.A. Moskovskaya periodicheskaya pechat' v 1917–1918 gody: problema vzaimod-eistviya s novoi vlast'yu [Moscow periodicals in the years of 1917–1918: problem of interaction with the new government]. *Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 3 (11), pp. 70–82.
2. Artem'eva T.V. Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushchemu: filosofiya istorii i utopiya v Rossii epokhi Prosveshcheniya [From glorious past to bright future: philosophy of history and utopia in Russia in the times of Enlightenment]. SPb., Aleteiya, 2005. 496 p.
3. Asonov N.V. Politicheskie doktriny rossiiskogo samodержaviya i ikh modernizatsiya [The political doctrine of the Russian autocracy and its modernization]. Moscow, RAGS, 2009. 296 p.
4. Bagdasaryan V.E. «Teoriya zagovora» v otechestvennoi istoriografii vtoroi poloviny XIX–XX vv [“Conspiracy theory” in Russian historiography of the second half of the XIX–XX centuries]. Moscow, Signal, 1999. 515 p.
5. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow, Nauka, 1990. 224 p.
6. Bessonova O.E. Razdatochnaya ekonomika Rossii: Evolyutsiya cherez transformatsii [Distributing economy of Russia: evolution through transformations]. Moscow, ROSSPEN, 2006. 143 p.
7. Buldakov V.P. Istoriograficheskie metamorfozy «Krasnogo Oktyabrya» [Historiographical metamorphosis of “The Red October”]. *Istoricheskie issledovaniya v Rossii: tendentsii poslednikh let* [Historical research in Russia: recent trends]. Moscow, AIRO-KHKH, 1996. pp. 179–205.
8. Buldakov V.P. Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [The red revolt: the nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow, ROSSPEN, 2010. 378 p.
9. Buldakov V.P. Utopiya, agressiya, vlast': psikhosotsial'naya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni, Rossiya, 1920-1930 gg [Utopia, aggression, and power: the psycho-social dynamics of the post-revolutionary times, Russia, 1920-1930]. Moscow, ROSSPEN, 2012. 759 p.
10. Vas'kovskii O.A., Tertyshnyi A.T. Fenomen diktatury proletariata (1917 god v Rossii v otsenke istorikov) [The phenomenon of the dictatorship of the proletariat (1917 in Russia, in the estimation of historians)]. Ekaterinburg, Ural. gos. ekonom. un-t, 1995. 225 p.
11. Vakhitov R.R. Revolyutsiya, kotoraya spasla Rossiya [Revolution, which saved Russia]. Moscow, Algoritm, 2017. 224 p.
12. Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya: entsiklopediya [The Great October Socialist Revolution: an encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1987. 639 p.
13. V MGIMO proshli «predvybornye debaty v Uchreditel'noe sobranie 1917 goda» [In MGIMO “pre-election debates in the Constituent Assembly of 1917” took place]. *Russkoe voenno-istoricheskoe obshchestvo* [sait]. [Russian military historical society [website]]. Available at: <http://rvio.histrf.ru/activities/news/item-3406> (accessed 10.07.2017).
14. Velitchenko N.S. Khlebnaya trgovlya Verkhnei Volgi v pervoi polovine XIX v.: dis. ... kand. ist. nauk [The grain trade of the Upper Volga in the first half of XIX century: thesis ... cand. hist. sciences]. Yaroslavl, 1980. 189 p.

15. Vilkov A.A., Zakharova T.I. Sakral'nye osnovaniya vlasti v politicheskoi zhizni Rossii [The sacred foundations of power in the political life of Russia]. Saratov, Izdatel'skii tsentr «Nauka», 2010. 200 p.
16. Vorontsova T. V gostyakh u «starshego brata» / Izdatel'skii dom «Pervoe sentyabrya» [sait]. [The "big brother" [Electronic source] / Publishing house "First of September" [website]. Available at: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200300909> (accessed 10.07.2017).
17. V stoletie Revolyutsii rossiyane golosuyut za bol'shevikov [On the 100th anniversary of the Revolution the Russians vote for the Bolsheviks] [Chinkova E., 16.05.2017] / Komsomol'skaya pravda [websait]. Available at: <http://www.kp.ru/daily/26679/3702214/> (accessed 10.07.2017).
18. Genife P. Politika revolyutsionnogo terrora, 1789-1794 [The policy of revolutionary terror, 1789-1794]. Moscow, URSS, 2003. 320 p.
19. Gizo F. Istoriya tsivilizatsii v Evrope [The history of civilization in Europe]. Moscow, Territoriya budushchego, 2007. 336 p.
20. Gordina E.D. Problemy otechestvennoi istorii na stranitsakh massovogo zhurnala «Ogon'ek» 1987-1991 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. [Problems of national history in popular magazine "Ogonyok" 1987-1991: thesis ... cand. hist. sciences]. Novgorod, 2004. 228 p.
21. Golos (Yaroslavl'). 1917 [Voice (Yaroslavl). 1917]. Feb. 8.
22. Golos (Yaroslavl'). 1917 [Voice (Yaroslavl). 1917]. Mar. 3.
23. Golos (Yaroslavl'). 1917 [Voice (Yaroslavl). 1917]. Mar. 7.
24. Golos (Yaroslavl'). 1917 [Voice (Yaroslavl). 1917]. Mar. 8.
25. Gorinov M.M. Russkaya revolyutsiya i krizisnyi ritm rossiiskoi istorii [The Russian revolution and the crisis rhythm of Russian history]. Oktyabr' 1917 goda: vzglyad iz XXI veka (Sbornik materialov vsrossiiskoi nauchnoi konferentsii) [October 1917: the view from the XXI century (proceedings of Russian scientific conference)]. Moscow, Institut gumanitarnogo obrazovaniya, 2007, pp. 90-98.
26. Gurevich M. Istoriko-statisticheskii sbornik po Yaroslavskomu krayu [Historical-statistical collection of Yaroslavl' region. Yaroslavl, 1922. 232 p.
27. Dvoenosova G.A., Avtografy L.M. Savelova v Natsional'nom arkhive Respubliki Tatarstan [L.M. Savelov's autographs in the National archives of the Republic of Tatarstan]. *Otechestvennyye arkhivy*, 1998, no. 5, pp. 76-77.
28. Doicher I. Nezavershennaya revolyutsiya. Rossiya 1917-1967 [Unfinished revolution. Russia 1917-1967]. Moscow, Inter-Verso, 1991. 272 p.
29. Dokuchaeva A.V., Mikhailov V.P., Fedorchenko L.V. Rossiiskaya kul'tura – svyazuyushchii faktor na postsovetском prostranstve [Russian culture is the binding factor in the post-Soviet space]. *Rossiia i sovremennyi mir*, 2014, no. 1 (82), pp. 128-140.
30. Ershov K.P. Evolyutsiya vzglyadov i deyatelnosti A.I. Balabanovoi v pervoi polovine XX veka: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk [The evolution of A. I. Balabanova's views and activities in the first half of the twentieth century: abstract of thesis ... cand. hist. sciences]. Moscow, RUDN, 2016. 27 p.
31. Zhdanova I.A. «Vek propagandy»: upravlenie informatsiei v usloviyakh voyny i revolyutsii v Rossii v marte-oktyabre 1917 goda ["Age of propaganda": information management in the conditions of war and revolution in Russia in March-October 1917]. *Otechestvennaya istoriya*, 2008, no. 3, pp. 130-135.
32. Zheltyi pisayushchii Lenin poyavilsya v tsentre pol'skogo Krakova [10.06.2014] / NTV [website]. [Yellow pissing Lenin appeared in the center of the Polish Kraków [10.06.2014] / NTV [website].]. Available at: <http://www.ntv.ru/novosti/1030477/> (accessed 10.07.2017).
33. Pamyatniki Leninu [website] Available at: <http://leninstatues.ru/leninopad> (accessed 10.07.2017).

34. Zamaeva E.V. L.M. Savelov i arkhelogicheskie issledovaniya v Voronezhskoi gubernii nachala XX v. [L.M. Savelov and archaeological studies in Voronezh province of the early XX century]. *Istoricheskie zapiski: nauchn. trudy istoricheskogo f-ta Voronezhskogo un-ta*, [Historical notes: scientific works of historical faculty of Voronezh University], 2005, no. 11, pp. 67–74.
35. Izmozik V.S. V.I. Lenin i bol'sheviki v 1917 godu [V.I. Lenin and the Bolsheviks in 1917] Problemy istorii i istoriografii. Sbornik докладов mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii. Tom 1 [Problems of history and historiography. The collection of reports of inter-university scientific conference. Vol. 1]. SPb., "LETI", 2013, pp. 82–92.
36. Isaev I.A. Ideya porjadka v konservativnoi retrospektive [The idea of the conservative order in retrospect]. Moscow, Prospekt, 2011. 400 p.
37. Kagarlitskii B.Yu. Marksizm: vvedenie v sotsial'nyu i politicheskuyu teoriyu [Marxism: introduction to social and political theory]. Moscow, URSS - Lenand, 2016. 320 p.
38. Kartsev V.P. Krzhizhanovskii [Krzyzanowski]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1980. 383 p.
39. Kirillova N.B. Medialogiya kak sintez nauk [Medialogy as a synthesis of Sciences]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2013. 368 p.
40. Kosarev A.I. Rossiiskaya revolyutsiya – ob'ektivnaya zakonmernost' v mirovom istoricheskom protsesse: (k 100-letiyu Rossiiskoi revolyutsii): Istoriosofskoe esse [The Russian revolution is an objective regularity in the world historical process: (to the 100 anniversary of the Russian revolution): Historiosophical essay]. Moscow, Yurlitinform, 2017.
41. Kostrikov S., Kostrikova E. Lokomotivy istorii. Revolyutsionnyi 1917-i [The locomotives of history. Revolutionary year of 1917]. Moscow, Algoritm, 2017. 224 p.
42. Kochetkov G.N. Rossiya v 1917 godu: vybor puti istoricheskogo razvitiya (istoriografiya problemy) [Russia in 1917: the choice of the path of historical development (historiography of the problem)] *Evropeiskaya istoriografiya XX veka: materialy rossiisko-britanskoi konferentsii istorikov* [European historiography of the XX century: materials of the Russian-British conference of historians]. Yaroslavl-Exeter, [b.i.], 1992, pp. 23–38.
43. Krasin Yu.A. Velichie i tragizm sovetskogo «eksperimenta» [The greatness and tragedy of the Soviet "experiment"]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2017, no. 1, pp. 10–23.
44. Krasnyi Oktyabr': dvulikaya istoriya / V.P. Buldakov, A.X. Burganov, V. Bukharaev [The Red October: two-faced history / V. P. Buldakov, A. X. Burganov, Vladimir Bukharaev]. Kazan, [b.i.], 1992, 63 p.
45. Kul'turnoe nasledie rossiiskoi emigratsii, 1917–1940. Ch. 1 [Cultural heritage of the Russian emigration, 1917–1940. Part 1]. Moscow, Nasledie, 1994. 520 p.
46. Kunzharov E.M. Rossiiskaya gosudarstvennaya propaganda Pervoi mirovoi voiny v otechestvennoi istoriografii [Russian state propaganda of the First world war in Russian historiography]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, 2013, no. 3 (13), pp. 90–93.
47. Lenin V.I. O zadachakh proletariata v dannoi revolyutsii (Aprel'skie tezisy) [On the tasks of the proletariat in the present revolution (April theses)] Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 31 [Lenin V. I. Poln. Coll. Op. 31, Etc]. Moscow, Politizdat, 1969, pp. 113–118.
48. Loginov V.T. Neizvestnyi Lenin [The unknown Lenin]. Moscow, Algoritm, 2010. 576 p.
49. Lyukshin D.I. Vtoraya russkaya smuta: krest'yanskoe izmerenie [The second Russian revolt: the peasant dimension]. Moscow, AIRO-XXI, 2006. 142 p.
50. Malia M. Lokomotivy istorii: Revolyutsii i stanovlenie sovremennogo mira [The locomotives of history: Revolution and formation of the modern world]. M., ROSSPEN, 2015. 405 p.
51. Maslov D.V. Istoriografiya noveishei istorii Rossii: uchebnoe posobie [Historiography of modern history of Russia: textbook]. Moscow, MGOU, 2016. 164 p.
52. Matisov V.I. Sredi lyudei neimenitykh: vospominaniya sovremennika [Among ordinary people: memoirs of a contemporary]. SPb., Aleteiya, 2010. 112 p.

53. Medushevskii A.N. Teoriya konstitutsionnykh tsiklov [The theory of constitutional cycles]. Moscow, Izdatel'skii dom GU VSHE, 2005. 575 p.
54. Mints I.I. Istoriya Velikogo Oktyabrya. V 3-kh tomakh [T. 1] [The history of the Great October. 3 vols [vol. 1]]. Moscow, Nauka, 1977. 784 p.
55. Mints I.I. Istoriya Velikogo Oktyabrya: v 3-kh tomakh [T. 2] [History of the Great October Revolution: 3 volumes [vol. 2]]. Moscow, Nauka, 1978. 1008 p.
56. Mints I.I. Istoriya Velikogo Oktyabrya: v 3-kh tomakh [T. 3] [History of the Great October Revolution: 3 volumes [vol. 3]]. Moscow, Nauka, 1979. 903 p.
57. Miller V.I. Revolyutsiya v Rossii, 1917–1918 gg.: Problemy izucheniya [The Russian Revolution, 1917–1918: Problem of the study]. Moscow, ADD, 1995.
58. Naselenie Rossii v KHKH veke. Istoricheskie ocherki. V 3kh t. T. 1 [The population of Russia in the twentieth century. Historical essays. In 3 T. T. 1]. Moscow, ROSSPEN, 2000. 463 p.
59. Naumov O.N. L.M. Savelov i Istoriko-rodoslovnnoe obshchestvo v Moskve [L.M. Savelov and historical-genealogical society in Moscow]. *Istoricheskaya genealogiya*, 1994, no. 4, pp. 4–12.
60. Naumov O.N. Leonid Mikhailovich Savelov – arkhivist [Leonid Mikhailovich Savelov – archivist]. *Otechestvennye arkhivy*, 2005, no. 3, pp. 3–12.
61. Naumov O.N. Savelov Leonid Mikhailovich [Savelov, Leonid Mikhailovich]. *Obshchestvennaya mysl' russkogo Zarubezh'ya: entsiklopediya* [Social thought of the Russian Diaspora: encyclopedia]. Moscow, 2009, pp. 497–498.
62. Naumov O.N. Savelov Leonid Mikhailovich [Savelov, Leonid Mikhailovich]. *Rossiiskii konservativizm serediny XVIII – nachala XX veka* [Russian conservatism of the middle of XVIII – early XX century]: encyclopedia. Moscow, ROSSPEN, 2010, pp. 444–445.
63. Naumov O.N. Leonid Mikhailovich Savelov i izuchenie Otechestvennoi voiny 1812 goda [Leonid Mikhailovich Savelov and the study of the Patriotic war of 1812]. *Istoriya Moskovskogo kraya. Problemy, issledovaniya, novye materialy*, no. 4. Moscow, Al'yans-Arheo, 2013, pp. 144–152.
64. Neru Dzh. Otkrytie Indii [J. Nehru. The discovery of India]. Moscow, Inoizdat, 1955. 908 p.
65. Oizerman T.I. Opravdanie revizionizma [The justification of revisionism]. Moscow, Kanon+, 2005. 688 p.
66. Ot zakata do rassveta. Noch' kak kul'turologicheskii fenomen [From sunset till dawn. Night as a cultural phenomenon]. SPb., Izd-vo Dmitrii Bulanin, 2005. 300 p.
67. Paips R. Rossiya pri starom rezhime [Russia under the old regime]. Moscow, Nezavisimaya gazeta, 1993. 424 p.
68. Paips R. Russkaya revolyutsiya. T. 1: Agoniya starogo rezhima [The Russian revolution. Vol. 1: the agony of the old regime]. Moscow, Zakharov, 2005. 480 p.
69. Pamyatniki Leninu, snesennye na Ukraine s dekabrya 2013 goda (spisok, fotografii) / Pamyatniki Leninu [sait]. [Monuments to Lenin demolished in Ukraine since December 2013 (list, photos) / the Monuments to Lenin [website]]. Available at: <http://leninstatues.ru/leninopad> (accessed 10.07.2017).
70. Paradoks Vallerstaina [Bohemicus, 12.08.2012] / Livejournal [elektronnyi resurs]. [The paradox of Wallerstein [Bohemicus, 12.08.2012] / Livejournal [Electronic source]]. Available at: <http://bohemicus.livejournal.com/72244.html> (accessed 10.07.2017).
71. Prishvin M.M. Dnevnik [Diaries]. Moscow, Pravda, 1990. 480 p.
72. Revolyutsiya i Grazhdanskaya voyna v Rossii. 1917–1922 gg. [Revolution and Civil war in Russia. 1917–1922]. Moscow, ID “Dostoinstvo”, 2016. 384 p.
73. Rozhdestvenskoe interv'yu svyateishego patriarkha Kirilla telekanalu «Rossiya» [Elektronnyi resurs]. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'*: ofitsial'nyi sait Moskovskogo patriarkhata. [Christmas interview of his Holiness Patriarch Kirill to the TV channel "Russia" [Electronic

- source] / Russian Orthodox Church: official website of the Moscow Patriarchate]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3914070.html> (accessed 10.07.2017).
74. Savelov L.M. V glubi narodnoi [In depth of people]. *Yaltinskii vecher*, 1919, 25 sent., no. 58.
 75. Savelov L.M. Sotsial-revolutsionery i ikh taktika [The social-revolutionaries and their tactics]. *Yaltinskii vecher*, 1919, 22 noyabrya, no. 101.
 76. Savelov L.M. Za sotsialisticheskim zabralom [Behind the socialist visor]. *Vera i vernost'*, Novyi Sad, 1924, no. 43–44.
 77. Savelov L.M. Mysli vsluhkh: neskol'ko slov o demokratii i lyubvi [Thinking out loud: a few words about democracy and love]. *Vera i vernost'*, Novyi Sad, 1924, no. 68.
 78. Savelov L.M.. Naemnik – ne pastyr' [Mercenary is not a pastor]. *Vera i vernost'*, Novyi Sad, 1924, no. 47.
 79. Savelov L.M. Otdel'naya lichnost' [An individual]. *Vera i vernost'*, Novyi Sad, 1924, no. 53.
 80. Savelov L.M. Tsar' i Tserkov' [The Tsar and the Church]. *Vera i vernost'*, Novyi Sad, 1924, no. 50.
 81. Savelov L.M. Istoricheskie nabroski. Partiya narodnoi svobody [Historical sketches. Party of people's freedom]. *Vera i vernost'*, Novyi Sad, 1924, Novyi Sad, 1925, no. 74–75.
 82. Savelov L.M. Vospominaniya / podgot. teksta, predisl., komment., im. ukaz. O.N. Naumova [Memories / text preparation, pref., comment, notes by O.N. Naumova]. Moscow, Staraya Basmannaya, 2015, 488 p.
 83. Savelov L.M. Latyshy i Rossiya [The Latvians and Russia]. *Yaltinskii vecher*, 1919, 15 dek., no. 121.
 84. Savelov L.M. Tatary v Rossii [The Tatars in Russia]. *Yaltinskii vecher*, 1919, 7 marta, no. 193.
 85. Savelov-Savelkov L.M. Russkie svyatiteli i ikh znachenie v istorii [Russian saints and their importance for the history]. *Novik*, 1938, no. 2.
 86. Savelov L.M. Prinuditel'nye raboty ili neskol'ko slov o khame [Forced labor, or a few words about Ham]. *Yaltinskii vecher*, 1920 [Yalta night, 1920]. Mar. 26.
 87. Savelov-Savelkov L.M. Genealogiya [Genealogy]. *Novik*, 1939, no. 4.
 88. Savelov-Savelkov L.M. Iz istorii vneshnikh snoshenii Kievskoi Rusi (X–XIII vv.) [From the history of foreign relations of Kievan Rus (X–XIII centuries)]. *Novik*, 1940, no. 1.
 89. Sapon V.P. Filosofiya probudivshegosya cheloveka: libertarizm v rossiiskoi levoradikal'noi ideologii, (1840-e – 1917 gg.) [The philosophy of the awakened people: libertarianism in the Russian radical leftist ideology (1840s – 1917)]. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005. 334 p.
 90. Safronov V.A., Nikolaeva N.A. Istoki slavyanskoi i evraziiskoi mifologii [The origins of Slavic and Eurasian mythology]. Moscow, Belyi volk, Oblizdat, 1999. 312 p.
 91. Smolin S.N. Politicheskii protsess v sovremennoi Rossii [The political process in modern Russia]. Moscow, Prospekt, 2004. 326 p.
 92. Sobolev G.L. Taina «nemetskogo zolota» [The mystery of the "German gold"]. SPb., Neva, 2002. 512 p.
 93. Starikov N.V. Kto ubil Rossiiskuyu imperiyu? Glavnaya taina XX veka [Who killed the Russian Empire? The main mystery of the twentieth century]. Moscow, Yauza-Eksmo, 2006. 512 p.
 94. Starikov N.V. 1917. Razgadka russkoi revolyutsii [1917. The solution of the Russian revolution]. Moscow, Eksmo, 2008. 416 p.
 95. Suponitskaya I.M. Ravenstvo i svoboda. Rossiya i SSHA: sravnenie sistem [Equality and freedom. Russia and the United States: comparison of systems]. M., ROSSPEN, 2010. 298 p.
 96. Sukhanov N.N. Zapiski o revolyutsii: V 3 t. T. 1, kn. 1–2 [Notes on the revolution: In 3 vol. Vol. 1, vol. 1–2]. Moscow, Politizdat, 1990. 383 p.

97. Tojnbi – o Rossii, Zapade i kommunizme [Elektronnyi resurs] / Gorizont sobytii [sait]. [Toynbee about Russia, the West and communism [Electronic source] / Horizon of events [website]]. Available at: http://gorizontsobytij.ucoz.ru/publ/dzhozef_tojnbi_o_rossii_1961_g/2-1-0-11 (accessed 10.07.2017).
98. Frans A. Pyataya godovshchina Russkoi Revolyutsii [The fifth anniversary of the Russian Revolution] Frans A. *Sobr. soch. v 8-mi t. T. 8* [Frans A. Coll. Op. 8 vol. Vol. 8]. Moscow, GIKHL, 1960, pp. 756
99. Khanin M. Vmeste s rabochim klassom. *Severnyi rabochii (Yaroslavl')*, 1987, May 29 [Together with the working class. *Northern worker (Yaroslavl)*, 1987, may 29].
100. Khantington S.F. Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh [Political order in changing societies]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2004. 480 p.
101. Khobsbaum E. Ekho «Marsel'ezy». Vzglyad na Velikuyu Frantsuzskuyu revolyutsiyu cherez 200 let [The echo of "Marseillaise". View at the French revolution 200 years later]. Moscow, Inter-Verso, 1991. 272 p.
102. Shepeleva V.B. Revolyutsiologiya. Problema predposylok revolyutsionnogo protsesssa 1917 goda v Rossii: (po materialam otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii) [Revoluciologia. The problem of the prerequisites of the revolutionary process of 1917 in Russia (on the materials of Russian and foreign historiography)]. Omsk, OmGU, 2005. 391 p.
103. Shishlyannikova G.I. Politicheskie vzglyady i gosudarstvennaya deyatel'nost' Nikolaya II: 1881 – fevral' 1917 gg.: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk [Political views and public activities of Nicolas II: 1881 – February 1917: abstract of thesis. dis. cand. histor. sciences]. Tambov, 2009. 25 p.
104. Shubin A.V. Osnovnye problemy otechestvennoi istorii XX v. [The main problems of Russian history of the twentieth century.] Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya». 2010. Vypusk 1. [Electronic scientific and educational journal "History". 2010. Issue 1.]. Available at: <http://history.jes.su/s207987840000034-6-2> (accessed 10.07.2017).
105. Shul'ts E.E. Nikolo Makiavelli i skladyvanie osnov teorii sotsial'nogo protesta [Niccolò Machiavelli and the formation of the basic theory of social protest]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika, 2014, Vyp. 29, no. 1, pp. 198–201.
106. Yur'ev A.I. Vliyanie eserov i bol'shevikov v armeiskikh chastyakh tsentra Rossii nakanune Oktyabr'skoi revolyutsii 1917 goda [The influence of the social revolutionaries and the Bolsheviks in the army units of the Central Russia before the October revolution of 1917] Voprosy otechestvennoi istorii. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei prepodavatelei, aspirantov i soiskatelei [Questions of national history. Inter-university collection of scientific articles of teachers, graduate students and applicants]. Moscow, MGGU im. M.A. Sholokhova, 2015, pp. 90–96
107. Yur'ev A.I. K voprosu o vliyanii eserov i bol'shevikov na krest'yan, rabochikh i soldat tsentra Rossii nakanune Oktyabr'skoi revolyutsii 1917 goda [To the question of the influence of the SRS and the Bolsheviks on peasants, workers and soldiers in Central Russia on the eve of the October revolution of 1917]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*. Seriya: Istoricheskie nauki, 2014, no. 1 (13), pp. 34–41.
108. Bailey T. A Discourse on the Causes of Political Revolutions. London, Published by W. Strange and B. Steill, 1830. 32 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: vardanb@mail.ru

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: volobuevov@yandex.ru

Иерусалимский Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Наумов Олег Николаевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-nnir@mgou.ru

Телицын Вадим Леонидович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;
e-mail: telitsyn@mail.ru

Федорченко Сергей Николаевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Московского государственного областного университета;
e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Федюк Владимир Павлович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vardan E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Politology and Law, Head of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modernity, Moscow Region State University;
e-mail: vardanb@mail.ru

Oleg V. Volobuev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Full Member of the International Academy of Higher School, Professor of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modernity, Moscow Region State University;
e-mail: volobuevov@yandex.ru

Yury Yu. Ierusalimskiy – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the Native History of Russia of the Middle Ages and the Modern Times, Historical faculty, Yaroslavl State University named P.G. Demidov;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Dmitry V. Maslov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the Newest History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Oleg N. Naumov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of the Newest History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: kaf-nnir@mgou.ru

Vadim L. Telitsyn – Doctor of Historical Sciences, Professor, leading researcher of the Institute of General History of RAS;
e-mail: telitsyn@mail.ru

Sergey N. Fedorchenko – PhD in Political Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Politology and Law, Science Subdean of the Faculty of History, Politology and Law, Moscow Region State University;
e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Vladimir P. Fedyuk – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Yaroslavl State University named P.G. Demidov
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В.Э., Волобуев О.В., Иерусалимский Ю.Ю., Федюк В.П., Наумов О.Н., Маслов Д.В., Федорченко С.Н., Телицын В.Л. Российская революция: взгляд через столетие (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 15–68.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-15-68

FOR CITATION

V. Bagdasaryan, O. Volobuev, Y. Ierusalimskiy, V. Fedyuk, O. Naumov, D. Maslov, S. Fedorchenko, V. Telitsyn. The Russian Revolution: View Through the Century (Round Table). In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 15–68.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-15-68

УДК 94(470)“1917/1918”

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-69-81

ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ И МИРА В ИНТЕРЬЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Журавлев В.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. Обращаясь к событиям столетней давности, автор стремится представить обстановку назревающей и разразившейся октябрьской драмы, «воззвав к жизни», казалось бы, давно умолкнувшие голоса её современников и участников. Они запечатлены не на магнитофонных лентах или иных средствах воспроизведения звука, а на пожелтевших от времени страницах газет, дневников и воспоминаний. В числе очевидцев тех событий, чьи оценки представлены в статье, В.Н. Муравьев (преп. Серафим Вырицкий), генерал Ф.Я. Ростовский, политические деятели В.А. Базаров (Руднев), П.Н. Милюков, Л.Д. Троцкий, писатель Максим Горький.

Ключевые слова: война, мир, революция, общественные настроения, политические процессы.

THE PROBLEM OF WAR AND PEACE IN THE SOCIO-POLITICAL INTERIOR OF OCTOBER 1917

V. Zhuravlev

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. Addressing the events which happened a hundred year ago, the author aims at describing the situation of the impending and breaking out October drama. Its contemporaries and participants' voices seem to be heard again. They are not recoded on the tapes of tape-recorders or other recording instruments, but can be seen on the yellow from time pages of newspapers, diaries and memoirs. Among the eyewitnesses to those events there is V.N. Murav'ev (Reverend Seraphim Vyritsky), general F.Ya. Rostkovsky, political figures V.A. Bazarov (Rudnev), P.N. Mil'ukov, L.D. Trotsky, the writer M. Gorky.

Key words: war, peace, revolution, public sentiment, political processes.

Период с начала октября 1917 г. и до середины января 1918 г. составляет наивысший, кульминационный этап Великой Российской революции 1917 г., плавно переходящий к весне 1918 г. в Гражданскую войну. Позади остались всенародная эйфория Февраля, триумф и кризисы Временного правительства, «мятеж» 3-5 июля, выступление генерала Л.Г. Корнилова. Параллельно с этими общественно-политическими событиями, но в неразрывной причинно-следственной связи

с ними, набирали обороты главные, судьбоносные для страны процессы, наиболее острыми и неотвратимыми из которых были экономический коллапс и достигший точки невозврата на фоне военных неудач и ухудшения социально-политического климата в стране развал армии. Как воюющей на фронтах Первой мировой, так и расквартированной в тыловых гарнизонах.

Обращаясь к этим событиям столетней давности, попытаемся представить обстановку назревающей и разразившейся октябрьской драмы, «воззвав к жизни», казалось бы, давно умолкнувшие голоса её современников и участников. Они запечатлены не на магнитофонных лентах или иных средствах воспроизведения звука, а на пожелтевших от времени страницах газет, дневников и воспоминаний. Наиболее надежным и массовым ретранслятором «живых» взглядов, широкого круга граждан страны, не «остывших» их настроений, еще «не перегоревших» суждений и оценок служили в ходе рассматриваемых нами событий российские газеты. Как, в первую очередь, столичные – петроградские и московские, так и региональные.

Взволнованный, нестройный хор «рвущихся» с газетных колонок голосов доносит до нас, прежде всего, обстановку растущего безвластия в стране, нарастание вала «коллективного бессознательного». Анархия и связанная с ней преступность становятся обыденным явлением. Газеты заполнены сообщениями о творящихся повсеместно безобразиях. Самое активное участие в них принимают солдаты тыловых гарнизонов, а также дезертиры

с фронтов Первой мировой, которых становится все больше и больше. «... Темные, веками жившие рабами, массы точно в чаду какого-то похмелья творят свою разрушительную работу и губят себя и других» – с отчаянием общается в «письме солдата» в редакцию газеты «Голос солдата». И далее: «... Солдаты громят поезда, в Харькове толпа солдат отрывает могилы с целью снять с покойника драгоценности, в Царевококшайске толпа громит продовольственную управу, в Ржеве солдаты громят винные склады и грабят лавки, в Бендерах антисемитский погром, и такая вольность катится по всей стране» [1].

Психологическое состояние традиционалистски настроенной (кстати, весьма значительной) категории населения, воспитанной на христианских ценностях и остававшейся верной им, отчетливо выразил В.Н. Муравьев (в постриге Серафим Вырицкий) в статье, опубликованной месяц спустя после событий 25 октября в издании Русской Православной церкви: «Святая Русь умерла. На месте ее воцарилась Русь нечестивая, Русь паскудная, Русь разбойная. Чудится, что не Русь это вовсе, а злое и бессмысленное наваждение. Мы ждали обновления, движения вперед, но получилось разложение, движение вспять, к давно пройденным темным и жестоким временам. Мы звали к работе во имя нового долга, нового достоинства, нового отечества, но получился прогул совести, чести, родины, напоминающий старые проклятые измены Смутного времени» [10].

Таков был персонифицированный данным текстом голос всего корпуса служителей Русской Православной

церкви, которые в массе своей в одночасье отреклись в Феврале от «помазанника божьего» и своего духовного лидера и бестрепетно встали на сторону Временного правительства, фактически благословив таким образом страну и свою паству на все, что произошло с ними впоследствии.

Итак, Октябрь уж наступил... Холодное лето 1917 г. неумолимо перетекало в неприветливую осень. Современник, свидетель и усердный бытописатель рассматриваемых нами событий отставной царский генерал от инфантерии Феликс Яковлевич Ростковский (1841–1920), возвращаясь ориентировочно 14 (27) октября в северную столицу из очередной поездки, записал в своем дневнике: «Выезжали мы из Москвы при прекрасной погоде – легкий морозец и солнечно, а Петроград встретил по обыкновению сумрачный, дождливый, серый и вдобавок темный, не говоря уже о дороговизне» [9, с. 311].

Погодные неурядицы вкупе с бытовыми, житейскими в целом тяготами, впрочем, никак не способствовали охлаждению политических страстей. Безднажность в видении выхода из создавшейся ситуации лишь усиливала их конфронтационный накал. Судорожно предпринимаемые властью и частью умеренных партийно-политических сил меры по его ослаблению не давали нужного эффекта.

Выявившаяся к осени очевидность для власти и общества намерений большевиков совершить государственный переворот, «низложить» Временное правительство и легитимировать свою власть вердиктом готовившегося Второго Всероссийского съезда Советов никак не нарушила планов и практи-

ческих действий «русских якобинцев».

Одно из самых популярных и высокотиражных периодических изданий в России «Биржевые ведомости» – выходящая в северной столице два раза в день многопрофильная газета деловых кругов (биржевых, финансовых, торговых и проч.), пристально следившая за политической, общественной, литературной жизнью страны, – 23 октября опубликовала редакционную статью «Попытка большевиков захватить власть».

«Сегодня, таким образом, выступления большевиков для захвата власти начались» – так газета оценила обращение председателя Петросовета Л.Д. Троцкого к петроградскому гарнизону не признавать и не исполнять никаких распоряжений, не подписанных Военно-революционным комитетом Петроградского Совета, с одновременным назначением комиссаров в воинские части и «особо важные пункты столицы и ее окрестностей». Сегодня же придется узнать, продолжала газета, «существует ли в России Правительство, или имеется только пустующая «дача Дурново», населенная призраками, где может поселиться любой Троцкий». И хотя редакционная статья завершается на вроде бы оптимистической ноте со ссылкой на Временное правительство и его «твердую уверенность, что восстание, если возникнет, то будет немедленно же ликвидировано», авторы статьи уверены в другом: «Восстание началось и никакими силами его теперь не остановить».

Это было одно из запоздавших предостережений, идущих от «старого мира», от лица «цензовых», непролетарских элементов российского общества. Одно из последних, ибо уже 26

октября решением ВРК при Петроградском Совете газета была закрыта, как и ряд других газет, оппозиционных большевикам.

За неделю до роковой даты выступления петроградские газеты были полны сведениями и слухами на тему: выступят или не выступят большевики, а если решатся на это, то когда. Создавалось впечатление, что широкие слои общественности (представители власти, либералы, меньшевики, правые эсеры) приняли позицию сторонних наблюдателей, «зрителей из партера», будучи заинтригованы в первую очередь одним: а что из этого получится? Протесты, если они и имели место, носили в первую очередь вербальный и увещательный характер.

17 октября в газете «Новая жизнь» появилась статья члена ЦК и Центрального бюро РСДРП (интернационалистов) В.А. Базарова (Руднева) «Марксистское отношение к восстанию». Обращаясь к большевикам – противникам выступления, он *рекомендовал* им «самым решительным образом агитировать на митингах, по заводам, в прессе употребить все усилия к тому, чтобы удержать от безумного шага сбитые с толку рабочие и солдатские массы». При этом, апеллируя к теоретическим постулатам марксизма, автор статьи, судя по всему, запомнил известный марксистский тезис: «Оружие логики не заменит логики оружия».

Неизбежное случилось 25 октября. Точную, по-военному конкретную, выверенную картину событий этого дня в Петрограде воссоздал «квалифицированный» их свидетель – уже известный нам отставной генерал Ф.Я. Ростковский, черпавший свою

информацию не только из газет, которые были им тщательно проштудированы, но и из самой – живой, реальной – действительности. 26 октября он записал в своем дневнике: «Вчера был мятеж большевиков. По улицам и на мостах были красногвардейцы в виде охраны (вроде полиции) и для предупреждения разводки мостов. У Зимнего дворца настоящее сражение. Прибыл и стоит на Неве корабль «Автора». Был бомбардирован Зимний дворец, в котором выбиты окна. Защищали дворец женский батальон и юнкерские училища. Однако большевики объявили В[ременное] правительство низложенным и сами захватили вокзалы, г[осударственные] банки, почту, телеграф, телефоны и др. учреждения. Штаб округа сдался. Гарнизон почти весь на стороне большевиков. В[ременное] Правительство выпустило воззвание, но опять слова, слова, слова и слова, а силы никакой. Большевики прекрасно организовались, что и дало им победу».

Свои наблюдения Феликс Яковлевич резюмировал следующим образом: «Уверен, что долго эта власть не продержится и это указывает, что будут кровавые стычки» [9, с. 317, 318].

Генерал оказался прав лишь во втором своем утверждении. В первом же он жестоко ошибся. Как ошиблись не только антибольшевистски настроенные слои населения, но и вожди и рядовые члены практически всего широчайшего спектра оппозиционных большевизму партий и движений. Впоследствии свою уже отмеченную выше позицию сторонних наблюдателей некоторые из них были склонны возвести в ранг некоего политического замысла. «В очень умеренных

кругах, – свидетельствовал лидер конституционных демократов П.Н. Миллюков, – последний эксперимент находили даже очень желательным, чтобы «навсегда излечить Россию от большевизма». Прошло всего несколько месяцев, и П.Н. Миллюков, находясь на Дону (в Новочеркасске), где в это время уже формировалась Добровольческая армия, констатировал: «Опыт показал, что вся эта легкомысленная самоуверенность была глубоким заблуждением».

Отрекаясь от скептицизма, который породила у него в свое время «идеология большевистского переворота», изложенная в ленинской брошюре «Удержат ли большевики государственную власть», Миллюков уже в начале 1918 г., размышляя с позиций не только политика, но и историка-аналитика, заключал: «Таким образом, теперь можно с большей объективностью прислушаться к тому, о чем предупреждал Ленин, взвесить то верное, что было в его предупреждениях, – и что дало большевикам доверие масс, внушило им ту смелость «дерзания», которой не хватало Керенскому, – и успехом их попытки вполне оправдало предварительные расчеты и соображения Ленина» [7, с. 579].

25 октября в большевистском издании «Рабочий и Солдат», а позднее и в других газетах было опубликовано Обращение Военно-революционного комитета Петроградского Совета «К тылу и фронту» о низложении Временного правительства и переходе власти в центре и на местах в руки Советов. Новая революционная власть, подчеркивалось в обращении, «немедленно предложит справедливый мир, передаст землю крестьянам, созовет Учре-

дительное собрание». Воззвание это было разослано по телеграфу по всей стране, представляя собой вторую часть подготовленного при непосредственном участии Ленина обращения «Революция восторжествовала».

В тот же вечер открыл свою работу Второй Всероссийский съезд Советов. Приняв – после ухода со съезда части делегатов – Декреты «О мире» и «О земле», санкционировав создание «Временного рабоче-крестьянского правительства» – Совета народных комиссаров (СНК) во главе с В.И. Лениным, Съезд определил дальнейшее развитие событий как в столице, так и далеко за ее пределами.

Случившееся вызвало смятение у значительной, особенно в городах, части россиян, не сочувствовавших большевикам. Что отразилось на характере и содержании материалов в ориентированных на них изданиях. Газеты же большевистской направленности, в свою очередь, включились в яростную полемику с общественно-политическими силами антибольшевистского толка.

Помимо широкого спектра партийно-политических сил, не приняла новую власть и большая часть левонастроенной творческой интеллигенции. В том числе те влиятельные круги, которые сплотились вокруг ее рупора – газеты «Новая жизнь». В ответ на критику и даже угрозы в ее адрес со стороны большевистски ангажированных элементов Максим Горький провозгласил: «Да, мы будем продолжать полемику с правительством, которое губит рабочий класс, мы считаем эту полемику нашим долгом – долгом честных граждан и независимых социалистов» [2].

«Среднестатистическому» россиянину, не включенному в круговорот политической борьбы, подчас трудно было разобраться в этом хитросплетении идейно-политических битв. А они касались практически всего круга проблем, с которыми пришлось столкнуться на новому политическому режиму.

При всей остроте и неотложности решения целого ряда «кричащих» экономических, социальных, политических проблем, центральным вопросом, ответа на который ждала вся – без исключений – Россия, оставалась *проблема войны и мира*.

Возникла и обсуждалась она давно на самых различных уровнях власти и общества. Но получила дополнительный толчок в связи с необходимостью сформировать позицию России на готовившейся Парижской конференции, задуманной с целью выработки дальнейших действий союзников по отношению к войне с Германией [См.: 3].

«Российская демократия» в лице партий эсеров и меньшевиков, намереваясь послать представителя на эту конференцию, поспешила выработать «свое мнение об условиях желательного мира». Оно было сформулировано и подробно аргументировано в статье «Карты на стол» в трех номерах газеты «Голос Солдата» за 12, 14 и 17 октября, острим своим направленной против тех, для кого требование демократического мира было лишь «фразой, за которой укрывалось простое желание хоть как-нибудь, даже ценою предательства и унижения родины, кончить войну».

Позиция «революционной демократии» заключала в себе два внешне несовместимых тезиса. Первый: «... Непременным условием мира являет-

ся вывод немецких войск из занятых областей России». Второй: «Не будем себя обманывать, скажем прямо: такого мира Германия не желает и на такой мир она при нынешних условиях не пойдет». Негласный вывод вытекал из этого с предельной очевидностью: присоединиться к требованию Временного правительства вести войну «до победного конца». Статья завершилась громогласным, но на деле риторическим вопросом: «Мы ждем ответа от наших критиков. Все карты на стол! Скажите, надо ли продолжать борьбу или продать себя в рабство Вильгельму?». За всей этой патетикой «за кадром» оставался главный вопрос: способна ли страна в целом и ее армия в сложившихся условиях достичь столь желанного всем «победного окончания» войны?

Проблема войны и мира подверглась подробному рассмотрению и на Совете республики (Предпарламенте), не завершившись, как и в большинстве других дискуссий, каким-либо рационально выверенным решением. Значительную, если не решающую, долю вины за это Милюков возлагает на А.Ф. Керенского, который к октябрю месяцу «обнаруживал все признаки того патологического состояния души, которое можно было бы на языке медицины назвать “психической неврастенией”». А именно: «В своей вечной нерешительности и постоянных колебаниях между воздействиями справа и слева, и в поисках равнодействующей, Керенский постепенно дошел до состояния, в котором принять определенное решение стало для него истинным мучением. Он избегал инстинктивно этих мучительных минут, как только мог» [7, с. 497].

В словах этих тогдашнего главного либерала страны, конечно, много справедливого. Но, спросим мы сегодня лидера партии конституционных демократов с позиций накопленных нами с тех пор знаний об истинном положении страны к октябрю 1917 года: а что реально мог сделать глава правительства, не отрекшись от своих коренных, хотя уже и устаревших убеждений, в обстановке цугцванга, в которой оказалась страна и ее руководство? Когда любое решение приводило лишь к ухудшению положения дел в тылу и на фронте. Не будет ли преувеличением сказать, что Керенский оказался в большей степени заложником ситуации, чем ее создателем?

Декрет «О мире», оглашенный Лениным и единодушно принятый Вторым всероссийским съездом Советов 26 октября в 11-м часу вечера, не был откровением для граждан России. В целом он повторял уже выработанные и озвученные «революционной демократией» тезисы о «справедливом демократическом мире», мире без аннексий и контрибуций.

Принципиально новым в документе было то, что созданное съездом Рабочее и крестьянское правительство (которое первоначально также именовало себя Временным – вплоть до Учредительного собрания) брало на себя обязательство «начать немедленные переговоры», «без малейшей оттяжки тотчас» со всеми воюющими державами.

Провозглашая принципы и условия такого мира, большевики, конечно, понимали, что ни одна из воюющих держав – как в стане союзников, так и в лагере противника – на эти условия не пойдет. Истинная цель тако-

го обращения состояла в том, чтобы «подтолкнуть» примером России народы других воюющих держав к революционному взрыву в своих странах, вбросив им такого рода агитационную «бомбу» (сегодня это назвали бы «гибридной войной»). И этим перевести мировую империалистическую войну в войну гражданскую против правительств всех или большинства участвующих в этой кровавой бойне государств. С предельной прямоотой и категоричностью эту мысль высказал Л.Д. Троцкий, занявший пост народного комиссара по иностранным делам в ленинском Совнарком: «Всю... надежду мы возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию. Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, мы будем раздавлены, это несомненно» [Цит. по: 8, с. 323].

Взяв в свои руки власть насильственным путем и пообещав народу немедленный мир, большевики оказались в крайне сложной, критической ситуации. Продвинувшись далеко в глубь России, немецкие войска стояли у ворот Петрограда. Оценивая обстановку на начало октября, П.Н. Милюков впоследствии писал: «В первый раз за время войны почувствовалась реальная возможность приближения неприятеля к столице, по кратчайшему пути – побережье Финского залива. В конце сентября неприятель произвел удачный десант на островах Эзеля и Даго. В первых числах октября он проник в Рижский залив и попытался отрезать выход нашей флотилии к Финскому заливу, загородив с севера пролив между о. Мооном и берегом Эстляндии. Флоту пришлось уйти, пожертвовав миноносцем «Гром» и

старым линейным кораблем «Слава». Тогда германцы произвели высадку на полуостров Вердер против острова Моона в самой Эстляндии, закрепив за собой таким образом обе стороны Моонзунда, и грозя движением к Гапсалу и к Ревелю. Большие германские цеппелины с этих пор получили возможность прогуляться до самого Петрограда» [7, с. 540].

К исходу октября – началу ноября положение стало еще более угрожающим. Немцы продолжали наступать. Распад же русской армии достиг апогея. Солдаты – в основном крестьяне в солдатских шинелях – не дожидаясь выборов в Учредительное собрание и его возможных решений, «голосовали» ногами. Поток дезертиров с фронта превращался в бурную реку. Чтобы ввести ее в какие-то берега, большевики приходят к выводу о необходимости демобилизации армии. Рассчитывая (как выяснилось впоследствии – ошибочно), что «немец» истощен и наступать на Восточном фронте более не способен. И полагаясь при этом на другой – негласный – расчет, что, когда радикально настроенная солдатская масса, вернувшись с фронта, «рассосется» среди мирного населения, это укрепит позиции новой власти.

8 ноября народный комиссар по иностранным делам Троцкий от имени Совнаркома обратился к союзным посольствам и военным властям стран Четверного союза с предложением «начатия переговоров о немедленном перемирии на всех фронтах и о демократическом мире без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов». Не располагая никакой реакцией на данное обращение, Совнарком 15 ноября предложил пра-

вительствам всех воюющих стран *присоединиться* к переговорам Советской России с державами германской коалиции. Отказ стран Антанты от такого рода действий подвиг большевиков на сепаратные переговоры с Германией, которые начались 19 ноября. Первым результатом их стало достигнутое 22 ноября соглашение о перемирии на 10 дней.

Так началась драматическая эпопея выхода страны из Мировой войны, завершившаяся лишь 3 марта 1918 г. подписанием в Брест-Литовске сепаратного мирного договора Советской России со странами германской коалиции. Договора, который сами большевики называли «Тильзитом», грабительским и позорным для нашей страны. Договора, где «правили бал» именно те безжалостные аннексии и контрибуции, избежать которых так хотела и надеялась вся страна. Одни только зримые условия соглашения предполагали, помимо астрономической контрибуции, потерю территорий, в которых проживала четвертая часть тогдашнего населения страны и находилась аналогичная доля обрабатываемых земель, где было сосредоточено около трех четвертей угольной и металлургической промышленности.

Не останавливаясь на этапах и деталях этого процесса, итоги которого хронологически и проблемно выходят за рамки наших задач, обратим внимание на тот небывалый шквал критики и обвинений в предательстве, который обрушился на большевиков не только со стороны всех антибольшевистских политических сил. Но который вылился в негодование со стороны широких слоев населения. Все это достаточно подробно отражено и в материалах

данного тома, как мы уже отметили это выше.

Квинтэссенцию этого мироощущения и этих настроений гнева и разочарования достаточно широких слоев населения, которых раньше было принято клеймить как обывателей, можно извлечь из дневниковых записей Ф.Я. Ростковского. Вот одна из них: «Разруха, безвластие, полный бойкот большевиков указывают, что они не долговечны, но что затем последует, бог один знает. Большевиков никто не хочет, все от них отворачиваются, работать с ними никто не хочет... Да они и сами себе надоели, надо думать». И еще: «Тяжело живется. Скучно. Тоскливо» [9, с. 336, 347].

Накал негодования и критики в адрес большевиков принял столь всеобъемлющие масштабы, что докатился до далекого сибирского города Тобольска, где в это время бывший российский император вел достаточно размеренный – с учетом, конечно, условий вынужденной ссылки – образ жизни в кругу своей семьи.

17 ноября 1917 г., прервав традиционные описания своих ежедневных прогулок, Николай Александрович как бы подвел итог своему несчастливому царствованию: «Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве.

Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени».

Уже следующий день принес опальному экс-венценосцу новый удар в виде дошедшего до него сообщения о начале переговоров большевистского правительства с Германией о заключении сепаратного мира. Комментарий его на это событие можно считать уни-

кальным по своему эмоциональному накалу за многие годы ведения дневника: «Подобного кошмара я никак не ожидал. Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту предложить неприятелю заключить мир, не спрашивая мнения народа, и в то время, что противником занята большая полоса страны» [4, с. 340].

Уникальна эта запись и тем, что впервые (и, скорее всего, единственный раз!) за все десятилетия ведения дневника – и безвозвратно ушедшего в прошлое царствования в целом – Николай употребил понятие «мнение народа».

Так постепенно и с катастрофическим запозданием от стремительно несущихся мимо него событий у Николая шел процесс вызревания того, что можно было бы назвать «политической культурой». Процесс этот, как видим, парадоксально, противоречиво, своеобразно и подчас даже уродливо захватив все без исключения категории «низов» российского общества, поднялся по иерархической лестнице социальных страт по самого верха, затронув даже мировоззрение бывшего «хозяина земли русской».

Быть может, находясь в Тобольске, а затем и в Екатеринбурге – вдалеке от столиц и мейнстрима политических процессов, он позволял себе размышления относительно собственной роли в том развитии событий, при котором новая Смута в России – в его понимании – стала реальностью. Однако никаких следов этих размышлений (а тем более покаяния) на страницах дневника, как и в иных доступных источниках, мы не находим.

Что же касается большевиков, то они, как нам уже приходилось специ-

ально говорить и писать [подробнее об этом см.: 5, с. 62–94], оказались в полном одиночестве, когда пришлось решать вопрос о формах и способах выхода из войны, взвалив ответственность за национальное унижение страны в форме сепаратного мира с Германией исключительно на свои плечи. И это не могло не способствовать обострению обстановки на пути движения страны к Гражданской войне.

За всё приходилось платить сполна. Отвергнув идеи коалиции с другими революционными партиями и создания «однородного социалистического правительства», большевики предоставили своим политическим оппонентам важную дополнительную услугу, избавив их от необходимости примерять на себя саван постыдного Брестского мира и размышлять над реальностью либо нереальностью других альтернатив решения вопроса. Взамен этого все без исключения противники большевизма обрели благоприятную для них возможность обвинить исключительно большевиков в предательстве национальных интересов страны и развале государства.

Завершая свой упомянутый выше труд, посвящённый истории второй русской революции, П.Н. Милюков пишет: «Партия народной свободы предсказывала при этом, что победа большевиков повлечёт за собой проигрыш войны и разделение России на части» [7, с. 685]. Будем объективными, в этом итоговом суждении Павел Николаевич говорит уже голосом политика, а не вдумчивого историка-аналитика, каким выступает на протяжении всей книги.

К исходу 1917 и началу 1918 г. предотвратить катастрофический для

России итог войны не смог бы уже никто. Ибо все мыслимые и немыслимые шансы на изменение ситуации в стране и в армии были исчерпаны. Большевикам в силу их неуступчивости и политического максимализма досталось в единоличное наследство лишь то, что было достигнуто совместными разнонаправленными действиями всех борющихся друг с другом социальных и политических сил страны.

Последняя, хотя и слабеющая, надежда у многих отчаявшихся и дезориентированных людей, запутавшихся в хитросплетениях политических сил, в столкновениях амбиций их лидеров, сохранялась на Учредительное собрание, подготовка к которому продолжалась и после большевистского переворота, завершившись выборами 12–14 ноября. Но и она оказалась иллюзорной.

За месяц до октябрьских событий В.И. Ленин писал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками... сделал бы гражданскую войну невозможной» [6, с. 222].

Разогнав в ночь с 5 на 6 января 1918 г. Учредительное собрание, силой подавив выступления в его поддержку, большевики делом показали, что «абсолютно бесспорный» урок революции оказался преданным ими забвению. Они внесли свою – на том этапе решающую – лепту в погребение российской демократии.

Знаковым в этом плане стал разгон 5 января демонстрации, выражавшей солидарность с собравшимися со всех концов России на свое первое (и, как оказалось, последнее) заседание деле-

гатами нового российского «державо-строительного» парламента. Своеобразного Земского Собора второго десятилетия XX в.

Сравнив этот акт разгона мирной демонстрации с событиями «Кровавого воскресения» 1905 г., Максим Горький ровно через 13 лет – 9 января 1918 г. – с гневом обрушился в газете «Новая жизнь» на большевистскую «Правду», которая «лжет, когда пишет что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т.д. и что к Таврическому дворцу шли именно “буржуи”, “калединцы”». В рядах демонстрантов, констатировал «пролетарский писатель», шли с красными знаменами в большинстве своем рабочие крупнейших предприятий Петрограда: «Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала «Правда», она не скроет позорного факта».

Итак, события и явления самого бурного и переменчивого в многовековом прошлом страны 1917 г. уже столетие как стали историей, которая состоялась раз и навсегда, и в которой ничего изменить, «переиграть» уже невозможно. Даже мысленно, «виртуально», если не поддаваться соблазну мифов и иллюзий. И какие бы молнии сегодня ни металась в адрес одних активных их участников, какие бы похвалы ни расточались в адрес других, мы не способны ровным счетом что-либо «переворосить», переиначить, перекроить, а тем более перелицевать в минувшем. В том числе в плане воздействия этих событий на нашу сегодняшнюю и последующую жизнь.

Думается, что четкое осознание неотвратимости всего этого обязывает нас встать наконец-то на путь действенного национального примирения, не тянуть из прошлого в настоящее – в наших мозгах, душах и реальных делах – баррикады революций и фронты Гражданской войны. То есть сделать то, что удалось уже давно достигнуть другим странам, которые оказались в прошлом своем в сходных трагических ситуациях. Например Финляндии, также пережившей свою Гражданскую войну, завершившуюся победой «белых». И осознать до конца: те из далеких наших предков, кто руководствовался в острой, непримиримой борьбе не корыстными побуждениями, но своими выстраданными идеалами и ценностями, в равной мере заслуживают – вне зависимости от их позиций в ходе Великой российской революции 1917 года – нашего понимания и уважения.

А также научиться отличать при анализе событий той эпохи грандиозного общемирового масштаба, уместившейся в рамки лишь одного «календарного года», действительных *акторов* – активных двигателей поступательного исторического процесса, от всего лишь *актёров*, мечущихся по сцене театра политического абсурда.

Один из путей достижений всего этого – попытаться как можно ответственнее «услышать живые голоса» героев и мучеников 1917 года. В том числе – апеллируя к первоисточникам, способным воссоздать эмоциональную составляющую нашего далеко не всегда рационального прошлого.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Анархия (Письмо солдата в редакцию газеты) // Голос солдата. 1917. 10 окт.
2. Горький М. Плоды демагогии // Новая жизнь. 1917. 22 дек.
3. Григорьев Раф. Парижская конференция и демократия // Новая жизнь. 1917. 3 окт.
4. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2-х т. / отв. ред. С.В. Мироненко [Т. 2. Часть 2]. М.: РОССПЭН, 2013. 784 с.
5. Журавлев В.В. Первая мировая война в человеческом измерении: власть и общество // Россия XXI. 2014. № 2. С. 62–94.
6. Ленин В.И. Русская революция и гражданская война // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 215–228.
7. Милуков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 767 с.
8. Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.В. Волобуев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. 432 с.
9. Ростовский Ф.Я. Дневник для записывания... (1917-й: революция глазами отставного генерала). М.: РОССПЭН, 2001. 496 с.
10. Святая Русь. 1917. 26 ноября.

SOURCES AND REFERENCES

1. Anarkhiya (Pis'mo soldata v redaktsiyu gazety) [Anarchy (A soldier's letter to the newspaper)]. *Golos soldata*, 1917, 10 Oct.
2. Gor'kii M. Plody demagogii [The fruits of demagoguery]. *Novaya zhizn'*, 1917, 22 Dec.
3. Grigor'ev Raf. Parizhskaya konferentsiya i demokratiya [The Paris conference and democracy]. *Novaya zhizn'*, 1917, 3 Oct.
4. The diaries of Emperor Nicholas II (1894): in 2 vol. [vol. 2. Part 2]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 784 p.
5. Zhuravlev V.V. World War I in human dimension: power and society. *Rossiya XXI*, 2014. no. 2, pp. 62–94.
6. Lenin V.I. Russkaya revolyutsiya i grazhdanskaya voina [The Russian revolution and the Civil war]. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii*. T. 34 [Lenin V. I. Complete works. Vol. 34], pp. 215–228.
7. Milyukov P.N. The story of the second Russian revolution. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 767 p.
8. Political figures of Russia 1917: a Biographical dictionary. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., 1993. 432 p.
9. Rostkovskii F.Ya. Diary for making notes... (1917: revolution through the eyes of a retired general). Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 496 p.
10. Svyataya Rus' [Sacred Rus], 1917, 26 Nov.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Журавлев Валерий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: vv.zhuravlev@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valery V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of the Newest History of Russia, Moscow Region State University; e-mail: vv.zhuravlev@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Журавлев В.В. Проблема войны и мира в интерьере социально-политических настроений Октября 1917 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 69–81.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-69-81

FOR CITATION

V. Zhuravlev. Problem of War and Peace in the Socio-Political Interior of October 1917. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 69–81.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-69-81

УДК 321

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-82-88

ПРАВЯЩИЙ КЛАСС НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ: ИМПЕРАТИВЫ И ПРЕДЕЛЫ ВЛАСТИ

Мартынов М.Ю.

Сургутский государственный университет

628400, г. Сургут, пр. Ленина, д. 1, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки революции 1917 г. в России. Анализируется диалектика объективного и субъективного факторов в предреволюционных политических процессах. Ставится вопрос, в какой мере политические решения власти могут влиять на эти процессы. Автор предлагает обратиться к приему «обратной проекции», сравнивая социально-экономические последствия реформ в России 1860-х гг. и 1990-х гг. Делается вывод, что в обоих случаях результатом реформ становится сосредоточение собственности в руках относительно небольшой группы людей. Для их обозначения автор предлагает использовать понятие «проприетеры». Интересы проприетеров становятся основным ограничением власти при принятии политических решений.

Ключевые слова: Революция 1917 г. (Россия), реформы, власть, собственность, вариативность истории.

THE RULING CLASS ON THE EVE OF REVOLUTION: THE IMPERATIVES AND EXTENTS OF POWER

M. Martynov

Surgut State University

11 Lenina prospect, Surgut 628400, Russian Federation

Abstract. The article describes the preconditions for the Russian revolution of 1917. It analyzes the dialectic of the objective and subjective factors in the political processes before the revolution. It raises the question on how deeply the political decisions of the authorities can influence those processes. The author suggests using the method of "the reciprocal projection" and comparing the social economical consequences of the reforms of the 1860-ies and 1990-ies in Russia. The conclusion is made that in both cases such reforms result in property to be concentrated in the hands of a rather small group of people. To define them the author suggests using the notion "prorieters". The interests of proprietors become the main limitation of the power when making political decisions.

Key words: : the Russian revolution of 1917, reforms, power, property, historical variability.

Два события, вероятно, всегда наступают в России внезапно: зима и революция. Отношение коммунальщиков к зиме заставляет всерьез подозревать, что они в глубине души надеются, что на этот раз она вдруг не придет. Нечто по-

добное проявляется и в отношении к Русской революции начала XX в. Ее обсуждение чаще всего крутится вокруг одной и той же мысли: «ведь ее вполне могло не быть». «Если бы царь сумел прислушаться к русскому обществу, к интеллигенции и провел необходимые реформы (или, наоборот, если бы царь перестал миндальничать с революционерами и прочей интеллигенцией и задал бы этих «бесов»», «если бы царь не отрекся от престола (если бы отрекся от престола раньше)», «если бы Россия не вступила в мировую войну (если бы Россия не вышла из мировой войны)» и т.д.

В принципе, создание альтернативных версий истории – вещь очень полезная. Это мыслительное моделирование возможных вариантов событий в сослагательном наклонении представляет собой для историка и политолога единственную возможную виртуальную исследовательскую лабораторию. Вот только здесь есть свои ограничения. Чтобы подобного рода исследование не превратилось в полет чистой фантазии, нужно хорошо представлять объективные обстоятельства, определяющие границы, в которых протекает выбор людьми вариантов их действий. В советской историографии это так и называлось: диалектика объективного и субъективного в историческом развитии. Однако применить эту диалектику для объяснения неизбежности революции тоже непросто. Можно сколько угодно говорить об объективных предпосылках революции в виде экономической отсталости России и множестве ее внутренних противоречий, однако сама эта отсталость и эти противоречия революцию не делают.

По истории Русской революции собрано огромное количество материалов. Представлена масса статистической информации, чуть ли не по дням расписано, что делали основные участники той драмы с февраля по март 1917 г. Но до конца понять логику событий мы так и не можем. И едва ли какие-то вновь обнаруженные документы или обнародованные факты этому помогут. Более того, новые данные нередко больше ставят вопросов. Например, сегодня можно привести множество статистических данных не только об отсталости России, но и об экономических успехах страны в начале XX в., массовом экспорте зерна, укреплении рубля и росте благосостояния населения в пресловутом 1913 г. Как тут не поверить в случайность революции, а значит – и в возможность ее избежать? Всегда ведь хочется надеяться, что то, что нам не нравится, не случится, будь это хоть холодное время года, хоть революция.

Очевидно, дело в том, что мы много знаем, но мало понимаем. На сложность проблемы понимания исторического материала обратил внимание Макс Вебер, предложив для ее решения даже специальное научное направление – «понимающую социологию». Условием такого понимания становится субъективный опыт переживания исторического времени. С этой точки зрения, как раз нынешнее российское поколение, ставшее с начала 1990-х гг. свидетелем и участником очередной Русской смуты, пожалуй, в большей мере способно почувствовать события столетней давности, нежели их соотечественники советской эпохи.

И в первую очередь, этот прием «обратной проекции» позволяет выяс-

нить, а в чем, собственно, заключается основной вопрос революции? Вопрос о власти – это, конечно, главный вопрос любого политического переворота. Но, в отличие от обычного переворота, центральный вопрос революции это вопрос не о власти, а о собственности. Причем речь идет о собственности не в обывательском смысле, когда она понимается просто как вещь, – а в политэкономическом, где собственность – не вещь, а отношения между людьми по поводу вещей. Поэтому так важно не только сосредоточить вещи в своих руках, но и лишить этих вещей других. Тогда эти другие будут вынуждены вступать в нужные отношения по поводу собственности.

Например, в ходе реформ 1860-х гг. русские помещики отменили крепостное право, но землю оставили в своей собственности. Нет, как вещь она им была не нужна, ведь они не собирались брать в руки сошки. Важнее, что эту землю не получили крестьяне. И это заставило их продолжать работать на полях помещиков.

Уже в наше время, в результате специфически проведенной приватизации 1990-х гг. подавляющая часть граждан собственность также не обрела. Как в 1861 г. крестьян лишили земли, продекларировав личную свободу, так и в 1990-е гг. нынешнее поколение россиян точно так не допустили до собственности, предложив, аналогичным образом, удовлетвориться свободой и демократией.

Собственность оказалась сосредоточена в руках относительно небольшой группы людей, которую Анатолий Чубайс назвал в то время «стратегическими собственниками». В просторечье же их стали именовать сначала

«приватизаторами», а затем олигархами. Ни одно из этих понятий не выглядит удовлетворительным. На наш взгляд, больше для этого подходит термин «проприетер». Это слово французского происхождения включает в себя два нужных нам смысла – «собственник» и «хозяин», «сеньор».

Решение вопроса о собственности путем передачи ее проприетерам – собственникам-сеньорам – не только конституирует всю последующую экономическую структуру общества, но и определяет границы возможностей политической власти. То, что эти возможности велики, – очевидно. Власть может издавать законы, назначать и снимать чиновников, вступать в войны, заключать мир и т.д. Но нам гораздо важнее понять, чего она, несмотря на эти возможности, сделать все-таки не сможет. Перечислим эти ограничения.

Она не сможет осуществить модернизацию экономики. Для этого просто нет субъекта, поскольку основной класс – проприетеры – в модернизации не видит своего интереса. Сегодня Россия, казалось бы, располагает всеми необходимыми природными и человеческими ресурсами для успешной модернизации. Однако технологическое отставание от развитых стран все увеличивается. Но ведь на самом деле смыслом начавшихся в 1990-х гг. реформ была отнюдь не модернизация, а приватизация государственной собственности. Точно так же, как предпосылкой реформы 1861 г. явилась не забота о процветании государства и нации, не стыд за сохранение крепостнического рабства, а снижение доходов русских помещиков от импорта зерна в силу появления на европейском рын-

ке дешевого хлеба из Австралии и Северной Америки. В сегодняшней России место вывоза зерна занял экспорт нефти и газа, позволяя так же получать максимум прибыли при минимуме затрат. Соответственно, как и раньше, у современных проприетеров для участия в модернизации нет стимулов, а у населения – необходимых ресурсов.

Но власть не может обеспечить не только модернизацию экономики, но даже простое расширенное производство. Для этого элементарно нет средств. Проприетеры обращают полученную прибыль в личное потребление, но отнюдь не направляют ее на развитие общественного производства. В результате, вместо заявленной диверсификации этого производства, происходит неуклонное «схлопывание» всех остальных отраслей, кроме покоящихся на природной ренте.

При этом отсутствие средств у остального населения, будь то крестьянин конца XIX в. или современный россиянин, не позволяет развивать собственное, хотя бы мелкое дело. Ведь необходимые для этого средства находятся в руках проприетеров. В до-революционной России – это земля у помещиков, в современной России – банковские ссуды на развитие предпринимательства. Человек, «проинвестировавший» развитие своего бизнеса за счет банка, может сколько угодно именовать себя предпринимателем и бизнесменом, но на деле он не более чем наемный работник этого банка, своим трудом увеличивающий его капитал. Называть его предпринимателем – это все равно, что раба на галерах считать спортсменом-гребцом. Он попадает в долговую кабалу аналогично тому, как в конце XIX в. «крестьянин вынужден

был, обрекая семью на голод, продавать все больше хлеба, чтобы достать деньги для уплаты выкупных платежей и податей.... Крестьяне должны были платить помещикам за аренду земли более 315 млн. рублей ежегодно» [3, с. 376].

Власть ничего не сможет сделать с коррупцией, поскольку в условиях абсолютного отсутствия стимулов к развитию взятка становится единственным двигателем экономического прогресса.

Власть не может избавить экономику страны от зависимости от иностранного капитала. Дорогу ему открывает неспособность и нежелание отечественных проприетеров вкладывать деньги в реальный сектор производства. Например, в Донецком угольном бассейне, – основной «кузнице» России начала XX в., «из 18 промышленных акционерных обществ, развернувшихся здесь в эти годы, 12 были полностью иностранными, остальные 6 смешанными» [2, с. 362]. В бакинскую нефть «только с 1910 по 1914 гг. британских капиталов было вложено на 134,6 млн. рублей, тогда как отечественных всего на 9,58 млн. рублей (и это в период, когда национальный капитал находился на подъеме) [2, с. 364]. Наконец, иностранцы контролировали 75% всех действовавших в 1914 г. капиталов [2, с. 371]. Аналогичным образом, экономика современной России столь же зависит от заимствований со стороны внешних инвесторов, и столь же велика извлекаемая ими прибыль.

Власть не может снизить уровень социальной дифференциации, несмотря на предпринимаемые усилия по социальному вспомоществованию населению. Общество, структура кото-

рого определяется данным специфическим распределением собственности, обречено на перманентное увеличение разрыва между бедными и богатыми.

Власть не может обеспечить ни развитие науки, ни качественное образование. Основная прибыль проприетеров проистекает не от применения на производстве передовых технологий, достижений науки и использования высококвалифицированного труда, а от использования природной ренты. Сегодня такой рентой выступает продажа природных ископаемых. В предреволюционной России ею была земля. Причем труд крестьян был простым приложением к ней, что тоже может рассматриваться своеобразным природным фактором. Ни в том, ни в другом случае такой экономике не нужны в большом количестве ни ученые, ни специалисты.

Власть не может обеспечить высокий уровень здравоохранения. Несмотря на энергичное стремление создать эффективную государственную систему здравоохранения, в реальности качественно лечить априори бедных людей никто никогда не будет.

Власть не может обеспечить суверенитет государства. Если бы в обществе было множество групп собственников, то внешняя политика определялась бы равнодействующей их интересов. В условиях же господства монособственника у власти нет вариативности в выборе внешнеполитического курса. Экономические интересы проприетеров, экспортирующих на Запад зерно или нефтеводородное сырье, неразрывно связаны с его экономикой. Поэтому декларирование властью собственных интересов, отличных от западных, носит в большей мере так-

тический и показательный характер, если, конечно, она не желает вступать в конфликт с проприетерами.

Список этих ограничений нет необходимости продолжать, поскольку нашей задачей не является доказать сходство ситуаций в пореформенной и в современной России, тем более, что в них есть немало и различий. Равно как перед нами не стоит и тривиальная задача проиллюстрировать зависимость власти от интересов экономической элиты. Мы лишь подчеркиваем, что в общественной структуре проприетерного типа, для которой характерно господство собственника-монополиста, свобода выбора у власти сведена к минимуму. Точнее, она вообще невозможна в экономической сфере и ограничивается деятельностью, направленной, в первую очередь, на микширование социальных противоречий.

Осознание обществом беспомощности власти в решении фундаментальных экономических проблем и составляет экономическую предпосылку революции. Эта предпосылка совершенно не сводится к реакции населения на падение уровня жизни. История, действительно, знает немало ситуаций, когда народ переживал чудовищные бедствия, включая голод, которые отнюдь революциями не оборачивались. Столь же глубоко неверно считать, что оценка дальних последствий экономических проблем свойственна лишь интеллектуалам, и приписывать остальному населению лишь «прямолинейные реакции» на ситуацию: ухудшение экономического положения – революционный подъем. На самом деле, народ очень точно осознает, или, по крайней мере, чувствует бессмысленность и опасность

подобной, по сути, стагнационной экономической модели.

Причем «точкой невозврата» и начала революции становится не сам факт неспособности власти решить модернизационные проблемы, а осознание этого факта обществом. Как справедливо подчеркивает Ю.А. Красин: «Саботирование модернизации политической системы со стороны правящей элиты при оскудении ресурсов для поддержки «патерналистского конформизма» может привести к внезапному пробуждению «стихии» протеста снизу» [Российское общество 2017: 29].

Можно сколько угодно кивать на происки всевозможных революционеров, масонские заговоры и инсинуации зарубежных спецслужб, но именно это осознание и чувство становится главной предпосылкой революции. Причем приходит оно постепенно и внешне незаметно. Именно поэтому в России, несмотря на то, что ощущение потрясений (как, например, и ощущение приближения зимы) задолго до этого носится в воздухе, революция наступает неожиданно.

Эту обманчивость народного сознания в России отмечал Н.Я. Данилевский еще за полвека до Русской революции. «Все великие моменты в жизни русского народа, – писал он, – как бы не имеют предвестников, или, по крайней мере,

значение и важность этих предвестников далеко не соответствуют значению и важности ими предвещаемого Старый порядок вещей, или одна из сторон его, не удовлетворяет более народного духа, ее недостатки уясняются внутреннему сознанию и постепенно становятся для него омерзительными. Народ отрешается внутренне от того, что подлежит отмене или изменению, борьба происходит внутри народного сознания, и когда происходит время заменить старое новым на деле, эта замена совершается с изумительной быстротой ...» [1, с. 190–191].

Именно эти чувства на рубеже 1980-1900-х гг. переживало население СССР по отношению к прежней власти, что сделало возможным антикоммунистический переворот. И, очевидно, что именно эти же настроения были и главной предпосылкой Русской революции 1917 г. То, что это накопление ощущения «омерзительности» старых порядков происходит в обществе незаметно, тоже вполне объяснимо. Моносубъектность в экономике автоматически пролонгируется моносубъектностью и в политике. Отсутствие альтернативных политических сил не оставляет места для иного видения реальности, кроме как через трактовку класса проприетера. И это достаточно опасно. Уже хотя бы потому, что некому сказать: «Зима близко!».

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
2. Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2004. 528 с.
3. Луцкий Е.А. История СССР. М.: Изд.-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. 376 с.

REFERENCES

1. Danilevskii N.Ya. Russia and Europe. Moscow, Kniga Publ., 1991. 574 p.
2. Kagarlitskii B. Peripheral Empire: Russia and the world-system. Moscow, Ul'tra. Kul'tura Publ., 2004. 528 p.
3. Lutskiy E.A. History of the USSR. Moscow, Izd.-vo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR Publ., 1956. 376 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мартынов Михаил Юрьевич – доктор политических наук, доцент, заведующий лабораторией социологических исследований Сургутского государственного университета;
e-mail: martinov.mu@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Yu. Martynov – Doctor of Political Sciences, associate professor, head of the Sociological Research Laboratory, Surgut State University;
e-mail: martinov.mu@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мартынов М.Ю. Правящий класс накануне революции: императивы и пределы власти // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 82–88.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-82-88

FOR CITATION

M. Martynov. The Ruling Class on the Eve of Revolution: the Imperatives and Extents of Power. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 82–88.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-82-88

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК: 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-89-98

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ «МАЛОЙ ВОЙНЫ» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА ЗА ПОСЛЕДНИЕ 10 ЛЕТ

Богомолов В.И.

*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена теме «Малой войны», развернувшейся во время Отечественной войны 1812 г. Вторжение армии Наполеона вызвало патриотический подъем в российском обществе. На занятых французами территориях развернулось партизанское движение. «Малая война» стала важной составляющей этой борьбы против французских захватчиков. Автор останавливается на историографии последнего десятилетия и выделяет три основные проблемы в изучении «Малой войны»: о времени начала, об авторстве идеи и о влиянии на ход всей Отечественной войны 1812 г. Проанализированы и представлены подходы по этим проблемам различных исследователей.

Ключевые слова: армейские партизаны; Великая армия; летучие отряды; Малая война; Отечественная война 1812 года; М.Б. Барклай де Толли; Ф.Ф. Винцингероде; М.И. Кутузов.

SOME ASPECTS OF "LITTLE WAR" IN THE MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE LAST DECADE DESCRIBING THE PATRIOTIC WAR OF 1812

V. Bogomolov

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the theme of «little war» unfolded during the Patriotic war of 1812. The invasion of Napoleon's army caused the patriotic enthusiasm in the Russian society.

The partisan movement developed in the territories occupied by the French. The «little war» became an important component of this struggle against the French invaders. The author dwells on the historiography of the last decade and distinguishes three main problems in the study of the «little war»: the issue of the time the war started; the authorship of the idea; and the influence on the course of the Patriotic war of 1812. Approaches of various researchers to these problems are analyzed and presented.

Key words: army partisans; great army; flying squads; small war; the Patriotic War of 1812; M.B. Barclay de Tolly; F.F. Wincingerode; M.I. Kutuzov.

Одной из самых изученных тем в российской историографии является Отечественная война 1812 г. Особенно пристальное внимание к этой теме возникает в юбилейные годы. Не обошелся без внимания историков и 200-летний юбилей войны.

Особое место в историографии, посвященной войне 1812 г., занимает партизанское движение, в котором исследователи выделяют два вида партизанских отрядов: «1) вооруженные отряды и группы населения различной силы и степени организованности; 2) армейские летучие отряды» [15, с. 83]. Если тема народной партизанской войны была достаточно хорошо изучена еще в советской историографии, то трудов, посвященных именно проблеме армейского партизанского движения – «Малой войне», – практически нет, хотя значение её, безусловно, велико. Данная статья посвящена анализу некоторых аспектов изучения «Малой войны» в работах современных историков, написанных в последнее десятилетие, в том числе перед 200-летним юбилеем Отечественной войны 1812 г.

В работах современных историков можно выделить три основных аспекта изучения «Малой войны», вокруг которых ведутся споры: во-первых, начало армейского партизанского движения, во-вторых, роль М.Б. Барклая

де Толли и М.И. Кутузова в начале партизанского движения, и, в-третьих, влияние «Малой войны» на общий ход Отечественной войны 1812 г.

В отличие от дореволюционной и даже советской историографии большинство современных исследователей определяют начало армейского партизанского движения 21 июля 1812 г., «когда после соединения армий под Смоленском М.Б. Барклай де Толли сформировал летучий отряд из трех донских, Ставропольского Калмыцкого и Казанского драгунского полков под командованием Ф.Ф. Винцингероде» [7, с. 38]. Так «первый армейский партизанский отряд был создан по инициативе М.Б. Барклая де Толли» [6, с. 122]. Понимая важность партизанских действий, военный министр поставил перед ними задачу действовать в районе Духовщины, «непрерывно беспокоить левый фланг противника, уничтожать его отдельные партии, перехватывать курьеров и совершать другие партизанские действия» [7, с. 38].

В дальнейшем из-за отступления русской армии части Ф.Ф. Винцингероде вынуждены были так же переместиться на северо-запад Московской губернии, прикрыв Тверское направление, и действовать на коммуникациях французов к западу от Москвы. Поэтому, отдавая должное Д.В. Давы-

дову, которого даже сейчас ряд исследователей считает первым армейским партизаном [10, с. 77], стоит признать, что все же не он является основоположником армейского партизанского движения, а М.Б. Барклай де Толли, идею которого на практике реализовал Ф.Ф. Винцингероде.

Схожая позиция о времени начала «Малой войны» у исследователя деятельности донских казаков во время Отечественной войны 1812 г. А.И. Агафонова [2, с. 123; 1, с. 125]. Подчеркивая исключительную значимость донских казаков: «Практически «кадр» – основу или значительную часть каждого партизанского отряда составляли донские казаки» [2, с. 144], автор определяет начало армейского партизанского движения.

Историк В.И. Лота также отмечает успех созданного подвижного партизанского отряда Ф.Ф. Винцингероде: «Успешно действовал «летучий корпус» под командованием генерал-майора Ф.Ф. Винцингероде. Корпус, созданный по указанию Барклай де Толли, провел важные операции против французских войск, за что Винцингероде 16 сентября был произведен в генерал-лейтенанты» [11, с. 9]. Первую точку зрения поддерживает ряд исследователей [см.: 12, с. 39].

С другой стороны, среди исследователей существует мнение, что армейское партизанское движение развернулось еще раньше: «партизанские действия впервые применил главнокомандующий 3-й Обсервационной армией генерал А.П. Тормасов, который в июле выслал отряд полковника К.Б. Кнорринга к Брест-Литовску и Белостоку» [3, с. 43]. Но все же следует признать, что отряд К.Б. Кноррин-

га выполнял не совсем партизанские действия в полном смысле этого слова, поэтому правильнее считать первым армейским партизанским отрядом корпус Ф.Ф. Винцингероде.

Третья точка зрения историков заключается в том, что партизанское движение развернулось только после оставления русской армией Москвы и Тарутинского маневра М.И. Кутузова. Среди них можно выделить таких исследователей, как С.В. Ефимов, В.А. Бессонов и др. «...23 сентября, от Наполеона с мирными предложениями в Тарутино прибыл бывший французский посол в России граф Ж.А. Лористон. «Большая война» на главном направлении временно прекратилась и на смену ей пришла «малая война», которая была развернута против разбросанных вблизи Москвы наполеоновских войск» [4, с. 118].

Исходя из объективной оценки аргументов разных сторон, следует признать, что основоположником армейского партизанского движения необходимо считать Барклай де Толли. Непосредственным исполнителем и первым партизаном – Ф.Ф. Винцингероде.

В связи со спорами о начале армейского партизанского движения существуют среди исследователей и разногласия в вопросе о роли М.Б. Барклая де Толли и М.И. Кутузова в развертывании данного движения. Одни считают, что вся тактика и стратегия партизанского движения была придумана и разработана М.Б. Барклаем де Толли, а М.И. Кутузову оставалось продолжать следовать намеченной предшественником тактике, другие историки придерживаются мнения, что все задумано и воплощено М.И. Кутузовым.

В пользу первой точки зрения говорит то, что «Скифская тактика», примененная на начальном периоде войны по предложению М.Б. Барклая де Толли, когда «русские армии отступали, не вступая в сражение с противником, увозя скот и уничтожая мосты и магазины (т.е. склады) с провиантом, фуражом и военными запасом, <...> оказывала на наполеоновских солдат удручающее воздействие и подрывала их надежды на скорое завершение войны» [13, с. 54]. Таким образом, тактика начального этапа войны, предложенная М.Б. Барклаем де Толли, заложила основу не только для армейского, но и общего партизанского движения: «Тактика отступления без боя и создания полосы отчуждения, переросшая в Смоленской и Московской губерниях в стратегию «выжженной земли» (когда жители, уходя в леса, сжигали свои дома), вызывала сначала недоумение, потом раздражение, а затем и отчаяние в рядах наполеоновской армии» [13, с. 54]. Всё это впоследствии заложило основу эффективности для армейских партизан.

В то же время сторонники второй точки зрения считают, что «М.И. Кутузов придавал исключительное значение развитию всенародного партизанского движения, считая его организацией своей стратегией. Он всемерно способствовал развитию партизанской войны, умело руководил ею и, добиваясь полного уничтожения агрессора, объединил усилия армии с усилиями народа» [6, с. 117]. Именно светлейшему князю предписывается начало армейского партизанского движения, и только после Тарутинского маневра: «Находясь в Тарутинском лагере, М.И. Кутузов принял решение о ведении «Малой войны». В преддв-

рии зимы полководец решил избежать генерального сражения, но вести беспрестанную «малую войну», привлекая к ней силы «партизанов», чтобы не давать покоя неприятелю, рассчитывавшего найти в Москве в изобилии продовольствие» [9, с. 69–71].

Таким образом, если сразу после принятия командования над объединенными русскими армиями, ввиду необходимости дать решительное сражение, для поддержания боевого духа войска, М.И. Кутузов не мог выделить значительных сил для партизанских действий и в рейд по тылам был отправлен только Д.В. Давыдов с 50 гусарами и 80 казаками, то после укрепления в Тарутино главнокомандующий решил для беспокойства тылов французов отправить намного большие силы. Отряды А.С. Фигнера, А.Н. Сеславина, И.С. Дорохова и других командиров, направленные для партизанских действий, насчитывали от нескольких сот до нескольких тысяч человек. Характерно, что «основу партизанского движения составили крупные армейские партизанские отряды, во главе которых были боевые офицеры» [9, с. 71].

Ко второй половине сентября партизанские отряды сплошным подвижным кольцом окружили французскую армию, сидевшую в Москве. Лишив французов в Белокаменной подвоза продовольствия и пополнения, «перехватив все дороги вокруг расположения неприятельских войск, производя непрерывные набеги, нечаянные нападения, тревоги, производя засады, захваты транспортов, почты, они почти прервали сообщение Москвы с тылом – стали грозой французской армии. Наполеон упрекал своих генера-

лов за ежедневные потери пленными от действий партизан большие, чем в больших сражениях. В плен захватывались не только отдельные люди, но целиком и небольшие отряды» [7, с. 166]. И все же следует признать, что зачинателем армейского партизанского движения стал М.Б. Барклай де Толли, а М.И. Кутузов довел эту тактику до совершенства, особенно в период Тарутинского лагеря.

Справедливости ради стоит признать, что сама идея длительного отступления и «Малой войны» принадлежала не самому М.Б. Барклаю де Толли, а П.А. Чуйкевичу, который состоял на службе в Особенной канцелярии. Именно ему в начале 1812 г. в связи с подготовкой к предстоящей войне с Наполеоном было поручено написать аналитическую записку. В этой записке, которая получила название «Патриотические мысли, или Политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россиею и Франциею», был выдвинут ряд предложений – как следует вести предстоящую военную компанию после вторжения Наполеона.

Барклай де Толли, внимательно ознакомившись с документом, оценил его по достоинству: «вскоре некоторые предложения подполковника были реализованы в ходе начавшейся войны» [11, с. 8]. Таким образом, пусть сама идея партизанских действий и «Малой войны» принадлежит П.А. Чуйкевичу, претворяясь в жизнь во время Отечественной войны 1812 г. она начала военным министром Барклаем де Толли.

В современной историографии вопрос о влиянии «Малой войны» на общий ход Отечественной войны 1812 г. представлен двумя подходами: сто-

ронники первого утверждают, что армейское партизанское движение было лишь одним из факторов, способствовавших разгрому Великой армии Наполеона; сторонники второго – что оно имело исключительно решающее значение. Так, представитель первого направления В.М. Безотосный отмечает, что «партизаны стали одним из факторов (голод, холод, героические действия русской армии и русского народа), которые в конечном итоге и привели Великую армию Наполеона к катастрофе в России» [3, с. 142].

Зачастую авторами исторических исследований действия армейских, да и народных мстителей вспоминаются вскользь, а основной упор делается на совершенно другие факторы. В частности, факторами победы над «Великой армией» называется все что угодно, но не мужество русских солдат и офицеров: «Армия Наполеона при отступлении несла огромные потери не только и даже не столько в боях с регулярными русскими частями, от столкновений с казаками или партизанами. Идя по дороге, «уже за три месяца перед тем опустошенной», как писал один из участников похода, солдаты страшно страдали от голода» [12, с. 129].

В противоположность этому подходу исследователи А.И. Агафонов и М. Беспалов отмечают, что шаткость положения Наполеона в Москве была очевидной: «Налеты казаков и партизан показали Наполеону ненадежность его коммуникаций, он вынужден был для их охраны отвлекать крупные воинские части» [1, с. 125]. Их поддерживает и В.А. Бессонов [5, с. 125-126]. Таким образом, ведение «Малой войны» способствовало конечному перелому в Отечественной войне 1812 г.

Важным аспектом является и тот момент, что именно в «Малой войне», как нигде, проявили себя иррегулярные конные отряды русской армии: казаки, башкиры, калмыки и др. В регулярных сражениях им было сложно противостоять тяжелым французским кирасирам и линейной пехоте, а вот в летучих отрядах, нарушая коммуникации противника, они действовали самым блестящим образом: «В период войны 1812–1814 гг. иррегулярные части, отличавшиеся повышенной мобильностью, прекрасно вписались в «скифскую» стратегию, избранную командованием русской армии на начальном этапе, особенно в рамках партизанской войны» [14, с. 136].

Очевидно, что Бонапарту пришлось покинуть разоренную Москву, не заключив для себя выгодного мира, и в этом была заслуга армейских партизан: «Зимовать в сожженном городе без продовольствия, которое не поступало французским солдатам было невозможно, это обрекало бы всю Великую армию на голодную смерть. Истощенная же, она не способна была пробиться силой на юг в не разоренные войной губернии» [7, с. 136]. Так историк У.Б. Очиров прямо заявляет о значении «Малой войны» и роли в ней армейских партизан: «регулярные и иррегулярные части, на которые реально легла вся тяжесть партизанской войны и которым принадлежат ее основные успехи, начиная от пленения бригады из дивизии Барагэ д'Ильера и кончая дезорганизацией системы коммуникаций и снабжения, приведшей к столь фатальным последствиям для армии Наполеона» [14, с. 136].

В то время как армия М.И. Кутузова пополнялась, армия Наполеона, по-

лучившая рану при Бородино, не могла залечить ее, так как подкрепления таяли в борьбе с партизанами. С другой стороны, «...в ходе «малой войны» оказалось прикрыто южное, стратегически важное, направление, где располагались продовольственные базы русской армии, Тульский оружейный завод и Брянский арсенал» [4, с. 122].

Подтверждают огромную пользу «Малой войны» для военной кампании 1812 г. и исторические документы. Так, согласно одному из донесений Ф.Ф. Винцингероде: «С корпусом мне вверенным нахожусь я в селе Пешках. Авангард мой под командою Полковника Иловайского 12 стоит под ямом *Черной грязью*; а передняя застава к Москве за 8 верст. Всякий день приводят ко мне пленных» [9]. В другом донесении так же говорится о постоянных стычках с неприятелем: «Положение неприятельской Армии на левом фланге и в тылу коей находится уже несколько недель мой малой корпус и которую храбрые мои казаки беспокоят и день и ночь, конечно не очень блистательно. На всех дорогах встречаются партии грабителей и мародеров французской армии; часто даже под предводительством их офицеров: они голодны, весьма дурно одеты, все почти ободраны и конные из них имеют весьма плохих лошадей, и ежели их атаковать решительно, то они почти не защищаются. В течении 10-ти или 12-ти дней я взял 700 человек в плен, в числе коих 10 офицеров, что все стоит нам не более 30 человек убитыми и ранеными»¹. Таким образом, армейские партизанские отряды постоянно

¹ Винценгерде, барон генерал-адъютант. Командир отдельного корпуса, г. Дмитров // РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 694. Л. 2об.

тревожили французов нанося им чувствительные потери. Всего «за время пребывания в Москве французская армия от действия партизан потеряла более 25 тысяч человек» [7, с. 167].

Информация об отступлении французов из Москвы по Калужской дороге была получена командиром одного из легучих отрядов А.Н. Сеславиным [16, с. 308]. Своевременно полученные сведения о начале и направлении движения неприятеля позволили оперативно перебросить русскую армию под Малоярославец и не пустить Наполеона в южные губернии.

Подводя итог, следует отметить, что несмотря на малочисленность историографии по армейским партизанам в «Малой войне», существует палитра

мнений исследователей, представленная несколькими точками зрения по различным аспектам данной проблематики. Исследуя противоположные точки мнения в вопросе начала и руководства армейского партизанского движения, следует признать, что организатором его выступил Барклай де Толли. Что же касается значения «Малой войны», то она имела не просто важное, а почти решающее значение не только для кампании 1812 г., но и всех наполеоновских войн. Действия партизан на коммуникациях Великой армии стали предтечей не только поспешного отступления Наполеона из Москвы с последующим его разгромом, но и поражения всей Французской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов А., Беспалов М. «Почтение мое войску Донскому и благодарность к подвигам их» // Родина: Российский исторический журнал. 2012. № 11. С. 124–125.
2. Агафонов А.И. Донское казачество в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1813 и 1814 гг. Ростов н/Д: Омега Паблицер, 2012. 317 с.
3. Безотосный В. Русские партизаны в 1812 году // Знание – сила. 2011. № 8. С. 42–47.
4. Бессонов В. Калужский край в Отечественной войне 1812 года // Родина: Российский исторический журнал. 2012. № 10. С. 118–122.
5. Бессонов В. Поле двух побед // Родина: Российский исторический журнал. 2012. № 10. С. 123–130.
6. Борщ А. Партизаны в Отечественной войне 1812 года: к 200-летию Отечественной войны 1812 года // Обозреватель: научно-аналитический журнал. 2012. № 11. С. 116–126.
7. Быкадоров И.Ф. Казаки в Отечественной войне 1812 года. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 256 с.
8. Донесения Ф.Ф. Винцингероде от 8 (20) и 10 (22) сентября 1812 [Электронный ресурс] // Известия о военных действиях 1812–1814 гг. По материалам периодической печати [сайт] http://www.museum.ru/1812/War/News_rus/izv046.html (дата обращения: 05.11.2017).
9. Ефимов С.В. Кутузов и Отечественная война 1812 года. СПб.: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2012. 88 с.
10. Летуновский П.В. О роли Дениса Давыдова в организации партизанского движения на Смоленщине в Отечественной войне 1812 года // 1812 год: война и мир: материалы всероссийской научной конференции. Смоленск: Свиток, 2009. С. 76–79.
11. Лота В. Особенная канцелярия Российской империи // Родина: Российский исторический журнал. 2012. № 10. С. 6–20.
12. Митрошенкова Л.В., Львов С.В., Монахов А.Л. Отечественная война 1812 года. М.: Кучково поле, 2010. 144 с.

13. Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М.: Кучково поле, 2012. 448 с.
14. Очиров У. Б. Иррегулярные полки русской армии в войне 1812–1814 гг.: особенности изучения и «белые пятна» (на примере калмыцких полков) // 1812. «Освобождение России от нашествия неприятельского»: уроки истории и вызовы современности: сб. докл. М.: РИСИ, 2013. С. 136–157.
15. Попов А.И. «Дубина народной войны»: система кордонов в 1812 г. // Человек, ученый, гражданин: материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Соломона Герцевича Басина, 14 ноября 2008 г. [Т. 2]. Самара: СГПУ, 2008. С. 83–112.
16. Потапова Е.В. Ржевский затворник: обзор документов и архивных фондов, посвященных герою войны 1812 года А.Н. Сеславину (по материалам государственного архива Тверской области) // Новгородика-2008. Вечевая республика в истории России: материалы международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2008 г. Ч. 1. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. С. 308–319.

REFERENCES

1. Agafonov A., Bespalov M. "My respects to the Don Army and thanks to their deeds". *Rodina: Rossiiskii istoricheskii zhurnal* [Rodina: Russian historical magazine], 2012, no. 11, pp. 124–125.
2. Agafonov A.I. [The Don Cossacks in the Patriotic war of 1812 and foreign campaigns of the Russian army in 1813 and 1814]. Rostov n/D, Omega Publisher Publ., 2012. 317 p.
3. Bezotosnyi V. Russian partisans in 1812. *Znanie – sila* [Knowledge is power], 2011, no. 8, pp. 42–47.
4. Bessonov V. Kaluga region in the war of 1812. *Rodina: Rossiiskii istoricheskii zhurnal* [Rodina: Russian historical magazine], 2012, no. 10, pp. 118–123.
5. Bessonov V. The two victories. *Rodina: Rossiiskii istoricheskii zhurnal* [Rodina: Russian historical magazine], 2012, no. 10, pp. 123–130.
6. Borshch A. Partisans in the Patriotic war of 1812: 200th anniversary of the Patriotic war of 1812. *Obozrevatel': nauchno-analiticheskii zhurnal* [Observer: the scientific-analytical journal], 2012, no. 11, pp. 116–126.
7. Bykadorov I.F. [Cossacks in the Patriotic war of 1812]. Moscow, Yauza, Eksmo Publ., 2008. 256 p.
8. Doneseniya F.F. Vintsingerode ot 8 (20) i 10 (22) sentyabrya 1812 [Elektronnyi resurs] // [sait] [http](http://www.museum.ru/1812/War/News_rus/izv046.html) [Reports of F.F. Wintzingerode, dated back to 8 (20) 10 (22) September 1812 [Electronic source] // [website] [http](http://www.museum.ru/1812/War/News_rus/izv046.html)] *Izvestiya o voennykh deistviyakh 1812–1814 gg. Po materialam periodicheskoi pechati* [News about the war of 1812–1814. Based on the periodical press materials]. Available at: www.museum.ru/1812/War/News_rus/izv046.html (accessed 05.11.2017).
9. Efimov S.V. [Kutuzov and the Patriotic war of 1812]. SPb., Voenno-istoricheskii muzei artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi Publ., 2012. 88 p.
10. Letunovskii P.V. O roli Denisa Davydova v organizatsii partizanskogo dvizheniya na Smolenshchine v Otechestvennoi voine 1812 goda [On the role of Denis Davydov in the organization of the partisan movement in Smolensk region in the Patriotic war of 1812] 1812 god: voina i mir: materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii [1812: war and the world: materials of all-Russian scientific conference]. Smolensk, Svitok Publ., 2009, pp. 76–79.

11. Lota V. Special chancellery of the Russian Empire. *Rodina: Rossiiskii istoricheskii zhurnal* [Rodina: Russian historical journal], 2012, no. 10, pp. 6–20.
12. Mitroshenkova L.V., L'vov S.V., Monakhov A.L. [The Patriotic war of 1812]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2010. 144 p.
13. [The Patriotic war of 1812 in the cultural memory of Russia]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012. 448 p.
14. Ochirov U.B. Irregulyarnye polki russkoi armii v voine 1812–1814 gg.: osobennosti izucheniya i «belye pyatna» (na primere kalmytskikh polkov) [The irregular regiments of the Russian army in the war of 1812–1814: the "white spots" (on the example of the Kalmyk regiments)] 1812. «Osvobozhdenie Rossii ot nashestviya nepriyatel'skogo»: uroki istorii i vyzovy sovremennosti: sb. dokl. [1812. "The liberation of Russia from the invasion of the enemy": the lessons of history and contemporary challenges]. Moscow, RISI Publ., 2013, pp. 136–157.
15. Popov A.I. «Dubina narodnoi voiny»: sistema kordonov v 1812 g. ["The cudgel of the people's war] СHelovek, uchenyi, grazhdanin: materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya Solomona Gertsevicha Basina, 14 noyabrya 2008 g. [T. 2] [Person, scholar, citizen: materials of the conference devoted to the 90 anniversary of birth of Solomon Gertsevich Basin, November 14, 2008 [vol. 2]]. Samara, SGPU Publ., 2008, pp. 83–112.
16. Potapova E.V. Rzhhevskii zatvornik: obzor dokumentov i arkhivnykh fondov, posvyashchennykh geroyu voiny 1812 goda A.N. Seslavinu (po materialam gosudarstvennogo arkhiva Tverskoi oblasti) [Rzhhevskiy recluse: the review of the documents and archival funds dedicated to A. N. Seslavin, the hero of the 1812 war (on the materials of the State Archive of Tver region)] Novgorodika-2008. Vechevaya respublika v istorii Rossii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 21–23 sentyabrya 2008 g. Ch. 1. Velikii Novgorod: NovGU im [Novgorodica-2008. Veche Republic in the history of Russia: materials of the international scientific-practical conference, 21–23 September 2008. Part 1. Veliky Novgorod: Nov. State Univ. named after Yaroslav the Wise], 2009, pp. 308–319.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богомолов Вячеслав Игоревич – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: vi.bogomolov@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav I. Bogomolov – post-graduate student, department of Russian History of the Middle Ages and Modernity, Moscow Region State University;
e-mail: vi.bogomolov@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Богомолов В.И. Некоторые аспекты «малой войны» в современной историографии Отечественной войны 1812 года за последние 10 лет // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 89–98. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-89-98

FOR CITATION

V. Bogomolov. Some Aspects of "Little War" in the Modern Historiography of the Last Decade Describing the Patriotic War of 1812. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 89–98.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-89-98

Всеобщая история

УДК 331.36:378(4):341.16

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-99-107

ПРИЗНАНИЕ ИНОСТРАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И КВАЛИФИКАЦИЙ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Коваленко С.А.

Российский университет дружбы народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены характер и содержание изменений концептуальных и организационных основ механизма признания иностранных квалификаций в Российской Федерации и зарубежных странах, обусловленных быстрым ростом международной академической мобильности, усилением интеграционных процессов в сфере образования и расширением международного рынка образовательных услуг. Выделены основные этапы этих изменений и приведены их обобщенные характеристики, ключевые факторы формирования в Российской Федерации национальной системы признания иностранного образования и (или) квалификаций, и отмечены особенности ее функционирования. Показано, что за последние 25 лет в Российской Федерации в основном сформирована современная система признания квалификаций в соответствии с действующей международной практикой признания и требованиями эффективного участия России в международном образовательном сотрудничестве.

Ключевые слова: международная академическая мобильность, признание квалификаций, интеграция в сфере образования, экспорт образования, ЮНЕСКО, Совет Европы.

RECOGNITION OF FOREIGN EDUCATION AND QUALIFICATIONS AS A KEY FACTOR IN THE INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION DEVELOPMENT

S. Kovalenko

Peoples' Friendship University of Russia

6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, the Russian Federation

Abstract. The article examines the direction and general tendencies of changing the methodological and organizational basis for the recognition of foreign qualifications in the Russian Federation and foreign countries, due to the rapid growth of international academic mobility,

© Коваленко С.А., 2017.

the strengthening of integration processes in education and the expansion of the international market of educational services. The main stages of these changes and their generalized characteristics are given. The article provides key factors of the formation of the national system for the recognition of foreign education and (or) qualifications in the Russian Federation. Features of its functioning are noted. It is concluded that over the past 25 years, the Russian Federation has formed a modern system for the recognition of qualifications harmonized with the current international practice of recognition and the requirements for Russia's effective participation in international educational cooperation.

Key words: international academic mobility, recognition of qualifications, integration in education, export of education, UNESCO, Council of Europe.

Важной составной частью всесторонних взаимообогащающих связей между странами является международная академическая мобильность, в которой ежегодно участвует несколько миллионов человек. Неизбежным следствием увеличения численности иностранных студентов, которая приближается уже к 5 млн. чел.¹, становится расширение в странах приема масштабов деятельности по осуществлению признания документов об образовании, полученных в учебных заведениях иностранных государств.

Признание иностранного образования или квалификации требуется практически в любой ситуации, связанной с намерением обладателя подобного образования или квалификации получить право на продолжение образования или на профессиональную деятельность за пределами страны, в которой было получено образование. Это предполагает наличие научно обоснованного инструментария, позволяющего решать вопросы признания на принципах объективности, справедливости и открытости, принимая во внимание национальные интересы своей страны. В настоящее

время в Российской Федерации осуществляются мероприятия по созданию такого инструментария, чему не всегда предшествует соответствующая аналитическая и научная проработка. Решение данной задачи должно опираться на системное исследование зарождения и функционирования механизмов академического и профессионального признания в нашей стране на разных этапах их становления и развития с учетом исторических особенностей каждого этапа.

Для обоснованной оценки проблем и перспектив оптимизации деятельности по признанию квалификаций необходимо наряду с изучением текущего состояния вопроса также выявление и анализ характера и содержания основных этапов изменения как концептуальных подходов к понятию признания, так и самих механизмов его осуществления. Это особенно актуально в настоящее время, когда благодаря современным средствам коммуникации на рынке образования появляются новые формы экспорта образовательных услуг, отличающиеся высокой конкурентоспособностью. Убедительным примером может служить стремительное расширение масштабов онлайн-обучения на платформе MOOC (Massive Open Online

¹ По данным раздела «International student mobility in tertiary education» на сайте UNESCO Institute for Statistics (<http://data.uis.unesco.org>).

Courses – <https://www.mooc-list.com>). Признание квалификаций, получаемых в результате «онлайн» и иных новых форм обучения, не может осуществляться на основе сложившихся механизмов признания, основанных на экспертной оценке традиционных документов об образовании. Оно должно основываться на обобщении исторического опыта осуществления признания и осмыслении предпосылок и перспектив его изменения.

Концептуальные основы, методология и практика осуществления признания иностранных квалификаций изменялись и продолжают изменяться в соответствии с изменениями масштабов и форм международного образовательного сотрудничества, наиболее значимым компонентом которой является международная академическая мобильность.

Представляется возможным выделить три основных этапа в развитии системы признания иностранного образования и квалификаций в Европейском регионе и в Российской Федерации.

Первый этап (1960–1991 гг.) характеризуется осознанием на национальном и международном уровнях роли признания квалификаций как ключевого регулятора международной академической мобильности. В этот период была сформирована первоначальная нормативно-правовая база признания квалификаций, представленная конвенциями и дополняющими актами Совета Европы и ЮНЕСКО. В течение этого этапа СССР заключил в общей сложности около 60 соглашений об установлении эквивалентности документов об образовании с развивающимися странами Азии, Африки и

Латинской Америки и странами социалистического лагеря [5, р. 37]. В качестве концептуально-методологического принципа сопоставления уровней образовательных программ происходил постепенный отказ от требования эквивалентности уровней в пользу признания их сопоставимости и равноценности.

Второй этап (1991–1997 гг.) – переходный этап, в ходе которого в европейских странах проводилась интенсивная работа над идеями и содержанием будущей Лиссабонской конвенции. В это время в Российской Федерации осуществлялось становление и утверждение многоуровневой системы высшего образования в рамках курса на адаптацию российской высшей школы к международным образовательным структурам. Российские эксперты принимали активное участие в разработке Лиссабонской конвенции. РФ заключила первые двусторонние соглашения с учетом многоуровневой системы образования.

Третий этап (1997 – н.в.) характеризуется введением в действие Лиссабонской Конвенции и ее повсеместным распространением. Стала более интенсивной деятельность по признанию квалификаций в связи с принятием большинством европейских стран Болонской декларации. Осуществляется последовательная модернизация механизмов признания квалификаций в рамках Болонского процесса. Происходит активное обновление региональных конвенций и превращение их в конвенции второго поколения: Токийская конвенция 2011 г. и др. [4, с. 204] Начинается работа над Глобальной конвенцией о признании квалификаций высшего образования.

В настоящее время дан старт очередному (*четвертому*) этапу развития института признания. Его началом, санкционированным резолюцией Генеральной Конференции ЮНЕСКО 37 С/15 в ноябре 2013 г., можно считать 2015 г., когда был опубликован Предварительный доклад о подготовке глобальной конвенции о признании квалификаций высшего образования [2]. Глобальная Конвенция о признании квалификаций, разработку которой предполагается завершить в 2019 г., должна вобрать в себя наработки предшествующих региональных конвенций первого и второго поколений и Рекомендации ЮНЕСКО 1993 г., согласовать их между собой и дополнить положениями, по возможности, сближающими решение вопросов признания с задачами обеспечения качества высшего образования, в частности, посредством использования рамок квалификаций.

Актуальность задач по совершенствованию национальной системы признания квалификаций связана также с усилением внимания со стороны высших органов государственной власти к вопросам экспорта российского образования и соответственно к вопросам признания иностранных квалификаций в нашей стране и российских квалификаций – за рубежом. Импульс этому был задан еще в одобренной 18 октября 2002 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным «Концепции государственной политики Российской Федерации в области подготовки кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях»¹. Комитет

¹ См. Федеральную информационно-аналитическую систему «Российское образование

Государственной думы РФ по образованию своим решением от 12 апреля 2016 г. утвердил развернутые рекомендации по вопросу «Состояние, проблемы и перспективы расширения обучения иностранных граждан в вузах России»². В числе одной из основных проблем в организации обучения иностранных студентов, требующих решения, выделена проблема чрезмерно длительных сроков осуществления признания иностранного документа об образовании. Указано также, что «тексты соглашений Российской Федерации с иностранными государствами о взаимном признании документов об образовании устарели... Динамическая информация о применении международных правовых актов в условиях изменений зарубежных систем образования отсутствует».

Президиум Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам утвердил Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» (протокол от 30 мая 2017 г. № 6). В результате реализации положений программного документа, рассчитанного на период 2017–2025 гг., должна быть «оптимизирована система признания документов об образовании Российской Федерации в

для иностранных граждан» Министерство образования и науки Российской Федерации (<http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/conception>).

² Решение Комитета по образованию Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации от 12 апреля 2016 г. №89-1 «Об утверждении рекомендаций «круглого стола» по теме «Состояние, проблемы и перспективы расширения обучения иностранных граждан в вузах России»».

зарубежных странах на двусторонней и многосторонней основе» и должно быть «обеспечено международное признание российских программ и квалификаций».

Для каждой отдельно взятой страны практика решения в ней вопроса признания документов других стран свидетельствует о субъективной идентификации её системы образования по отношению к зарубежным системам образования, а степень признания её собственных документов об образовании за рубежом служит объективным критерием интеграции её системы образования в общемировое образовательное пространство.

Признание документов иностранных государств об образовании в Российской Федерации регулируется национальными законодательными и нормативными правовыми актами, а также международными договорами, конвенциями, соглашениями о признании и эквивалентности, действующими в отношении Российской Федерации. Совокупность этих международных и национальных правовых актов составляет нормативно-правовую базу признания, которая подвергается постоянным изменениям в сторону ее оптимизации и в соответствии с непрерывно меняющимися условиями международной интеграции образования и мирового рынка образовательных услуг.

В соответствии с Лиссабонской Конвенцией о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе (1997 г.) [6], вступившей в силу в отношении Российской Федерации 1 июля 2000 г., под признанием понимается официальное подтверждение полномочным

органом значимости иностранной образовательной квалификации в целях доступа ее обладателя к образовательной и/или профессиональной деятельности. Эта трактовка признания адекватным образом закреплена в статье 107 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г.

Настороженное отношение, а зачастую и откровенная дискриминация советских и российских дипломов, имевшие место за рубежом в 60-е – 90-е гг., являлись одним из проявлений существовавшего ранее глобального идеологического противостояния. В связи с распадом СССР и формально провозглашенным окончанием «холодной войны» эта причина была устранена. Существовала также и другая причина – существенное отличие организационной структуры высшей школы Российской Федерации и большинства зарубежных стран, заключавшееся, прежде всего, в том, что подготовка специалистов в РФ практически до 90-х гг. осуществлялась непрерывно без выделения промежуточных ступеней (циклов, уровней). Это обстоятельство, а также слабая информированность за рубежом об организации обучения в России длительное время способствовали непринятию российских дипломов на должном уровне во многих странах мира.

Происходившая в последние 20 лет в РФ реорганизация высшей школы, в частности, введение многоуровневой структуры подготовки, создали объективные предпосылки для устранения дискриминационного отношения к российским дипломам за рубежом. Однако, учитывая особую инерционность систем образования и устойчивость

сложившихся в них представлений и стереотипов, было бы нереалистично рассчитывать на быстрое самопроизвольное урегулирование ситуации с признанием дипломов на некоторой справедливой объективной основе.

Естественно, что дипломы наиболее развитых стран котируются в мире очень высоко и что эти страны в дальнейшем будут стремиться всячески сохранить свое лидерство. Аналогичным образом поступают все страны, претендующие на расширение своего участия на мировом рынке образования. Наивно предполагать, что усилия России, направленные на объективное признание наших дипломов за рубежом, повсеместно встречают благожелательное отношение. По-прежнему в ряде стран имеют место попытки добиться неадекватного для российских выпускников решения об их статусе за рубежом. Это делается чаще всего под предлогом несоблюдения различных формальных требований и посредством усложнения процедуры признания.

Известно, что признание может осуществляться на различных уровнях иерархии. Наиболее значимым с правовой точки зрения является межправительственный уровень, который оформляется в виде двусторонних соглашений и протоколов, реже – в форме региональных конвенций, принятых под эгидой ЮНЕСКО, Совета Европы, других международных межправительственных организаций. Для практической реализации многосторонних соглашений, какими являются конвенции по признанию, составленные в обобщенно-декларативном формате, целесообразно разрабатывать и заключать двусторонние межправи-

ТЕЛЬСТВЕННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ, УСТАНАВЛИВАЮЩИЕ ВЗАИМНО СОГЛАСОВАННОЕ СООТВЕТСТВИЕ КОНКРЕТНЫХ КВАЛИФИКАЦИЙ ДВУХ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ СТРАН. В ЭТОЙ СВЯЗИ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ТАКЖЕ ПЕРСПЕКТИВНОЙ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОГЛАШЕНИЙ О ПРИЗНАНИИ ДОКУМЕНТОВ ОБ ОБРАЗОВАНИИ И УЧЁНЫХ СТЕПЕНЯХ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ВЕДОМСТВАМИ РАЗНЫХ СТРАН, КОТОРЫЕ ЯВЛЯЮТСЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫМИ К ИСПОЛНЕНИЮ В ПРЕДЕЛАХ ОРГАНИЗАЦИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В СФЕРЕ ИХ ПОДЧИНЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ. НОРМАТИВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЭТИХ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫХ СОГЛАШЕНИЙ МОГУТ РАСПРОСТРАНЯТЬСЯ В КАЧЕСТВЕ РЕКОМЕНДАЦИЙ УЧЕБНЫМ, НАУЧНЫМ И ОТРАСЛЕВЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ, НЕ КОНТРОЛИРУЕМЫМ ЭТИМИ ВЕДОМСТВАМИ.

Одним из наиболее многообещающих путей решения проблемы признания, особенно профессионального признания, может оказаться признание документов об образовании и учёных степенях, достигнутое между профессиональными неправительственными организациями разных стран на двух- или многосторонней основе. Существенные особенности такого пути достижения признания заключаются в следующем: акцент делается на профессиональной оценке уровня подготовки (вместо рассмотренных выше механизмов, связанных прежде всего с соотношениями сроков обучения и учебной трудоемкости), на сопоставлении обоснованных параметров высокого образовательного и профессионального ценза, на подтверждении и гарантировании профессиональной пригодности выпускаемых специалистов. Несмотря на скорее рекомендательный характер таких соглашений, авторитет подписавших их организа-

ций не может быть не учтён, что означает, как минимум, фактическое признание профессиональной ответственностью представленного документа об образовании. По существу, этот путь отвечает новым тенденциям в методике осуществления признания и близок к системе признания, используемой в ряде развитых стран, когда решающими факторами являются рейтинг вуза, аккредитация и аттестация его учебных программ профессиональными неправительственными объединениями.

Международные многосторонние механизмы признания квалификаций – прежде всего, международные многосторонние правовые акты по вопросам признания определяют понятийно-содержательную сущность признания и основные принципы его осуществления, что является основой для двустороннего взаимодействия между странами в области признания, а также основой формирования систем признания в отдельных странах на национальном уровне. На протяжении десятилетий создавались и развивались независимо друг от друга два многосторонних международных механизма признания – в рамках ЮНЕСКО и в рамках Совета Европы [3, с. 50]. Каждый из названных механизмов развивался в соответствии с целями и задачами соответствующих геополитических объединений (ЮНЕСКО и Совет Европы), отсутствие конструктивного сотрудничества между которыми в период 50-80 гг. было серьезным препятствием для выработки общеприемлемой эффективной нормативно-правовой базы признания на международном и национальном уровнях.

Разработка Конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе (1992–1997 гг.), совместными усилиями экспертов Совета Европы и ЮНЕСКО, а также ее подписание в Лиссабоне (1 апреля 1997 г.) и ее последующее вступление в силу (1 февраля 1999 г.) позволили объединить огромные потенциалы и учесть разносторонний опыт, накопленный обеими организациями в решении проблем признания. Благодаря достигнутому взаимодействию ЮНЕСКО и Совета Европы была сформирована универсальная правовая основа для дальнейшего функционирования института признания не только в Европейском регионе, но и во всем мире. В Лиссабонской Конвенции 1997 г. понятие «эквивалентность» было заменено на понятие «признание» как универсальный принцип.

Принятие Лиссабонской конвенции стало также основой для последующей адаптации нормативно-правовой базы, организационных структур и практики национальных систем признания в отдельных странах в соответствии со ставшими общепринятыми принципами и нормами признания, сформулированными в Лиссабонской Конвенции [1]. Именно на этой основе происходит современное развитие механизмов признания в мире. На сегодняшний день и на ближайшую перспективу Лиссабонская конвенция является ключевым фактором расширения академической мобильности, увеличения экспорта образовательных услуг и реализации интеграционного взаимодействия между странами в сфере образования и экспорта образовательных услуг.

В заключение следует отметить, что в настоящее время в РФ, как и в большинстве зарубежных стран Европейского региона, проводится интенсивная работа по совершенствованию действующих механизмов признания иностранных квалификаций. В Российской Федерации в основном сформирована современная система признания квалификаций в соответствии с принципами и положениями Лиссабонской конвенции. Однако, в отличие от большинства зарубежных стран, сохраняется централизованная система принятия решений о признании. Предоставление ряду российских вузов права самостоя-

тельно признавать иностранные квалификации является важным шагом, который необходимо продолжать. Это означает постепенный отход от унаследованного после советского периода жестко централизованного подхода к осуществлению признания в пользу более автономного подхода с предоставлением соответствующих полномочий непосредственно вузам. Закрепленная законодательно и нормативно, начиная с 2012 г., ныне действующая в России система признания может рассматриваться как промежуточный вариант на пути к полной автономизации вузов в решение этих вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коваленко С.А., Ткач Г.Ф. Модернизация правовой основы академического признания в Российской Федерации // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2015. Т. 10. С. 155–173.
2. Предварительный доклад о подготовке глобальной конвенции о признании квалификаций высшего образования (Документ ED/2015/PLS/HED/02). Париж: ЮНЕСКО, 2015. 41 с.
3. Ткач Г.Ф., Зверев Н.И., Филиппов В.М. Признание академических и профессиональных квалификаций в системах высшего образования России и зарубежных стран: учеб. пособие. М.: Российский университет дружбы народов, 2008. 372 с.
4. Филиппов В.М. Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. Том 15. № 3. С. 203–211.
5. Smirnov A.G. Recognition and Equivalence: Changing Approaches in the Soviet Union // Higher Education in Europe. 1990. Vol. XV. № 2. Pp. 35–40.
6. The Lisbon Recognition Convention // Council of Europe [сайт]. URL: http://www.coe.int/t/dg4/highereducation/recognition/lrc_EN.asp (дата обращения: 24.08.2017).

REFERENCES

1. Kovalenko S.A., Tkach G.F. Modernization of the legal framework for academic recognition in the Russian Federation . *Ezhegodnik rossiiskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva* [Yearbook of the Russian educational legislation], 2015, Volume 10. pp. 155-173.
2. Preliminary report on preparing the global convention on the recognition of qualifications in higher education (Document ED/2015/PLS/HED/02). Paris, YUNESKO Publ., 2015. 41 p.
3. Tkach G.F., Zverev N.I., Filippov V.M. The recognition of academic and professional qualifications in the higher education systems of Russia and foreign countries: textbook. Moscow, RUDN Publ., 2008. 372 p.

4. Filippov V.M. Internationalization of higher education: major trends, problems and prospects. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2015. Tom 15. [Bulletin of RUDN. Series: International relations. 2015. Vol. 15], no. 3, pp. 203–211.
7. Smirnov A.G. [Recognition and equivalence: changing approaches in the Soviet Union]. *Higher education in Europe*, 1990, vol. XV, no. 2, pp. 35–40.
8. The Lisbon Recognition Convention. Council of Europe [website]. Available at: http://www.coe.int/t/dg4/highereducation/recognition/lrc_EN.asp (accessed 24.08.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коваленко Сергей Александрович – директор Центра сравнительного и международного образования Российского университета дружбы народов;
e-mail: sergeirudn@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Kovalenko – Director of the Center for Comparative and International Education, RUDN University;
e-mail: sergeirudn@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коваленко С.А. Признание иностранного образования и квалификаций как ключевой фактор развития международного образовательного сотрудничества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 99–107.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-99-107

FOR CITATION

S. Kovalenko. Recognition of Foreign Education and Qualifications as a Key Factor in the International Educational Cooperation Development. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 99–107.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-99-107

УДК 327.821

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-108-114

ЦЕРЕМОНИЯ ИНАУГУРАЦИИ КАК ФАКТОР ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ США

Захарова О.Ю.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. На примере инаугурации Дональда Д. Трампа рассмотрена проблема влияния церемонии, как фактора публичной дипломатии, на формирование положительного имиджа Соединенных Штатов. Особое внимание уделено имиджу политика, как одному из механизмов публичной дипломатии. Проанализирован сценарий церемониала торжественного посвящения во власть (2017 г.), проведен сравнительный анализ текстов инаугурационных речей Обамы и Трампа, как программных документов внутренней и внешней политики государства. Автором сделан вывод, что церемония инаугурации, будучи одной из форм визуальных коммуникативных технологий, является эффективным механизмом публичной дипломатии, которая, в свою очередь, способствует развитию партнерских отношений между государствами, решению международных проблем мирным путем.

Ключевые слова: внешняя политика, публичная дипломатия, инаугурация, мягкая сила, имидж государства, церемониал.

INAUGURATION CEREMONY AS A FACTOR OF PUBLIC DEMOCRACY IN THE USA

O. Zakharova

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. On the example of D.D Trump's inauguration the article examines the problem of the way the ceremony, being a factor of public diplomacy, influences the formation of a positive image of the United States. Particular attention is paid to the image of a politician as one of the mechanisms of public diplomacy. The scenario of the ceremonial of the solemn introduction into power of D.D. Trump (2017) is analyzed. The comparative analysis of the texts of B.Kh. Obama and D.D. Trump's inaugural speeches as program documents of the domestic and foreign policy of the state is performed. The author concludes that the ceremony of inauguration, being one of the forms of visual communicative technologies, is an effective mechanism of public diplomacy, which in turn contributes to the development of partnership relations between states and the solution of international problems through peaceful means.

Key words: foreign policy, public diplomacy, inauguration, soft power, state image, ceremonial.

Классическую концепцию «публичной дипломатии» представил Э. Гуллион (декан Школы права и дипломатии им. А.Б. Флэтчера в Университете Тафтса) при формировании Центра публичной дипломатии им. Э.Р. Мэрроу в 1965 г. В брошюре, посвященной Центру, эта концепция излагалась таким образом: «Публичная дипломатия ... имеет дело с влиянием общественных установок на осуществление внешней политики. Она включает в себя измерения международных отношений, выходящие за рамки традиционной дипломатии: культивирование правительствами общественного мнения в других странах, взаимодействие частных групп интересов одной страны с другой, освещение международных отношений и их влияние на политику государства, взаимодействие между теми, чья работа заключается в коммуникации (дипломаты и зарубежные корреспонденты) и процесс межкультурных коммуникаций». Сам Э. Гуллион писал: «Под публичной дипломатией мы понимаем средства, при помощи которых правительства, частные группы и отдельные лица меняют установки и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказать влияние на их внешнеполитические решения» [6, с. 70].

Подобное определение подразумевает использование конкретных средств для достижения определенных целей, а именно [9, с. 82]:

- защиты национальных интересов и обеспечения национальной безопасности;
- формирования у зарубежной аудитории положительных взглядов на проводимую государством внешнюю и внутреннюю политику с целью при-

нятия добровольных взаимовыгодных решений;

- установления взаимопонимания между народами;
- создания положительного имиджа страны;
- расширения диалога между гражданами зарубежных стран;
- достижения лучшего понимания ценностей собственного государства за рубежом.

К средствам публичной дипломатии относятся:

- разъяснение внутренней и внешней политики государства;
- развитие средств коммуникации, установление контактов между частными группами и отдельными лицами средствами массовой информации;
- создание международных программ студенческих обменов;
- пропаганда своих ценностей посредством телевидения, кино, радио, музыки, спорта, театра, видеоигр, туризма, обмена в Интернете и других форм социальной и культурной активности.

Из вышесказанного следует, что к механизмам публичной дипломатии принадлежат различные виды визуальных коммуникативных технологий, в том числе торжественное посвящение во власть главы государства – инаугурация (*inauguro* – посвящаю (лат.)). Эта церемония возникла в США в качестве противовеса церемониалам коронации. 30 апреля 1789 г. первый президент США Д. Вашингтон произнес в здании Конгресса присягу и речь, которая и поныне считается одной из самых кратких – 135 слов. Из всех инаугурационных выступлений президентов США речь Дж. Кеннеди в 1961 г. получила наибольшую известность.

В ней президент произнес ставшие крылатыми слова: «Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя. Спроси, что ты можешь сделать для своей страны» [2, с. 141–142].

Выступление президента – это программный документ, это послание, адресованное не только внутренней, но и внешней аудитории. В 2013 г. ключевая фраза в речи Б.Х. Обамы была: «Мы будем поддерживать демократию повсюду – от Азии до Африки, от Американского континента до Ближнего Востока» [2, с. 143]. Последующие события мировой политики продемонстрировали верность администрации Соединенных Штатов провозглашенному курсу.

Преемник Барака Обамы – Дональд Джон Трамп (14.06.1946 г.р.) – стал старейшим новоизбранным президентом в истории США (ранее рекорд принадлежал Рональду Рейгану, избранному в возрасте 69 лет). В ходе предвыборной кампании Трамп сделал невозможное – он «победил» Голливуд, который в трудные для Америки периоды ее истории формировал национальную идею государства. «Звезды» американского кинематографа – Роберт де Ниро, Марк Руффало, Алек Болдуин приняли участие в антитрамповских протестах в Нью-Йорке. А певица Шер назвала Трампа «невероятным нарциссом». Трамп «переиграл» великих актеров, он создал свой Голливуд, свою «фабрику грез», доказав тем самым, что «правда – лучшая пропаганда». Он озвучил реальные проблемы населения не только «многоэтажной», но и «одноэтажной» Америки и победил.

На проведение церемонии вступления в должность команда Д. Трампа привлекла 90 миллионов долларов (на

первую и вторую инаугурацию Б. Обамы было собрано 55 и 43 миллиона долларов соответственно). Несмотря на рекордные затраты, Председатель инаугурационного комитета Том Баррака заявил, что команда Трампа хочет избежать «цирковой атмосферы» во время церемонии и придерживаться установки «вернемся к работе». Вероятно, под «цирковой атмосферой», в данном случае, подразумевалось участие в 2013 г. в традиционном параде представителей сексуальных меньшинств, открыто заявляющих о своих правах. Сеем предположить, что ни сам Президент, ни его помощники не осмелились бы назвать «цирком» элементы инаугурации Б. Обамы, посвященные памяти А. Линкольна и М.Л. Кинга. Тем более, что сам Д. Трамп приносил присягу на Библии Авраама Линкольна и Библии, которую ему подарила мать после окончания воскресной школы в 1955 г. [1].

Церемония завершилась гимном США в исполнении 16-летней певицы с украинскими корнями Джеки Иванко, затем президент Д. Трамп и вице-президент М. Пенс отправились в Капитолий на традиционный прием, на котором президент попросил собравшихся аплодисментами поприветствовать чету Клинтон. По окончании приема начался парад по Пенсильвания-авеню от Капитолия до Белого Дома. В тот же день состоялось три официальных инаугурационных бала [4].

Следует отметить, что инаугурация Д. Трампа проходила на фоне протестных движений, которые не смогли повлиять на ход церемонии¹. В то же

¹ Администрация Вашингтона сделала все возможное для пресечения беспорядков. Мэр столицы Мюриел Бауэр заявила, что уважает

время было очевидно, что они могли сказаться на содержании инаугурационной речи Президента, которая сама по себе является историческим событием, программным документом его правления. Но Трамп не отступает от своих принципов и говорит о реальных проблемах США: «Много десятилетий мы обогащали промышленность третьих стран в ущерб производству на территории США. Мы субсидировали иностранные армии, одновременно с этим сокращая собственные вооруженные силы. Мы защищали границы иностранных государств и при этом отказались защищать собственные (вероятно речь идет о границе с Мексикой. – Прим. авт.). И мы тратим триллионы долларов на заокеанские проекты, тогда как американская инфраструктура ветшала и разрушалась» [8].

Чтобы изменить ситуацию, следовало, по мнению президента, воплотить в жизнь идею: «Америка на первом месте», а для этого каждое решение в области торговых отношений, налогообложения, иммиграционной политики следует реализовывать «... в интересах американских рабочих и американских семей. Мы защитим свои границы от разорителей из соседних стран, которые делают наши продукты, воруют наши компании и уничтожают наши рабочие места». Эта часть выступления, по всей вероятности, адресована не только правительству Мексики, но и КНР. Трамп предлагает населению антиглобалистский лозунг: «Покупай американское и нанимай американцев» [8].

право народа (гарантированное первой поправкой к конституции США) на свободу слова, но не допустит насилия и разрушений [4].

Что касается отношений с другими государствами, то США не собираются «навязывать свой стиль жизни никому», а позволяют ему «... сиять и быть примером. Мы будем сиять для каждого, кто захочет следовать за нами». В завершении речи Д. Трамп, под оглушительные аплодисменты, повторил свой знаменитый слоган: «Мы снова сделаем Америку великой» [8]. Таким образом, Президент предложил строить отношения с другим государствами с позиции «мягкой силы», то есть добиваться желаемых результатов в мировой политике с помощью авторитета и привлекательности.

В свою очередь, инструментом создания положительного имиджа государства является публичная дипломатия. Соединенные Штаты обладают значительным потенциалом, чтобы «сиять и быть примером», но наличие ресурсов не всегда предполагает возможность их успешной реализации. Коммуникативные технологии не универсальны. Граждане формируют отношение к стране не только с помощью СМИ, существуют и другие механизмы публичной дипломатии, в том числе – имидж политика.

Как известно, не только у американского, но и у европейского истеблишмента личность Д. Трампа вызывает к себе неоднозначное отношение¹. Но Трамп не стремится понравиться интеллектуальной элите. Его аудитория – «простые» американцы и граждане других стран, которым понятны и близки высказывания Трампа-писателя, чьи книги по бизнес-тематике (15 книг) разошлись по миру многомиллионными тиражами [5]. В одной из

¹ 93% жителей Вашингтона голосовали за Хиллари Клинтон [7]

них, с весьма красноречивым названием «Мысли по-крупному и не тормози!», он пишет: «Жизнь – это жесткая схватка, и если вы хотите выйти из нее победителем, забудьте слово «нет», учитесь работать кулаками, отвечать ударом на удар, никогда не сдаваться и просчитывать каждый свой шаг. Только так можно достичь больших целей, а других и ставить не стоит!» [10].

Следует отметить удачную работу специалистов над имиджем супруги президента, олицетворяющей традиционные для американцев семейные ценности. Для расширения аудитории сторонников Д. Трампа в словенском городе Севница в продажу поступили продукты, названные в честь нового президента США и его супруги. В одном из ресторанов можно попробовать «Президентский бургер», украшенный американским флагом, а в магазинах туристы могли приобрести салями и вино «Первая леди». На фоне супруга-бунтаря Меланья Трамп в своем небесно-голубом костюме – олицетворение спокойствия, надежности и надежды, никто не посмеет жечь портреты госпожи Трамп в контейнерах для мусора, как это было с изображением ее мужа в Брюсселе. Пользователи соцсетей и СМИ, наблюдавшие церемонию, сравнили наряд Меланьи Трамп с образом Жаклин Кеннеди от Ральфа Лорен. Следует отметить, что,

в свою очередь, во время инаугурации в Париже супругу французского президента сравнивали с первой леди Америки – Меланьей Трамп [3].

В политике нет мелочей, каждый элемент, все – от манеры политика держаться и говорить, до его программных документов должно усиливать авторитет государства, делать его более привлекательным в глазах мирового сообщества. Если инаугурация Б.Х. Обамы – церемония интеллектуальной элиты нации, девиз которых «хранить прошлое, чтить настоящее и формировать будущее», то инаугурация Д. Трампа адресована тем, кто уважает прошлое, но живет настоящим, то есть населению Америки, а не истеблишменту Вашингтона.

Президент-миллиардер представляет интересы большинства, хотя сам принадлежит к меньшинству, он «свой среди чужих и чужой среди своих». Трамп не стремится к политкорректности, в своей речи он говорит о реальных проблемах, которые стоят перед США – нелегальная миграция, бандитизм, наркотики. В отличие от своего предшественника Трамп не предлагает поддерживать демократию во всем мире, а заявляет, что хочет вернуть США привлекательность, используя три источника мягкой силы – ценности, культуру, политику.

ЛИТЕРАТУРА

1. 6 интересных фактов из инаугурации Дональда Трампа // NGNews [сайт]. URL: <http://ngnews.org/6-interesnyih-faktov-iz-inauguratsii-donald-trampa/> (дата обращения 05.11.2017).
2. Захарова О.Ю. Роль коммуникативных технологий в легитимации властных институтов (на примерах процедуры инаугурации в США, Франции, России, Украине) // Труд и социальные отношения. 2015. № 3. С. 139–158.
3. «И не стыдно, мадам Макрон?»: первая леди Франции «косит» под Меланию Трамп // Novostivmire: информационный портал. URL: <http://https://novostivmire>.

- com/2017/05/14/i-ne-stydno-madam-makron-pervaya-ledi-francii-kosit-pod-melaniyu-tramp/ (дата обращения 05.11.2017).
4. Инаугурация Дональда Трампа: новый президент США вступил в должность URL: <https://24smi.org/news/48529-inauguratsiia-donalda-trampa-novy-i-prezident-ssha-html> (дата обращения 05.11.2017).
 5. Интересные факты про Дональда Трампа // Интересные факты [сайт]. URL: <http://interesnyefakty.org/interesnyie-faktyi-pro-donalda-trampa/> (дата обращения: 05.11.2017).
 6. Лукин А.В. Публичная дипломатия // Международная жизнь. 2013. № 3. С. 69–87.
 7. Мирзаян Г. Инаугурация Дональда Трампа: США начинают полет в неизведанное // РИА новости [сайт]. URL: <https://ria.ru/world/20170121/1486194637.html> (дата обращения 05.11.2017).
 8. Речь Трампа на инаугурации: полный текст, анализ, мнения экспертов, видео // NEWS MAIL BY [сайт]. URL: <http://news-mail.by/2017/01/21/rech-trampa/> (дата обращения 05.11.2017).
 9. Рогозин Д.О. Россия перед вызовом «публичной дипломатии» Запада // Международная жизнь. 2010. № 8. С. 81–88.
 10. Трамп Д., Занкер Б. Мысли по крупному и не тормози! М.: Юнайтед Пресс, 2009. 312 с.

REFERENCES

1. 6 interesnykh faktov iz inauguratsii Donal'da Trampa [6 interesting facts about the inauguration of Donald Trump]. [NGNews [website]]. Available at: <http://ngnews.org/6-interesnyih-faktov-iz-inauguratsii-donalda-trampa/> (accessed 05.11.2017).
2. Zakharova O.Yu. The role of communication technologies in the legitimation of government institutions (on the examples of the procedure of the inauguration in the United States, France, Russia, Ukraine). *Trud i sotsial'nye otnosheniya*, 2015, no. 3, pp. 139–158.
3. «I ne stydno, madam Makron?»: pervaya ledi Frantsii «kosit» pod Melaniyu Tramp ["Aren't you ashamed, madam Macron?": the first lady of France is "coy" with Melania Trump] Novostivmire: informatsionnyi portal. [Novostivmire: information portal]. Available at: <http://https://novostivmire.com/2017/05/14/i-ne-stydno-madam-makron-pervaya-ledi-francii-kosit-pod-melaniyu-tramp/> (accessed 05.11.2017).
4. Inauguratsiya Donal'da Trampa: novyi prezident SSHA vstupil v dolzhnost' [The inauguration of Donald Trump: the new US President took office]. Available at: <https://24smi.org/news/48529-inauguratsiia-donalda-trampa-novy-i-prezident-ssha-html> (accessed 05.11.2017).
5. Interesnye fakty pro Donal'da Trampa [Interesting facts about Donald Trump] Interesnye fakty [sait]. [Interesting facts [website]]. Available at: <http://interesnyefakty.org/interesnyie-faktyi-pro-donalda-trampa/> (accessed 05.11.2017).
6. Lukin A.V. Public diplomacy. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2013, no. 3, pp. 69–87.
7. Mirzayan G. Inauguratsiya Donal'da Trampa: SSHA nachinayut polet v neizvedannoe [The inauguration of Donald Trump: the USA begins a flight into the unknown] RIA novosti [sait]. [News [website]]. Available at: <https://ria.ru/world/20170121/1486194637.html> (accessed 05.11.2017).
8. Rech' Trampa na inauguratsii: polnyi tekst, analiz, mneniya eksper-tov, video [Trump's inauguration speech: full text, analysis, experts' points of view, video] NEWS MAIL BY [sait]. [NEWS BY MAIL [website]]. Available at: <http://news-mail.by/2017/01/21/rech-trampa/> (accessed 05.11.2017).
9. Rogozin D.O. Rossiya pered vyzovom «publichnoi diplomatii» Zapada [Russia to answer the challenge of "public diplomacy" of the West] *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International life], 2010, no 8, pp. 81–88.
10. Trump D., Zanker B. Thoughts at large and no brakes! Moscow, United Press. 2009. 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Захарова Оксана Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, профессор факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

e-mail: yevseyeva.marita@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oksana Yu. Zakharova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Faculty of International Politics, Lomonosov Moscow State University;

e-mail: yevseyeva.marita@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Захарова О.Ю. Церемония инаугурации как фактор публичной дипломатии США // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 108–114.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-108-114

FOR CITATION

O. Zakharova. Inauguration Ceremony as a Factor of Public Democracy in the USA. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 108–114.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-108-114

Отечественная история

УДК: 72(091)

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-115-127

ОБИТЕЛЬ ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЫ, ЧТО НА БЕЛЫХ ПЕСКАХ. ИСТОРИЯ И АРХИТЕКТУРА ТРОИЦКОГО БЕЛОПЕСОЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Максимова Н. В., Соловьев К.А.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

129337, г. Москва, Ярославское шоссе д. 26, Российская Федерация

Аннотация. В статье дано обозрение истории и архитектуры одного из интереснейших архитектурных ансамблей Подмосковья – Троицкой Белопесоцкой обители. Авторы дают краткую историческую информацию по преданиям и документальным свидетельствам об основателе и основании монастыря. Статья также рассказывает о непростой судьбе обители, которая очень скоро после своего основания стала важным крепостным форпостом древнего русского города Каширы. Авторы поднимают такую важную проблему, как особенности своеобразия планировочной композиции монастырского ансамбля. Троицкий Белопесоцкий монастырь можно рассматривать в двух разных пространственных аспектах: прежде всего – это самостоятельный архитектурный комплекс, но также и архитектурно-природный ансамблевый комплекс берегов реки Оки. В настоящее время вновь восстанавливается триединое созвучие природы и архитектуры – город, река, монастырь.

Ключевые слова: Пр. Владимир Белопесоцкий, Троицкий Белопесоцкий монастырь, г. Кашира, ландшафтная архитектура, архитектурный ансамбль, Троицкий собор, планировочная композиция.

THE MONASTERY OF THE HOLY TRINITY, ON THE WHITE SANDS. HISTORY AND ARCHITECTURE OF THE TRINITY BELOPESOTSKY MONASTERY

N. Maksimova, K. Solovyov

National Research Moscow State Construction University

26, Yaroslavl shosse, Moscow, 129337, Russian Federation

Abstract. The article presents the review of the history and architecture of one of the most interesting architectural ensembles of Moscow region - the Troitsky Belopesotsky monastery. The authors give a brief historical overview of the legends and documentary evidence about

the founder of the monastery and its foundation. The article also tells about the difficult fate of the monastery, which very soon after its foundation became an important fortress outpost of the ancient Russian city of Kashira. The authors raise such an important problem as the peculiarities of the originality of the planning composition of the monastery ensemble. The Trinity Belopesotsky monastery can be viewed in two different spatial aspects: first of all, it is an independent architectural complex, but it is also an architectural and natural ensemble complex on the banks of the Oka River. At present the triune consonance of nature and architecture is restored again - the city, the river, the monastery.

Key words: Pr. Vladimir Belopesotsky, the Trinity Belopesotsky monastery, town of Kashira, landscape architecture, architectural ensemble, the Trinity cathedral, planning composition.

Исследования в области монастырской культуры и «изучение православных монастырей России как феномена многообразной русской культуры позволяет проследить взаимодействие и взаимовлияние монастыря и города в условиях динамично развивающейся городской среды» [9, с. 24–25].

Среди русских православных обителей можно выделить ряд исторических типов, и среди них так называемые пригородные монастыри и монастыри – сторожи. К этому типу православного монастыря можно отнести и Троицкий Белопесоцкий монастырь Московской епархии. Это достаточно известный и исследованный монастырь. Сохранилось множество актов и документов, относящихся к истории этой обители. Однако представленное исследование может стать началом серьёзной монографической работы, касающейся именно роли Белопесоцкого монастыря как фактора развития городской культуры в России, так как эта пригородная обитель сыграла значительную роль как форпост Русского государства и пограничного города Каширы в XVI–XVII вв.

Монастырь имеет интересную и древнюю историю. Она может служить примером того, как «национальные твердыни силой Святого Духа укреп-

ляли, и укрепляют русский народ»¹. Несмотря на древность, сведения о монастыре очень скудны. В основном они основаны на местных исторических преданиях. Так, например, существуют предания о том, что история основания обители связана с именем Игумена Русской земли Святого Преподобного Сергия Радонежского. «Во второй половине XIV века преподобный Сергий основал на Каширской земле несколько монастырей: Спаса-Преображенский Северский монастырь на берегу реки Северки у деревни Благовское, Богородицкий монастырь, Соколову пустынь и обитель на Белых песках в Белопесоцкой слободе».² Местная легенда гласит, что Сергий Радонежский, следовавший из Серпухова в Коломну, водрузил здесь крест, и молвил: «Быть тут монастырю».³

В грамотах Коллегии Экономии, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, в документах 1507 г. говорится о том, что: «под 1380 годом упоминается неизвестный монастырь на Белых песках в связи с тем, что войско Московского Великого князя Дмитрия Иоанновича

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 281. Оп. 609.

² Там же.

³ Там же.

останавливалось на отдых в ночь на 23 августа на белых песках у городка Каширы. Великий князь Дмитрий Иоаннович дал обет в случае победы русского войска основать на этом месте монастырь»¹.

В книге «Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, написанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским», можно найти описание Свято-Троицкого Белопесоцкого мужского монастыря того времени: «Это большой монастырь, выстроенный из камня и кирпича и весь выбеленный известью. Над его воротами высокая церковь во имя Святого Николая, на подобие башни, с высоким куполом и навесами кругом. Около нея – другая башня для колоколов и часов такой же высоты, с таким же куполом и галереей, в каждой арке которой висит по три колокола. К великой церкви поднимаются по лестнице с трех сторон, соответственно ей дверям. Она очень высока, окружена большою галереей ... , все кресты господние густо позолочены ...» [6].

Николай Дмитриевич Иванчин-Писарев – известный русский писатель XIX в., пишет: «По сказаниям иноков Белопесоцкого монастыря, что на берегу реки Оки и давнему преданию жителей города Каширы, Святой Сергей Радонежский, пешеходствуя от Коломны к Серпухову, остановился отдохнуть, и помолиться, и провёл там несколько времени. Это было недалеко от старой Каширы, где ныне село. Его молящегося, и место, которое, как говорят, он благословил, подстерегли набожные любопытцы – и там, на песчаном берегу Оки, основалась обитель

Белопесоцкая. Она стоит против новой Каширы» [2, с. 1–22].

Строителем Троицкой обители был игумен Владимир. Он считается первым документально известным основателем монастыря. Об этом человеке известно немного. Преподобный Владимир Белопесоцкий (в миру Василий) родился около 1450 г. в городе Ржеве. Родом он был из тверских бояр (в монастырской «Летописи» сказано, из рода «меньших славных тверских бояр Поляниновых»). Если верны эти исторические предания, то Пр. Владимир Белопесоцкий происходит из древнего русского рода Поляниновых, который, в свою очередь, происходит от рода «Ростовского князя Андрея Фёдоровича, жившего в XIV столетии» [8].

С малых лет Василий начал просить родителей отпустить его в монастырь. Родители, видя его твёрдость, отпустили его в обитель. Василий уходит в Новгородский Спаса-Преображенский Хутынский монастырь. Основал монастырь преподобный Варлаам Хутынский в 1192 г. Таким образом, Хутынский монастырь является одним из древнейших на северо-западе Русских земель. В 1192 г. в обители была освящена первая монастырская церковь во имя Преображения Господня. Там Василий и был пострижен с именем Владимир. Приблизительно в 1470–1471 гг. он уходит в Каширские пределы и начинает подвизаться на берегу реки Оки.

Большинство современных исследователей считает, что древнерусские монастыри занимали одно из важных мест в проявлении так называемой «иерархии пространств», которые представляют многообразие типов поселений в Древней Руси. «Каждое из этих

¹ РГАДА. Ф. 281. Оп. 609.

поселений имело своё архитектурное оформление в соответствии с той ролью, которое оно могло играть в ландшафтной архитектуре» [7, с. 213]. Как известно, древнерусские города никогда не замыкались в пределах своих укреплений, как например, в городах Западной Европы. Русский город всегда как бы растворялся в окружающем его пространстве. «Город Кашира появляется не ранее XIII века, и впервые упоминается в грамоте Московского Великого князя Ивана II Ивановича Красного (отец Дмитрия Донского – Прим. авторов) в 1356 году» [7, с. 213]. Скорее всего, при князе Дмитрии Ивановиче небольшая крепость стала городом, и если точны эти свидетельства, то могут быть верными исторические предания об основании рядом с городом монастыря. В 1531 г. начинается строительство новой крепости города Каширы, и существовавший к тому времени Троицкий монастырь превращается в важный пригородный монастырь – сторожу¹.

Во второй половине XVI в. город пережил множество нападений. «Лета 7078 (1570) года приходили царевичи на Рязань и на Коширу и много бед сотворили грех ради наших. Лета 7100

¹ Монастырь-сторожа: в Западной Европе в средние века существовали оборонительные системы, в которых главная крепость (цитадель) окружалась на некотором расстоянии вспомогательными укреплениями – фортами. Форты не позволяли врагу подойти вплотную к цитадели и пустить в ход стенобитные орудия, а во время приступа огонь фортов расстраивал ряды атакующих.

В России специальных фортов вокруг городов не строили. Роль вспомогательных крепостей для Москвы с успехом исполняли могучие стены монастырей, прикрывавших столицу с самых опасных направлений – с юга и юго-востока (Прим. авторов).

(1592) года приходил..., и крымские царевичи на Троицын день...и воевал Коширу и полоня много полмал и княгин и боярын» [3, с. 115]. «На протяжении всего XVI века город опустошался более двадцати раз» [3, с. 111–112]. Роковым для города и знаменательным для Троице-Белопесоцкого монастыря стал 1571 г., когда город был сожжён дотла войсками крымского хана Девлет-Гирая. После этого город не смог восстановиться и только в правление царя Михаила Фёдоровича вспомнили о Кашире, которую перенесли на высокий правый берег реки Оки, выстроив крепость напротив Белопесоцкого монастыря. Таким образом, Белопесоцкий монастырь окончательно превратился в хорошо укреплённый форпост города (рис. 1).

Около 1498 г. каширские земли и города Кашира с Серпуховом были пожалованы Великим Князем Иоанном III бывшему Казанскому хану Магомет-Аминю (так называли в русской земле хана Мухаммеда-Эммина, который был свергнут представителями династии Гираев и был принят в русское подданство. – Прим. авт.). Этот мусульманский государь в 1498 г. выдал игумену Владимиру жалованную грамоту на земли по берегу Оки на так называемых «белых песках», которая давала право на строительство монастыря. Этот исторический факт интересен с той точки зрения, что мы можем видеть в этом уникальный пример взаимоотношений представителей разных вер, национальностей и культур, который уже в XV в. делал нашу Родину мультикультурной и многонациональной страной в прямом и положительном смысле этого слова. Мало где в истории можно встретить пример

Рис. 1

того, чтобы мусульманский правитель давал жалованную грамоту на строительство иноческого общежития православному подвижнику. Эта грамота и есть первое письменное упоминание об основании Троицкого монастыря на Белых Песках. Грамота закрепляла за обителью первые земельные и лесные угодья. Грамота была выдана ханом на имя «игумена Владимира с братиею, поэтому мы можем с уверенностью говорить о том, что к 1498 г. место подвигов игумена Владимира превратилось в монашеское общежитие» [1]. Впоследствии грамота много раз подтверждалась русскими государями. В одной из подобных подтверждающих грамот за 1542 г. игумен Владимир именуется «начальником первым», исходя из чего он считается основателем и первым строителем монастыря, известным документально. В настоящее время Святой Преподобный Владимир Белопесочкий прославлен в лике местночтимых Святых, его мощи почивают под спудом в Троицкой Белопесочкой обители на паперти Троицкого собора.

Белопесочкий монастырь с самого начала обратил на себя внимание русских правителей своим выгодным стратегическим и географическим положением. Известно, что реку Оку наши предки именовали «Поясом Пресвятой Богородицы» не только потому, что по её берегам располагались древние обители, защищавшие духовно русские пределы, но и потому что Ока была пограничной рекой русского государства. Новый мужской монастырь, стоявший на южном рубеже Московской Руси, был ещё и крепостью, стоявшей на защите Москвы от набегов крымских ханов. Великие князья Иоанн III, Василий III, а также и русские цари Иоанн IV Васильевич, Борис I Фёдорович и Михаил I Фёдорович давали щедрые пожертвования на строительство монастыря и на создание в нём мощных оборонительных сооружений.

Как было отмечено выше, в XVI в. монастырь был сильно укреплен и стал крепостью – форпостом Каширы. Царь Иоанн Васильевич «подарил монасты-

рю церковную Богослужбную утварь, а царь Борис Фёдорович подарил две драгоценные ризы, ныне хранящиеся в Историческом музее, в этом же музее пребывают сейчас некоторые иконы из Троицкого собора Белопесоцкого монастыря» [5]. По монастырской описи 1578 г., два прясла монастырской стены уже были каменными. Опись 1627–1629 гг. говорит о том, что монастырь был надёжно защищён: «Около монастыря ограда деревянная, да два прясла каменна на городовое дело и с кровлею, да пять башен с бойницами, а на ограде две пушки волоконьи государевой дачи, да монастырских пушек 9, да 20 пищалей, да зелья полтретья пуда, да 50 ядер» [4, с. 1517].

Несмотря на такой оборонительный характер монастырской крепости, сама обитель никогда не утрачивала своего духовного значения. В 1520-е гг. Белопесоцкую обитель прославил своими подвигами выдающийся подвижник XVI в., старец Феодосий Коверя, почитание которого в начале XVI столетия можно сравнить только с почитанием преподобных Серафима Саровского и Амвросия Оптинского в XIX в. или с почитанием современных почивших подвижников протоиерея Николая Гурьянова, архимандрита Иоанна (Крестьянкина), архимандрита Кирилла (Павлова). Родом старец Феодосий был из Новгородской земли и состоял в родстве с древними боярскими родами Григоровых и Овиновых, которые сохранились до настоящего времени. К сожалению, в настоящее время имя старца Феодосия Коверя известно немногим.

Каменный архитектурный ансамбль монастыря 1578 г. со стенами и башнями дошёл до нас в сильно

перестроенном виде XVII в. Каменное строительство начато было ещё в 1564 г. закладкой Троицкого собора и построением каменной церкви во имя преподобного Сергия Радонежского с трапезною палатой. По монастырской описи, сооружение было двухъярусным: «...да под Церковью ж хлебня, под трапезою погребы» [4, с. 1517]. К сожалению, сооружения XVI столетия были в значительной степени перестроены в период царствования царей Михаила Фёдоровича, Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича, и в таком виде дошли до нашего времени. Однако планировка и характер композиции монастырского ансамбля не изменялись. Полностью утрачена только одна каменная постройка XVI в., деревянная монастырская колокольня. Ещё в конце XVIII столетия, в 1794 г. вместо неё над надвратным Никольским храмом, возведённым ещё в конце XVI в., была построена невысокая звонница. Где находилась старая звонница монастыря – неизвестно. «Скорее всего, на парадном монастырском дворе, на месте более поздней Иоанновской церкви» [7, с. 109–118].

«Большинство исследователей отмечает, что при взгляде на план монастырского ансамбля, его архитектурный замысел, на первый взгляд, кажется случайным» [7, с. 109–118]. Большая часть пространства внутри монастырских стен пустует. Основные архитектурные памятники обители сосредоточены вдоль южной стены монастыря, обращённой к реке Оке. И даже Троицкий собор максимально приближен к этой линии архитектурных сооружений. Это придает своеобразие планировочной композиции монастырского ансамбля. В ней за-

ключен очень тонкий художественный расчёт. Архитектурный ансамбль очень точно сориентирован на Оку, и вид с реки на архитектуру монастыря смотрится предельно выразительно. В нём можно видеть всё многообразие композиционных и конструктивных форм его архитектуры.

Рис. 2.

Однако в обители есть и второй по значимости фасад ансамбля – восточный. Он ориентирован на старую Каширскую дорогу, которая проходила из Москвы под монастырскими стенами. С этой стороны расположены Святые ворота с надвратной Никольской церковью – единственная наиболее сохранившаяся монастырская постройка XVI в. (рис. 2). Это очень небольшой безстолпный храм с прямоугольной алтарной частью, окруженный со всех сторон обходной сводчатой галереей. Возведён он в очень лаконичном архи-

тектурном стиле, характерном для храмов XVI столетия. Постройка абсолютно лишена декора. Единственно, что придаёт сооружению своеобразную тектоническую изысканность – это широкие и плоские лопатки, которые расчленяют выложенные плоскости стен на три прясла. В 1794 г. прямо над этим сооружением была надстроена новая колокольня в архитектурных формах русского классицизма.

В 1863 г. рядом со старыми воротами были устроены новые ворота с высокой аркой, фронтоном и куполом. Старые ворота имеют очень интересную конструктивную особенность. Они являлись частью монастырских оборонительных укреплений, поэтому имеют проезд коленчатой формы, подобная форма проезда затрудняла проникновение врагов на территорию обители. Помимо этого, ворота снабжены специальными проёмами-щелями для сбрасывания решёток – герсов¹ (рис. 3). Очень интересно и расположение арки проезда. С внешней стороны она размещалась на боковой, северной стене ворот. На восточной фасадной

¹ Герса или (устаревшее) порт-кулис – в фортификации опускаемая решётка для крепостных ворот, изготовленная из массивных металлических или деревянных деталей, заострённых внизу. Перемещается в проёме ворот вверх и вниз по вертикальным пазам и подвешивается на канате, который можно обрубить в случае нападения противника и тем самым быстро закрыть проём. В нормальных условиях подъём и спуск герсы производится с помощью лебёдки или системы противовесов. Герса использовалась во многих средневековых крепостях и представляла собой рубеж обороны во время осады или внезапного нападения. В воротах часто устанавливались две герсы. Внутренняя в этом случае закрывалась первой, а внешняя – второй. Бойницы в стенах и потолке ворот между двумя герсами позволяли лучникам истребить атакующих, попавших в эту западню (прим. авторов).

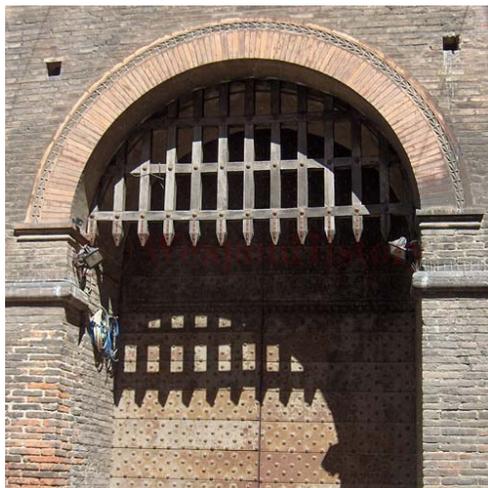

Рис. 3

стене расположены бойницы для подожженного боя.

Во второй половине XVII в. Белопесочный монастырь утратил своё стратегическое положение. С 1681 г. древняя обитель становится приписной к Коломенскому архиерейскому дому и в этом качестве существует до 1700 г. В этом году по указу Петра Великого Троицкий Белопесочный монастырь был передан Троице-Сергиеву монастырю. В этот исторический период в монастыре вновь начинается производиться каменное строительство. В частности, древнее здание Троицкого собора 1578 г. перестраивается в традиции и в стилистике Московской архитектуры второй половины XVII в. Стиль архитектуры Троицкого собора можно определить как «московское посадское строительство второй половины XVII века» [10], (см.: рис. 4). Троицкий собор Белопесочного монастыря внешне очень напоминает Успенский собор Иосифо-Волоцкого монастыря, возведённый в 1698–1699 гг. (рис. 5).

Однако если говорить о его архитектурно-планировочном решении,

Троицкий собор Белопесочного монастыря очень походит на более ранние соборы Московского государства. В частности, на Дмитровский Успенский кафедральный собор, который в 2013 г. отметил своё 500-летие. Занимавшийся историей города Дмитрова Г.В. Попов считает, что «новый Успенский собор был возведён не ранее последней четверти XIV – второй половины XV в., когда город уже находился в сфере влияния Москвы» [7]. Если верно утверждение Ф.В. Разумовского о том, что Троицкий собор Белопесочной обители был заложен в 1564 г., то можно говорить о том, что даже в современном, перестроенном в XVII столетии, виде собор сохраняет уникальные элементы так называемой «итальянской архитектуры» конца XV – начала XVI вв. И это роднит его с такими постройками начала XVI в., как Успенский собор города Дмитрова.

В этой постройке мало соборного величия и он мало перегружен декоративными формами, обычными для построек того времени. Однако пространственное построение здания, типичное для православного храма, было сохранено. Собор поставлен на высокий подклет и с трёх сторон окружен крытой двухъярусной галереей – гульбищем. Когда-то на галерею вели три лестницы с тремя парадными крыльцами. До нашего времени сохранилось одно западное. С востока к собору примыкает трёхчастная апсида, которая вынесена очень далеко во вне. Троицкий собор также имеет одну очень интересную конструктивную особенность. Собор имеет сомкнутый свод четверика самого храма, также декоративно его пятиглавое завершение. Отсутствует трёхчастное деление стен.

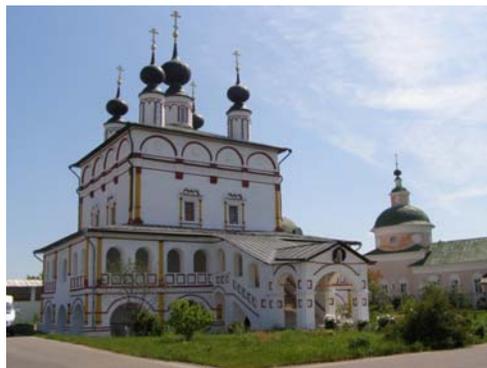

Рис. 4

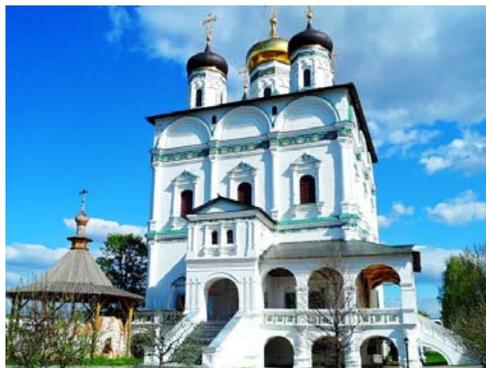

Рис. 5

Каждая из них имеет так называемое дробное завершение в виде четырёх кокошников. Одновременно с собором заново выстроены и перестроены старые, каменные стены и башни. В начале XIX в. некоторые башни были переоборудованы под монашеские кельи. Для этого пробивались широкие проёмы в их стенах.

В архитектурном ансамбле Троицкого Белопесочного монастыря обращает на себя внимание тот факт, что в нём нет ни одного барочного сооружения. Причиной этого может быть то, что монастырь был давно благоустроен и состоял из капитальных сооружений XVI–XVII вв. Кроме того, в 1700 г. монастырь был передан по Указу царя Петра Алексеевича Троице-Сергиевому монастырю, который ничего не перестраивал в его внешнем облике. Коломенские архиереи неоднократно обращались к царствующим особам с просьбами вернуть монастырь и вновь сделать его епархиальным и самостоятельным. Однако только в 1764 г. монастырь был вновь возвращён в ведение Коломенского архиерейского дома. На основании указа о секуляризации церковных имуществ он был лишён всех своих вотчин, но не упразднён.

В начале XIX столетия было окончательно завершено развитие комплекса монастырской застройки. В 1802–1804 гг., при игумене-строителе Феодуле и игумене Иоанникии вдоль южной монастырской стены был построен комплекс зданий в стиле позднего классицизма и раннего ампира. В числе этих сооружений вошло два храма: Сергиевская трапезная церковь была возведена на сводчатых подвалах и подклетах монастырской трапезной XVI века по благословию митрополита Московского и Коломенского Платона (Лёвшина), о чём гласит надпись на памятной доске: «1804 года сия святая церковь построена Во Имя Святаго Сергия Чудотворца при митрополите Московском и Коломенском Платоне» [1], (см.: рис. 6).

Судьба этого храма во многом интересна. Долгое время после Отечественной войны 1812 г. он стоял в запустении пока в 1852 г. по благословию митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова) не был возобновлён и «освящён им самим» [7]. Ещё один храм в Память Усекновения Главы Иоанна Предтечи был также возведён в первой половине столетия и встроён в существующий

Рис. 6

Рис. 7

ющий ансамбль (рис. 7). Так как оба храма возводились на принципе контраста форм, и архитектурные массы обоих храмов были подчинены масштабу древних построек, удалось вписать оба сооружения в архитектурный ансамбль монастыря.

Надо отметить, что Иоанновская церковь имеет ряд особенностей архитектурно-конструктивного плана. В частности, сам четверик храма зрительно облегчен пилястровыми портиками, которые сочетаются с большими прямоугольными окнами и люнетами¹. Такой эффект достигается тогда, когда архитектор, работавший в стиле ампира, ради гармонии с окружающими постройками должен жертвовать основными требованиями стиля – строгостью, геометрической ясностью и значительностью. Благодаря этому Иоанновский храм прекрасно вписы-

вается в более раннюю архитектуру монастырского ансамбля.

Духовное делание в Белопесоцкой обители продолжалось вплоть до революции. В 1916 г. в монастыре подвизалось 50 братьев. В 1918 г. часть монахов была расстреляна за стенами монастыря. Так в Белопесоцком монастыре появились собственные новомученики и исповедники XX в. В 1924 г. монастырь был закрыт, а его здания переданы Историческому музею. До 1933 г. в Троицком соборе монастыря совершалось Богослужение. После 1933 г. музей был закрыт и в монастыре находилось общежитие для рабочих, временный лагерь для заключённых, строивших мост через реку Оку. «В ноябре 1941 года в обители была расквартирована часть 1-го Гвардейского корпуса генерала П.А. Белова, и именно в тот день когда, согласно летописи, было первое упоминание о монастыре – 16\29 ноября, – было остановлено наступление немецких танковых частей под Каширой и немцы были разбиты» [1].

В советское время рядом с обителью продолжал действовать Тихвинский храм села Среднее (рис. 8). Верующие смогли спасти главную святыню обители – Чудотворный Образ, Икону Божией Матери «Утоли моя Печали».

¹ Люнет, Люнетта (от фр. la lunette «луна») — в изобразительном искусстве и архитектуре поле стены, ограниченное аркой и её опорами в форме полукруга или сегмента круга и горизонталью снизу, располагающееся над дверями или окнами. В сквозных люнетах помещаются окна. Глухие люнетты часто украшались живописным или скульптурным декором. Люнеттами также называют дугообразные части створчатого алтаря и полукруглые картины на античных стелах (прим. авторов).

Рис. 8

В мае 1993 г. на светлой седмице Троицкий Белопесочский монастырь был открыт как женский, а в возрожденную обитель была возвращена Чудотворная Икона. В 1998 г. торжественно отмечалось 500-летие обители и вновь был освящен Троицкий собор. В 2018 г. предстоит празднование 520-летнего основания монастыря, и хочется верить, что главная святыня Каширского края и форпост города Троицкий Белопесочский монастырь станет местом духовного паломничества для многих русских людей и жителей Подмосковья.

Троицкий Белопесочский монастырь можно рассматривать в двух разных пространственных аспектах: прежде всего – это самостоятельный архитектурный комплекс, но также и архитектурно-природный ансамблевый комплекс берегов реки Оки. В настоящее

время вновь восстанавливается триединое созвучие природы и архитектуры – город, река, монастырь, и очень важно, чтобы древняя обитель вновь стала украшением величественной панорамы, раскрывающейся с соборной площади города Каширы. Поэтому так важно восстановить красоту и целостность этого святого места, ведь во взаимосвязи духовного, природного и архитектурного наследия мы можем увидеть то, за что наши предки и иноземные путешественники именовали наше Отечество Святой Русью.

В качестве предложения можно, наверное, отметить и то, что монастырю в преддверии грядущего в 2023 г. 525-летия необходима более серьезная, комплексная научная реставрация, которая включала бы в себя также окончательное завершение всех ремонтно-реставрационных работ на Троицком соборе, с возможным восстановлением его утраченных двух парадных крылец с лестницами. При этом совершенно не обязательно, чтобы были выдержаны какие-либо временные сроки, за которые реставрация должна быть проведена. Каждая эпоха вносила в этот ансамбль свои коррективы. Поэтому так важно сохранить дух эволюционного развития Троицкого Белопесочского монастыря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А. В., Баранов К.В. Акты служилых землевладельцев XV–XVII века. Том I. М.: Археографический центр. 1997. 432 с.
2. Иванчин-Писарев Н.Д. Вечер в Симонове. М.: Тип. Н. Степанова, 1840. 327 с.
3. Исторические сведения о Белопесочном Троицком монастыре // Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения. 1870. Кн. 2. С. 111–115.
4. Калачов Н.В. Писцовые книги Московского государства. Часть 1: Писцовые книги XVI века. Отделение 2-е: местности губерний Ярославской, Тверской, Витебской, Смоленской, Калужской, Орловской, Тульской. СПб.: Тип. II Отд. собств. Е.И.В. канцелярии, 1877. 1600 с.

5. Островская В.Н. Подмосковье: справочник-путеводитель. М.: УКИНО «Духовное преображение», 2006. 672 с.
6. Павел Алеппский, архидьякон. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. Описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2012. 728 с.
7. Разумовский Ф.В. На берегах Оки. М.: Искусство, 1988. 216 с.
8. Соловьев К. А. Пятьсот лет истории Дмитровских фамилий Елизаровых и Поляниновых как предварительный опыт генеалогического исследования // КЛИО. 2017. № 2 (122). С. 158–170.
9. Соловьёв К.А. Православный монастырь как фактор развития городской культуры в Российской империи конца XIX – начала XX века. М.: Креативная экономика, 2012. 167 с.
10. Щербakov С.Н. Посадское строение XVI – XVII вв. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2015. № 1. С. 5–8.

REFERENCES

1. Antonov A.V., Baranov K.V. [Acts of service class of landowners of XV–XVII centuries. Vol. I]. Moscow, Arkheograficheskii tsentr Publ., 1997. 432 p.
2. Ivanchin-Pisarev N.D. [Evening in Simonovo]. Moscow, Typ. N. Stepanov, 1840. 327 p.
3. Istoricheskie svedeniya o Belopesotskom Troitskom monastyre [Historical information about the Trinity Belopesotsky monastery] *Chteniya v Moskovskom obshchestve lyubitelei dukhovnogo prosveshcheniya* [Readings in the Moscow society of lovers of spiritual enlightenment], 1870, book 2, pp. 111–115.
4. Kalachov N.V. Penmen's books of the Moscow state. Part 1: Cadastres of the XVI century. Office 2: area of the provinces of Yaroslavl, Tver, Vitebsk, Smolensk, Kaluga, Orel, Tula. SPb, Tip. II Otd. sobstv. E.I.V kantselyarii, 1877. 1600 p.
5. Ostrovskaya V.N. [The suburbs: a guide]. Moscow, UKINO «Dukhovnoe preobrazhenie» Publ., 2006. 672 p.
6. Paul of Aleppo, archdeacon. [The journey of Patriarch of Antioch Macarius to Russia in the late XVII century. Described by his son archdeacon Paul of Aleppo]. Moscow, Obshchestvo sokhraneniya literaturnogo naslediya Publ., 2012. 728 p.
7. Razumovskii F.V. [On the shores of the Oka]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988. 216 p.
8. Solov'ev K.A. [Five hundred years of history Dmitrov families of the Elizarovs and the Polyaninovs as prior experience of genealogical research]. *KLIO*, 2017, no. 2 (122), pp. 158–170.
9. Solov'ev K.A. [Orthodox monastery as a factor of development of urban culture in the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries]. Moscow, Kreativnaya ekonomika Publ., 2012. 167 p.
10. Shcherbakov S.N. [Urban structure of the XVI–XVII centuries]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, 2015, no. 1, pp. 5–8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Максимова Наталья Валентиновна – старший преподаватель кафедры проектирования зданий и сооружений Национального исследовательского Московского государственного строительного университета;
e-mail: agpz@mgsu.ru

Соловьев Кирилл Алексеевич – историк-архивист, кандидат культурологии, доцент кафедры проектирования зданий и сооружений Национального исследовательского Москов-

ского государственного строительного университета; доцент кафедры истории и теории декоративного искусства и дизайна Московской государственной художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова;
e-mail: agpz@mgsu.ru; solovyev.cyrill@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maksimova Natalia Valentinovna – senior lecturer of the Department of Design of Buildings and Structures, National Research Moscow State Construction;
e-mail: agpz@mgsu.ru

Solovyov Kirill Alekseevich – the historian-archivist, PhD in Culturology, Associate Professor of the Department of Design of Buildings and Structures, National Research Moscow State University of Civil Engineering; associate Professor of the Department of History and Theory of Decorative Arts and Design, Moscow State Art-Industrial Academy named after S.G. Stroganov;
e-mail: agpz@mgsu.ru; solovyev.cyrill@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Максимова Н.В., Соловьев К.А. Обитель Пресвятой Троицы, что на Белых Песках. История и архитектура Троицкого Белопесочного монастыря // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 115–127.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-115-127

FOR CITATION

N. Maksimova, K. Solovyov. The Monastery of the Holy Trinity, on the White Sands. History and Architecture of the Trinity Belopesotsky Monastery. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 115–127.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-115-127

УДК 378.183; 930.85

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-128-134

ПРАКТИКА ДОБРОВОЛЬНОГО УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПРОВЕДЕНИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Горлова Н.И.

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Россия, 117997, г. Москва, Стремянный пер., 36, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается практика добровольного участия населения в проведении статистических исследований земств как самостоятельная форма социально полезной деятельности в общественной жизни в дореволюционной России. Автор исследования обратился к рассмотрению социально-демографического портрета и количественного состава добровольных корреспондентов на примере организации корреспондентской сети в Московской губернии в конце XIX – начале XX в., где она была создана первой в России и получила широкое развитие.

Ключевые слова: добровольные корреспонденты, земская статистика, корреспондентская сеть, общественно полезная практика, организация сбора статистических сведений, статистические исследования, статистическая работа.

PRACTICE OF VOLUNTARY PARTICIPATION OF POPULATION IN STATISTICAL RESEARCH IN THE LATE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

N. Gorlova

Plekhanov Russian University of Economics

Russia, 117997, Moscow seeking Lane, 36

Abstract. The article deals with the practice of voluntary participation of the population in carrying out statistical studies of zemstvos as an independent form of socially useful activity in public life in pre-revolutionary Russia. The author of the study turned to the socio-demographic portrait and the quantitative composition of voluntary correspondents by the example of the organization of a correspondent network in the Moscow province at the end of the 19th and beginning of the 20th century, where it was created first in Russia and was widely developed.

Key words: voluntary correspondents, zemstvo statistics, correspondent network, socially useful practice, organization of statistical data collection, statistical studies, statistical work.

В связи с широким движением добровольного участия населения в проведении статистических исследований по существу можно говорить о возникновении в 1980–1990-е гг. самостоятельной формы социально полезной практики в общественной жизни страны. Ярким примером служит организация работы добровольных корреспондентов по сбору данных об урожайности государствен-

ными учреждениями (Центральный статистический комитет МВД), отдельными ведомствами (Департамент земледелия и сельской промышленности по сбору текущих сельскохозяйственных сведений, с 1894 г. – отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики) и земствами. Эти данные поступали через собственную разветвленную сеть добровольных корреспондентов, в «штатном» составе которой наблюдалась неравномерность распределения респондентов [1].

Первоначально урожайные сведения корреспондентами доставлялись в Департамент земледелия и сельской промышленности по сбору текущих сельскохозяйственных сведений по определенным программам в конкретные сроки: сначала три, а с 1894 – шесть раз в год. Содержательная часть программы включала в себя вопросы об урожайности сельскохозяйственных культур, ценах на скот и сельскохозяйственные продукты, ценах на рабочие руки [10].

Активное участие в сборе, обработке и публикациях статистической информации принимали земства. Земскую статистику с полным основанием можно назвать сельскохозяйственной, поскольку основной её задачей было изучение социально-экономического состояния крестьянских хозяйств в целях последующего налогообложения и проведения оценочных работ (см.: [4]).

Земства при сборе сведений текущей статистической информации активно обращались к практике привлечения добровольных корреспондентов – «лиц, изъявивших добровольное согласие доставлять нужные сведения по данным им программам»,

составлявших штат земских статистических отделов на местах [11, с. 24]. Земства стремились пропорционально по территориальному принципу распределять сеть добровольных корреспондентов по губернии, уездам и волостям. Во время проведения подворных переписей крестьянских хозяйств к услугам местных корреспондентов не обращались, поскольку материал собирался самими статистиками [8].

Обратимся к более подробному рассмотрению состава добровольных земских корреспондентов Московской губернии за 1884–1912 гг. В первый год организации текущей экономической статистики в 1884 г. в «штатный» состав корреспондентов вошло 353 человека. Изучение движения корреспондентов с 1884 по 1893 г. указывает на постепенное сокращение их численности, к 1893 г. показатели достигли рекордного критического минимума за все время существования земской статистики исследуемого региона – 82 человека. С 1894 г. фиксируется значительное увеличение числа корреспондентов – 330 человек. К 1912 г. эта цифра увеличилась в 3,5 раза и составила 1109 респондентов.

Рассмотрим более детально социально-демографический портрет добровольного земского корреспондента Московской губернии. В подавляющем большинстве случаев добровольными корреспондентами становились лица, непосредственно занятые сельским хозяйством – грамотные крестьяне, сельские писари и учителя. Остальная часть населения (духовенство, работники волостного правления – писари, старшины и др.) представлена в меньшем отношении. Так, корреспондент

тов-крестьян в 1884 г. насчитывалось всего лишь 8 чел. или 2%, тогда как в 1912 г. они составляли подавляющее большинство, равное 789 чел. или 71,2%. Устойчивые числовые показатели демонстрирует группа корреспондентов-учителей.

В целом можно констатировать, что состав добровольных корреспондентов с увеличением их числа сильно эволюционировал в сторону демократизации в процессе организации сбора статистических сведений, особенно принимая во внимание «экспансию» представителей крестьянства в ряды земских респондентов.

Возрастной состав корреспондентов в 1912 г. варьировался от 20 до 50 лет включительно. В возрасте до 18 лет составляли 1,3 % от общего числа респондентов. Дополняя социально-демографический портрет добровольного корреспондента, следует отметить, что, по результатам опроса в 1912 г., возраст 889 чел. (подавляющее большинство участников переписи в Московской губернии) колебался в диапазоне от 34 до 43 лет, средний возраст составил 38 лет.

Значительное внимание при формировании земской сети добровольных корреспондентов уделялось вопросу продолжительности проживания кандидата в сельской местности, что в первую очередь могло сказаться на качестве и достоверности предоставляемых земству сведений. В 1912 г. больше 67 % общего числа корреспондентов из состава пришлого населения в тех местностях, из которых ими доставлялись сведения, проживали более 10 лет, и лишь незначительное число их корреспондентов (4,1 %) проживало в местности около года [7, с. 6–8].

Образовательный ценз корреспондентов из крестьян земским руководством признавался достаточным для исполнения несложных в общем виде обязанностей, которые на них были возложены. Говоря о наличии и уровне образования крестьян-корреспондентов, отметим, что 261 чел. (51,2 %) обучался в земских школах, 230 чел. (40,8 %) – в прочих первоначальных школах. Подавляющее большинство – 335 чел. (72,3 %) – окончило школу, среди не окончивших насчитывалось 136 чел. (27,7 %) корреспондентов. Интересно, что 163 человека сослались на неорганизованную форму обучения: «у дьякона», «у священника», «у солдата» и т.п. [7].

Таким образом, по вопросу формирования кадрового состава земской статистики из числа добровольных корреспондентов можно высказать некоторые заключительные суждения. Земским добровольным корреспондентам были присущи следующие характерные черты: средний и ниже среднего общий образовательный и культурный уровень; средний возраст; разнообразный социальный состав; наличие навыков и опыта занятости в сельскохозяйственных работах; добросовестное отношение к своим обязанностям; тесные взаимные контакты, высокая степень коммуникабельности с местным населением. Основу корреспондентской сети составляли грамотные крестьяне, постоянно проживающие в одном районе и ведущие своё хозяйство.

По данным В.Ф. Абрамова, первоначально штат земских корреспондентов формировался самими штатными сотрудниками земств в ходе экспедиций и во время специальных

командировок по губерниям. Широко практиковалась переписка с земскими служащими с просьбой найти кандидатов для оказания необходимого содействия в сборе текущего статистического материала [2]. Нередкими были случаи привлечения членов земских управ и земских гласных к процессу подбора добровольных корреспондентов. По окончании формирования основного «штатного» состава добровольных корреспондентов, зачисление новых респондентов осуществлялось статистическим отделением земской управы при условии замены или освободившегося места корреспондента в определённой местности. Выразивший желание кандидат в добровольные корреспонденты должен был направить письмо с обоснованием своего желания пополнить ряды респондентов в адрес статистического отделения губернской земской управы [12]. Корреспонденты должны были отличаться тактичностью, внимательностью и вежливостью по отношению к опрашиваемым.

В выдаваемых корреспондентам записных книжках и календарях размещалась инструкция по заполнению, сбору материала, а также содержались полезные советы. Внесенная в календарь и записную книжку информация дублировалась в корреспондентские тетради, которые отправлялись (доставлялись лично) в статистическое отделение губернской земской управы. Затем полученная информация обрабатывалась специалистами и подлежала изданию в виде специальных монографий и трудов земства (см.: [6]).

Зачастую, в силу занятости и весьма слабого представления о статистике сельских добровольных корреспон-

дентов, доставляемый ими материал требовал дополнительных усилий со стороны земства по доработке и проверке получаемых сведений. Нередкими были курьезные случаи, когда корреспонденты писали совершенно не о том, о чём их просили руководители земских статистических отделов.

В начале XX в. в Московской губернии сбор материалов земскими корреспондентами велся по специально разработанной программе статистическим отделением губернской земской управы под руководством выдающегося экономиста П. Вихляева.

Зачастую корреспондентский сбор информации дополнялся специальными анкетами-опросниками по сбору дополнительных сведений (см.: [3, с. 89]). Например, программа сбора материала за 1912 г. включала вопросы, касающиеся сообщений о переменах в технике крестьянского хозяйства и о мерах к улучшению экономического положения местного земледельческого населения» (см., напр.: [5]). В результате предоставляемая корреспондентами информация по своему характеру и содержанию условно делилась на две обширные группы. Первая группа содержала сведения о фактическом прогрессе крестьянского земледелия, между тем как вторая группа представляла собой предложения собственно самих добровольных корреспондентов о мероприятиях, выполнение которых может привести, по их мнению, к «поднятию экономического уровня крестьянской массы». Так, корреспондент из села Корельская слобода Суздальского уезда наметил следующие меры, способствующие техническому улучшению ведения крестьянского хозяйства: «во-первых, крестьянам сле-

давало бы позаботиться об улучшении своих яровых семян...». Во-вторых, в «некоторых местах на лугах и в оврагах находятся кочки; их следует разровнять и засеять клевером; другие места лугов от сухих годов истожились», и эти участки, по мнению автора, нужно «распахать, унавозить и также засеять клевером» [9, с. 23]. В корреспонденции, присланной из Смоленской волости Судогородского уезда Н.Г. Булгаковым, желательные и возможные изменения в технике крестьянского хозяйства выражались в следующем: «1. в улучшении посевных семян; 2. в лучшем удобрении навозом; 3. в ведении посева кормовых трав на лугах; 4. в частой смене семян при посеве» [9, с. 24].

В своих сообщениях корреспонденты нередко обращали внимание земств на необходимость организации серии мероприятий просветительского характера в крестьянской среде, отводя значительную роль специалистам; касались целесообразности организации общедоступного кредита для сельскохозяйственного населения и др. [3].

Анализ имеющихся материалов условно позволяет нам выделить следующие предложения-рекомендации.

1. Ознакомление населения с техническими нововведениями при помощи особых лиц, агрономов-специалистов. Например, священник И.А. Страхов, корреспондирующий из селения Марьино Ковровского уезда, считал необходимым организовать «командировку в известные местности специалистов для разъяснений», а также возлагал большие надежды на деревенскую интеллигенцию, которая

может оказать населению услугу своими удачными опытами.

2. Организация общедоступного кредита для сельскохозяйственных целей. Так, по мнению корреспондента Д.Е. Афонского, земские учреждения должны кредитовать крестьян «на введение улучшений». Корреспондент из села Караваева Покровского уезда ссылается также на мнение самих крестьян, которые говорят, что они «рады обзавестись плужком и семенами, но денег нет; если бы нам отпустили их в рассрочку, тогда другое дело: можно было бы и купить» [9].

3. Распространение общепонятных брошюр по земледелию.

4. Устройство складов сельскохозяйственных орудий, машин и семян в городах и в некоторых селениях.

Очевидно, что собираемые добровольными корреспондентами материалы имели как теоретическое, научное, так и практическое значение для развития земской статистики. Благодаря плодотворной работе земских респондентов издавались подробные исследования состояния крестьянских хозяйств в Московской губернии. В качестве вознаграждения за труд добровольным корреспондентам выписывались земствами местные газеты [5].

Практический опыт земских статистиков по привлечению добровольных корреспондентов в рамках проведения масштабных сельскохозяйственных статистических исследований позволил продуктивно использовать их потенциал при подготовке и проведении Всеобщей переписи населения страны 1897 г., а также Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов В.Ф. Земская корреспондентская сеть в Московской губернии // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 129–132.
2. Абрамов В.Ф., Живоздрова С.А. Земская статистика – национальное достояние // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 100–110.
3. Белокопский И.П. Земство и народное хозяйство: статистика // Северный вестник. 1892. № 5. С. 16–33.
4. Велецкий С.Н. Земская статистика. Справочная книга по земской статистике: в 2-х ч. (3 т.). М.: Изд-во Сабашниковых, 1899–1900. 422 с. + 829 с. + 847 с.
5. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет [Т. III]. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1911. 796 с.
6. Гузов Ю., Львова Д. Земская и муниципальная статистика в России – история и современность // Самоуправление. 2015. № 1. С. 42–45.
7. Календарь и записная книжка земского корреспондента Московской губернии на 1916 год. М.: Издание статистического отделения Московской губернской земской управы, 1916. 44 с.
8. Кауфман А.А. Статистическая наука в России: теория и методология (1806–1917). М.: ЦСО, 1922. 218 с.
9. Свод сообщений добровольных корреспондентов о переменах в технике крестьянского хозяйства Владимирской губернии и о мерах к улучшению экономического положения местного земледельческого населения / сост. Г.И. Баскин. Владимир: Издание Владимирской губернской земской управы, 1898. 34 с.
10. Сельскохозяйственная статистика Европейской России / сост. А.Ф. Фортунатов. М.: Типолиитография тов-ва И.Н. Кушнерёв и Ко, 1893. 246 с.
11. Степанов В.В. Земская сельскохозяйственная статистика (Очерк). СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1897. 51 с.
12. Филимонов Е.С. Краткий исторический очерк подворно-статистических исследований в России. Вятка: Типография Магишеева, 1889. 63 с.

REFERENCES

1. Abramov V.F. [Zemsky network of correspondents in Moscow province]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1996, no. 5, pp. 129–132.
2. Abramov V.F., Zhivozdrova S.A. [Zemstvo statistics – national treasure]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1996, no. 2, pp. 100–110.
3. Belokonskii I.P. [Zemstvo and the national economy: statistics]. *Severnyi vestnik*, 1892, no. 5, pp. 16–33.
4. Veletskii S.N. [Zemstvo statistics. Reference book on Zemstvo statistics: in 2 parts (3 vol.)]. Moscow, Sabashnikovykh Publ., 1899–1900.
5. Veselovskii B.B. [The history of the Zemstvo for forty years [III]. SPb., O.N. Popovoi Publ., 1911. 796 p.
6. Guzov Yu., L'vova D. [Rural and municipal statistics in Russia – history and modernity]. *Samoupravlenie*, 2015, no. 1, pp. 42–45.
7. [Moscow province Zemstvo correspondent's calendar and notebook of 1916]. Moscow, Izdanie statisticheskogo otdeleniya Moskovskoi gubernskoi zemskoi upravly Publ., 1916. 44 p.
8. Kaufman A.A. [Statistical science in Russia: theory and methodology (1806–1917)]. Moscow, TSSO Publ., 1922. 218 p.
9. A set of voluntary correspondents' messages about the changes in the technique of the peasant economy in Vladimir province, and measures to improve the economic conditions of the

- local agricultural population / comp. G. I. Baskin. Vladimir, Izdanie Vladimirskoi gubernskoi zemskoi upravly Publ., 1898. 34 p.
10. [Agricultural statistics of European Russia]. A.F. Fortunatov. Moscow, Tipolitografiya tov-va I.N.Kushnerev i Ko Publ., 1893. 246 p.
11. Stepanov V.V. [Agricultural statistics of Zemstvo (An essay)]. SPb., Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD Publ., 1897. 51 p.
12. Filimonov E.S. [A brief historical sketch of homestead-statistical research in Russia]. Vyatka, Tipografiya Magisheeva Publ., 1889. 63 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга спортивной индустрии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова;
e-mail: Gorlovanat@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya I. Gorlova – Candidate of historical sciences, associate professor, associate professor of the Department of Management and Marketing sports industry; Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: Gorlovanat@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлова Н.И. Практика добровольного участия населения в проведении статистических исследований в конце XIX – начале XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 128–134.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-128-134

FOR CITATION

N. Gorlova. Practice of Voluntary Participation of Population in Statistical Research in the Late XIX – the Beginning of the XX Century. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 128–134.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-128-134

УДК 334.713 (470.311) «19/20»

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-135-144

КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ЗВЕНИГОРОДСКИЙ УЕЗД) В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Мамедова Т.И.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития кустарных промыслов, связь их с природными и социально-экономическими особенностями Звенигородского уезда Московской губернии в конце XIX – начале XX вв. Выделяются и описываются характерные особенности развития кустарных промыслов региона на фоне специфики развития Московской губернии в пореформенные годы. Автор рассматривает задачи государственной политики в области кустарного производства, анализирует процесс трансформации хозяйственного строя кустарей Московской губернии в общем контексте модернизации экономики России.

Ключевые слова: земство кустарная промысел промышленность, отхожий промысел, крестьянское хозяйство, заводы Московской губернии, пореформенная Россия.

COTTAGE INDUSTRY IN THE CONTEXT OF MOSCOW PROVINCE (ZVENIGOROD DISTRICT) DEVELOPMENT IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

T. Mamedova

Moscow Region State University

10A, Radio str., Moscow 105005, Russian Federation

Abstract. The article considers the features of development of the homecrafts and the connection of Zvenigorod district of Moscow province with their natural, socio-economic characteristics in the late XIX - early XX centuries. The characteristics of homecrafts development in the region based on the specifics of the development of Moscow province in the years of the reforms are singled out and described. The author examines the tasks of the state policy in the field of handicraft production, analyzes the process of transformation of the handicraftsmen's economic system in Moscow province in the general context of the Russian economy modernization.

Key words: cottage industry cottage industry, seasonal occupation, peasant economy, Moscow province, Russia in the years of the reforms.

История возникновения кустарной формы производства в разных странах, местностях и отраслях имеет свои особенности. Время появления кустарных промыслов также специфично для каждой конкретной страны или региона и зависит от их социально-экономического развития. Российская кустарная промышленность конца XIX – начала XX столетия представляла собой сложное социально-экономическое явление, существование которого зависело от множества факторов.

Для того, чтобы лучше представить себе развитие кустарной промышленности Звенигородского уезда Московской губернии в конце XIX в., а также выявить объективные закономерности, специфические особенности, определявшие цели, задачи и содержание деятельности государственных органов по её развитию, необходимо, на наш взгляд, проанализировать обстановку в стране и условия жизни ремесленников. Конкретно-историческая картина социально-экономического устройства промышленного производства Московской губернии конца XIX – начала XX вв. представляла собой сложное переплетение и взаимовлияние различных по своей природе реалий.

Московская губерния являлась в XIX в. крупнейшим в стране политическим, научным, промышленным и культурным центром. Росла промышленность капиталистического типа. На 1898 г., по итогам обследования, в Московской губернии численность кустарей и ремесленников составляла 185990 чел., а мелких промышленников на 10 тыс. сельского населения – 755,3 чел. По данным А.А. Рыбникова [12, с. 4], по этому показателю Москов-

ская губерния занимала второе место после Вятской.

Для более глубокого понимания причин широкого развития кустарного производства необходимо рассмотреть состояние крестьянского хозяйства. Ещё в 1708 г. при Петре I Московская губерния была разделена на 13 уездов: Богородский, Бронницкий, Верейский, Волоколамский, Дмитровский, Звенигородский, Клинский, Коломенский, Можайский, Московский, Подольский, Рузский, Серпуховский. В развитии экономических отношений того или иного региона существенную роль играет его географическое положение, а точнее, природно-климатические условия, территориальные особенности. Природа и климат не были благоприятны для занятия земледелием, поэтому Московская губерния относится к числу неземледельческих районов страны.

Важнейшим следствием географического положения России является краткость периода, пригодного для сева и уборки урожая. Так, в Московской губернии этот период составляет пять с половиной месяцев в году (с середины апреля до конца сентября). В Западной Европе, для сравнения, этот период длится 8–9 месяцев [8, с. 15]. Основным фактором климата Московского региона являются атлантические циклоны с очень длительными осадками летом и оттепелями зимой. В холодное время года западными циклонами обусловлено до 77% периода сплошной облачности, а летом – до 43 % [4, с. 162]. Вместе с тем для этой зоны характерно и мощное влияние арктического воздуха с севера. Стойкие арктические антициклоны приводят к частым суровым зимам. Для

подмосковной зоны также характерны резкие смены погоды. Потепление, означающее исход зимы, чаще всего наступает с третьей декады марта вследствие вторжения воздушных масс Средиземноморья. процесс потепления тормозится вторжением арктических ветров. Поэтому весна здесь бывает и ранняя, и поздняя (со 2 апреля). Ранняя весна часто сопряжена с холодным июнем, но чаще, конечно, вёсны были поздними. Практически ежегодно в первой декаде мая происходят вторжения арктических масс воздуха, что ведёт к ночным заморозкам.

Лето в столичном регионе наступает с середины июня и заканчивается в середине сентября. Весьма часто оно холодное и дождливое. Наиболее дождливые месяцы – это разгар лета (июль и август), когда выпадает четвертая часть годичной нормы осадков. Незначительные изменения в распределении осадков могут обернуться засухой весной и ранним летом, за которым следуют катастрофические ливни в уборочную. Средняя температура июля +19°C, летний температурный максимум +32°C. В статистическом ежегоднике Московского губернского земства отмечалось: «Лето 1884 года, как и весна, отличались крайне ненормальными метеорологическими условиями, вызывавшими неблагоприятные последствия в сельском хозяйстве. Летняя погода, как и весенняя, была дождливая и холодная. В июне было не более 12 погожих дней, в июле всего 7 и в августе 11. Описанное состояния погоды крайне неблагоприятно отразилось на урожае» [15, с. 1–2]. Негативные атмосферные условия, преобладание малоплодородных подзолистых и почв приводят к незначительным уро-

жаям. Уровень урожайности в уездах Московской губернии был несоизмерим с массой вложенного в него труда.

О тяжёлом положении крестьян Московской губернии говорят такие источники, как периодическая печать, многочисленные отчёты корреспондентов и статистические материалы конца XIX – начала XX вв. Газета «Новое время» с тревогой писала, что: «... огромное количество русских деревенских граждан хронически каждую весну испытывает злой недоед». Один из земских корреспондентов докладывал, «что даже в самые хорошие по урожаю годы, значительная часть крестьянского населения Московской губернии не прокармливается круглый год своим хлебом; при среднем, обычном урожае, с крестьянских наделов собирается такое количество ржи, которым может прокормиться только половина всего крестьянского населения губернии. С необходимостью покупать хлеб весной и летом крестьяне сталкиваются ежегодно, и это бедствие почти не тяготит их – раз только имеются порядочные внеземельческие заработки, имеется корм для скота и рыночная цена на хлеб не высока» [5, с. 11].

Низкое качество почв, плохие урожаи в Московской губернии не только не способствовали развитию товарного сельского хозяйства, но даже не удовлетворяли продовольственные потребности крестьян в течение года. Это послужило одной из причин их потребности заниматься кустарной деятельностью. Малоземелье в Московской губернии усугублялось низким качеством земли, тяжелыми природно-климатическими условиями, что повлияло на эффективность занятий земледелием крестьянами Московской

губернии в конце XIX – начале XX вв.

По данным местного обследования Московской губернии за 1898–1900 гг. под крестьянскими надельными землями в Московской губернии находилось 1590532 десятин земли. В 1858 г. в среднем на душу мужского пола приходилось 3,21 дес. К 1877–1881 гг. обеспеченность землей крестьянского населения сократилась до 3,00 десятин, в 1898–1900 гг. в среднем на 1 душу мужского пола уже приходилось 2,39 дес. т.е. на 25,5% менее чем в 1858 г., и на 20,4% менее по сравнению с 1877–1881 гг. [6, с. 34]. Таким образом, надел, полученный крестьянином после реформы 1861 г., за двадцать лет уменьшился почти в 1,5 раза. При этом следует учитывать и то обстоятельство, что при выходе на волю крестьяне Московской губернии получили значительно меньше (на 40%) земли на душу населения, чем в среднем по Европейской России.

Таким образом, из губерний, соседствующих с Москвой, только по одной Тульской губернии душевой надел был ещё ниже, чем в Московской. Однако уже через 20 лет (к 1880 г.) средний душевой надел по Московской губернии превышал соответствующий показатель Рязанской, Тульской и Калужской губерний. Исследования конца XIX – начала XX вв. объясняют это слабым приростом крестьянского населения по Московской губернии. К 1900 г. душевая земельная обеспеченность по Московской губернии значительно приблизилась к среднему душевому наделу по всем 50 губерниям Европейской России [7, с. 12].

Далеко не все крестьяне пользовались землёй. Из общего числа 245347 приписных крестьянских семей обра-

батывали свой надел лично и с помощью найма рабочей силы всего 170593 или 69,5% от общего числа. Остальные крестьянские семьи или не пользовались своим наделом, сдавая его в аренду, или принадлежали к категории безнадельных крестьян. Такие семьи не были связаны с земледелием и жили за счёт промысловой деятельности. Одним из показателей состояния сельского хозяйства губернии являлось число безнадельных семей. Безнадельные семьи в уездах Московской губернии составляли по отношению к общему числу приписных семей 18,3%. По отдельным уездам процент безнадельных семей подвергался крупным колебаниям.

Более высоким числом безнадельных семей в процентном отношении выделялись северные и западные уезды Московской губернии – Дмитровский, Рузский, Звенигородский, Волоколамский, Клинский и Серпуховской на юге. Наименьший процент безнадельных семей наблюдался в Богородском, Подольском уездах. Это объясняется характером промысловой деятельности. В районах с наивысшим процентом безнадельных семей крестьяне занимались отхожим промыслом, что вело постепенно к ликвидации земледельческого хозяйства. В районах, где процент безнадельных семей оставался низким, широко развивались местные промыслы, что создавало для населения возможность сохранять за собой земельные наделы, дополняя земледельческий заработок промысловым [10, с. 36].

Слабая аграрная ориентация Московской губернии отражалась в первую очередь в структуре земельных угодий: на лесные массивы и не-

удобные для сельскохозяйственного производства почвы приходилось более половины общей площади земельных угодий (53,11%), тогда как доля пашни составляла 34,15%. Обеспеченность населения сельскохозяйственными угодиями (пахотными, луговыми, и прочими удобными для использования землями) в расчете на душу населения была невысокой – в среднем 1,35 дес., и обуславливала как заинтересованность крестьян в приобретении земли, так и избыток рабочих рук в аграрном секторе. Первое из указанных обстоятельств проявлялось в мобилизации земельной собственности и характере землепользования. Кроме надельного землевладения, значительную часть территории занимали частные владения, в составе которых доля крестьянской собственности – личной и коллективной (соответственно, 20,68% и 14,15%), превзошла к 1905 г. относительные размеры дворянского (32,66%), купеческого (17,25%) и мещанского (4,35%) землевладения [3, с.7]. Вызванное подрывом феодальной монополии перераспределение земельной собственности в Московской губернии проходило сравнительно высокими темпами, и с начала проведения реформы в 1861 г. до 1910 г. убыль дворянских земель в регионе составила 61,30% [3, с. 36].

Вместе с тем для Московской губернии к концу XIX в. была очевидной проблема избытка трудовых ресурсов сельского населения, составлявшая 45,8% [13, с. 67]. Иными словами, в столичной губернии почти половина взрослого мужского населения вытеснялась из аграрного сектора в связи с необходимостью найти объекты приложения своего труда в промышлен-

ности и торговле, неземледельческих промыслах.

Решение этой задачи облегчалось наличием в Московской губернии оживлённых транспортных магистралей. Большую роль в промышленно-торговом развитии края играли водные артерии: судоходные реки Ока, Москва, Клязьма, использовавшиеся местами и как сплавные. Посредством шоссейных, грунтовых дорог большая часть этих водных путей связывалась с железнодорожными линиями, самыми загруженными из которых по праву считались Московско-Архангельская, Московско-Казанская, Московско-Брестская железные дороги.

Москва, как центр общероссийских путей сообщения, обладала целым рядом преимуществ для предпринимательской деятельности, достигнув к началу века настолько высокого уровня ее развития, что он принципиально влиял на показатели торгово-промышленного развития региона в целом: в расчёте на душу населения сумма промышленного оборота понижалась на 33, 64% при исключении из нее капиталов из Москвы, а аналогичный показатель активности торговых операций сокращался более чем на две трети [14, с. 22]. В столице шла оживлённая купля-продажа предметов мануфактуры, на долю которой приходилось 87,23% общегубернской суммы капиталов по этой группе товаров, а также торговля свечами, разнообразным кожаным товаром, мебельным и т.д.

В целом же торговый оборот столицы достигал огромной суммы – 854,46 млн. руб., промышленный – 317,75 млн. руб., что в совокупности составляло более десятой части (11,5%) общероссийского оборота капиталов.

Москва являлась самым обширным резервуаром внутренних промышленных и торговых капиталов. В неё стекались со всех концов России торговцы товарами, туда же шло громадное количество сырья для перепродажи и переработки на многочисленных фабриках, как в самой Москве, так и в окрестных городах и сёлах. В Москве издавна сконцентрировались в разных слоях её населения запасы практических, технических знаний и находились наиболее предприимчивые руки, устраивавшие промышленные заведения не только в Москве, но и вне её [1, с. 76].

Данные транспортной статистики об участии Московского железнодорожного района в перевозке кустарных грузов свидетельствуют, что по его магистралям осуществлялась транспортировка 47,20% общероссийского объёма перевозок соответствующего мануфактурного товара и ткацких изделий; 62, 86% пряжи бумажной, крашеной, белёной, суровой и 78,35% пряжи льняной, пеньковой [9, с. 22].

Почвы Московской губернии богаты разнообразными полезными ископаемыми. Решающим фактором размещения промыслов в сельской местности служила близость к источникам сырья, сравнительная доступность его получения. В Подмосковном угольном бассейне, богатом также запасами известняка, огнеупорной и горшечной глины, гипса, кварцевого песка, развивались соответствующие отрасли промышленности: фарфорово – фаянсовое производство в Бронницком и Богородском уездах; стеклянно-хрустальное – в Клинском, Рузском, Дмитровском уездах; цементное – главным образом, в Московском,

а также гончарное и кирпичное, представленное практически повсеместно как в крупной фабрично-заводской форме, так и в виде мелких предприятий, в том числе кустарного типа. Наличие в Подмосковном бассейне бурого железняка, неглубоко залегавшего под песчано-глинистыми породами и доступного открытому способу добычи, обеспечило появление в Волоколамском, Бронницком, Подольском уездах кузнечного, проволочного, гвоздильного, замочного, ножевого производства, часть которого широко использовала труд кустарей [9, с. 22].

Московский регион производил впечатление «основного кустарного» в России, и причины этого заключались в «богатстве культурно-промышленных традиций у населения». Даже такой психологический фактор, как консервативность деревенского уклада, играл существенную роль в сохранении одних и тех же промыслов на протяжении длительного периода, правда, ограничивал совершенствование некоторых промыслов. «Население на многие десятки лет застывает в определённых формах промысловой деятельности, продолжает их из года в год нередко как бы в силу одной инерции и зачастую нуждается в резком толчке, в коренном изменении рыночной конъюнктуры, чтобы выйти из назеженной колеи...» [9, с. 22]. Во многих крестьянских семьях поддерживались традиции не только домашнего ткачества, но и прядения, не говоря уже о вышивании, шитье, т.е. занятиях, типичных для сельского населения. Особо хочется отметить роль обрядовых праздников. Большинство из них приходилось на осеннее-зимний период. «Осенью у крестьян появляется силь-

ная нужда в деньгах...храмовые праздники, свадьбы имеют место быть преимущественно в это время» [15, с. 98]. С этим росла интенсивность работы в кустарных промыслах в указанный период.

Русско-японская и Первая мировая войны изменили условия производства, сырьевые и сбытовые рынки. Одни промыслы стали развиваться интенсивным образом, другие – перестраиваться и видоизменяться, третьи, не имея возможности перестроиться, «замерли», законсервировались на достигнутом уровне. Корреспондент «Торгово-промышленного вестника» пишет: «В первой половине 1914 г. был промышленный подъём, начало которого относится еще к 1909 г. Затем, с началом военных действий в положении нашей промышленности произошло заметное ухудшение» [2, с. 132]. Менялось отношение к кооперационным процессам: «Война 1914 г. еще более подчеркнула важность кооперации. В текущем году (1915) исполняется 50 лет с того момента, когда общественная самодеятельность русского народа вылилась в форму кооперации. Статистические данные, приводимых «Вестником кооперации» таковы: к 1 января 1915 г. состояло кредитных кооперативов – 14 350; потребительских обществ – 10 900; с/х обществ – 5000; кустарных артелей – 600... О мощном развитии кооперативов говорит еще и та сумма, которой кооперативные организации обладают, именно около 900 млн. руб» [11].

После Великих реформ и во время войн, которые вела Российская империя в начале XX в., в Звенигородском уезде мануфактуры в помещичьих усадьбах также пришли в упадок, зем-

леделие было заброшено из-за плохого качества земли. Развивались садоводство и кустарные промыслы, прежде всего вязание, затем изготовление мебели, игрушек и т. п. Один из промыслов Звенигорода стал известен на всю страну — это производство струнных музыкальных инструментов, инициатором которого стал крестьянин села Шихово Емельянов. Данным промыслом занимались исключительно мужчины. Работали восемь месяцев в году. В книге «Московское губернское земство в полувековую годовщину основания земских учреждений. 1864–1914», отмечалось – «промысел музыкальных инструментов сосредоточился в Звенигородском уезде в Шараповской волости, в селениях Белозерово и Татарки, и в Ягунинской в селениях Луцино и Шихово».

После того как исследователь, музыкант и подвижник В.В. Андреев реконструировал случайно найденный в 1896 г. в Вятской губернии музыкальный инструмент, назвав его «домрой» и затем на ее основе в содружестве с мастерами Ф.С. Пасербским и С.И. Налимовым создал целое семейство домр от пикколо до контрабаса, мастера Шихова стали мастерить и эти инструменты. Причем шиховский мастер С.Ф. Буров в 1908 г., по предложению дирижера Г.П. Любимова, для увеличения звукового диапазона трехструнной домры сконструировал первую четырехструнную домру с квинтовым строем. В 1914 г. из таких домр был организован квартет, а в 1919 г. – оркестр. На протяжении 1912–1931 гг. мастером было сконструировано семейство четырехструнных домр квинтового строя. В фондах музея имени М.И. Глинки хранятся 14 инструментов С.Ф. Бузова

– 7 домр, 6 лир-мандолин и балалайка. Кроме промысла по изготовлению щипковых народных инструментов, в деревне Шихово были предприятия по изготовлению «барашка» (колки для гитары), портновское заведение, мастерские по изготовлению зеркальных рамок.

Из промышленности в конце XIX в. в уезде больше всего было суконных фабрик, затем кожевенных и кирпичных заводов и ткацких фабрик. Промышленность давала пропитание 3%, а кустарные промыслы — 9% населения уезда. Жители самого города, насчитывавшего 4000 человек, занимались в основном огородничеством. В целом город и уезд были одними из наименее развитых в губернии. В 60-е гг. XIX в. в деревне Шарапово Звенигородского уезда возникает ещё один промысел, который отличал этот уезд – часово́й. Его организаторами явились местные крестьяне Петр Егоров, прежде работавший отходником на оптическом заводе в Москве, и Герасим Афанасьев. Они наладили здесь производство ходиков и настенных часов. До 1875 г.,

по воспоминаниям самого Герасима Афанасьевича Афанасьева – основателя первой шараповской мастерской по выделке часов, в деревне выпускали ходики лишь в трех избах. Но уже тогда промысел быстро перекинулся и в соседние селения – Ястребки и Ягунино. Домохозяева и члены их семей вырабатывали до 1500 штук часов в год. Свое умение часовщика Г.А. Афанасьев привез из-за границы. Первые настенные часы с боем он сделал во Франции, куда, по всей вероятности, был послан с каким-то поручением от завода, когда еще работал в Москве. Эти часы показывали не только время, но и числа месяцев.

Такова была специфика социально-экономического развития Московской губернии в пореформенную эпоху. Она позволяет понять задачи государственной политики в области кустарного производства, рассмотреть процесс трансформации хозяйственного строя кустарей Московской губернии в общем контексте модернизации экономики России второй половины XIX – начала XX столетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурышкин П.А. Москва купеческая: мемуары. М.: Высшая школа, 1991. 352 с.
2. Деятельность Министерства Торговли и Промышленности // Торгово-промышленный вестник. 1915. № 9. С. 61–69.
3. Материалы по статистике землевладения в России. Вып. 24: купля-продажа земель в Европейской России в 1909–1915 гг. СПб.: Тип. Киришбаума, 1915. 90 с.
4. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности Российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.
5. Московская губерния в сельскохозяйственном отношении за 1891 г. М.: Московское губ. земство, 1891. 238 с.
6. Московская губерния в сельскохозяйственном отношении за 1900 год (с окт. 1899 г. по окт. 1900 г.). М.: Московское губ. земство, 1902. 208 с.
7. Московская губерния по местному обследованию 1898–1900 гг. Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения. Вып. 2: Промыслы. М.: Стат. отд. Московской губ. земской управы, 1907. 659 с.
8. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 424 с.

9. Перелешин В.А. Движение кустарных грузов по российским железным дорогам. СПб.: тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1911. 107 с.
10. Полянская Т.М. Отхожие промыслы крестьян Московской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 212 с.
11. Рост кооперации // Торгово-промышленный вестник. 1915. № 9. С. 41–49.
12. Рыбников А.А. Мелкая промышленность и её роль в восстановлении русского народного хозяйства. М.: Кооп. изд-во, 1922. 52 с.
13. Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России. СПб.: Канц. Кабинета министров, 1894. 41 с.
14. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. 2. СПб.: Центральный стат. комитет, 1881. 110 с.
15. Статистический ежегодник Московского губернского земства 1884 г. М.: [б/и], 1885. 487 с.

REFERENCES

1. Buryshkin P.A. [Moscow merchant: memoirs]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 352 p.
2. [The activities of the Ministry of Trade and Industry]. *Torgovo-promyshlennyi vestnik*, 1915, no. 9, pp. 61–69.
3. [Materials for statistics of the movement of land ownership in Russia. Issue 24: purchase and sale of land in European Russia in 1909–1915 years]. SPb., Tip. Kirshbauma Publ., 1915. 90 p.
4. Milov L.V. [Great Russian ploughman and peculiarities of the Russian historical process]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 576 p.
5. [The agriculture of Moscow province in 1891]. Moscow, Moskovskoe gub. zemstvo Publ., 1891. 238 p.
6. [The agriculture and industry of Moscow province in 1900 (since Oct. 1899 till Oct. 1900)]. Moscow, Moskovskoe gub. zemstvo Publ., 1902. 208 p.
7. [Moscow province by local survey 1898–1900. Farms and crafts of the peasant population. . no. 2: Promysly. Moscow, Stat. otd. Moskovskoj gub. zemskoj upravly, 1907. 659 с.
8. Paips R. [Russia under the old regime]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 1993. 424 p.
9. Pereleshin V.A. [Movement of artisanal goods by Russian Railways]. SPb., tip. inzh. G.A. Bernshteina Publ., 1911. 107 p.
10. Polyanskaya T.M. [Seasonal work of the peasants in Moscow province in the late XIX – early XX centuries: dis. ... kand. ist. sci]. Moscow, 2008. 212 p.
11. [The growth of societies]. *Torgovo-promyshlennyi vestnik*, 1915, no. 9, pp. 41–49.
12. Rybnikov A.A. [Small-scale industry and its role in restoring the Russian national economy]. Moscow, Kooperativnoe izdat., 1922. 52 p.
13. [A set of statistics concerning the economic status of the rural population of European Russia]. SPb., Kants. Kabineta ministrov, 1894. 41 p.
14. [Statistics of the landed property and inhabited places of European Russia]. Iss. 2. SPb., Tsentral'nyi stat. komitet, 1881. 110 p.
15. [Statistical Yearbook of the Moscow gubernia Zemstvo 1884]. Moscow, [b/i], 1885. 487 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мамедова Татьяна Ивановна – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: zokmti@mail.ru

Tatyana I. Mamedova – Post-graduate student of the Department of the Newest History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: zokmti@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мамедова Т.И. Кустарная промышленность в контексте условий развития Московской губернии (Звенигородский уезд) в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 135–144.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-135-144

FOR CITATION

T. Mamedova. Cottage Industry in the Context of Moscow Province (Zvenigorod District) Development in the Late XIX – Early XX Centuries. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 135–144.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-135-144

УДК 926 Самарина «1918»; 94 (470+570) «1918»

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-145-153

СОФЬЯ ДМИТРИЕВНА САМАРИНА И СОЮЗ ПРАВОСЛАВНЫХ ЖЕНЩИН В 1918 ГОДУ

Розина О.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье рассматривается участие образованного в 1918 г. Союза православных женщин в организации приходской жизни Москвы в новых исторических условиях, а также его связь с Советом объединенных приходов. Автором введены в научный оборот новые архивные материалы о жизни и деятельности первого председателя Союза С.Д. Самариной, а также проанализированы опубликованные источники, среди которых особое место занимают материалы из канцелярии Патриарха Тихона и мемуары членов семьи Самариных. В результате впервые в историографии удалось восстановить отдельные черты жизненного пути С.Д. Самариной. Автор приходит к выводу об общности ее взглядов по ключевым проблемам общественной жизни как в предреволюционный период, так и в 1918 г., с позицией, занимаемой младшим братом, А.Д. Самариным – председателем Совета объединенных приходов Москвы.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Союз православных женщин, Совет объединенных приходов, семья Самариных, церковный приход, традиционное воспитание.

SOFIA DMITRIEVNA SAMARINA AND THE UNION OF ORTHODOX WOMEN IN 1918

O. Rozina

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract. This article studies the participation of the Union of Orthodox Women, formed in 1918, in the organization of Moscow's parish life in the new historical conditions, as well as its mutual relations with the Council of United Parishes. The author introduced into scientific circulation new archival materials on the life and work of S.D. Samarina, the first chairman of the Union, and analyzed the published sources, among which special place is occupied by the materials from the office of Patriarch Tikhon and the memoirs of the members of the Samarin family. As a result, for the first time in historiography, it was possible to restore certain features of S.D. Samarina's life. The author notes the commonality of her views on the key problems of public life, both in the pre-revolutionary period, and in 1918 with the position of her younger brother A. D. Samarin, chairman of the United Parishes Council of Moscow.

Key words: Russian Orthodox Church, Union of Orthodox Women, Council of United Parishes, Samarin family, church parish, traditional education.

Создание Союза православных женщин в 1918 г., председателем которого была С.Д. Самарина, и его первые шаги только недавно стали предметом научного исследования. Начало изучения было положено Е.В. и Н.А. Беляковыми, Е.Б. Емченко, а публикацию некоторых документов подготовила Н.А. Кривошеева [6; 11; 12]. Однако связь Союза с реализацией законодательных актов новой государственной власти, с одной стороны, а с другой – с Советом объединенных приходов, возглавляемых А.Д. Самариним, в указанных работах не рассматривались. Данное исследование в какой-то мере восполняет этот пробел.

Сестра и брат Софья и Александр Самарины происходили из известной дворянской семьи. Их дядя Юрий Федорович – один из родоначальников славянофильства, участник подготовки реформы по отмене крепостного права. Отец Дмитрий Федорович – влиятельный член Московского земства. Об Александре Дмитриевиче Самарине (1868–1932), государственном и общественном деятеле конца XIX – начала XX вв., имеются сведения в различных исследованиях и источниках [8; 18]. О Софье Дмитриевне (1863–1934) исследований нет, ее биография известна фрагментарно, хотя и имеются некоторые, в том числе архивные, материалы. Вместе с тем в 2010 г. Союз православных женщин был возрожден, стал международной организацией, а в 2018 г. по благословению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла будет отмечаться его 100-летие, что определяет актуальность заявленной в данной статье проблематики.

1918 г. насыщен различными историческими событиями, имевшими

основополагающее значение для дальнейшего развития России. Для решения поставленных задач выделим лишь два из них.

Первое событие носит духовный характер и связано с кардинальным изменением в системе руководства Русской Православной Церкви. Летом 1917 – осенью 1918 гг. состоялся Всероссийский Поместный собор Русской Православной Церкви, положивший конец синодальному периоду ее истории и восстановивший патриаршество. В конце октября 1917 г. Патриархом Московским и всея Руси был избран святитель Тихон (Белавин), интронизация которого состоялась 21 ноября (4 декабря).

Второе событие связано с радикальными переменами в церковно-государственных отношениях, начало которым было фактически положено Декретом СНК РСФСР от 23 января (2 февраля) 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Пункт 12 данного законодательного акта лишал церковные и религиозные общества статуса юридического лица и собственности [2]. В ходе реализации Декрета все церковное имущество и здания по договору передавались во временное пользование приходским общинам. Единственной легитимной формой осуществления церковно-общественного служения становились различные объединения верующих, среди которых важное место занимали женские организации.

С учетом коренных изменений в политической и социальной сферах эти события приобрели судьбоносное значение как для развития самой Русской Православной Церкви, так и ее взаимодействия с новой государствен-

ной властью. Начался поиск форм приходской жизни в этих условиях.

30 января 1918 г. православные верующие Москвы на собрании представителей приходских советов создали Совет объединенных приходов, его председателем стал А.Д. Самарин. Инициатива была поддержана Поместным собором, который на заседании 18 апреля 1918 г. объявил о создании Всероссийского союза приходов.

В условиях социальных потрясений и грядущих гонений именно добровольные объединения верующих могли стать той силой, которая способна оказать хоть какое-то сопротивление и помощь пострадавшим. Поэтому в постановлении Священного Синода и Патриарха Московского и всея Руси Тихона о деятельности церковно-административного аппарата в условиях новой государственной власти за № 65 от 15(28) февраля 1918 г. указывалось на важность объединения мирян в союзы при всех церквях, монастырях и учебных заведениях: «При всех приходских и бесприходских церквях надлежит организовывать из прихожан союзы (коллективы), которые и должны защищать святыни и церковное достояние от посягательства» [1, с. 97–99]. В этом же документе содержалось указание на цели таких объединений, давались рекомендации по названию: «Союзы эти должны иметь просветительные и благотворительные задачи и именованья, они могут быть под председательством мирянина или священника, но не должны называться церковными или религиозными, так как всякие церковные и религиозные общества лишены новым декретом прав юридического лица» [1, с. 97].

В образовании подобного рода новых организаций наряду с другими

слоями населения приняли участие православные женщины. Уже летом 1917 г. существовало «Содружество женщин для церковной работы», приветствие от которого поступило в адрес Всероссийского Поместного собора [3, с. 150]. В свою очередь Собор на 11 и 16 заседаниях также рассматривал участие женщин в работе приходов [3, с. 150, 179; 4, с. 24; 10, с. 47].

Об особой роли женщин в просветительской деятельности, сохранении церковного имущества и храмов от разграбления и поругания 30 января (12 февраля) 1918 г. писал Патриарх Тихон в Открытом письме священнику Томской епархии Николаю Троицкому: «Отбирайте сначала лучших людей, не пренебрегайте беседами с благочестивыми женщинами, которые часто удерживают своих мужей и братьев от незаконных поступков и защищают Церковь Божию. Составляйте из благонамеренных прихожан братства, союзы, советы, что найдете полезнее по местным условиям» [1, с. 89].

Православные москвички откликнулись на это решение священноначалия. Летом 1918 г. в исполнительное бюро Совета объединенных приходов было подано заявление за подписью 17 человек о создании Союза православных женщин и просьбой назначить на 11 (24) июня первое общее собрание по его организации [5, с. 322–323]. Собрание состоялось в Соборной палате Епархиального дома (Лихов переулоч. д. 6). Вскоре здание было разграблено и несколько лет находилось в запустении. Затем было использовалось различными учреждениями и ведомствами [15].

Заседание было открыто председателем Совета объединенных приходов, бывшим обер-прокурором Свя-

тейшего Синода А.Д. Самариным. Он сообщил сведения о возникновении женской организации, как отделения Совета [5, с. 324–325]. Затем выступил П.И. Астров – юрист, член Поместного собора. В выступлениях участниц подчеркивалась важность координации работы приходов под руководством духовенства. При этом отмечалась, что она должна быть «проникнута духом кротости, любви и подчинения, отнюдь не нося в себе признаков борьбы или осуждения, даже если бы для такового и было место» [12]. Так, в выступлении М.Н. Кривоблоцкой предлагалось за основу взаимоотношений взять опыт православных сестричеств, «равенство всех работниц Союза, независимо от их общественного, материального положения и образовательного уровня» [12].

Председателем Союза православных женщин была избрана Софья Дмитриевна Самарина (1863–1934), старшая сестра Александра Дмитриевича. По воспоминаниям его дочери Е.А. Чернышевой-Самариной, «семья моего отца была исключительной по своим твердым убеждениям и моральным устоям. Это была старая московская дворянская семья, принадлежавшая к высшему дворянскому кругу и жившая в традициях этого круга, но, помимо и выше традиций дворянских, в семье Самариных незыблемо хранились устои Православия. На этих основах семья Самариных строила свои убеждения, твердые и в то же время отличавшиеся большой внутренней свободой взглядов, это ставило их в несколько обособленное положение в их круге. Самарины никогда не принадлежали к каким-либо партиям и группировкам и тем более были дале-

ки от всяких интриг. Самарины всегда имели мужество держаться своих убеждений и, если это было нужно, высказывать свои взгляды при любых обстоятельствах. Эта непреклонность и прямота внушала уважение к ним даже среди людей совершенно других убеждений» [8, с.131]

В молодости Софья Дмитриевна вела активный образ жизни, посещала публичные лекции по литературе и истории, занималась общественной работой «с детьми в городских школах, приютах и детских колониях» [8, с. 131]. Писатель Иван Бунин писал о ней, называя «самой привлекательной девушкой Москвы» [13]. В мае 1896 г. она стала фрейлиной императрицы Александры Федоровны, что было и почетно, и ответственно. В фонде Соллогубов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) сохранилась часть переписки Софьи Дмитриевны с двоюродными племянницами Еленой Федоровной Соллогуб и Верой Федоровной, также фрейлинами императрицы¹. Там же можно найти ее письма двоюродному брату Федору Львовичу Соллогубу², его жене Наталье Михайловне с ее ответом³ и тете Марии Федоровне Соллогуб⁴.

Став фрейлиной, Софья Дмитриевна продолжала заниматься просветительской деятельностью, сосредоточив

¹ РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Д. 1331. Письмо С.Д. Самариной Е.Ф. Соллогуб; РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Д. 1422. Письмо С.Д. Самариной В.Ф. Соллогуб.

² РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Д. 82. Письмо С.Д. Самариной Ф.Л. Соллогубу.

³ РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Д. 755. Письмо С.Д. Самариной Н.М. Соллогуб; РГАЛИ Ф. 453. Оп. 1. Ф. 216. Письмо Н.М. Соллогуб С.Д. Самариной.

⁴ РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Д. 1513. Письмо С.Д. Самариной М.Ф. Соллогуб.

свое внимание на помощи жителям Васильевского, родового имения на Волге, тем самым продолжив традиции, заложенный ее дедом и отцом. Первый владелец имения Федор Васильевич уделял много внимания просвещению и здоровью крестьян своих имений [14]. Став владельцем усадьбы, Дмитрий Федорович продолжил дело отца. В 1891 г. в местной газете отмечалось, что «деятельность местного землевладельца г. Самарина на пользу местного населения заслуживает самого глубокого сочувствия и похвалы». Автор, прежде всего, отмечал «заботу Самарина о поднятии народного образования. С этой целью им давно уже содержится в селе Спасском на собственный счет прекрасно обставленное сельское училище, помещенное в специально для этого выстроенном им здании с квартирой учителя и с двухцветным залом для пения и литературных чтений. В училище имеется богатая коллекция учебных пособий и книг, и даже волшебный фонарь для литературных вечеров» [9].

Традицию поддержала Софья Дмитриевна: 14 октября 1904 г. она написала прошение на имя самарского губернатора А.С. Брянчанинова об открытии за ее счет и под ее ответственность в селе Спасском Самарского уезда бесплатной народной библиотеки-читальни. В документе указано, что «ближайшее заведывание библиотекой соглашается взять учительница Спасского имени Ю.Ф. Самарина начального училища Александра Михайловна Кильдюшевская. Библиотекарем желаю пригласить крестьянина села Спасского Прохора Бардина, грамотного»¹. С просветительской де-

¹ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 1900. Л. 1

ятельностью связана и ее переписка Татьяной Анатольевной Рачинской (Мамонтовой), дочерью старшего брата Саввы Ивановича Мамонтова Анатолия Ивановича, также занимавшейся попечительской деятельностью².

Но вряд ли Софья Дмитриевна как фрейлина снискала особое доверие императрицы и ее приближенных. Получив в своей семье строгое традиционное воспитание, в общественной дискуссии вокруг имени Распутина она, как и ее младший брат Александр, заняла негативную позицию. В 1910-е гг. в определенных кругах Петербурга стал складываться его образ «целителя, прозорливца, царского друга», с одной стороны, и «хлыста, развратника», с другой. Сохранилась дневниковая запись великой княгини Ксении Александровны, младшей сестры императора Николая II, от 15 марта 1910 г.: «Сидели долго после с С.Д. [Софья Дмитриевна Самарина. – Прим. авт. О.Р.]. Она под впечатлением разговора с С.И. Тютчевой [Софья Ивановна, фрейлина императрицы, воспитательница царских детей. – Прим. авт. О.Р.] вчера в Царском и всего, что там творится: отношения Аликс и детей к этому темному типу Григорию, который считается чуть ли не святым, а на самом деле, говорят, просто хлыст!... Все няни под его влиянием и на него молятся. Я была совершенно подавлена этим разговором» [7]. Среди современных исследователей нет единого мнения по этому вопросу [17].

Но как бы реально не обстояло дело, Софья и Александр Самарины не считали правильным саму возможность нахождения человека подобного

² РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 3209. Письмо С.Д. Самариной Т. А. Рачинской

рода при дворе. Об этом пять лет спустя в 1915 г. дважды будет говорить с императором на личной аудиенции А.Д. Самарин [8, с. 138–139]. Как вспоминала его дочь, «отец вернулся из этой поездки подавленный и измученный, но отказаться от возлагаемого на него бремени не смог» [8, с. 139]. Видимо, такие же чувства подобные разговоры вызывали и у Софьи Дмитриевны, так как уже мае 1910 г. она была не «при дворе», а в Германии на курорте Кройцнах (Kreuznach), популярном среди аристократов своими минеральными водами для лечения ревматических заболеваний и опорно-двигательного аппарата. В это время к ней туда приезжал племянник Дмитрий, сын старшего брата Федора, который находился в университете Марбурга, о чем она сообщала в письме брату Федору и Ольге Николаевне Трубецкой [16].

В послереволюционное время Софья Дмитриевна поддерживала брата Александра в создании им Совета объединенных приходов, возглавив созданный при нем Союз православных женщин. В выступлении на учредительном заседании Союза православных женщин 11(24) июня 1918 г., она наметила основные направления работы новой организации. Предполагалось, что Союз будет иметь 7 отделов: 1) сбор сведений о деятельности женщин в приходах; 2) детского воспитания; 3) обучения и религиозно-нравственного просвещения женщин; 4) сбора книг и библиотечный; 5) помощи нуждающимся в пище и одежде; 6) помощи заключённым за исповедание веры; 7) разведения шелковичных червей «как лёгкого, доступного и удобоприменимого в церковных оградах и садах и в то же время важного по боль-

шому спросу на шелковичные коконы» [5, с. 324].

Работа Союза православных женщин была благословлена Патриархом Тихоном. Епископ Вятский и Слободской (с 1925 г. митрополит) Никандр (Феноменов) передал Отделу помощи заключённым неполный список находящихся в московских тюрьмах священнослужителей [6, с. 75–76].

31 апреля 1919 г. Патриарху Тихону был представлен отчет о деятельности этого Отдела, который начал работу уже через неделю после создания. Его еженедельные заседания проходили под руководством Бюро в частной женской гимназии Н.П. Щепотьевой в Кисловском переулке. В отчете упоминаются наиболее активные работницы Отдела (Л.В. Фицнер, М.Я. Федорова, Руднева, Купер, Н.Л. Рогозина, М.Н. Кривоблоцкая, Д.И. Давидова, З.В. Васильева, С.Е. Колоколова, Н.М. Колоколова) и содержатся сведения о характере помощи конкретным заключенным. В резолюции Патриарха было указано на необходимость передачи этого документа членам делегации по переговорам с СНК о защите прав Церкви. 25 апреля (7 мая) 1919 г. Отделу Союза православных женщин была выражена благодарность Высшего Церковного Совета [6, с. 76–78].

Свидетельства о дальнейшей жизни Софьи Дмитриевны Самариной весьма немногочисленны. Известно, что в 1920–30-е гг. она проживала в доме Самариных на Поварской, д. 38, будучи больным человеком, и за ней ухаживала младшая сестра Анна Дмитриевна. Умерла С.Д. Самарина в 1934 г.

Таким образом, образованный в 1918 г. Союз православных женщин, являясь одним из отделов Совета объ-

единенных приходов, активно участвовал в поисках форм приходской жизни в новых исторических условиях и оказывал конкретную помощь заключенным в московские тюрьмы священнослужителям и мирянам. Председателем Союза была С.Д. Самарина, имевшая

общность взглядов по ключевым общественно значимым проблемам с А.Д. Самариным, возглавлявшим Совет объединенных приходов. Ее, воспитанную в традиционной семье Самариных, отличали стремление к просветительству и преданность христианской вере.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М.Е. Губонин. М.: Правосл. Свято-Тихоновский Богословский ин-т, 1994. 1064 с.
2. Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/> (дата обращения 25.08.2017).
3. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: репринтное издание 1918 г. [Т. 1]. М.: Новоспасский монастырь, 1994. 330 с.
4. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: репринтное издание 1918 г. [Т. 4]. М.: Новоспасский монастырь, 1996. 360 с.
5. Еженедельник Совета Объединенных приходов г. Москвы № 10 от 27 мая/9 июня 1918 г. (гектограф) // Православная Москва в 1917–1921 годах: сборник документов и материалов. М.: Главархив Москвы. 2004. С. 322–325.
6. Забота о братском посещении арестованных. Вступ. статья, публикация, примечания Н.А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. 2011. Вып. II. № 3 (40). С. 72–79.
7. Загадка убийства Распутина: записки князя Юсупова. М.: АСТ, 2014. 97 с.
8. Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. М.: Изд-во ПСТБИ, 2001. 225 с.
9. Село Спасское Самарского уезда (Добрая деятельность г. Самарина) // Самарская газета. 1891. № 203.
10. Собрание Определений и Постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 1994. 184 с.

Литература

11. Белякова Е.В., Белякова Н.А. Святая преподобномученица Елизавета Федоровна и вопрос о пути русского монашества // Церковь и время. 2009. № 3(48). С. 220–234.
12. Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии. Церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011. 780 с.
13. Бунин И.А. Освобождение Толстого // Lib.ru: Классика [электронная библиотека] URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1850-1.shtml (дата обращения 25.08.2017).
14. Жуклѐнков А.А. Становление и развитие усадебной культуры в России (на примере усадьбы Самариных в Васильевском (Приволжье) // Всероссийский конкурс на лучшую работу по русской истории «Наследие предков – молодым» [сайт]. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2010/1311-stanovlenie-i-razvitie-usadbejnoj-kultury-v-rossii-na-primere-usadby-samarinykh-v-vasilevskom-privolzhe> (дата обращения 25.08.2017).
15. Козлов В.Ф. Епархиальный дом в Москве. Хроника жизни дома и Князь-Владимирского храма, 1902–1918. М.: Издательство ПСТГУ, 2015. 653 с.

16. Поливанов К.М. Борис Пастернак и современники. Биография. Диалоги. Параллели, Прочтения. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006.
17. Рассулин Ю.Ю. Месть врага рода человеческого. Ч. 3–4 // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба [сайт]. URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/05/25/mest_vraga_roda_chelovecheskogo/ (дата обращения 25.08.2017).
18. Сазонов Д. Александр Дмитриевич Самарин. История возникновения и деятельности Союза объединенных приходов г. Москвы. К оценке личности // Богослов: научный богословский портал <http://www.bogoslov.ru/text/5467078.html> (дата обращения 25.08.2017).

SOURCES AND REFERENCES

Sources

1. [The acts of his Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and all Russia, latest documents and correspondence on the canonical succession of the Supreme ecclesiastical authority, 1917–1943]. M.E. Gubonin. Moscow, Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii Bogoslovskii in-t Publ., 1994. 1064 p.
2. Dekret Soveta Narodnykh Komissarov «Ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi» [The decree of the Council of people on “Separating Church from the state”] Sait Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii. [The Website of the Constitution of the Russian Federation]. Available at: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/> (accessed 25.08.2017).
3. [The acts of the sacred Council of the Russian Orthodox Church of 1917–1918: reprint of 1918 [vol. 1]]. Moscow, Novospasskii monastery' Publ., 1994. 330 p.
4. [The acts of the sacred Council of the Russian Orthodox Church of 1917–1918: reprint of 1918 [vol. 4]]. Moscow, Novospasskii monastery' Publ., 1996. 360 p.
5. Ezhenedel'nik Soveta Ob"edinennykh prikhodov g. Moskvy № 10 ot 27 maya/9 iyunya 1918 g. (gektograf) [The weekly of the Council of the united parishes of Moscow № 10 from 27 may/9 June 1918 (hectograph)] Pravoslavnaya Moskvy v 1917–1921 godakh: sbornik dokumentov i materialov. [The Orthodox of Moscow in the 1917–1921s: a collection of documents and materials.]. Moscow, Glavarkhiv Moskvy Publ., 2004, pp. 322–325.
6. ["Care for the brethren visiting the imprisoned". Introd. article, publication and notes. Krivosheeva]. *Vestnik PSTGU*, 2011, Iss. II, 2011, no. 3 (40), pp. 72–79.
7. [The mystery of the murder of Rasputin: the memoirs of Prince Yusupov]. Moscow, AST Publ., 2014. 97 p.
8. [The Samarins. The Mansurovs. The memories of the relatives]. Moscow, Izd-vo PSTBI Publ., 2001. 225 p.
9. [Spasskoe village in Samara district (The good activity of G. Samarine)]. *Samarskaya gazeta*, 1891, no. 203.
10. [The collection of Rulings and resolutions of the Holy Council of the Russian Orthodox Church]. Moscow, Izd-vo Novospasskogo monastyrya Publ., 1994. 184 p.

References

11. Belyakova E.V., Belyakova N.A. [The Holy Martyr Elizabeth Feodorovna and the question of Russian monasticism]. *Tserkov' i vremya*, 2009, no. 3 (48), pp. 220–234.
12. Belyakova E.V., Belyakova N.A., Emchenko E.B. [The woman in the Orthodox Church. Canon law and Russian practice]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2011. 780 p.
13. Bunin I.A. Osvobozhdenie Tolstogo [The Liberation Of Tolstoy] Lib.ru: Klassika [elektronnaya biblioteka] [Lib.ru: the Classics [electronic library]]. Available at: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1850-1.shtml (accessed 25.08.2017).

14. Zhuklenkov A.A. Stanovlenie i razvitie usadebnoi kul'tury v Rossii (na primere usad'by Samarinykh v Vasil'evskom (Privolzh'e)) [The formation and development of estate culture in Russia (on the example of Samarina's estate in Vasilievsky (the Volga region))] Vserossiiskii konkurs na luchshuyu rabotu po russkoi istorii «Nasledie predkov – molodym» [All-Russian competition for the best work on Russian history, "The heritage of ancestors to the youth" [website]. Available at: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2010/1311-stanovlenie-i-razvitie-usadebnoj-kul'tury-v-rossii-na-primere-usadby-samarinykh-v-vasilevskom-privolzh'e> (accessed 25.08.2017).
15. Kozlov V.F. Diocesan house in Moscow. A chronicle of the life of the house and the Church of Prince Vladimir, 1902–1918. Moscow, Izdatel'stvo PSTGU Publ., 2015. 653 p.
16. Polivanov K.M. Boris Pasternak and his contemporaries. Biography. Dialogs. Parallels. Readings. Moscow, GU VSHE Publ., 2006.
17. Rassulin Yu.Yu. Mest' vraga roda chelovecheskogo. Ch. 3–4 [Revenge of the enemy of the human race. P. 3–4] Russkaya narodnaya liniya: informatsionno-analiticheskaya sluzhba [Russian folk line: information and analytical service [website]. Available at: http://ruskline.ru/analitika/2013/05/25/mest_vraga_roda_chelovecheskogo/ (accessed 25.08.2017).
18. Sazonov D. Aleksandr Dmitrievich Samarin. Istoriya voznikoveniya i deyatelnosti Soyuz ob"edinennykh prikhodov g. Moskvy [Alexander Dmitrievich Samarin. The history and activities of the Alliance of the United parishes of Moscow] Bogoslov: nauchnyi bogoslovskii portal [Theologian: a scientific theological portal]. Available at: <http://www.bogoslov.ru/text/5467078.html> (accessed 25.08.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Розина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: olgarozina2017@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Rozina – honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, PhD in Historical Science, associate professor of Department of Russian History of the Middle Ages and modern times, Moscow Region State University;
e-mail: olgarozina2017@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Розина О.В. Софья Дмитриевна Самарина и Союз православных женщин в 1918 году // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 145–153.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-145-153

FOR CITATION

O. Rozina. Sofia Dmitrievna Samarina and the Union of Orthodox Women in 1918. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 145–153.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-145-153

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-154-162

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕНЕСЕНИЯ ВОПРОСА О ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ДИСКУССИИ В РКП (Б) В КОМИНТЕРН В 1924 Г.

Суздальцев И.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Коминтерна во время внутрипартийной дискуссии 1923–1924 гг. в РКП (б). Вынужденный сохранять солидарность с главенствующей русской делегацией, Коминтерн не позиционировался как орган, способный исполнять регулирующую роль по отношению к обладающим равными полномочиями компартиям. Принцип единства партии, утвержденный еще на X съезде РКП (б), был перенесен в сферу деятельности Коминтерна. С целью дискредитации Троцкого и его сторонников, все его давние расхождения с Лениным, все естественные многолетние внутрипартийные споры были выстроены в единый ряд и перенесены в 1924 г. в Коминтерн для усиления дискредитации уже в международном масштабе. Сконструированный «троцкизм» был по всем линиям противопоставлен ленинизму, и в итоге партийной дискуссии и постановлений V конгресса Коминтерна осужден как «мелкобуржуазный уклон».

Ключевые слова: «тройка», «Письмо 46-ти», внутрипартийная дискуссия, XIII конференция РКП (б), V конгресс Коминтерна.

ON THE PECULIARITIES OF TRANSMITTING IN 1924 THE QUESTION OF INNER-PARTY DISCUSSION OF THE RCP(B) INTO THE COMINTERN

I. Suzdaltsev

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article studies the activity of the Comintern during the inner-party discussion in the RCP (b) which took place in 1923–1924. The Comintern, being forced to maintain solidarity with the dominant Russian delegation, was not positioned as an organ capable of exercising a regulatory role in relation to the Communist parties that had equal-power. The principle of party inity, which had been approved at the X congress of the RCP (b), was transmitted into the sphere of the Comintern activities. In order to discredit Trotsky and his supporters, all his longstanding inner-party contradictions with Lenin were lined in a row and transmitted into the Comintern in 1924 to enlarge the scale of the discredit to the international level. The constructed “Trotskizm” was opposed to leninism in all the lines. As a result of the party discussion, together with the resolutions of the V Congress of the Comintern, “Trotskizm” was condemned as a “petty-bourgeois slant”.

Key words: «Troika», «Letter of 46s», inner-party discussion, XIII Conference of the Russian Communist Party, V Congress of the Comintern.

Ухудшающееся состояние здоровья В.И. Ленина обусловило постановку вопроса о новом лидере, следствием чего явилось обострение разногласий в руководящем составе большевиков. Сам Ленин, прекрасно представляя вероятные последствия, пытался предостеречь партию в «Письме к съезду» от раскола, однако, по утверждению секретаря И.В. Сталина Б.Г. Бажанова, уже после первого паралича, поразившего его в 1922 г., Зиновьев, Каменев и Сталин, видя в Троцком своего главного соперника, организуют фракционную «тройку» [2, с. 18]. 2 ноября 1922 г. по инициативе Г.Е. Зиновьева в состав русской делегации в ИККИ был введен И.В. Сталин, хотя последний, по мнению Л.Д. Троцкого, «не принимал в тот период ни малейшего – ни прямого, ни косвенного – участия в трудах Коммунистического Интернационала, притом не только на конгрессах или в комиссиях, но и в подготовительной работе» [11, с. 15]. Так, в борьбе против Троцкого, уже являвшегося членом делегации, фракция большинства в полном составе предстала также и в III Интернационале.

Современная историография по вопросу внутривнутрипартийной дискуссии немногочисленна, однако в них присутствуют зачастую абсолютно полярные точки зрения. В биографической работе о Троцком Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского авторы рассматривают его выступления в 1923 и 1924 гг. только как зарождение оппозиционной деятельности, не вылившейся в реальную оппозицию, сформировавшейся, по их мнению, только в 1926 г. [19, с. 4, 42, 96]. Соответственно, V конгрессу Коминтерна уделяется незначительное внимание, и он считает-

ся существенным этапом в политике дискредитации Троцкого [19, с. 80–81]. Противоположную точку зрения высказывает А. Резник, считающий, что уже в 1923 г. допустимо говорить именно об оппозиции как о явлении социально-политических отношений в РКП(б) [17, с. 9–12]. Исследователь биографии Сталина О. Хлевнюк вообще обходит Коминтерн, как непосредственно связанную с процессом низвержения Троцкого организацию, сосредотачиваясь исключительно на Политбюро [20, с. 118–121, 125].

Таким образом, отсутствие единого мнения у современных исследователей и личная позиция автора, основанная, в частности, на впервые введенных в научный оборот документах, обусловили постановку исследовательской задачи – доказать на примере дискуссии в РКП(б) в 1923–1924 гг., что Коминтерн неоднократно использовался руководителями партии для осуждения неугодных им деятелей, соответственно, являясь организацией, не имеющей возможности вести самостоятельную политику.

Поводом к началу внутривнутрипартийной дискуссии явилось письмо Троцкого от 8 октября 1923 г. в ЦК, в котором «партийная бюрократия», обвинялась в экономическом и политическом кризисе ввиду применения методов «секретарского отбора» [Цит. по: 14]. Исследователь истории III Интернационала М.М. Пантелеев в работе «Агенты Коминтерна» высказывает точку зрения, что письмо задумывалось, как своеобразный способ давления на Политбюро с целью пересмотреть решение не отправлять Троцкого в Германию для содействия в осуществлении революции [15,

с. 11]. А.Ю. Ватлин считает, что Троцкий изначально не имел возможности быть отправленным в Германию, так как представители «тройки», исходя из уверенности в положительном исходе кампании, не могли допустить «облачение Троцкого в мундир главнокомандующего силами мировой революции» [13, с. 115]. Содействовать осуществлению захвата коммунистами власти в Германии было поручено его соратникам и единомышленникам К.Б. Радеку, Г.Л. Пятакову (не принимавшему ранее участия в деятельности Коминтерна, который о германских делах сообщал, что «первое время чувствовал себя как рыба, выброшенная на берег» [3, с. 279]), В.В. Шмидту, Н.Н. Крестинскому.

15 октября в Политбюро было направлено обращение группы большевиков, так называемое «Письмо 46-ти». Его авторы подчеркивали, что «хозяйственный кризис в Советской России и кризис фракционной диктатуры в партии нанесут тяжелые удары рабочей диктатуре в России и Российской коммунистической партии». Установившийся режим подписанты предлагали как можно скорее заменить «режимом товарищеского единства внутрипартийной демократии» [9, с. 180–186]. Реакцией руководства «тройки» явилось осуждение авторов обращения на объединенном пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) 25–27 октября 1923 г. [5, с. 767–768]. Первоначально позиции Троцкого имели большое количество сторонников среди членов ряда районных парторганизаций Москвы, в Симбирске, Челябинске, Перми и др., однако, в результате осуществленной по решению ЦКК от 20 марта 1924 г. «проверки не пролетарского состава» партии более

5 тыс. членов было исключено из партии [16, с. 177–181]. Хотя Преображенскому, заявившему на XIII съезде, что «чистка» направлялась в «отношении организаций, которые выносили оппозиционные резолюции» [16, с. 181], ввиду отсутствия конкретных доводов не удалось доказать это свое утверждение. Увеличение числа сторонников «единства партии», результатом чего явилось снижение протестных настроений, дает нам основание полагать, что процесс «проверки» носил характер административного внутривнутрипартийного давления, цели которого осуществились [16, с. 182].

Роль Коминтерна в сведении счетов с Троцким была не менее значимой, ведь ключевые вопросы, которым требовалось международное освещение, после рассмотрения в соответствующих партийных структурах, необходимо было продемонстрировать на мировом уровне. 20 декабря 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) поручает Зиновьеву «осведомить Исполком Коминтерна о дискуссии» [7, с. 228], происходящей в партии.

Участники «тройки» понимали, что вопрос о деятельности Троцкого, международный авторитет которого не вызывал сомнения, относится к числу тех, которые решить каким-либо внутренним голосованием или постановлением, вынесенным в рамках партии, не затрагивая Коминтерн, не представлялся возможным. Именно поэтому вопрос исключительно внутривнутрипартийного характера (что, по словам Айно Куусинен (жены Отто Куусинена – одного из ведущих деятелей III Интернационала), ранее не обсуждалось на заседаниях Коминтерна [6, с. 21]) был в дальнейшем вынесен в качестве од-

ного из основных на V конгрессе Коминтерна в присутствии иностранных делегатов. Тем более, что Троцким в дискуссии уже была вовлечена одна из иностранных делегаций – Коммунистическая партия Германии.

Поводом послужило несогласие с тезисами «Об уроках германских событий», разработанных Зиновьевым. Еще 16 декабря Троцкий направил германской делегации в ИККИ письмо в качестве некоего контрпроекта по тезисам Зиновьева, заявляя, что «убийством самостоятельности партий бюрократизм как раз и препятствует подъему общего уровня партий» [7, с. 229]. Тем самым был поставлен под сомнение базовый принцип в работе Коминтерна, заключающийся в жесткой централизации и, чаще всего, вынесении какого-либо решения только с согласования РКП(б) и русской делегации. Троцкий считал, что уже на стадии разработки тезисов следовало привлечь к работе германскую делегацию.

В итоге, приняв проект тезисов Зиновьева 27 декабря, Политбюро ЦК РКП(б) направило письмо на имя К. Цеткин, В. Пика и Я. Вальхера, в котором сообщалось о готовности согласовать позиции с делегацией ЦК КПГ при оценке событий в Германии и выработке совместной резолюции. 28 декабря в Политбюро было направлено ответное письмо с критикой проекта тезисов и согласием на обсуждение спорных вопросов. 29 декабря в Политбюро послал письмо Троцкий, вновь выражавший свое несогласие с тезисами. 2 января 1924 г. Политбюро осудило действия Троцкого (а вместе с ним Радека и Пятакова) как явное нарушение элементарной партийной дисциплины [7, с. 232].

Однако также существует мнение, что в переносе вопроса о разногласиях внутри партии в Коминтерн был заинтересован также и сам Троцкий, рассчитывавший на то, что его влияние и достаточно большое количество сторонников благоприятно скажутся на их исходе. Например, В.А. Сахаров считает, что Троцкий был инициатором публикации ленинских работ в «Социалистическом вестнике» 17 декабря 1923 г., в которых деятельность Сталина оценивалась критически, тем самым «публикация «работала» на Троцкого и готовила базу для перенесения внутрипартийной дискуссии в Коминтерн» [18]. О влиятельности Троцкого среди зарубежных коммунистов говорит направленное 23 декабря в ЦК РКП(б) письмо от ЦК компартии Польши, в котором, в частности, утверждалось следующее: «Мы твердо знаем одно: имя т. Троцкого для нашей партии, для всего Интернационала, для всего революционного пролетариата мира неразрывно связано с победоносной октябрьской революцией, с Красной Армией, с мировым коммунизмом и революцией. Мы не допускаем возможности того, чтобы т. Троцкий оказался вне рядов вождей РКП и КИ» [7, с. 238].

Учитывая, что часть членов ИККИ может также поддержать данную позицию, Зиновьев, выступавший с докладом на заседании Исполкома Коминтерна 6 января 1924 г., отметил, что в этом деле нельзя ограничиваться личными предпочтениями, а руководствоваться принципом: «Платон мне друг, а истина дороже»¹. В

¹ Доклад Зиновьева на заседании ИККИ 6 января 1924 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГА-

докладе акцентировалось внимание – с целью дискредитации – на самой личности лидера оппозиции, в частности, его дореволюционной деятельности. Председатель ИККИ особенно подчеркивал, что Троцкий – бывший меньшевик, боровшийся против большевистской партии, что нынешнее выступление Троцкого есть ренессанс его старых ошибок¹. Зиновьев призвал присутствующих, независимо от личных симпатий, встать на точку зрения большинства ЦК РКП(б). Этот факт дает нам основание полагать, что задача удалить на максимально возможное расстояние от управленческих структур, а затем и вовсе устранить Троцкого с политической арены не только имела место быть, но и должна была осуществиться в максимально кратчайшие сроки, ведь, по сути, на заседании, ход которого фиксировался документально, была публично навязана (настойчиво рекомендована) точка зрения РКП(б) и русской делегации, что ранее делалось исключительно закулисно. При этом, вероятнее всего, с целью не допустить появления большого числа сторонников оппозиции и возникновения споров на этой почве в рамках Коммунистического Интернационала, постановлением пленума ЦК от 15.01.1924 г. требовалось «решительно предостеречь т. Радека и других товарищей из «оппозиции» против перенесения ими в Коминтерн фракционной борьбы, чреватой крайне вредными последствиями для международного рабочего движения»².

СПИ). Ф. 495. Оп. 1. Д. 902. Л. 17.

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 902. Л. 35.

² Постановление пленума ЦК. Международное положение. 15.01.1924 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 42.

Слаженный механизм взаимодействия двух организаций нашел отражение в резолюции «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии» [4, с. 152–160], принятой XIII конференцией РКП(б) (16–18 января 1924 г.) и подтвержденной XIII съездом РКП(б) (23–31 мая), квалифицировавшим действия оппозиции, как угрожающие единству партии, а следовательно, и диктатуре пролетариата [10, с. 774].

Существенным этапом рассмотрения внутривнутрипартийной дискуссии в Коминтерне стал V конгресс, проходивший 17 июня – 8 июля 1924 г. Президиум конгресса предложил оппозиции выступить с изложением своих взглядов перед делегатами, однако Троцкий, сославшись на необходимость соблюдения партийной дисциплины, ответил отказом [8, с. 589]. По мнению М.М. Мухамеджанова, причиной отказа явилось осознание Троцким того факта, что ему и его сторонникам не удалось бы получить поддержки со стороны большинства делегатов конгресса. Поэтому, потерпев поражение в собственной партии, он, очевидно, не хотел еще одного разгрома перед лицом зарубежных коммунистов [14]. С докладом о дискуссии в РКП(б) выступил А.И. Рыков. Была найдена историческая преемственность существовавшему ранее инакомыслию в партии – дискуссиям о профсоюзах, демократическом централизме и рабочей оппозиции: «В последней дискуссии мы имели перед собой единый блок сил, оставшихся от каждой из этих оппозиций. Если возьмете подписи под теми документами, которые мы получали, списки докладчиков, которые выступали против ЦК РКП, то вы увидите там лидеров старой оппо-

зиции демократического централизма, осужденного за мелкобуржуазность, сторонников оппозиции Троцкого по профессиональным союзам, к ним присоединились в нападении на ЦК и представители рабочей оппозиции» [8, с. 534]. Таким образом, для зарубежных соратников был подобран ряд убедительных доводов, дабы развеять все сомнения в правильности выбранного курса. Конгресс полностью солидаризовался с оценками XIII съезда РКП(б), поддержав выводы Рыкова, так и не получив целостной картины ситуации ввиду отсутствия выступлений оппозиционеров. Это говорит о том, что для Коминтерна необходимым фактом была демонстрация своего согласия с позицией большинства, задающего политический тон в коммунистическом движении.

В процессе развертывания дискуссии и перенесения её в Коминтерн существенную роль сыграла и пропагандистская работа. 1 августа 1924 г. Б. Кун (назначенный после V конгресса руководителем агитационно-пропагандистского отдела Коммунистического Интернационала) обращается к Сталину, Зиновьеву и Бухарину с предложением сделать из «Инпрекорра» (информационный бюллетень ИККИ, издававшийся на немецком, английском и французском языках) еженедельное приложение к «Правде», аргументируя это тем, что «информация нашей партии по вопросам К[оммунистического] И[нтернационала] не всегда соответствует основной линии ЦК РКП(б) и ИККИ»¹. Основными целями данной

инициативы, по нашему мнению, являлось ужесточение контроля над изданием, для недопущения публикаций статей оппозиционного характера как представителей иностранных делегаций, так и сторонников Троцкого в РКП(б). В качестве примера Кун приводит статью Преображенского по вопросу о заработной плате английских рабочих, «вызвавшую недоумение на московских заводах»². В итоге было принято решение в печати освещать деятельность ИККИ для зарубежных компартий информационными письмами Секретариата ИККИ, впервые увидевшими свет 18 сентября 1924 г. [12, с. 117].

Немаловажным для Коминтерна было продолжить деятельность по дискредитации оппозиционеров, как в рамках деятельности организации, так и в рамках взаимодействия с РКП(б), выразив свою поддержку партийной линии последней. Чехословацкий коммунист, делегат V конгресса К. Крейбих заявлял, что в процессе обсуждения предстоящего вскоре XIV съезде РКП(б) предполагаемого доклада К. Цеткин было предложено отметить в этой речи, что «важнейшие партии Интернационала стали в русском вопросе на точку зрения РКП»³.

Получив от Цеткин отказ в этом вопросе, Зиновьев заявил, что «съезд на 100% стоит за ЦК и против Радека и Троцкого и что он посчитается с теми, которые нарушили партийную дисциплину»⁴. В результате на съезде с докладом от имени Коминтерна вы-

² Там же.

³ Доклад правого коммуниста Крейбиха о его беседах с Троцким и Радеком и о его впечатлениях о V конгрессе Коминтерна. 24.08.1924 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 44. Л. 6.

⁴ Там же.

¹ План русского издания «Инпрекорра» и информации советской печати о деятельности ИККИ. 01.08.1924 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 44. Л. 1.

ступил сам Зиновьев [1, с. 639–681]. Соответственно, принцип единства партии, утвержденный еще на X съезде РКП (б), был перенесен в сферу деятельности Коминтерна.

Особое усердие было проявлено в отношении групп и течений, выражавших согласие с позицией Л.Д. Троцкого и его сторонников, а также тех, кто считал, что «насаждение» мнений и решений из центра неприменимо для политики III Интернационала. Таким образом, партийная дискуссия, начавшаяся еще в 1923 г., являлась, по сути, борьбой за пост руководителя страны.

Сформированной из Сталина, Зиновьева и Каменева «тройкой», с целью дискредитации Троцкого и его сторонников, были выстроены все его давние расхождения с Лениным, все естественные многолетние внутрипартийные споры в единый общий ряд и перенесены в 1924 г. в Коминтерн для усиления дискредитации уже в международном масштабе. Так сконструированный «троцкизм» был по всем линиям противопоставлен ленинизму, и в итоге партийной дискуссии и постановлений V конгресса Коминтерна осужден как «мелкобуржуазный уклон».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. - Л.: ГИЗ, 1926. 1042 с.
2. Бажанов Б.Г. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб: Всемирное слово, 1992. 312 с.
3. Большевицкое руководство. Переписка. 1912-1927. М.: РОССПЭН, 1996. 423 с.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М.: Политиздат, 1984. 495 с.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М.: Госполитиздат, 1953. 950 с.
6. Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. Воспоминания. 1919–1965. Петрозаводск: Карелия, 1991. 207 с.
7. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы. М.: РОССПЭН, 2004. 961 с.
8. Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала 17 июня – 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. Ч.1. М-Л.: Госиздат, 1925. 1010 с.
9. РКП (б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы, 1923. (Документы и материалы). М.: РОССПЭН, 2004. 461 с.
10. Стенографический отчет XIII съезда РКП(б). М.: Госполитиздат, 1963. 884 с.
11. Троцкий Л.Д. Коммунистический Интернационал после Ленина. М.: Принтима, 1993. 320 с.

Литература

12. Адиебеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. 287 с.
13. Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, 2009. 374 с.
14. Мухамеджанов М.М. Коминтерн: страницы истории [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» [сайт]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Mukhamedzhanov_Komintern (дата обращения: 14.05.2017).

15. Пантелеев М.М. Агенты Коминтерна. М.: Эксмо, 2005. 352 с.
16. Резник А.В. Конфликтовать и контролировать: к изучению практик политической борьбы оппозиции в РКП(б) в 1923–1924 годах // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2014. №1 (24). С. 175–185.
17. Резник А.В. Троцкизм и Левая оппозиция в РКП(б) в 1923–1924 годы. М.: Свободное марксистское издательство, 2010. 112 с.
18. Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М.: МГУ, 2003. 491 с.
19. Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга 3: Оппозиционер, 1923–1929 гг. М.: Центрполиграф, 2012. 336 с.
20. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М.: АСТ, 2015. 464 с.

SOURCES AND REFERENCES

Sources

1. [XIV Congress of all-Union Communist party (Bolsheviks). The verbatim report]. M. L., GIZ Publ., 1926. 1042 p.
2. Bazhanov B.G. [Memoirs of Stalin's former secretary]. SPb., Vsemirnoe slovo Publ., 1992. 312 p.
3. [The Bolshevik leadership. Correspondence. 1912–1927]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 423 p.
4. [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Vol. 3. Moscow, Politizdat Publ., 1984. 495 p.
5. [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Part 1]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1953. 950 p.
6. Kuusinen A. [The Lord overthrows his angels. Memories. 1919–1965]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1991. 207 p.
7. [Politburo of the Central Committee of the RCP(b). The AUCP(b) and the Comintern. 1919–1943: Documents]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 961 p.
8. [Fifth world Congress of the Communist international on June 17 – July 1924. The verbatim report. Part 1]. M.-L., Gosizdat Publ., 1925. 1010 p.
9. [The RCP (b): inner-party struggle in the twenties, 1923 (Documents and materials)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 461 p.
10. [Verbatim report of the XIII Congress of the RCP (b)]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963. 884 p.
11. Trotskii L.D. [The Communist international after Lenin]. Moscow, Printima Publ., 1993. 320 p.

References

12. Adibekov G.M., Shakhnazarova E.N., Shirinya K.K. [The organizational structure of the Comintern. 1919]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 287 p.
13. Vatlin A.Yu. [The Comintern: ideas, decisions, destiny]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 374 p.
14. Mukhamedzhanov M.M. [Komintern: stranitsy istorii [Elektronnyi resurs] [The Comintern: the pages of history [Electronic source]] *Informatsionnyi gumanitarnyi portal «Znanie. Poniimanie. Umenie»* [sait]. Available at: [Information humanitarian portal "Knowledge. Understanding. The ability to" [website]].
16. Panteleev M.M. [Agents of the Comintern]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 352 p.
17. Reznik A.V. [Conflict and control: the study of practices of political struggle of the opposition in the RCP (b) 1923–1924]. *Vestnik Permskogo universiteta*. Seriya: Istoriya, 2014, no. 1 (24), pp. 175–185.

18. Reznik A.V. [Trotskyism and the Left opposition in the RKP (b) 1923–1924]. Moscow, Svoobodnoe marksistskoe izdatel'stvo Publ., 2010. 112 p.
 19. Sakharov V.A. ["Political Testament" of Lenin: the reality of the history and myths of policy]. Moscow, MGU Publ., 2003. 491 p.
 20. Fel'shtinskii Yu.G., Chernyavskii G.I. [Leon Trotsky. Book 3: The Opposition, 1923–1929]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2012. 336 p.
 21. Khlevnyuk O.V. [Stalin. The life of a leader: a biography]. Moscow, AST Publ., 2015. 464 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суздальцев Илья Алексеевич – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: ialoko90@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya A. Suzdaltsev – Post-graduate student of the Department of Contemporary History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: ialoko90@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Суздальцев И.А. Об особенностях перенесения вопроса о внутрипартийной дискуссии в РКП (б) в Коминтерн в 1924 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 154–162.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-154-162

FOR CITATION

I. Suzdaltsev. On the Peculiarities of Transmitting in 1924 the Question of Inner-Party Discussion of the RCP(b) into the Comintern. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*, 2017, no 5, pp. 154–162.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-154-162

УДК 94(470)1954-1955

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-163-168

СТАЛИНСКИЕ ВЫСОТКИ КАК ПАМЯТНИК ПОСЛЕВОЕННОГО СОВЕТСКОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Горлов В.Н.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье сделана попытка дать объективное историческое освещение и анализ советской архитектуры послевоенной поры в контексте с социальными условиями времени. В статье рассматриваются послевоенные концепции градостроительства в СССР, концепции развития столицы. Автор анализирует причины перехода к строительству высотных зданий в Москве, причины внимания высшего руководства советского государства к высотному строительству. В статье рассматриваются положительные последствия постройки сталинских высоток в Москве.

Ключевые слова: высотные здания, градостроительство, монументальная архитектура.

STALIN'S SKYSCRAPERS AS A MONUMENT TO THE SOVIET POSTWAR URBAN DEVELOPMENT

V. Gorlov

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The paper attempts to give an objective historical coverage and analysis of the postwar era Soviet architecture in the context of the social conditions of the time. The article discusses the post-war concepts of urban development in the Soviet Union, as well as the concepts of developing the capital. The author analyzes the reasons for the transition to the construction of high-rise buildings in Moscow, the reasons for special attention of top leadership of the Soviet state to the high-rise construction. The article examines the positive effects of constructing Stalinist skyscrapers in Moscow.

Key words: high-rise buildings, urban development, monumental architecture.

Великая Отечественная война породила необычайный подъем патриотических чувств советского народа. Это время отмечено значительным интересом советских архитекторов к архитектурному прошлому нашей страны. Успехи советской страны руководство государства решило запечатлеть в монументальной архитектуре. Застройка столицы рассматривалась как витрина успешного восстановления страны, давала повод пропагандировать архитектурные достижения страны. Архитекторам послевоенных лет было присуще ощущение исторического времени, ощущение безоговорочной значимости ценностей своего

времени которое определяло желание «остановить мгновение», запечатлев его в ансамблях Москвы.

Подлинно революционным событием в архитектурной жизни Москвы стало строительство высотных зданий. Оно знаменовало новый этап развития советской архитектуры вообще и Москвы в частности. Важным моментом праздника 800-летия Москвы стала торжественная закладка будущих высотных сооружений одновременно на всех местах их будущего строительства. Одно это обстоятельство подчеркивало значимость события в культурной жизни советского народа. С сооружением высотных зданий борьба за создание целостных ансамблей площадей перешла к организации целостного ансамбля Москвы.

Высотные здания как бы задавали определенный уровень решения архитектурных задач, к которому необходимо стремиться. Идея строительства высотных зданий получила официальное признание в Постановлении Совета Министров СССР от 13 января 1947 г. о строительстве многоэтажных зданий в Москве. Перед архитекторами была поставлена задача создать ряд высотных сооружений, которые должны были стать по архитектуре и по своим техническим особенностям новым в стране видом строительства и должны были произвести впечатление на советских людей и на иностранцев.

От начала до завершения данного замысла деятельность архитектуры находилась под влиянием социального заказа. Строительство московских высоток было предметом внимательного рассмотрения высшего руководства советского государства во главе со И.В. Сталиным. Рекомендации ориен-

тироваться на классические образцы как раз и были примером вмешательства власти в творческий процесс в архитектуре. Подписав постановление о строительстве восьми высотных зданий, И.В. Сталин наказал архитекторам, чтобы эти здания ни в коем случае не напоминали американские небоскребы. Силуэты и пропорции высоток архитекторы должны были соответствовать сложившейся архитектуре Москвы, свободными от западных архитектурных влияний. Архитекторам в те годы в приказном порядке запретили пользоваться иностранными журналами при проектировании, тем самым исключалось влияние Запада. Самое главное, что желания такого у советских архитекторов и не возникало. Советские архитекторы увлекались в те годы русскими высотными композициями, храмами Руси, в первую очередь зданиями Московского Кремля. Более того, все было запроектировано и выполнено в стране без участия иностранных фирм: от ручек, сложных шпингалетов, осветительной арматуры до современных лифтов. В 1947 г. был официально обнародован смысл советского высотного строительства: это символ величия культуры, силы народа, могущества советской страны.

Властное указание руководителя государства о строительстве серии московских высоток не было социально обусловлено и поэтому не являлось в полной мере необходимым для простых жителей Москвы, которые нуждались совсем в другом. С помощью высотных домов, естественно, не могли решить жилищную проблему. Москвичам было объявлено, что строили не просто так, а в честь Великой Победы. В архитектуре превалировала идея

монументальных сооружений, которые могли бы наиболее полно передать величие эпохи построения коммунистического общества в СССР. Монументальные высотные здания должны были стать визитной карточкой Москвы. Строительство высотных зданий намечалось в особо значимых точках столицы, которая обретала новые высотные доминанты.

Для нашей страны сооружение высотных домов было делом чрезвычайно сложным, так как такого инженерного опыта в СССР пока ещё не было. Высотки по-своему должны были символизировать чувство гордости советских людей за свою державу. И совсем не случайно гостиницу «Ленинградскую» украшали барельефы, посвященные великим военным победам в отечественной истории. Решалась задача идеологической значимости – запечатлеть в архитектуре Москвы подвиг советского народа-победителя. Связано это было с русской традицией возводить величественные архитектурные монументы в честь выдающихся исторических событий в жизни нашей страны.

По стенограмме совещания в МГК ВКП (б) по вопросу о строительстве 16, 26 и 32-этажных жилых домов в Москве, которое состоялось 20 января 1947 г., вполне можно судить о роли И.В. Сталина в строительстве московских высотных зданий: «Г.М. Попов (1-й секретарь МГК ВКП(б)): «Сталин говорит: ездят у нас в Америку, потом приезжают и ахают – ах какие же огромные дома! Пускай теперь ездят в Москву, видят, какие у нас дома, пусть ахают. Почему период социалистического строительства, период победы Советского Союза не должен быть

ничем отмечен? Это завет товарища Сталина, это его идея. И мы должны с вами в этом отношении пунктуально выполнить это решение»¹.

15 марта 1948 г. И.В. Сталин подписал постановление о возведении нового здания Московского государственного университета на Ленинских горах², в конце 1948 г. началось его строительство. 1 ноября 1948 года министр внутренних дел С. Круглов утвердил совершенно секретные первоочередные мероприятия по строительству МГУ и высотного здания в Зарядье для своего ведомства, которые стали называться объект № 833 и объект № 392³. Полная стоимость строительства нового здания МГУ составляла свыше 3-х млрд. рублей. Комплекс многоэтажных учебных и жилых зданий объема около 3-х млн. куб.м. сооружался на территории свыше 160 га⁴.

О важнейшей роли строительства нового здания МГУ в ходе строительства высотных зданий столицы мы можем судить по записке 1-го секретаря МГК ВКП (б) Попова Г.М. 6 апреля 1948 г.: «Товарищу Л.П. Берия. Направляю Вам для сведения копию телеграммы корреспондента газеты «Ньюс Хроникл» Паркера о строительстве нового здания МГУ, оправленную им 4 апреля 1948 года. «Советское правительство проводило в Кремле совещание с целью изучения планов строительства нового здания МГУ, которое будет расположено в самом видном и, с военной точки зрения, в наиболее угрожаемом районе Москвы – на вер-

¹Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее – ЦАОПИМ). Ф. 3. Оп. 67. Д. 12. Л. 47.

²ЦАОПИМ. Ф. 150. Оп. 24. Д. 87. Л. 237.

³ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 115. Д. 162. Л. 236.

⁴ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 72. Д. 15. Л. 1.

шине Ленинских гор над Москвой-рекой. Это мероприятие, которое было предпринято вскоре после завершения демобилизации советской армии и нового сокращения военного бюджета, было здесь воспринято как отказ признать неизбежность войны, в то время, когда, как это кажется рядовому русскому человеку, военная истерия ещё более усилилась на западе. Проект постройки МГУ служит показателем тех материальных норм, которые устанавливаются в нынешней фазе перехода советских людей к лучшим временам. В корпусах нового здания МГУ будут отдельные комнаты для 6000 студентов. Всё это указывает на то, что к 1952 г. жизненные условия московских студентов будут значительно лучше, чем средних европейских студентов»¹

Проекты всех предполагавшихся к строительству высоток к концу 1948 г. были закончены. В апреле 1949 г. все руководители коллективов, участвовавших в их разработке, были удостоены Сталинской премии². Сам по себе данный факт в высшей степени примечателен. Высоких государственных наград впервые удостоивались проекты, а не оконченные постройкой сооружения. Безусловно, это свидетельствовало о той социальной и идеологической значимости, которая придавалась высотным сооружениям. Присуждение Сталинских премий за архитектуру высотных зданий в столице свидетельствовало о крупных достижениях советского градостроительства.

Сталинские высотки строили по единому градостроительному плану. Под руководством главного архитектора столицы Д. Чечулина разработали

схему расположения восьми высоток Москвы: два административных здания (у Красных ворот и на Смоленской площади), два жилых здания (площадь Восстания и Котельническая набережная), две гостиницы (на Комсомольской площади и на Дорогомиловской набережной), одно учебное здание (на Ленинских горах) и одно административное здание в Зарядье (так и не построенное).

В середине 1949 г. все проекты высотных зданий Москвы были опубликованы и стали предметом самого широкого обсуждения. Член-корреспондент Академии архитектуры Д.Е. Аркин был в восторге: «На наших глазах происходит поистине революционный скачок в смысле архитектурного масштаба Москвы, которая приобретает масштаб мирового города, мировой столицы. Прежде всего, это высотные здания³». С окончанием строительства высотки превращались в символы роста и процветания столицы СССР.

Высотные здания столицы, заменив прежние архитектурные доминанты, «здания религиозного культа», сами очень быстро стали почти культовыми. Очень быстро утвердилось название этого архитектурного стиля – «сталинский ампи́р». Жилые сталинские высотки стала символом советского достатка и благополучия. Эти жилые сталинские высотки были первыми образцами идеального жилья будущего, были гармонично фундаментальны и внутри и снаружи. В таких домах предстояло жить советским людям при коммунизме. В них вселилась в первую очередь элита советского народа: деятели культуры, науки, армейские начальники. Проживающие в сталин-

¹ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 115. Д. 6. Л. 12.

² ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 45. Д. 12. Л. 46.

³ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 137. Д. 152. Л. 109.

ских высотках были вполне подготовлены к воздушным атакам – под каждым зданием было бомбоубежище с системой водо- и воздухоочистки. Под высоткой на Красных Воротах был расположен госпиталь, оборудованный всем необходимым для оказания первой медицинской помощи¹.

Строительство московских высоток означало большую победу советской науки и советской строительной техники. Строили сталинские высотки настолько качественно, что и сегодня не только внешний вид высоток, но и сам каркас их практически не был подвержен изменениям времени. Советское высотное строительство стало прекрасной школой, подготовило значительные кадры для новых, технически сложных строек. По планам, как свидетельствуют архивные документы, эти здания открывали эру высотной застройки. Возведение сталинских высоток должно было стать полигоном для апробации методов индустриального строительства, которые можно потом внедрить в массовое жилищное строительство. Следует подчеркнуть, что единственным шедевром советской архитектуры мировой наукой признаны именно семь сталинских высоток. Эти высотки вошли в десятку лучших воплощенных архитектурных проектов XX века и по решению ЮНЕСКО были внесены в число мировых памятников архитектуры.

Таким образом, в послевоенные годы в советской архитектуре шел поиск триумфальных архитектурных

решений. Эта тенденция рассматривала архитектуру, прежде всего, как искусство и на первый план выносила художественно-образные задачи. Решение этих задач опиралось на классическое архитектурное наследие. Можно по-разному относиться к сталинским высоткам, но сейчас Москву без них представить себе уже невозможно. Следует подчеркнуть, что как бы ни менялись эстетические критерии в стране, возведение высотных зданий всегда оценивалось очень высоко с градостроительной точки зрения. Сталинские высотки стали чрезвычайно существенными ориентирами в пространственном построении Москвы, обогащая городской силуэт. И в нынешнее время сталинские высотки продолжают стабильно вызывать восхищение и с общекультурных, и с узкопрофессиональных позиций. Всё более проступает индивидуальность каждого высотного здания. Совсем не случайно столь активный интерес к сталинским высоткам со стороны не только широкой общественности, но и профессионалов. Сейчас принято отмечать вклад высоток в возрождение традиционной московской силуэтности, их органическое вращение в городскую ткань. Высотки стали московскими памятниками, в них есть духовность, которой обладали в то время советские люди. Архитектура московских высоток обладает высоким гуманистическим потенциалом, была созвучна своей эпохе, отразив её драматизм и её героизм.

¹ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 144. Д. 1. Л. 45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета; e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the History of Russia and Moscow Region, Moscow Region State University; e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В.Н. Сталинские высотки как памятник послевоенного советского градостроительства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 163–168.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-163-168

FOR CITATION

V. Gorlov. Stalin's Skyscrapers as a Monument to the Soviet Postwar Urban Development. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 163–168.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-163-168

УДК 378

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-169-176

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАБОТЫ ПО ОТБОРУ КАНДИДАТОВ НА ПОСТУПЛЕНИЕ В ВЫСШИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧИЛИЩА В 1967–1970 ГГ.

Рыбаков А.М.

Военный университет Министерства обороны РФ

123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье рассматриваются элементы и функции системы по отбору кадров для военно-политических училищ Вооруженных сил СССР. Автор считает возможным использование обобщающих сведений и опыта работы в данной области в Вооруженных силах РФ. Выделяются и описываются характерные особенности функционирования элементов системы отбора кандидатов на поступление в военно-политические училища, проводится качественный и количественный анализ проводимой работы.

Ключевые слова: военно-политические училища, отбор, кандидаты на поступление, курсанты, политорганы.

HISTORICAL EXPERIENCE FOR THE SELECTION OF CANDIDATES FOR ADMISSION TO HIGHER MILITARY-POLITICAL SCHOOL IN 1967–1970S

A. Rybakov

Military University of the Ministry of Defense

14, Bolshaya Sadovaya street, Moscow, 123001, Russian Federation

Abstract. The article considers the elements and functions of the system for the selection of personnel for military-political schools in the USSR. The author considers it possible to use the synthesis of information and experience in this field in the Armed forces of the Russian Federation. The characteristics of functioning of system elements for selecting candidates for admission to a military-political school are allocated and described. The qualitative and quantitative analysis of the work conducted is made.

Key words: military-political school, the selection of candidates for admission, students, political bodies.

На протяжении многих лет существования Вооруженных сил России отбор кандидатов на поступление в высшие военно-политические училища заключался в формировании высокопрофессиональных кадров, способных эффективно выполнять задачи по защите государственных интересов.

Главным направлением комплектования вооружённых сил является обеспечение потребности в личном составе, материальных и технических средствах в соответствии со штатами и табелями мирного и военного времени. Это обуслов-

лено необходимостью формирования высокоэффективной и оснащенной армии, способной выполнять задачи, соответствующие реалиям времени.

К основным элементам системы комплектования вооруженных сил относятся: основания для зачисления граждан на военную службу, сроки военной службы и порядок отбора контингентов для службы в армии, возраст граждан, призываемых на службу и способы обеспечения командным составом.

Стоит отметить, что в условиях современного строительства Вооруженных сил и нового взгляда на применение воспитательной работы в войсках возникает необходимость освещения исторического, в том числе советского опыта подготовки кадров для воспитательных структур.

В истории вооруженных сил известны различные способы их комплектования: наёмничество, добровольчество, феодальное и народное ополчение, вербовка, рекрутская повинность, конскрипция, воинская повинность, воинская обязанность. Воинская повинность, как основной способ комплектования вооруженных сил, существует почти во всех современных капиталистических государствах, наряду с этим во многих странах армия комплектуется путём найма (вербовки) добровольцев. В Великобритании вооружённые силы после 1967 г. комплектуются только вербовкой. В СССР и других социалистических странах комплектование вооруженных сил осуществлялось на основе законов о всеобщей воинской обязанности. Принципы комплектования определялись местом жительства граждан, призываемых в армию, и дислокацией войск.

Сроки военной службы устанавливаются законами государств, исходя из численности вооруженных сил и призывных контингентов, уровня развития военной техники, физического состояния и общеобразовательной подготовки призывников и др. В армиях, комплектовавшихся путем рекрутского набора, сроки военной службы были первоначально, как правило, пожизненными (например, в России с начала XVIII в. до 1793 г.), в последующем они постепенно сокращались. С введением всеобщей воинской повинности общие сроки военной службы были резко уменьшены и стали делиться на срок действительной военной службы непосредственно в войсках и срок нахождения в запасе. Продолжительность сроков действительной военной службы в современных армиях установлена в пределах 1,5–2 лет, а на флоте – 3 лет. Отбор контингентов для службы в армии производится на основе физического состояния и морально-политических качеств призываемых граждан, при этом учитываются льготы, предоставляемые законами в некоторых государствах определённой части граждан по семейному положению, для завершения образования и по работе в промышленности. Возраст граждан, призываемых в армию, устанавливается, исходя из задач обороны государства, его материальных возможностей и сроков службы в армии. Большинство современных армий комплектуется гражданами, достигшими 18–19 лет. В СССР призывной возраст был – 18 лет. Комплектование вооруженных сил личным составом в СССР и других социалистических странах в мирное время осуществлялось путём призыва на действительную военную

службу граждан очередных возрастов; в военное время - мобилизацией личного состава запаса. Командные кадры для вооруженных сил готовились в специальных военно-учебных заведениях – военных училищах (школах) и высших военно-учебных заведениях [1]. Специалистов в области политической для армии и военно-морского флота готовили в военно-политических училищах.

Комплектование переменным составом военно-политических училищ с 1967 г. проводилось в соответствии с Конституцией СССР 1936 г. (ст. 132), Законом СССР о всеобщей воинской обязанности от 12 октября 1967 г., со ст. 44 «Правил приема в высшие военно-учебные заведения Министерства обороны СССР» (Приказ МО СССР № 77-1966 г.), директивой Генерального Штаба № УУСВ/1/134850 от 30.09.1968 г., а также директивами Командующих войсками военных округов, в чьем конкретном подчинении находились училища.

В число кандидатов на поступление в высшие военно-политические училища принимались прапорщики и мичманы, а также военнослужащие срочной и сверхсрочной службы Вооруженных сил СССР, гражданская молодежь, военнообязанные, из числа уволенных в запас военнослужащих срочной службы, выпускники суворовских, нахимовских и других военных училищ и кадетских корпусов, изъявлявшие желание обучаться в военно-учебном заведении и отвечающие всем требованиям профессионального отбора [4].

Проводимый отбор кандидатов можно разделить на нескольких этапов. Первый этап – это «отбор на ме-

стах» – в военных комиссариатах и частях и подразделениях. Он включал в себя: отбор по уровню образования, состоянию здоровья, физической подготовке и политико-деловым качествам. На данном этапе нередко принимали участие представители училищ. С целью отбора и привлечения в училище лучших и наиболее способных кандидатов в курсанты училища устанавливались тесные контакты с партийными, комсомольскими и общественными организациями областей военных округов, а также со всеми областными военкоматами, на которые возложен отбор кандидатов в курсанты. Так, к примеру, офицеры Свердловского высшего военно-политического танко-артиллерийского училища в 1969 г. принимали непосредственное участие в работе ряда комиссий при областных военкоматах:

- в Свердловском областном военкомате – начальник училища и начальник отделения кадров;

- в Пермском областном военкомате – старший преподаватель кафедры истории КПСС;

- в Челябинском областном военкомате – начальник кафедры научного коммунизма;

- в Калининском областном военкомате – начальник кафедры марксистско-ленинской философии;

- в Куйбышевском областном военкомате – начальник кафедры истории КПСС;

- в республиканских военкоматах Коми АССР и Башкирской АССР – помощник начальника учебного отдела;

- в республиканском военкомате Татарской АССР – старший преподаватель кафедры истории КПСС¹.

¹Центральный архив Министерства оборо-

Из вышеизложенного можно увидеть, что к работе по отбору кандидатов привлекались исключительно наиболее опытные офицеры в должности от старших преподавателей кафедр до начальника училища.

Также в работе по отбору кандидатов для училища наблюдалось личное участие начальников политотделов соединений и областных и краевых военкоматов, командиров частей и их заместителей по политической части, но не везде эта работа была эффективной. К сравнению, для поступления в Новосибирское высшее военно-политическое училище направленно по комсомольским путевкам и рекомендациям политорганов более 70% от общего числа поступающих, а в Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище лично отобрано и рекомендовано к поступлению командирами частей и политорганами всего 12% от общего числа кандидатов из военнослужащих¹, начальниками политотделов военкоматов – 4%, облкомами ВЛКСМ – 6%, Райкомами (Горкомами) ВЛКСМ – 34% от общего числа кандидатов из гражданской молодежи².

Второй этап отбора – это конкурс личных дел. На данном этапе непосредственно сами училища отбирают кандидатов на поступление, анализируя поступившие личные дела и учетные данные.

ны РФ (ЦА МО РФ). Ф. Свердловское высшее военно-политическое танково-артиллерийское училище. Оп. 973232. Д. 8. Л. 21–22.

¹ ЦА МО РФ. Ф. Свердловское высшее военно-политическое танково-артиллерийское училище. Оп. 973232. Д. 8. Л. 23.

² ЦА МО РФ. Ф. Свердловское высшее военно-политическое танково-артиллерийское училище. Оп. 973235. Д. 2. Л. 53.

Обратимся к примеру Свердловского высшего военно-политического танко-артиллерийского училища. В 1969 г. воинскими частями и военкоматами было отобрано для училища 816 кандидатов. В том числе из числа военнослужащих – 268 чел., из числа гражданской молодежи – 548 чел. Вызвано в училище: военнослужащих 250 чел., кандидатов из числа гражданской молодежи 525 чел.

Анализ таблицы показывает, что 41 чел., в том числе 18 военнослужащим и 23 кандидатам из числа гражданской молодежи было отказано в поступлении по различным причинам. Что составило почти 5 процентов от общего количества поступивших личных дел.

Можно сделать вывод, что приведенные выше цифры относятся не только к конкретному училищу, но и в целом ко всем военно-политическим училищам данного периода. Данные показывают, что наиболее распространенными причинами отказа были несоответствие кандидатов по возрасту, истечение сроков предоставления документов, а так же неучастие в партийных организациях.

Третий этап – это этап проведения медицинского обследования и вступительных испытаний непосредственно в училищах. По прибытию в училища кандидатам необходимо было пройти медицинскую комиссию на определение годности к поступлению по состоянию здоровья. Из анализа архивных документов выявлено, что 11% от общего числа прибывавших военнослужащих были признаны медицинскими комиссиями училищ негодными к обучению по состоянию здоровья. Кроме того, из частей направлялись кандидаты с хроническими, венерическими

Таблица 1

Сведения о количестве кандидатов в курсанты отобранных¹:

а) из числа военнослужащих

№ п/п	Наименование военных округов	Поступило личных дел	Вызвано в училище	Прибыло в училище	В т.ч. члены и кандидаты в чл. КПСС
1.	Уральский ВО	40	40	29	8
2.	Сибирский ВО	12	11	10	-
3.	Забайкальский ВО	18	15	14	3
4.	Дальневосточный ВО	37	34	27	3
5.	Московский ВО	12	10	8	1
6.	Ленинградский ВО	14	13	13	1
7.	Белорусский ВО	17	16	16	5
8.	Прибалтийский ВО	17	16	12	1
9.	Приволжский ВО	8	8	5	2
10.	Киевский ВО	2	2	2	-
11.	Одесский ВО	8	6	5	-
12.	Прикарпатский ВО	15	15	11	1
13.	Северо-Кавказский ВО	9	8	8	1
14.	Закавказский ВО	21	21	19	3
15.	Туркестанский ВО	30	27	26	6
16.	Военно-Морской Флот	8	8	8	1
	Итого:	268	250	213	36

б) из числа гражданской молодежи

№ п/п	Наименование военных округов	Положено отобрать	Поступило личных дел	Вызвано в училище	В т.ч. члены и кандидаты в чл. КПСС
1.	Уральский ВО	200	244	240	2
2.	Сибирский ВО	-	5	5	-
3.	Забайкальский ВО	-	1	1	-
4.	Дальневосточный ВО	-	6	3	1
5.	Московский ВО	50	60	58	-
6.	Ленинградский ВО	-	2	2	-
7.	Белорусский ВО	-	5	4	-
8.	Прибалтийский ВО	-	2	2	-
9.	Приволжский ВО	100	126	119	5
10.	Киевский ВО	-	3	3	-
11.	Прикарпатский ВО	-	5	5	-
12.	Северо-Кавказский ВО	-	8	8	-
13.	Закавказский ВО	50	21	17	1
14.	Туркестанский ВО	50	60	58	-
	Итого:	450	548	525	9

¹ ЦА МО РФ, Ф. Свердловское высшее военно-политическое танково-артиллерийское училище, оп. 973235, д. 2, л. 112-113.

Таблица 2

Причины отказа

№ п/п	Причины отказа	Военнослужащие	Лица гражданской молодежи	Всего
1.	По низким морально-политическим и деловым качествам	2	2	4
2.	По возрасту	6	4	10
3.	Не являются комсомольцами или коммунистами	-	8	8
4.	По состоянию здоровья	2	3	5
5.	Не дооформлены документы	-	4	4
6.	По истечении сроков предоставления документов	8	2	10
	ИТОГО	18	23	41

заболеваниями, а также имелись случаи прибытия военнослужащих с серьезными психическими заболеваниями. Данные факты свидетельствуют о халатном исполнении своих служебных обязанностей либо о крайне низкой компетенции медицинских комиссий в частях. Медицинское обследование кандидатов в курсанты из числа гражданской молодежи серьезных недостатков не выявило.

Можно сделать вывод, что приведенные выше цифры относятся не только к конкретному училищу, но и в целом ко всем военно-политическим училищам данного периода. Данные показывают, что наиболее распространенными причинами отказа были несоответствие кандидатов по возрасту, истечение сроков предоставления документов, а так же неучастие в партийных организациях.

Третий этап – это этап проведения медицинского обследования и вступительных испытаний непосредственно в училищах. По прибытию в училища кандидатам необходимо было пройти медицинскую комиссию на определе-

ние годности к поступлению по состоянию здоровья. Из анализа архивных документов выявлено, что 11% от общего числа прибывавших военнослужащих были признаны медицинскими комиссиями училищ негодными к обучению по состоянию здоровья. Кроме того, из частей направлялись кандидаты с хроническими, венерическими заболеваниями, а также имелись случаи прибытия военнослужащих с серьезными психическими заболеваниями. Данные факты свидетельствуют о халатном исполнении своих служебных обязанностей либо о крайне низкой компетенции медицинских комиссий в частях. Медицинское обследование кандидатов в курсанты из числа гражданской молодежи серьезных недостатков не выявило.

Работа по проведению вступительных испытаний и подготовке к ним была заблаговременно спланирована и согласована с политотделами округов. Для кандидатов из числа военнослужащих были организованы подготовительные сборы, которые проводились с 16 июня по 15 июля ежедневно

по 6 часов плановых занятий и по 3 часа самоподготовки с дополнительными консультациями (Приказ Министра обороны СССР № 038 «О состоянии подготовки офицерских кадров в военно-учебных заведениях и задачах по дальнейшему улучшению учебной и воспитательной работы»).

Помимо проверки знаний большое внимание обращалось на морально-деловые качества кандидатов на поступление. Изучение кандидатов проводилось через постоянное общение и индивидуальные беседы со стороны командования училища, начальников и старших преподавателей кафедр общественных дисциплин по специально составленным вопросам. В ходе этих бесед изучались [5, с. 17]: профессиональная ориентация кандидатов, их склонности и интересы к общественно-политической работе, умение проводить беседы на политические темы, готовить стенную печать, готовить решения комсомольских собраний и т.п. В ходе бесед оценивались знания кандидатами вопросов международного и внутреннего положения страны, деятельности государственных и общественных организаций. Беседы способствовали выявлению у кандидатов в курсанты мотивов поступления в училище. Силами специалистов, имеющих высшее и специальное образование, устанавливались литературные, художественные, музыкальные и артистические способности, волевые и психо-моральные качества кандидатов в курсанты. Должное внимание при изучении кандидатов

уделялось определению у них склонностей и способностей к организаторской деятельности [3, с. 46–49].

Военно-политические училища имели большую популярность в обществе и армии. Например, на военно-политический факультет Ростовского высшего командно-артиллерийского училища им. главного маршала артиллерии М.И. Неделина, в 1967–1968 гг. конкурс составлял среди военнослужащих один к десяти, а среди гражданской молодежи – один к четырнадцати [2, с. 91]. Причинами такой популярности могли являться такие факторы, как особое положение офицеров-политработников в войсках и перспективы карьерного роста по партийной линии после окончания службы.

Таким образом, можно заключить, что в изучаемый период проводилась огромная разнообразная работа по подготовке военных кадров для органов политработы. Уделялось большое внимание совершенствованию системы комплектования вузов, развивались методы профессионально-психологического отбора, что способствовало привлечению в училища лучших и наиболее подготовленных кандидатов. Система по отбору кадров для военно-политических училищ справлялась с поставленными задачами в полном объеме. В результате чего Вооруженные силы получали большое количество офицеров, имевших неплохую профессиональную подготовку, идеологически настроенных на преданность Коммунистической партии и социалистической Родине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Градосельский В.В. Комплектование вооруженных сил // Большая советская энциклопедия. Т. 12 / 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 588.
2. Васютин Ю.С. Забота партии о подготовке трудящихся к защите Родины. М.: ДОСААФ, 1979. 111 с.
3. Желязняк Л.Ф., Кандыбович Л.А., Ростунов А.Т. Проблемы формирования военно-профессиональной пригодности и направленности личности будущих офицеров. Минск: МВИЗРУ ПВО, 1976. 157 с.
4. Серебрянников В. Эффективность преподавания общественных наук (в военно-учебных заведениях) // Коммунист Вооруженных Сил. 1973. № 14. С. 67–72.
5. Коммунист Вооруженных Сил. 1976. № 9. С. 17.

REFERENCES

1. Gradosel'skii V.V. Komplektovanie vooruzhennykh sil [Manning of the armed forces] Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. T. 12 / 3-e izd [The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 12 / 3rd ed]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1973. pp. 588
2. Vasyutin Yu.S. [The concern of the party about preparing workers to defend the homeland]. Moscow, DOSAAF Publ., 1979. 111 p.
3. Zhelyaznyak L.F., Kandybovich L.A., Rostunov A.T. [The problem of forming military-professional competence and direction of the personality of future officers]. Minsk, MVIZRU PVO Publ., 1976. 157 p.
4. Serebryannikov V. [The effectiveness of teaching social sciences (at military schools)]. *Kommunist Vooruzhennykh Sil.*, 1973, no. 14, pp. 67–72.
5. *Communist of the Armed Forces*, 1976, no. 9, pp. 17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыбаков Александр Михайлович – адъюнкт кафедры истории Военного университета Министерства обороны Российской Федерации;
e-mail: Car87@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander M. Rybakov – Associate Professor of the Department of History, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation;
e-mail: Car87@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Рыбаков А.М. Исторический опыт работы по отбору кандидатов на поступление в высшие военно-политические училища в 1967–1970 годах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 169–176. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-169-176

FOR CITATION

A. Rybakov. Historical Experience for the Selection of Candidates for Admission to Higher Military-Political School in 1967–1970S. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*, 2017, no 5, pp. 169–176.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-169-176

УДК 271

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-177-186

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЦЕРКОВЬ С 70-Х ПО 80-Е ГГ. XX В. ФАКТОР РЕЛИГИОЗНОСТИ

Сазонов Д.И. (Прот. Дмитрий Сазонов)

Общecerковная аспирантура свв. Кирилла и Мефодия

156007, г. Кострома, ул. Некрасова, д.66 кв. 1, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен феномен возвращения интеллигенции в Русскую Православную Церковь в 70-е – 80-е гг. XX в., фактор возрастающей религиозности части интеллигенции рассматриваемого периода. Показано, что протест против постулатов социалистического строя (разочарование в официальной партийной доктрине, превратившейся в мертвую догму) породил в среде интеллигенции диссидентское движение, которое в широком смысле было надконфессиональным. Вместе с тем часть диссидентов ясно определила свою конфессиональную идентичность. Протест «православных диссидентов» был направлен не только против политики партийно-государственного аппарата, но и против «молчащей Церкви». На основании изучения фактора религиозности интеллигенции понятно, что, в отличие от ярко выраженного протестного движения, была обозначена и другая позиция его участников, ищущих идеалов. Многие их представители, объединяясь вокруг духовников и церковных братств, выражали желание находиться в Церкви, видели в ней определенную интеллектуальную, миссионерскую среду.

Ключевые слова: интеллигенция, молодежь, духовник, братства, диссидент, священник, образование.

THE INTELLIGENTSIA AND THE CHURCH FROM THE 70S TO THE 80S OF THE TWENTIETH CENTURY. THE FACTOR OF RELIGIOUSNESS

D. Sazonov

The Church post-graduate them. St. Cyril and Methodius

156007, Kostroma, Nekrasov str., 66 1 sq., Russian Federation

Abstract. The article considers the phenomenon of the return of intelligentsia to the Russian Orthodox Church in the 70s – 80s of the twentieth century. The increasing religiousness of some part of intelligentsia of the period under review is described. The reason for protesting against the postulates of the socialist system was the disappointment in the official party doctrine, which had turned into a dead dogma. It is shown that the protest against the tenets of the socialist system gave rise to the intelligentsia's dissident movement, some of which had defined their religious identity, however, in a broad sense, were non-denominational. The "Orthodox dissidents" protest was directed not only against the policies of the party-state apparatus, but also against the "silent Church." Based on the study of the factor of intelligentsia's religiousness, in contrast to the pronounced protest movement presented the other position seeking ideals of

the intelligentsia, mostly gathered around the clergy and Church brotherhoods, expressed in the desire to be in a Church, created in her a certain intellectual, missionary environment.

Key words: intelligentsia, youth, the Confessor of the brotherhood, dissident, priest, education.

Несмотря на устоявшиеся в советской историографии стереотипы о преобладании в «брежневский период» СССР безрелигиозного или «равнодушного к религии» общества, а также утверждения, согласно которым малое количество религиозного населения Советского Союза, состоящее в основном из людей пожилого возраста, вело лишь обрядовую жизнь (посещение богослужений, соблюдение лишь обрядовой стороны религиозного культа), религиозная жизнь на территории СССР, в частности Центральной России, была многообразной. Это многообразие религиозной жизни было представлено посещением духовников, часто находящихся в отдаленных приходах, объединением людей в братства, сестричества, сохранением малых монашескующих общин, которые состояли, в основном, при монашескующих священниках (бывших насельников тайных монастырей). Желаясь соприкоснуться с монашеским подвигом, духовным наставничеством, посещали общины архимандрита Тавриона (Ботозского), архимандрита Павла (Груздева), архимандрита Михея (Хархарова), ищущая понимания и интеллектуального постижения Евангелия молодежь, духовный, миссионерский авторитет которых объединил людей (в основном интеллигенцию), посещала священников: протоиерея В. Шпиллера, прот. А. Меня, прот. Д. Дудко [10, с. 33–34].

Община протоиерея А. Меня была объединена, и вместе с тем, ввиду не-обходимой конспирологии, состояла

из евангелистических малых групп, которые объединяли ищущих духовность интеллектуалов. В «меневской» общине наличествовали все черты внесистемной вольной академии. Верующая интеллигенция среднего и старшего возраста объединялись вокруг духовности московского протоиерея В. Шпиллера, миссионерского проекта протоиерея Дмитрия Дудко. Московскую и ленинградскую интеллигенцию объединяла память о братствах 20–30-х гг. о подпольных общинах, которые существовали вплоть до начала 60-х гг. XX в. как на территории Поволжья, так и на Кавказе, в Грузии [3, с. 246–247]. В начале 90-х эти подпольные общины получили легальное существование и оформление в виде Союза православных братств, а в 60-е годы воспоминания о братствах и сестричествах объединяли прихожан. Такой была пустынька под Ригой архим. Тавриона (Ботозского), братства архим. Серафима Батюкова, свящ. Бориса Васильева, свящ. Николая Голубцова, свящ. С. Мечева, свящ. А. Жураковского и др. Дети тех, кто когда-то входил в приходские братства 1920-х – 1930-х гг., стали священниками, стремились воплотить идеалы общины-прихода в жизнь. Из таких общинных форм, как философско-религиозные семинары и кружки, где читались лекции по богословию и религиозной философии, из подпольных академий, объединявших интеллигенцию, и возникнет потом Свято-Тихоновский Православный университет, профессорско-преподавательскую корпорацию которого и

составит интеллигенция из подпольных братств.

К 70-м гг. XX в. в Советском Союзе сложилась интересная религиозная ситуация. Интеллигентская среда была неоднородна. В 50-е гг. с укрупнением колхозов и освоением Целины была подорвана социальная база религиозной крестьянской общины. «Шестидесятники», ставшие знаменем творческого подъема молодежи, выступали за социально ориентированное государство, за высокодуховный социализм с «человеческим лицом», были романтиками, но не были людьми религиозными. Совершенно неожиданным для советского общества стал религиозный подъем конца 60-х – начала 70-х гг., когда среди городского населения религиозность колебалась в районе 30%, что подтверждала статистика конца 70-х гг., а среди сельского населения – в районе 15–20% [8, с. 8]. Советский религиовед П.К. Курочкин в 1970 г. отмечал, что в Церковь наметился приток молодежи из среды интеллигенции, желающей стать священниками, и что, несомненно, приток молодых кадров «окажет большое влияние как на саму Церковь, так и на ее положение и влияние в обществе» [7, с. 108–111]. Надо сказать, что именно в 70–80-е гг. увеличилось количество поступающих в духовные школы молодых людей, многие из которых имели высшее или среднее специальное образование. Однако многие из них не были приняты в духовные школы, в связи с жесткой установкой властей – не принимать абитуриентов с высшим образованием. В 60–70-е гг. под особый контроль государственных органов был взят процесс поступления в духовные учебные заведения. Аби-

туриентам с высшим образованием, как уже было выше сказано, под различными предложениями администрацией Духовных учебных заведений было отказано в поступлении, а те, кто даже по недосмотру властей все же смог поступить, отчислялись под различными предложениями. Так абитуриенту А. Баранову было отказано в поступлении в Московскую духовную семинарию в связи с тем, что ему, как специалисту, «необходимо быть там, где решается вопрос о подъеме сельского хозяйства» [5, с. 23]. Наряду со строгим контролем по отношению к поступлению в духовные заведения и невозможностью получить рукоположение во священники после окончания Семинарии, в 70-е гг. возникло явление, когда желающие рукоположения лица с высшим образованием рукополагались у провинциальных архиереев; некоторые из них, ввиду невозможности оставить гражданскую службу, как, например, профессор Г. Каледа, рукоположенный в 1972 г. в Ярославле митрополитом Иоанном (Венландом), были тайно ими посвящены в священнический сан. Другие находили понимание и сочувствие у епархиальных архиереев в околостолличных епархиях и, получив рукоположение, были отправлены на сельские приходы, чтобы не раздражать областных уполномоченных. В Ярославской епархии проходил свое служение протоиерей Михаил Ардов, в Костромской епархии – священник Г. Эдельштейн, рукоположенный в Курске архиепископом Хризостомом (Мартишкиным) в 1979 г. Один начал свое служение в с. Горинском Даниловского района Ярославской области, другой – настоятелем в с. Коровино Белгородской области.

Однако, как уже говорилось, некоторым интеллигентам все же удавалось пройти вступительные экзамены и быть зачисленными в Духовные учебные заведения. В 1978 г. в Московскую духовную семинарию поступил В. Воробьев, будущий протоиерей, окончивший аспирантуру МГУ, в середине 80-х гг. в Московскую духовную семинарию поступили выпускники светских высших учебных заведений – будущие священники: В. Цыпин, А. Салтыков и многие другие. Как пишет Б.А. Филиппов, именно в послехрущевское время с приходом в Церковь интеллигенции, формируется интеллектуальная среда, из которой в нее придут окончившие советские вузы верующие и священники 90-х [12, с. 479]. Показателен рост числа духовенства с высшим светским образованием в провинции: если в Костромской епархии в 60-е гг. не было ни одного священнослужителя со светским высшим образованием, то в 1979 г. был уже 1 (даже с вузовской аспирантурой), в 1988 г. – 3¹. О количестве интеллигенции, пришедшей в Церковь, могут косвенно свидетельствовать факты крещения детей. Из 100% крещеных и официально зарегистрированных в 1975 г. в Костромской области детей, 20% приходилось на долю тех, родители которых были служащими и представителями интеллигенции [10, с. 35], другие приходились на долю родителей-рабочих и колхозников. Причем мы должны учитывать, что большая доля людей скрывала факты крещения, различными путями обходя официальную регистрацию, а многие

из крещеных интеллигентов пришли к вере в совершеннолетнем возрасте [15, с. 412].

Нельзя не упомянуть, что с середины 60-х гг. представители научной интеллигенции, такие, как академик Д.С. Лихачев, Л.А. Арцимович, С.П. Королев, М.В. Келдыш, имели духовников и приезжали к ним в провинцию. В 70–80-е гг. такое явление можно было считать довольно значимым [14, с. 390]. Протоиерей Борис Старк, духовник многих представителей творческой интеллигенции, в своих воспоминаниях оставил свидетельство веры офицера, пожелавшего креститься несмотря ни на какие последствия для карьеры [11, с. 782]. Следует рассматривать такой шаг, сознательно сделанный человеком, как поступок, как нечто неординарное. Страх потерять карьеру, работу, место учебы многих останавливал на пути желания быть в Церкви. Неотъемлемой чертой тех лет были отчисления особо религиозных студентов из светских учебных заведений [9, с. 49].

В середине 60-х – начале 70-х гг., в среде образованной молодежи, воспитанной в нерелигиозных, а подчас и атеистических семьях, возникло движение возвращения в Церковь. Движение новообращенцев-неофитов из интеллигенции, пришедших в Церковь на протестной волне, было немногочисленным, но активным. Оно проявилось в создании кружков и семинаров религиозно-философского, евангельского толка, в распространении самиздата, открытых писем, направленных как в государственные, так и в церковные инстанции, проявлении религиозного диссидентства, где иногда главным было диссидентство, сопровождавшее-

¹ Архив Костромского Епархиального управления. Отчет Костромской епархии за 1988 г. С. 4–5 [машинописный текст].

еся религиозной тематикой. Такое движение, названное «православное дисидентство», было новым явлением в истории нашей страны [1, с. 196]. Оно не было многочисленным и повсеместным, охватывало лишь представителей столичной интеллигенции и интеллигенции крупных городов. Как писал Б.А. Филиппов, «партийную либеральную интеллигенцию в нашей стране могли возмущать методы хрущевской борьбы с религией и Церковью, но ни религия, ни Церковь, никакие другие религиозные организации симпатии у них не вызывали» [12, с. 478]. Советской интеллигенции, ориентированной на достижения социалистического строительства, экономический подъем и пропагандистские успехи, религия представлялась как анахронизм, «пережиток прошлого». В избранном формате она ничем не отличалась от либеральной интеллигенции западноевропейских стран [12, с. 478]. Исследуя вопрос протестного движения в СССР, Л. Алексеева обозначила процесс обращения интеллигенции к своим духовным корням не столько возрождением церковности и духовности, сколько следствием распада и разложения официальной идеологии «госатеизма». Она отмечала, что обращение ищущей интеллигенции к национальному и религиозному аспектам, которые выражали живую веру человека в религиозные истоки мира, в отличие от выдохшейся романтики социализма, произошло на фоне деградации официальной идеологии. Появились писатели-«деревенщики» В. Распутин, В. Солоухин и др., проводниками «возвращения к духовно-национальным корням», основой которых является Православие, стали многие священни-

ки из новообращенных интеллигентов. Появились христианские комитеты: Христианский комитет защиты прав верующих в СССР, Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа, Хельсинкская группа, Христианские семинары и религиозно-философские кружки А. Огородникова и В. Пореша, Т. Щипковой и т.д. Деятельность семинаров и кружков религиозно-философской направленности не ограничивалась собраниями и чтениями. Именно они подняли тему борьбы государства против религии и, широко осветив ее, выступили с протестом против происходившего беззакония. С середины 70-х гг. в определенных кругах широко был представлен самиздат: журналы «Вече», «Надежда», «Вольное слово», «Русское возрождение», «Община», «В свете преображения». Содержание их раскрывает всю палитру духовных поисков интеллигенции: в них мы найдем статьи, раскрывающие опыт святых отцов, истории обращений к вере и хроники беззакония по отношению к Церкви, письма духовников (см., напр. [4]). В Церкви появилась небольшая группа священников и мирян из интеллигенции, которые в письмах, обращенных к Патриарху и мировой общественности, протестовали против проводимой властями антирелигиозной политики. Назовем некоторых из них: священники Глеб Якунин, Николай Эшлиман, Дмитрий Дудко, Василий Романюк, иеродиакон Варсонофий Хайбулин, миряне Александр Солженицын, Игорь Шафаревич, Владимир Борисов, Борис Таланов, Игорь Шафаревич, Лев Регельсон, Зоя Крахмальникова, Виктор Капитанчук и др. Они не желали замалчивать положение «угнетенной

Церкви» и на различных трибунах и международных форумах высказывали свое отношение к происходящему [16, с. 149]. Однако, как было уже сказано, не следует переоценивать это движение и результаты его деятельности, которые не получили поддержки ни в церковной среде, ни в обществе в целом. В церковной среде указанные выше люди были выскочками, пришедшими в Церковь через гражданское правозащитное движение, протестное движение. Они были полны энтузиазма по поводу обретенной веры, полны либеральных идей, особенно те из них, кто происходил из еврейской интеллигенции: А. Левитин-Краснов, Ф. Карелин и др. Многие были недовольны выдержанной позицией руководства Патриархии по отношению к государственным органам, наряду с продолжающимися фактами притеснения религии, критиковали священноначалие за нерешительность, нежелание протестовать по поводу нарушения прав верующих, нежелание борьбы против «угнетения государством Церкви». Как говорили в то время, они пришли «не учиться у Церкви, а учить», они поверили в свою харизматичность и видели в христианстве главным образом альтернативу существующему строю. Многие из них были осуждены как гражданским правосудием, так и церковной властью. Были осуждены на различные сроки заключения священники Г. Якунин, миряне Б. Таланов, В. Капитанчук. Священники Н. Гайнов, Н. Эшлиман и Г. Якунин были лишены приходов. В общине о. Всеволода Шпиллера произошел конфликт со старостой, а после его письма А.И. Солженицыну, в котором он критиковал позицию писателя по отношению

к руководству Русской Православной Церкви, наметился отток интеллигенции от него. Многих разочаровало публичное покаяние Дмитрия Дудко, В. Капитанчука и Л. Регельсона. Как писала Л. Алексеева про священника Г. Якунина: «среди священников он остался одиноким в своем начинании, ему никто не последовал» [1, с. 194].

Однако даже лишившись возможности нести свои идеи, по выражению Е. Барабанова, «старушечьей Церкви» [2, с. 196], эти люди продолжали свою протестную деятельность уже в качестве гражданских лиц. Конфессиональная принадлежность адептов движения их не смущала. В 1971 г. А. Краснов-Левитин в своем последнем слове на суде сказал, что задача христианина заключается не только в том, чтобы посещать церковь, но в том, чтобы воплощать идеалы Христа – защищать угнетенных независимо от их религиозной принадлежности [13]. Общее мнение правозащитной христианской интеллигенции хорошо выражено словами того же Е. Барабанова, который говорил, что христианская активность должна вести к воплощению христианских идеалов в жизнь, «а через нее, к преображению мира» [2, с. 192, 197].

К сожалению, правозащитникам и диссидентам пришлось столкнуться с позицией, которую они называли «комфортабельным христианством». Воцерковляющаяся интеллигенция не была однородна, многие представители обращенной в христианство интеллигенции находили отдушину протеста политике «государственного атеизма» в богослужебной жизни, в следовании евангельским идеалам, в желании обрести внутреннюю свобо-

ду, посредством личного спасения и следования постулатам Церкви, но не в провозглашенной правозащитниками «христианской ответственности за мир» [1, с. 202]. Л. Алексеева в своей монографии «История инакомыслия в СССР» отмечает, что в подавляющей массе православные прихожане и православная интеллигенция не принимали участия в гражданском сопротивлении государственной политике ущемления религиозных свобод, в частности, свободы совести, более того, они осуждали такое сопротивление как «нехристианское». Она пишет, что письма христианских правозащитников, в частности священников Г. Якунина и Н. Эшлимана, вызывали в церковных кругах отрицательную реакцию: их упрекали в том, что они вместо молитвенного упования руководствовались в своих действиях «гордыней», что деятельность христианских правозащитников «ограничивалась несколькими письмами в самиздате (в основном анонимными) и пересудами в церковной и околоцерковной среде» [1, с. 202].

Существует неоднозначная оценка результатов писем в защиту гонимой Церкви, направленных правозащитниками в различные инстанции: от Патриарха, епископата Русской Православной Церкви, председателя Президиума Верховного Совета СССР до председателя Всемирного Совета Церквей Филиппа Поттера. Священник Георгий Эдельштейн в своей книге «Право на правду» приводит слова протоиерея Александра Меня, высказывающего пессимистическое суждение о результатах подобных обращений. Мень говорил, что главной насущной задачей христианина является пропо-

ведь Евангелия и богослужение [15, с. 494]. Правозащитное движение в православной интеллигентной среде не было поддержано верующим народом. Оно не было поддержано иерархией, и в 80-е гг. в православной среде сложилось скорее скептическое отношение к проявлению такого вида протеста [1, с. 202]. Созвучную позицию, выраженную о. Александром, обозначил и член Священного Синода, ныне почётный Патриарший Экзарх всея Беларуси, митрополит Филарет (Вахромеев), который, оценивая деятельность протестующих священников, говорил, что «их письма принесли много вреда Русской Православной Церкви, почти достигшей в лице общения священноначалия с государственными и партийными чиновниками компромисса в области смягчения как религиозного законодательства, так статуса священника на приходе» [15, с. 444].

Однако автор «Права на правду» свящ. Г. Эдельштейн утверждает, что эффект от выступлений против нарушения религиозных свобод все-таки был, и он видится в публичном высказывании правды [15, с. 448]. Идентичное мнение косвенно может подтвердить высказывание консультанта в Отделе пропаганды ЦК КПСС Э.И. Лисавцева, который неоднократно указывал, что на корректировку правительственного курса в отношении Церкви повлияло оказываемое населением пассивное и активное сопротивление [6, с. 316]. Подтверждает данную мысль то обстоятельство, что в январе 1964 г. за подписью полковника Ф.Д. Бобкова соответствующим отделом КГБ (4 отдел 5 управления КГБ – прим. авт. Д. С.) была подготовлена записка «Об отрицательных послед-

ствиях антирелигиозной компании». 10 ноября 1964 г., всего месяц спустя после смещения Н. Хрущева, было принято постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», в котором осуждались действия властей, в частности, на местах, часто сопровождавшиеся оскорблением чувств верующих. Поспешность, с которой новые лидеры страны стали исправлять ошибки, допущенные Хрущевым в отношении религии, также свидетельствовали об остроте проблемы и масштабе недовольства людей антирелигиозной политикой государства. После принятия в январе 1965 г. постановления «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих», значительная часть незаконно осужденных верующих была реабилитирована, возвращена из ссылок и поселений, было отменено много ранее принятых судебных решений [12, с. 480].

Таким образом, в середине 1960-х гг. часть ищущей советской интеллигенции, ввиду бесперспективности и деградации официальной идеологии, в качестве протеста системе нашла выход в религиозном, в ряде случаев религиозно-националистическом, а чаще всего – в православном мировоззрении. Процесс прихода в Церковь новообращенной интеллигенции был неоднозначен, как в количественном аспекте, так и в позиционировании себя как «спасителей Церкви от притеснения богоборческой власти». Многие религиозные диссиденты так и не нашли себя в официальной Церкви, предпочтя ей формат диссидентства. Другие не только стали «своими» в Церкви, но и придали ей облик интеллектуальной среды. Однозначно можно сказать, что пришедшая в 70–80-е гг. интеллигенция своим мессианским вдохновением возглавила процесс церковного возрождения 90-х гг. XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: новейший период. Вильнюс; Москва: Весть, 1992. 352 с.
2. Барабанов Е.В. Раскол церкви и мира // Из-под глыб. Сборник статей. Paris: YMCA-Press, 1974. С. 140–157.
3. Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви. «Арефа», 2008. 352 с.
4. Вольное слово (Самиздат. Избранное). Выпуск 44: «Надежда», отрывки из №№ 2, 3, 4, 5, 6. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. 95 с.
5. Гордун С., свящ. Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 год (краткий исторический очерк) // Журнал Московской Патриархии. 1992. № 1. С. 11–24.
6. Лисавцев Э.И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР / Изд. 2-е, доп. М.: Мысль, 1975. 316 с.
7. Курочкин П.К. Эволюция современного русского православия. М.: Мысль, 1971. 273 с.
8. Морозов М. А., Лисавцев Э. И. Актуальные задачи атеистического воспитания. М.: Знание, 1970. 146 с.
9. Сазонов Д.И. Брежневские гонения на Церковь (по материалам Центральной России) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. № 6. С. 46–50.

10. Сазонов Д.И. Сопrotивление духовенства реформе приходского управления 1961 года (по материалам Ярославской и Костромской областей) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. № 4. С. 32–37.
11. Старк Б., прот. Вся моя жизнь – чудо. Воспоминания и проповеди. М.: ПСТГУ, 2009. 800 с.
12. Филиппов Б.А. Очерки по истории России. XX век: учебное пособие. М.: ПСТГУ. 2009. 720 с.
13. Хроника текущих событий. Выпуски хроники: 20 (2 июля 1971 г.) // Мемориал [сайт]. URL: <http://old.memo.ru/history/diss/chr/index.htm> (дата обращения: 05.12.2017).
14. Черных Н.А. Последний из Мологи. Жизнеописание архимандрита Павла (Груздева). Ярославль: Китеж, 2013. 592 с.
15. Эдельштейн Г., свящ. Право на правду. М.: [б/и], 2016. 504 с.
16. Якунин Г. О современном положении РПЦ и перспективах религиозного возрождения России // «СССР: Внутренние противоречия» / Под ред. В. Чалидзе. Вып. 3. Нью-Йорк: Chalidze Publications, 1982. С. 149–197.

REFERENCES

1. Alekseeva L.M. [The history of dissent in the USSR: the newest period]. Vilnius, Moscow, Vest' Publ., 1992. 352 p.
2. Barabanov E.V. Raskol tserkvi i mira [The split of the Church and the world]. Iz pod glyb. Sbornik statei [From under the rocks. A collection of articles]. Paris, YMCA-Press Publ., 1974, pp. 140–157.
3. Beglov A.L. [In search of "sinless catacombs". The Church underground in the USSR]. Moscow, Publishing Council of the Russian Orthodox Church. Moscow, Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 2008. 352 p.
4. [Free word (Samizdat. Favorites). Iss. 44: "Hope," extracts from No. 2, 3, 4, 5, 6]. Frankfurt on Main, Posev Publ., 1981. 95 p.
5. Gordun S., svyashchennik. [The Russian Orthodox Church in the period from 1943 to 1970 (brief historical sketch)]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* [The Journal of the Moscow Patriarchate], 1992, no. 1, pp. 11–24.
6. Lisavtsev E.I. [A critique of the bourgeois falsification of the position of religion in the USSR. Ed. 2nd, augm.]. Moscow, Mysl' Publ., 1975. 316 p.
7. Kurochkin P.K. [The evolution of the modern Russian Orthodoxy]. Moscow, Mysl' Publ., 1971. 273 p.
8. Morozov M.A., Lisavzav A.L. [Actual problems of atheist education]. Moscow, Znanie Publ., 1970. 146 p.
9. Sazonov D.I. [Brezhnev's persecution of the Church (Central Russia)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasov* [Bulletin of Kostroma State University, named after N.A. Nekrasov], 2015, no. 6, pp. 46–50.
10. Sazonov D.I. [The resistance of the clergy to the reform of parochial management of 1961 (according to the materials of Yaroslavl and Kostroma regions)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. [Bulletin of Kostroma State University, named after N.A. Nekrasov], 2015, no. 4, pp. 32–37.
11. Stark B., protoierei. ["My whole life is a miracle." Memoirs and sermons]. Moscow, PSTGU Publ., 2009. 800 p.
12. Filippov B.A. [Essays on the history of Russia. The twentieth century]. Moscow, PSTGU Publ., 2009. 720 p.
13. Khronika tekushchikh sobytii. Vypuski khroniki: 20 (2 iyulya 1971 g.) [*Chronicle of current*

- events*. News releases: 20 (2 July 1971)]. Memorial [website]. Available at: <http://old.memo.ru/history/diss/chr/index.htm> (accessed 05.12.2017).
14. Chernykh N.A. [The last of the Mologa. Biography of Archimandrite Paul (Gruzdeva)]. Yaroslavl, Kitez Publ., 2013. 592 p.
15. Edel'shtein G., svyashchennik. [The right to the truth]. Moscow, 2016. 504 p.
16. Yakunin G. O sovremennom polozhenii RPTS i perspektivakh religioznogo vozrozhdeniya Rossii [On the current situation of the Russian Orthodox Church and the prospects for religious revival Russia] SSSR: Vnutrennie protivorechiya [USSR: Internal contradictions]. V. Chalidze ed. Issue 3. New York, Chalidze Publications, 1982, pp. 149–197.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сазонов Дмитрий Иванович – кандидат богословия, протоиерей, Костромская епархия;
e-mail: sazonow63.12@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry I. Sazonov – candidate of theology, Archpriest, Kostroma diocese;
e-mail: sazonow63.12@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сазонов Д.И. Интеллигенция и церковь с 70-е по 80-е годы XX века. Фактор религиозности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 177–186.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-177-186

FOR CITATION

D. Sazonov. The Intelligentsia and the Church From the 70s to the 80s of the Twentieth Century. The Factor of Religiousness. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 177–186.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-176-186

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323(478); 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-187-197

ПРИДНЕСТРОВЬЕ В ТИСКАХ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА (К 25-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПРИДНЕСТРОВСКОГО КОНФЛИКТА)

Чернявский С.И.

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
119454, Москва, проспект Вернадского, 76, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются позиции Республики Молдова и Приднестровской Молдавской Республики относительно урегулирования «Приднестровского конфликта», возникшего в 1992 г. в связи с намерением властей Кишинева запретить использование русского языка в стране и объединиться с Румынией. Раскол Молдавии на два государства привел к созданию латентного военно-политического кризиса в регионе. Конфликт по-прежнему не урегулирован. Международные переговоры в формате «5+2» по приднестровской тематике практически прекратились. Война на юго-востоке Украины усилила блокаду Приднестровья, осложнила социально-экономическое положение населения. Руководство Молдовы настаивает на силовом варианте реинтеграции, с чем не согласно население Приднестровья.

Ключевые слова: Молдова, Приднестровье, реинтеграция Молдовы.

TRANSNISTRIA IN THE GRIP OF THE UKRAINIAN CRISIS (FOR THE 25TH ANNIVERSARY OF THE TRANSNISTRIAN CONFLICT)

S. Chernyavskiy

*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO university)
76 Vernasky prospect, Mosow 119454, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the positions of the Republic of Moldova and the Moldovan Republic of Transnistria regarding the settlement of the "Transnistrian conflict" of 1992. It arose as a result of the Chisinau authorities' intention to prohibit the use of the Russian language in the country and to unite with Romania. The split of Moldova into two states resulted in the creation of the latent military and political crisis in the region. The conflict is still unresolved. The international negotiations on the Transnistrian issue in the "5 + 2" format practically ceased. The war

in the south-east of Ukraine strengthened the blockade of Transnistria, complicated the socio-economic situation of the population. The leadership of Moldova insists on a forceful version of reintegration, with which the population of Transnistria disagrees.

Key words: Moldova, Transnistria, reintegration of Moldova.

В июне текущего года исполнилось 25 лет трагедии в Бендерах – молдавском городе, население которого отвергло планы кишиневских националистов запретить им работать и говорить на русском языке, обучать русскому языку своих детей. Попытки мирным путем достичь компромисса по вопросу о «праве на родной язык» закончились безрезультатно. Молдавия раскололась надвое, началось вооруженное противостояние. 2 марта 1992 г. армия, оснащённая бронетехникой и артиллерией, поддержанная румынскими добровольцами, развернула полномасштабную войсковую операцию против Приднестровья. 19 июня 1992 г. в результате массированного артиллерийского обстрела города Бендеры погибло почти 700 мирных жителей, более 1300 человек получили ранения, 100 тыс. стали беженцами. Город спасли от уничтожения вошедшие в него части 14-й российской армии. 21 июля 1992 г. в Москве президенты России и Республики Молдова в присутствии президента Приднестровской Молдавской Республики подписали «Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова».

Сформированная в соответствии с этим документом миротворческая миссия в составе российского, приднестровского и молдавского контингентов к настоящему времени свою основную задачу выполнила – установила мир в регионе. Но конфликт оста-

ется неурегулированным и сегодня. Обе части некогда единого государства – Республика Молдова (РМ) и Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) – живут раздельно, выбрав собственные пути развития.

Непрекращающаяся война на юго-востоке Украины и активная русофобия киевских властей привели к резкому обострению ситуации вокруг Приднестровья. Республика практически блокирована, и все общение с внешним миром идет через Кишиневский аэропорт. Воздушное пространство Украины, как известно, для российской авиации закрыто. На существующих сухопутных таможенных пунктах – пяти международных КПП и восьми пунктах пропуска межгосударственного значения – до конца текущего года будет введен совместный молдово-украинский контроль. Выезд и въезд с российскими или приднестровскими паспортами будет фактически перекрыт.

На встрече с премьер-министром Молдовы П. Филиппом 13 февраля 2017 г. в Киеве президент Украины П. Порошенко призвал Кишинев усилить нажим на Приднестровье. Он заявил, что «только решительные действия позволят восстановить территориальную целостность Молдавии» и обещал, что Украина предпримет любые действия в поддержку территориальной целостности, независимости и суверенитета Молдовы [5].

К началу 2017 г. Украина сосредоточила на границе с Приднестровьем две

армейские бригады, подразделения национальной гвардии и погранвойск. Всего около 8–10 тыс. солдат и порядка 200–250 единиц бронетехники, включая танки и реактивные системы залпового огня [4]. При этом агрессивные планы в отношении ПМР особо не скрываются, а угрозы в адрес России и официального Тирасполя звучат неоднократно. Усиление блокады на границе с ПМР ведется в рамках стратегии НАТО, направленной на выдавливание ОГРВ¹ мирным или военным путем из Приднестровья, ликвидацию ПМР и вовлечение Молдовы в евроатлантические структуры.

Представители официального Киева поддерживают риторику радикальных прозападных кругов в Молдове, предлагая признать Приднестровье «страной-агрессором». Сохраняя значительное военное присутствие на границе с ПМР, Украина намеренно создает экономические, логистические и иные проблемы в расчете на то, что маятник молдавской внутренней политики вновь качнется и позволит ликвидировать «российский анклав». Хотя амбициозные военно-политические планы в отношении ПМР пока остались нереализованными, никто от них не отказался, и лишь боязнь российского военного ответа и нестабильная политическая ситуация в самой Молдове мешают Киеву проводить более агрессивную политику в отношении ПМР.

Реинтеграция по-молдавски

Длительная нестабильность внутриполитической ситуации в Молдо-

¹ ОГРВ – Оперативная группа российских войск дислоцирована в Тирасполе с 1995 г., численность 6,5 тыс. военнослужащих.

ве, вызванная обострением борьбы между прозападными партиями, невероятной коррупцией, насаждением идеи «воссоединения» с Румынией на некоторое время отодвинули вопрос о судьбе Приднестровья на второй план. Захватившие власть «панъевропейские» силы погрузили Молдову в многолетний политический кризис. Постоянные митинги в столице, смены премьер-министров, украденный кредитный миллиард, интриги олигарха Влада Плахотнюка – всё это сделало политическую ситуацию столь неустойчивой, что втянуть официальный Кишинев в открытую эскалацию с ПМР не удалось. Усталость значительной части молдавского общества от провальной экономической и социальной политики местных евроинтеграторов способствовала избранию 23 декабря 2016 г. президентом страны социалиста Игоря Додона.

Одним из предвыборных лозунгов И. Додона стал призыв к воссоединению страны. По словам молдавского лидера, основная задача его президентства – сделать все возможное, чтобы приблизиться к политическому урегулированию молдавско-приднестровского вопроса. «Считаю, что реальный срок начала воссоединения страны – 2019–2020 гг.», – публично заявил И. Додон в июне 2017 г. Он выступает за создание федеративного молдавского государства с единой границей, общей финансовой, банковской и судебной системой, предлагая оставить Приднестровью флаг, гимн и парламент.

На встрече со спикером Госдумы РФ В. Володиным в Москве 10 мая молдавский президент обнародовал ключевые принципы своего внешнеполитическо-

го курса. Среди них Додон первым назвал молдавскую государственность, разъяснив, что имеет в виду сохранение единой Молдовы и отказ от объединения ее с какими-либо странами. Вторым – нейтралитет и неприемлемость НАТО. Третьим принципиальным моментом глава республики назвал православную веру, и, наконец, четвертым «стратегическое партнерство с нашими друзьями из России».

По его мнению, сохранение приднестровского конфликта выгодно Западу, который «хотел бы поставить границу на Днестре, чтобы это была и граница НАТО». «Также это выгодно Румынии, поскольку реинтеграция Республики Молдова (РМ) поставит крест на всех надеждах об «унире» (объединении. – Прим. авт.). Я думаю, что есть силы, которые вообще хотели бы спровоцировать какой-нибудь вооруженный конфликт на Днестре. Мы не должны этого допустить», – подчеркнул молдавский президент. По его словам, нужно объединить страну, «найти внутренний консенсус и консенсус с основными внешними партнерами».

Додон полагает, что для решения проблемы Приднестровья достаточно договориться по нескольким узловым проблемам, а именно: нужна общая граница, единая судебная система, банковская система, демилитаризация. Все другие полномочия и прерогативы, которыми сейчас располагает Приднестровье, должны сохраниться. Президент утверждает, что, несмотря на имеющиеся у него серьезные разногласия с правящей коалицией Молдавии по многим вопросам, по проблеме Приднестровья якобы существует межпартийная договоренность, позволяющая ему ее решить.

На практике, однако, позиция президента не разделяется правящей в Кишиневе проевропейской коалицией (демократическая, либеральная и либерально-демократическая партии), выступающей за силовую реинтеграцию Приднестровья по собственным лекалам.

По словам вице-премьера Молдовы по реинтеграции Георге Бэлана, правительство завершает доработку официальной концепции урегулирования Приднестровского конфликта. Судя по высказываниям молдавских экспертов, концепция будет базироваться на силовом подходе.

Из озвученных на июнь текущего года в экспертном сообществе предложений особый интерес представляет разработанный Институтом эффективной политики под руководством Виталия Андриевского проект «Реинтеграция Молдовы: поощрение и принуждение. План возвращения левобережных районов Молдовы» [3].

Основой проекта является утверждение о том, что Приднестровье – «мятежный пророссийский анклав», а «захватившая власть криминальная группировка представляет опасность не только для населения региона и Молдовы в целом, но и для других стран мира как источник криминала и коррупции».

Авторы проекта исходят из того, что стратегической целью Молдовы является полное и безоговорочное возвращение левобережных районов. В рамках нынешнего формата переговоров эта задача, по их мнению, невыполнима, так как администрация ПМР занимает деструктивную позицию, отказываясь в принципе обсуждать возврат региона в Молдову. Поэтому

первоочередным этапом является вывод Приднестровья за рамки переговорного процесса.

В этих целях эксперты советуют молдавским властям предложить участникам переговоров в формате «5+2»¹ подписать Меморандум о принципах урегулирования конфликта, включающий следующие положения:

1. Руководство ПМР торпедирует любые конструктивные переговоры, стремясь к сохранению сложившегося статус-кво, который полностью ее устраивает. В связи с такой позицией представителей ПМР Молдова не видит смысла в дальнейших встречах с ними, хотя и готова вести переговоры с другими участниками формата «5+2».

2. Основой приднестровского режима являются криминалитет и подавление прав человека, что представляет опасность для мирового сообщества как источник криминала и коррупции. Поэтому нынешний статус ПМР как стороны переговоров должен быть заменен на статус «криминальной структуры». На этом основании представители ПМР выводятся из формата переговоров, а любые соглашения, ранее с ней заключенные, изымаются из официальных документов.

3. Единственно возможным вариантом урегулирования является возврат Приднестровья в состав Молдовы в границах Советской Молдавии и, соответственно, изъятие из повестки переговоров каких-либо иных вариантов.

4. Участие в госструктурах ПМР является преступлением. Необходим

их полный демонтаж с одновременным предоставлением возможности продолжения работы в госструктурах Молдовы тем, кто проявит лояльность и готовность к сотрудничеству.

5. После реинтеграции на территории бывшего Приднестровья будет проведен референдум о его преобразовании в несколько административно-территориальных единиц совместно с прилегающими правобережными территориями.

В проекте «реинтеграция через поощрение и принуждение» подчеркивается необходимость детальной проработки всех внутривнутриполитических, внешнеполитических и военных рисков воссоединения. В частности, возможных вариантов внутривнутриполитического противостояния, вплоть до импичмента президенту, если будет доказано, что он «работает на противника». Не исключается введение военного положения.

Предлагается разработать «дорожную карту» и календарный план поэтапных мероприятий по реинтеграции Приднестровья в состав Молдовы, рассчитанный на 2-3 года, в котором будут четко расписаны очередность мероприятий и сроки их реализации, с определением ответственных лиц. В качестве юридического механизма реализации «дорожной карты реинтеграции» необходимо принять пакет законов и поправок к уже действующим законам, в которых зафиксировать базовые параметры реинтеграции и уточнить полномочия задействованных в этом процессе ведомств.

В качестве приложения к указанному Меморандуму эксперты предлагают подписать соглашение с Россией о сроках вывода российского контингента с

¹ В переговорах по приднестровскому урегулированию в формате «5+2» участвуют Молдавия и Приднестровье – как стороны конфликта; Россия, Украина, ОБСЕ – как посредники; Евросоюз и США – как наблюдатели.

территории Приднестровского района РМ. Потребовать передачи складов на территории Молдовы, временно контролируемой ПМР, под охрану молдавской армии и немедленного вывода с территории, де-факто контролируемой властями ПМР, российского военного контингента.

В проекте концепции предусмотрены и меры принуждения профилактического характера как к отдельным гражданам, так и структурам Приднестровья, не выполняющим законы Молдовы и замеченным в пропаганде сепаратизма. Предлагается, в частности, депортировать граждан других стран, «поддерживающих сепаратистский режим», и закрыть для них минимум на 5 лет въезд в Молдову, а также запретить всем иностранным гражданам, включая дипломатов и журналистов, въезд на территорию, контролируемую ПМР.

В целях информационного обеспечения процесса реинтеграции намерено выделить специализированный теле- и радиоканалы для вещания на ПМР, а также создать соответствующий интернет-канал. Согласовать с Украиной план действий по полному отключению для ПМР всех видов связи, включая Интернет.

Хотя приведенная выше программа реинтеграции является лишь экспертной разработкой и по мере подготовки официальной молдавской концепции появятся, возможно, другие планы, вряд ли они будут принципиальным образом отличаться друг от друга, ибо базовый подход один – присоединение с последующим преобразованием в несколько административно-территориальных единиц совместно с прилегающими правобережными терри-

ториями. Ни о какой федеративной форме, предлагаемой президентом И. Додоном, речь не идет.

Оппозиция утверждает, что президентский план носит формально-декларативный характер и не содержит «дорожной карты» пошаговой реализации. Более того, они предлагают активнее использовать заметное ослабление авторитета власти в Приднестровье для усиления межэлитной борьбы, экономического ослабления и дезинтеграции региона.

Независимость по-приднестровски

Подготовка Кишиневом концепции реинтеграции без консультаций с Приднестровьем вызывает беспокойство в Тирасполе. Тем более, что это делается не впервые – в 2005 г. парламент Молдовы в одностороннем порядке уже принял закон о статусе «левобережья Днестра»¹.

Президент ПРМ В. Красносельский полагает, что такой подход обречен на провал: «Если концепция не будет согласована с приднестровским народом, то она останется лишь декларативным документом. Решать судьбу Приднестровья без него – недопустимо» [1]. По его мнению, до тех пор, пока Молдова не дала правовую оценку массовым убийствам приднестровских граждан четверть века назад, какие-либо рассуждения о реинтеграции нереальны. Тем более что приднестровское руководство рассматривает переговоры «5+2» как бракоразводный процесс, который должен привести к независимости ПМР. В качестве

¹ Закон РМ № 173 от 22.07.2005 г. «Об основных положениях особого правового статуса населенных пунктов левобережья Днестра (Приднестровья)».

компромисса Тирасполь готов предложить модель конфедерации с равными правами сторон. Приднестровский лидер ссылается при этом на референдум 2006 г., на котором население региона проголосовало за независимость Приднестровья с последующей интеграцией с Россией.

Таким образом, официальные подходы Молдовы и Приднестровья по-прежнему несовместимы и пока нет даже намека на возможность компромиссного решения.

Между тем враждебное кольцо вокруг ПМР неуклонно сжимается. Находясь в тисках украинского соседа, республика испытывает серьезные транспортно-логистические трудности. Информационное агентство «Новости Приднестровья» опубликовало данные, что в результате усиления блокады за первые десять месяцев 2016 г. объем экспорта из ПМР сократился почти на 13% (до 489 млн долл.), а импорта – на 26% (до 764 млн долл.). Соответственно, резко снизились налоговые поступления: по состоянию на середину года – в три раза. 46,3% всех приднестровских поставок в 2016 г. пришлось на Молдову, 11,3% – на Украину. Поставки из ПМР в Молдову за 11 месяцев 2016 г. составили 226,4 млн долл., и это более чем на 50 млн меньше, чем в 2015 г.

Следствием ухудшения экономического положения стал крах социально ориентированной внутренней политики, которая всегда была одной из «визитных карточек» республики: здесь были самые низкие в регионе коммунальные тарифы, население имело множество льгот, высокие пенсии. Кризис привел к тому, что многие льготы отменили, коммунальные пла-

тежи выросли многократно, зарплаты и пенсии урезали на 30%. Все это привело к разочарованию действующей властью.

На внутривластную ситуацию влияет и то, что в Приднестровье за последние четверть века выросло новое поколение, позиция которого, несмотря на публично декларируемую верность, трудно предсказуема. Многие приднестровцы принимают молдавское гражданство, дающее право на безвизовые поездки в ЕС. Кроме того, порядка 90 тыс. приднестровцев состоят на консульском учете в украинском посольстве в Кишиневе. По данным последней переписи населения (октябрь 2015 г.), в республике постоянно проживают 475 665 человек.

Серьезный риск для ПМР представляет не только сложное социально-экономическое положение, но и разобщенность правящей элиты, сформировавшейся за годы независимости. Для нее будущее региона и его государственность – особо значимая категория, вопрос жизни и смерти. Любое изменение правового статуса республики приведет не только к лишению властных полномочий, но и, вполне вероятно, к судебному преследованию.

Состоявшиеся 11 декабря 2016 г. президентские выборы, ставшие практически референдумом о доверии руководству – яркое свидетельство разлома элит.

На этих выборах президент ПМР Е. Шевчук и его команда потерпели сокрушительное поражение в первом же туре. Борьба развернулась между сторонниками президента и партией «Обновление», представляющей интересы крупнейшей в стране бизнес-империи – холдинга «Шериф».

В руках «Шерифа» сосредоточены крупные активы республики: сеть супермаркетов, футбольный клуб, единственный в ПМР оператор мобильной связи, сеть АЗС, Тираспольский винно-коньячный завод KVINT, текстильная фабрика Tirotex и другие. С момента основания в начале 1990-х гг. «Шериф» выстроил особые отношения с властью, что позволило ему стать монополистом во многих сферах бизнеса. В 2000-е гг. холдинг занялся политикой, создав партию «Обновление». Ее лидером стал Е. Шевчук, работавший в тот период замдиректора ООО «Шериф». Впоследствии его пути с фирмой разошлись, и в 2011 г. Шевчук с большим отрывом выиграл президентские выборы.

В ходе избирательной кампании 2016 г. Е. Шевчук использовал антиолигархическую повестку дня, обвиняя «Шериф» в том, что руководители холдинга пытаются «подменить государственные интересы собственными». При этом власть на полную мощь включила административный ресурс, открыв ряд уголовных дел в отношении сотрудников «Шерифа». На улицах Приднестровья бесплатно раздавали газету «Вместе с Россией – против олигархов!», отпечатанную тиражом 200 тыс. экземпляров. Из нее можно было узнать, что Россия до сих пор не признала Приднестровье якобы из-за всевластия местных олигархов и что состояние основателя «Шерифа» Виктора Гушана превышает 2 млрд долл. [2].

В результате президентом ПМР избрали представителя партии «Обновление» В. Красносельского, а бывший президент 28 июня 2017 г. подавляющим большинством голосов депутатов

парламента был лишен неприкосновенности. Против него возбудили пять уголовных дел о коррупции, контрабанде и хищении, вместе тянущие на 12 лет тюрьмы. Той же ночью он покинул Тирасполь, выехав в Кишинев.

Разобщенность правящей элиты происходит в условиях активной работы в республике различных НПО, значительных вливаний в сеть некоммерческих организаций по линии ООН, европейских и американских программ, массового приглашения приднестровцев на различные семинары и тренинги. Все это создает условия для появления «третьей силы». Тем более, что Приднестровье живёт в режиме «молдавских ворот», единственное окно в мир – аэропорт Кишинёва, а вокруг – враждебно настроенные украинские радикалы.

Выводы для России

Как в этих условиях вести себя России? Очевидно, что ее действия на молдавском направлении должны быть сосредоточены на достижении реальных прагматических целей. Хотя в условиях конфликта с Украиной и санкций Евросоюза Приднестровье требует дополнительных финансовых усилий, его безопасность остается в центре внимания российского руководства. Россия была бы готова помочь в реинтеграции Приднестровья в состав единого молдавского государства при соблюдении следующих базовых условий: сохранение его нейтралитета, внеблокового статуса, независимости от Румынии, а также гарантий для властных позиций и бизнеса нынешней приднестровской элиты, включая формирование общей внешней политики. Но подобный подход в современных условиях нереален,

поскольку молдавская элита категорически отказывается рассматривать возможности трансформации в федерацию, а для Приднестровья «широкая автономия» – слишком низкая стартовая точка даже для теоретической дискуссии. Не надо забывать, что у ПМР накоплен солидный опыт строительства собственной идентичности и проживания в отдельном от Молдавии образовании, даже в условиях отсутствия признания.

Наконец, недоверие между Россией и Западом блокирует их совместные действия, ставя под вопрос гарантии сохранения изначальных договоренностей. В особенности в том, что касается нейтралитета Молдавии, поскольку НАТО вряд ли откажется от стратегии приближения своей инфраструктуры к границам России (в том числе и через территорию Молдовы).

Весьма позитивным представляется укрепление связей на высшем уровне между президентами России и Молдовы. Приглашение Игоря Додона на парад Победы 9 Мая стало кульминацией того внимания, которое Владимир Путин лично оказывает молдавскому президенту после его избрания в ноябре прошлого года. Между лидерами состоялись уже несколько встреч. Появились и значимые результаты: во-первых, граждане Молдавии, нарушившие российское миграционное законодательство, получили возможность до 12 мая 2017 г. пройти амнистию (по информации самого Додона, этим воспользовались не менее 10 тысяч молдаван).

Во-вторых, есть символический прорыв в торгово-экономической сфере: после полного запрета в 2013 г. на российский рынок возвращаются вина

молдавской государственной компании Cricova. До сих пор такие политические исключения делались только для вин из Приднестровья и Гагаузии. Наконец, с подачи России Додона пригласили на заседание Высшего Евразийского экономического совета в апреле 2017 г., где Молдавии после принятия соответствующего регламента ЕАЭС был обещан статус наблюдателя. Не стоит забывать и о масштабной информационной поддержке, которую Москва оказывает молдавскому президенту: он регулярно дает большие интервью ключевым российским государственным СМИ, а его деятельность активно освещается ими в положительном ключе.

И все же вряд ли следует России питать какие-то иллюзии по поводу Додона. Конечно, по вопросам сохранения «молдавской государственности» и «конституционного нейтралитета» страны президент занимает весьма радикальную позицию в молдавской внутренней политике, где наблюдается глубокий раскол по вопросу об отношении к нынешней России. В то же самое время важно осознавать реалии молдавской политики. Возможности Игоря Додона ограничены не только его формальными полномочиями, но и структурными факторами.

Что касается долгосрочной перспективы решения приднестровского вопроса, то оно, как представляется, напрямую зависит от того, в чью пользу закончится война на Украине, поскольку нынешний режим вряд ли откажется от проведения антироссийской русофобской политики, которая в числе прочего подразумевает и ликвидацию Приднестровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гамова С. Судьбу Приднестровья решают без него // Независимая газета. 2017. 7 июня
2. Соловьев В. Приднестровье выбирало между вертикалью и вермишелью // Коммерсантъ. 2015. 30 ноября.
3. Реинтеграция Приднестровья: поощрение и принуждение (презентация проекта). М.: Институт эффективной политики, 2017. 75 с.
4. [Рожин Б.] Приднестровье – «кость в горле» Украины и НАТО (02.06.2017) // Альтернатива: информационно-аналитический портал [сайт]. URL: <http://alternatio.org/articles/articles/item/51547-pridnestrove-%E2%80%93-kost-v-gorle-ukrainy-i-nato> (дата обращения: 05.12.2017).
5. Украина ждет от Молдавии «решительных действий» по Приднестровью (13.02.2017) // EurAsia Daily [website]. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/02/13/ukraina-zhdet-ot-moldavii-reshitelnyh-deystviy-po-pridnestrovuyu> (дата обращения: 05.12.2017).

REFERENCES

1. Gamova S. Sud'bu Pridnestrov'ya reshayut bez nego [The fate of Transnistria is determined without it]. *Nezavisimaya gazeta*, 2017, 7 Jun.
2. Solov'ev V. Pridnestrov'e vybiralo mezhdru vertikal'yu i vermishel'yu [Transnistria has chosen between the vertical and the noodles]. *Kommersant*, 2015, 30 Nov.
3. [Reintegration of Transnistria: promotion and enforcement (presentation of a project)]. Moscow, Institut effektivnoi politiki, 2017. 75 p.
4. [Rozhin B.] Pridnestrov'e – «kost' v gorle» Ukrainy i NATO (02.06.2017) [Transnistria – "bone in the throat" of Ukraine and NATO (02.06.2017)]. *Al'ternativa: informatsionno-analiticheskii portal* [Alternative: information-analytical portal [website]. Available at: <http://alternatio.org/articles/articles/item/51547-pridnestrove-%E2%80%93-kost-v-gorle-ukrainy-i-nato> (accessed 05.12.2017).
5. Ukraina zhdet ot Moldavii «reshitel'nykh deistvii» po Pridnestrov'yu (13.02.2017) [Ukraine is waiting for Moldova's "decisive actions" on Transnistria (13.02.2017)]. *EurAsia Daily* [website]. Available at: <https://eadaily.com/ru/news/2017/02/13/ukraina-zhdet-ot-moldavii-reshitelnyh-deystviy-po-pridnestrovuyu> (accessed 05.12.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Станислав Иванович Чернявский – доктор исторических наук, профессор, чрезвычайный и полномочный посланник, директор Центра постсоветских исследований Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университет);
e-mail: chernyavskiy.stanislav@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chernyavskiy Stanislav – Doctor of Historical Sciences, Professor, Minister extraordinary and plenipotentiary, Director of the Center for Post-Soviet Studies at the Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO university);
e-mail: chernyavskiy.stanislav@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чернявский С.И. Приднестровье в тисках украинского кризиса. К 25-летию начала Приднестровского конфликта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 187–197.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-187-197

FOR CITATION

S. Chernyavskiy. Transnistria in the Grip of the Ukrainian Crisis (For the 25th Anniversary of the Transnistrian Conflict). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*, 2017, no 5, pp. 187–197.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-187-197

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-198-205

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: РОССИЯ И КАЗАХСТАН В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Искаков И.Ж.*Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС**194044, г. Санкт-Петербург, ул. Смолячкова, д. 14, корп. 1. Российская Федерация*

Аннотация. Автор рассматривает особенности формирования политических элит новых государственных образований Евразии и влияние этих элит на процесс евразийской интеграции. Охарактеризованы, в качестве примеров, локомотивы евразийского интеграционного процесса: Россия и Казахстан. Проведен сравнительный анализ эволюции политических элит двух стран за последние десятилетия на фоне политической трансформации континентального политического ландшафта. Названы перспективы эволюции политических элит в России и Казахстане.

Ключевые слова: региональная интеграция, политическая трансформация, политические элиты, Казахстан, Россия.

POLITICAL ELITES AND EURASIAN INTEGRATION: RUSSIA AND KAZAKHSTAN IN THE LATE XX – EARLY XXI CENTURY

I. Iskakov*University with Inter-parliamentary Assembly of EurAsEC**14, Smolyachkova street, S-Petersburg, Russian Federation*

Abstract. The author considers some specific features of political elite's formation in the new state formations of Eurasia and their influence on the process of Eurasian integration. The locomotives of the Eurasian integration process are described as examples. The author made the comparative analysis of the political elite's evolution in Russia and Kazakhstan in recent decades, the political transformation of the continental political landscape being the background for such evolution. Prospects for the evolution of the political elites in Russia and Kazakhstan are outlined.

Key words: regional integration, political transformation, political elites, Kazakhstan, Russia.

После распада СССР, когда на карте мира вместо огромной сверхдержавы появились 15 независимых государств, прошло два с половиной десятилетия. За этот период сформировались интеграционные и дезинтеграционные факторы, влияющие на политическую трансформацию евразийского пространства. Факторы, определяемые тем, что Азия проявляет всё больший интерес к европейским рынкам, а Европа нуждается в азиатских инвестициях. Свое влияние ока-

зал также многолетний исторический опыт разнообразного межрегионального и международного взаимодействия, в котором сегодня значительную роль играют политические элиты новых государственных образований. Роль элит определяется тем, какие цели они перед собою ставят, какое направление движения выбирают для своего государства. Качество национальной элиты во многом оказывает влияние на успешность продвижения по пути региональной интеграции. В связи с этим обостряется потребность в разработке новых механизмов формирования политических элит, развития их профессионализма; в создании условий повышения эффективности их деятельности в нынешних далеко не простых внутри- и внешнеполитических условиях.

Правящие элиты новых независимых государств функционируют на фоне измененного экономического баланса, резкого роста интенсивности геополитического соперничества, ведения полномасштабных информационных, экономических, дипломатических войн; перехода на уровень интеграционных объединений и геополитических блоков. Усиливается влияние новых центров мощного экономического роста, таких, как Китай и Индия. О.В. Столетов характеризует сегодняшнюю Евразию как пространство глобальной геополитической и геоэкономической конкуренции между ведущими субъектами мирового политического процесса [10, с. 81], выделяя формирование полицентричности этого пространства. Особая роль в политическом ландшафте континента предназначена евразийской интеграции. В ней задают тон Казахстан и

Россия, которых часто называют «локомотивами» этой региональной интеграции.

Евразийский интеграционный процесс оценивается исследователями как сложный, имеющий многоаспектный характер. Он разворачивается не на пустом месте, а вовлекает главным образом те страны, что в течение почти 70 лет являлись частями мировой сверхдержавы и обладали особой транснациональной идентичностью. Игнорировать или забывать эти аспекты нельзя. Как подчеркивают К.И. Байзакова и А. Кемебаев, интеграционная модель регионального развития снимает возможный конфликтный потенциал между самими странами региона [1]. В процессах политической трансформации, политической консолидации, в формировании новых политических элит можно наблюдать как общие, так и особенные черты. Их изучение важно еще и потому, что сегодня процесс евразийской интеграции, инициированный Н.А. Назарбаевым в 1994 г., начинает «пробуксовывать».

Формирование политической элиты России во многом определялось тем, что в ней сохранились столица и кадры распавшегося державного государства, неблагоприятные демографические и природно-климатические условия, постоянные внешние угрозы и дефицит значимых ресурсов развития. Исследователи выделили ряд особенностей, прежде всего, «сложносочиненный» характер российской элиты (наличие партийной элиты, апатриотичной бизнес-элиты и своего рода антиэлиты, не заинтересованной в развитии российского государства) [8]. Особо подчеркивается влияние старого номенклатурного источника

рекрутирования, в результате чего в современной элитной группе РФ преобладают «средняки», от которых трудно ждать эффективных и креативных решений и предложений и которых отличает неумение брать на себя ответственность за принятие решений.

И.В. Лихачёв считает, что в 1980-1990-х гг. произошла «элитная революция» [6, с. 21], что проявилось в выходе на арену молодых, активно занимающихся бизнесом лидеров, образовавших «новую элиту». Она происходила не из номенклатуры, а из промышленно-финансовой олигархии. Бизнес-элита выступает одним из активных и влиятельных сегментов правящей группы, но ее корпоративные интересы преобладают над интересами социального целого. Особое внимание исследователей привлекают топ-менеджеры крупных корпораций, которые выступают результативными акторами менеджериально-политической миграции [9].

Наблюдается также усиление позиций региональной элиты. Она выступает важным элементом социальной структуры общества, способствует согласованию интересов всех субъектов политического процесса на региональном, межрегиональном и федеральном уровне. Важным фактором деятельности региональных элит выступает наличие средств влияния на массовое политическое сознание, включая нормы электорального поведения. Окончательному складыванию новой политической элиты препятствуют перманентные реформы политической и правовой системы РФ, вследствие чего возрастают требования к улучшению качества элитных групп, в частно-

сти, их умению использовать новейшие политические технологии, адекватно отвечать на вызовы реальности.

Общими чертами правящей элиты России выступают увеличение значения неофициальных связей, усиление роли исполнительной власти, ускорение динамики циркуляции элит (по клиенталистскому принципу), обострение внутриэлитной конфликтности и повышение мобильности. В последние годы военные и предприниматели стали преобладающими социальными источниками рекрутирования элитных групп [3, с. 350–353]. Сегодня вследствие низкого уровня эффективности современной политической элиты остро встает вопрос о создании новой системы рекрутирования. Однако эффективную элиту невозможно сформировать без модернизации общества, активизации процесса формирования гражданского общества, поскольку «политические элиты, плохо справляющиеся с демократизацией, испытывают аналогичные трудности и с проведением модернизационной политики» [2, с. 9].

Новым независимым государствам Евразии пришлось формировать государственные элиты практически с чистого листа. Еще в 1999 г. А. Таксубаев подчеркивал, что формирование национальной стратегии развития государств региона происходит в крайне сложных внутренних страновых и региональных условиях и балансирования между центрами силы мирового и регионального масштаба [11]. Три основных вектора влияют на формирование новых политических элит: ренессанс традиционализма, инерция советской номенклатуры и инновации реформ. Казахские исследователи счи-

тают, что процессы элитообразования в постсоветских государствах имеют сходные черты, обусловленные общим историческим прошлым и схожестью политических систем [12]. В случае с Казахстаном процесс, действительно, имеет сходные с Россией черты, но и некоторые особенности, вызванные региональными причинами.

В тот период, когда постсоветское пространство сильно фрагментировалось, новые государственные образования меняли внешнеполитическую ориентацию, стремясь в той или иной форме дистанцироваться от России. Такая позиция продолжает проявляться даже у самых близких партнеров (например, отказ Белоруссии и Казахстана поддержать российское эмбарго как ответ на санкции Запада, объявление Республики Казахстан о переходе на латиницу). Многие национальные элиты стран СНГ сделали политический капитал, в том числе, и на негативной интерпретации общего советского прошлого [5, с. 320]. Отмечается, что в этих государствах имеются специфические механизмы формирования и рекрутирования элит. Так, на формирование национальной элиты Казахстана повлиял целый ряд факторов, среди которых выделим деление казахов по территориальному признаку на три жуза; межклановую борьбу; президентское правление; геополитическое положение Казахстана. Отметим также активизацию широкого спектра неформальных факторов инкорпорирования в правящие слои; двойственный характер деятельности новых политических элит на евразийском пространстве.

Первое поколение элит и здесь сначала формировалось из советской

бюрократии. Особость проявилась в том, что в Евразии постепенно стали складываться проамериканские, проевропейские, протурецкие и т.п. элитные группы. Евразийские государства изначально часто пытались добиться нужного для себя результата обретением выгодного внешнего союзника, но западные страны стратегически не заинтересованы в формировании Евразии как конкурентоспособного политического целого. Элитные группы постепенно стали осознавать, что попытки вовлечь в процесс «собираения земель» мировые центры влияния будут не уменьшать, а приумножать риски дезинтеграции.

В рамках евразийской интеграции крайне важно мотивировать национальные элиты к построению наднационального проекта. Зачастую собственные интересы элит идут вразрез с задачами, которые стремится решить государство, в частности, интеграционными. Это отчетливо видно в перманентной борьбе элитных группировок за властные и экономические ресурсы, когда национально-государственные интересы чаще всего отходят на второй план. Развитие региональной интеграции замедляется коррупционной составляющей, присущей правящим группам стран СНГ. Сегодня представители новой элиты становятся более прагматичными и «многовекторными».

В связи с рассмотрением перспектив формирования новых элит следует обратить внимание на методы, используемые для оказания влияния на формирование элитных кадров. Особо выделяются: участие различных неправительственных организаций США и европейских стран в этом процессе («Фридомхаус», фонд Карнеги,

Национальный демократический институт международных отношений, фонд Эберта, фонд Аденауэра и т.п.); предоставление грантов; организация обучения политическим технологиям, др. Все это создает серьезную угрозу политической консолидации на евразийском континентальном пространстве.

Но одновременно процесс элитообразования протекает на фоне роста привлекательности проекта евразийской интеграции (в состав ЕАЭС вошли Армения и Киргизия, проявляют активную заинтересованность в создании зоны свободной торговли Индия, Израиль, Иран, Египет, Корея, Сингапур и др.). Все активнее обсуждается сопряжение ЕАЭС с Экономическим поясом Великого Шёлкового пути [7]. Сегодня ряд новых национальных элит с прагматической точки зрения осознали, что им выгоднее сохранение сильной и ответственной России, способной играть роль модератора этнополитического урегулирования и стабилизации евразийского пространства. Такое изменение произошло вследствие того, что в состав политических элит стали втягиваться представители экономических элитных групп.

Так, казахстанские металлургические предприятия «Евразийской группы» стремились в конце XX в. создать собственное промышленно-политическое лобби, способное более тесным образом влиять на парламентскую деятельность, а также на профсоюзные и предпринимательские организации. С этой целью группа сформировала политическую партию – Гражданскую партию Казахстана (ГПК). Сначала эта партия представляла одну из зна-

чительных фракций в нижней палате парламента, лоббируя интересы металлургической группы. Но уже в ходе предвыборной компании 2016 г. партия объявила о намерении присоединиться к РПП «Отан». По словам ее первого секретаря А.Т. Перуашева, это присоединение отражает объективный процесс дальнейшего партийного строительства и направлено на объединение усилий пропрезидентских партий в реализации масштабной задачи, поставленной Главой государства, по вхождению в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира [4].

Евразийское пространство ощущает сегодня необходимость реализации мощного модернизационного проекта, в связи с чем привлекает внимание проект Большого евразийского партнерства, инициированный В.В. Путиным. Для его осуществления России еще предстоит создать механизмы образования дружественных политических элит, включая и элиту диаспор, подобные тем, что с успехом используют западные страны (фонды, гранты, образовательные программы и т.д.). С их помощью она сможет реализовать предлагаемые политические проекты. Одним из условий достижения успеха в этом направлении выступает необходимость привлечь крупный российский бизнес к скорейшему формированию подобного «неправительственного» сектора политического взаимодействия в условиях региональной интеграции. Реальный процесс интеграции евразийского пространства может быть осуществлен, если удастся объединить мощь экономик и волю политических лидеров. Евразийская интеграция способна обе-

спечить новый образ жизни в новых государственных образованиях при соблюдении законности и выгоды инвестиций, предоставлении свободы творчества для пионеров бизнеса и науки, обеспечении населению стабильного настоящего и уверенности в завтрашнем дне.

Особая перспектива видится в воспитании национальных интеллектуальных и экономических элит на основе сообщества молодежных лидеров стран Евразии. Для этого нужно

создать Евразийский университет с высочайшими стандартами обучения в рамках евразийской интеграции. Обучение в нем следует сделать бесплатным для тех, кто пройдет конкурс на уровень логического мышления и волевых качеств. Так будет стимулирована эффективность евразийской интеграции, активность новых политических элит в ее осуществлении и дальнейшей эволюции с целью обеспечения устойчивого развития новых государственных образований Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байзакова К.И., Кемебаев А. Роль Казахстана в современной евразийской интеграции // Вестник КазНУ. Серия: Международные отношения и международное право. 2015. № 2 (70). С.203-206.
2. Васильева О.В. Современные российские политические элиты как субъект политической модернизации: автореф. ... канд. полит. наук. Астрахань, 2014. 20 с.
3. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: веки исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
4. Гражданская партия Казахстана заявила о намерении присоединиться к РПП «Отан» // NOMAD [сайт]. URL: <http://www.nomad.su/?a=3-200610300331> (дата обращения: 13.11.2017).
5. Егоров В.Г., Абрамов А.В., Федорченко С.Н. Сравнительная политология постсоветского пространства: учебное пособие. М.: КноРус, 2015. 412 с.
6. Лихачев И.В. Политические элиты современной России: сущность, особенности, перспективы: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2004. 29 с.
7. Пинюгина Е.В. ЕАЭС и «Экономический пояс Шёлкового пути»: сравнительный анализ евразийских интеграционных проектов // Политическая наука. 2015. № 4. С. 99–115.
8. Пляйс Я.А. Элиты России: обзор диссертационных исследований отечественных политологов. Ростов-на-Дону: Дониздат, 2013. 160 с.
9. Светличный М.Ю. Социально-политическая активность бизнес-элиты на современном этапе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. 19 с.
10. Столетов О.В. Сравнительный анализ стратегий трансформации евразийского политического пространства // Политическая наука. 2015. № 4. С. 81-98.
11. Таксубаев А. Россия и Центральная Азия // Международная жизнь. 1999. № 3. С. 94–101.
12. Шакирбаев С. Формирование и развитие политических элит на постсоветском пространстве [28.02.2006] // Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан [сайт]. URL: <http://www.kisi.kz/ru/categories/politicheskaya-modernizaciya/posts/formirovanie-i-razvitie-politicheskikh-ELIT-na-postsovet> (дата обращения: 05.11.2017).

REFERENCES

1. Baizakova K.I., Kemebaev A. [The role of Kazakhstan in the Eurasian integration]. *Vestnik KazNU. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo*, 2015, no. 2 (70), pp. 203–206.
2. Vasil'eva O.V. [Modern Russian political elites as a subject of political modernization: abstract of thesis... cand. polit. sciences]. Astrakhan, 2014. 20 p.
3. Gaman-Golutvina O.V. [The political elites of Russia: milestones of the historical evolution]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 448 p.
4. Grazhdanskaya partiya Kazakhstana zayavila o namerenii prisoedinit'sya k RPP «Otan» [Civil party of Kazakhstan declared intention to join the RPP "Otan"]. NOMAD [website]. Available at: <http://www.nomad.su/?a=3-200610300331> (accessed 13.11.2017).
5. Egorov V.G., Abramov A.V., Fedorchenko S.N. [Comparative politics of the post-Soviet space: a training manual]. Moscow, KnoRus Publ., 2015. 412 p.
6. Likhachev I.V. [Political elite of modern Russia: essence, specific features and prospects: abstract of thesis... cand. polit. sciences]. Moscow, 2004. 29 p.
7. Pinyugina E.V. [The EEU and the "Economic zone of silk road": a comparative analysis of the Eurasian integration project]. *Politicheskaya nauka*, 2015, no. 4, pp. 99–115.
8. Plyais Ya.A. [Elite: overview of the dissertation researches of scientists]. Rostov-on-Don, Donizdat Publ., 2013. 160 p.
9. Svetlichnyi M.Yu. [Socio-political activity of the business elite at the present stage: abstract of thesis... cand. polit. sciences]. Moscow, 2003. 19 p.
10. Stoletov O.V. [A comparative analysis of strategies of transformation of the Eurasian political space]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2015, no. 4, pp. 81–98.
11. Taksubaev A. [Russia and Central Asia]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 1999, no. 3, pp. 94–101.
12. Shakirbaev S. Formirovanie i razvitie politicheskikh elit na postsovetском prostranstve [28.02.2006] [The formation and development of political elites in the former Soviet Union [28.02.2006]] Kazakhstanskii institut strategicheskikh issledovaniy pri Prezidente Respubliki Kazakhstan [sait]. [Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan [website]]. Available at: <http://www.kisi.kz/ru/categories/politicheskaya-modernizaciya/posts/formirovanie-i-razvitie-politicheskikh-elit-na-postsovet> (accessed 05.11.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Искаков Ирлан Жангазыевич – кандидат юридических наук, доцент, ректор Университета при МПА ЕврАзЭС;
e-mail: iiel2002@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irlan Z. Isakov – PhD in Law, rector, University with Inter-parliamentary Assembly of EurAsEC;
e-mail: iiel2002@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Искаков И.Ж. Политические элиты и евразийская интеграция: Россия и Казахстан в конце XX – начале XXI вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: «История и политические науки». 2017. № 5. С. 198–205.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-198-205

FOR CITATION

Iskakov I.Zh. Political Elites and Eurasian Integration: Russia and Kazakhstan in the Late XX – Early XXI Century. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and political sciences, 2017, no. 5, pp. 198–205.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-198-205

УДК 323.226

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-206-215

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1993 ГОДА В РОССИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРИЧИНЫ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ

Поняев И.М.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются политико-конституционные аспекты политического конфликта 1993 г. в России. Обсуждаются причины и последствия конфликта, в основе которого – противостояние исполнительной и законодательной власти. Автором раскрываются основные предпосылки, объект и предмет конфликта. Рассматриваются фазы развития политического кризиса, причины его перехода из латентной в острую фазу. Обсуждается значение политического конфликта 1993 г. для будущего развития России. Результатом проведенного исследования стало уточнение теории политических кризисов на примере событий 1993 г. Несмотря на то, что рассматриваемый политический кризис был весьма острым, он не перерос в революцию вследствие большей нацеленности политической элиты на развитие государства, нежели на сохранение собственной власти.

Ключевые слова: политический конфликт, конституционный кризис, законодательная власть, исполнительная власть.

POLITICAL CRISIS OF 1993 IN RUSSIA: PREREQUISITS, REASONS AND MISSED OPPORTUNITIES TO RESOLVE IT

I. Ponyaev

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the political and constitutional aspects of political conflict of 1993 in Russia. The causes and consequences of the conflict based on the conflict between the executive and the legislative power are discussed. The author reveals the basic background, the object and subject of the conflict. The article discusses the phases of the political crisis development the causes for its transition from the latent to the acute phase. The importance of the political conflict of 1993 for the future development of Russia is discussed. The result of the study was the elaboration of the theory of political crises on the example of the events of 1993. Despite the fact that the political crisis was very acute, it did not turn into a revolution due to the political elites' greater focus on the development of the state, rather than the preservation of their own power.

Key words: political conflict, constitutional crisis, legislative power, executive power.

Политический кризис 1993 г. можно назвать всеобъемлющим, революционным по своему характеру, затронувшим важнейшие аспекты общественной жизни России. На наш взгляд, глубинные истоки кризиса были связаны с крушением Советского Союза. Возникшая в самостоятельном российском государстве политическая напряженность зависела от расстановки политических сил, а также других проблемных аспектов, зародившихся сначала в период перестройки в СССР, а затем в Российской Федерации.

Цель исследования – анализ развития и течения политического кризиса в России 1993 г. и уточнение теории политических кризисов на основе проведенного анализа. Для начала необходимо указать на несколько ключевых теоретических аспектов политических кризисов, которые в дальнейшем будут применены в работе. Во-первых, правящие элиты, основной целью которых является развитие государства, а не сохранение собственной власти, в большей степени готовы к политическим кризисам. Такие элиты чаще слышат «тревожные сигналы» социума, в результате политический кризис редко обретает военизированный или революционный контекст [10, с. 40]. По сути, такие элиты добровольно ограничивают себя в односторонней «законности» насилия [4, с. 62], которая может быть использована правящей элитой.

Во-вторых, политические перемены, реформы, крайней формой которых является смена политического режима, во многом обусловлены спросом со стороны населения [12, с. 125]. В случаях, когда политически активное население долгое время игнорируется

правлящей элитой, спрос не исчезает, а трансформируется в более агрессивные формы выражения политической воли.

В-третьих, исход политических кризисов зависит не только от таких факторов, как уровень экономического развития или влияние международной среды, но также и от тех шагов, которые в ходе кризисов предпринимают правящие группы для контакта с оппозицией и соответствующей корректировки курса развития [9, с. 136]. В случае достижения компромисса противоборствующими сторонами возможен мирный вариант смены политического режима.

В-четвертых, политические кризисы зачастую бывают длительными и носят циклический характер, то затухая, то разгораясь вновь. Выход из таких кризисов обычно носит затяжной характер [2, с. 54]. Беда в том, что если «болезни политического характера не лечить вовремя, то наступает летальный исход, о чем говорит печальный опыт СССР» [11, с. 75]. При этом политический кризис, дойдя до наиболее острой стадии, может затухнуть на несколько лет или десятилетий. Тем не менее его отголоски могут проявляться и через длительный период времени, до тех пор, пока не будет исчерпана проблематика конфликта.

Задачей исследования было проанализировать ход политического кризиса 1993 г. в России и уточнить изложенные выше теоретические положения на основе анализа фактических событий.

К началу 90-х гг. XX в. на политическом поприще четко обозначились три субъекта с соответствующими направлениями: консервативное, ради-

кальное и умеренное. Однако главное противостояние развернулось между РСФСР и «Союзным центром». Распад СССР был предрешен, прежде всего, вследствие противостояния союзных и российских органов власти.

Началом политико-конституционного кризиса можно считать принятие Съездом народных депутатов РСФСР Декларации «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» от 12 июня 1990 г. (№ 22-1), подорвавшее правовые основы союзного государства и ослабившее позиции Президента СССР М.С. Горбачева. Декларация о независимости России столкнула сторонников социализма и представителей демократических сил.

Л.Н. Шереметьева делает вывод, что столкновение двух ветвей власти в России произошло в результате конституционно-политического кризиса, назревавшего ранее и обострившегося в 1993 г. [14, с. 53]. Если говорить о фазах развития политического кризиса 1993 г., то его началом можно считать декабрь 1992 г., когда на VII Съезде народных депутатов подспудный конфликт ветвей власти перешел в открытую фазу, а окончанием — декабрь 1993 г., когда была принята и вступила в силу новая Конституция Российской Федерации.

Таким образом, основные фазы политического кризиса 1993 г. могут быть представлены следующим образом.

1. Отставка правительства Е. Гайдара, выступление Б. Ельцина и назначение В. Черномырдина председателем правительства.

2. Попытка отрешения президента от должности, апрельский референдум 1993 г. и Конституционное совещание.

3. События сентября – октября 1993 года в Москве.

4. Конституционная реформа.

В рассматриваемый период каждая из противоборствующих сторон отстаивала свое право на принятие стратегических решений, на выбор будущего пути России. Действующая (с поправками) Конституция РСФСР 1978 г. служила законодательной основой деятельности Съезда народных депутатов РСФСР. Согласно статье 104 Конституции, именно Съезд народных депутатов РСФСР являлся высшим органом государственной власти в стране. Президент РФ, чтобы провести радикальные экономические и политические реформы, добивался для себя от Съезда больших полномочий, не предусмотренных Конституцией. Президент намеревался принять новую Конституцию, закрепляющую постсоветские реалии страны и полностью президентской власти, в его проекте Конституции не было места советским органам власти. Если сформулировать суть конфликта, то борьба шла за власть и собственность, причем регионы, в большинстве своем, были на стороне Съезда и Верховного Совета РСФСР.

Начало проведения рыночных реформ ознаменовало первый этап политического противостояния сторонников либерально-радикального и умеренного пути перехода к демократической системе координат. Основными участниками конфликта стали группы, имеющие различные политические и корпоративные интересы, а также ратующие за кардинально отличающиеся друг от друга модели общественного устройства. Разделение противоборствующих ветвей власти

упрочило институционализацию различных фракций элиты. Начало радикальных экономических реформ еще более обострило назревавший конфликт. В результате один и тот же депутатский корпус трансформировался из союзника президента в его противника. Представители исполнительной власти, с одной стороны, и парламент, с другой, начали процесс консолидации социально-политических сил, которые предлагали разные пути преобразования российского общества.

Вокруг президента и исполнительных структур концентрировались силы, которые выиграли от начала либеральных реформ и были заинтересованы в их продолжении: финансово-торговые и экспортно-сырьевые экономические группы, новая номенклатура – чиновничество федеральных и региональных ведомств, обновленная верхушка силовых ведомств; социальные группы, занятые в легализовавшейся теневой экономике; малый и средний бизнес. Несмотря на падение авторитета Б.Н. Ельцина, поддержка идеалов демократии, с которыми ассоциировалась новая власть, была достаточно сильна среди рядовых граждан. За продолжение курса реформ в августе 1993 г. высказывалось 48% опрошенных, негативное отношение к реформам отметили 18% граждан, 34% затруднились с ответом [8, с. 4]. Силы, выступавшие за радикально-либеральный курс развития, представляли весьма аморфную и разнородную коалицию, в состав которой входили как политическая и экономическая элита, державшая курс на модернизацию России по западному образцу, так и широкие слои населения. Центром консолидации сил, склоняющихся к

умеренному варианту социально-экономических преобразований, стал парламент.

Ключевыми представителями конфликта со стороны «партии парламента» стали:

- часть российской элиты, интересы которой пострадали в процессе проведения в жизнь радикально-либерального варианта реформирования;

- депутаты разных уровней, стремившиеся взять под контроль вопрос о приватизации;

- представители административно-отраслевого сектора экономики, понесшие непоправимый ущерб вследствие обвала цен;

- представители региональной элиты, которые стремились удержать десятилетиями сложившиеся социально-экономические отношения.

В ходе развития политического конфликта и эскалации социальной напряженности российский парламент стал для оппозиционных сил (леворадикалы, коммунисты, националисты) центром притяжения. Более того, та часть населения, которая не сумела адаптироваться к либеральным преобразованиям, активно поддерживала парламент.

Объектом конфликта являлась собственность бывшего союзного государства и государственная власть. Конституционная реформа, контроль за проведением экономических преобразований и методы их реализации стали предметом политического конфликта 1993 г. Таким образом, конфликт интересов перешел в конфликт ценностей. Каждая из противоборствующих сторон придерживалась определенной системы приоритетов – либеральной и социалистической. Обе

стороны были рождены демократическим курсом перестройки, однако команда Б.Н. Ельцина, опирающаяся на митинговую и популистскую модель рекрутирования сторонников, была изначально настроена на непримиримую борьбу с Верховным Советом, который, хотя и опирался на старую конституцию, был сторонником постепенных и продуманных демократических преобразований.

Целью противостояния двух ветвей власти было доминирование в сферах политики и права. Парламент имел возможность решить поставленную задачу легитимными средствами. В соответствии со статьей 104 действовавшей Конституции Съезд народных депутатов РФ мог принять к рассмотрению любой вопрос, отнесенный к ведению РФ, в его исключительном ведении находилось и принятие Конституции РФ. Президент таких возможностей не имел, однако в его руках находились административные ресурсы, включая силовые структуры и финансовые рычаги. Каждая из противоборствующих сторон пыталась выйти из политического тупика, характеризующегося «двоевластием», применяя те ресурсы, которые были в их распоряжении. Верховный совет решил пойти по пути ограничения власти президента посредством конституционно-правовых механизмов. Так, Парламент в своем проекте Конституции страны предлагал «установление в России парламентской республики с сильным парламентом и достаточно влиятельным президентом» [1, с.314-318]. Что касается президента, то он принял решение действовать силовыми методами по отношению к оппозиционному парламенту. При этом пред-

лагаемые сторонниками президента радикальные экономические реформы столкнулись с неприятием со стороны широких слоев населения. Таким образом, силовое давление на парламент было единственным условием для воплощения либеральных идей в жизнь.

Общественное сознание было дезориентировано взаимными обвинениями сторон, обе ветви власти характеризовались крайне низким уровнем доверия: 55,6% опрошенных считали, что президент «не вполне заслуживает доверия» и «совсем не заслуживает доверия»; 68,5% граждан давали аналогичную оценку Верховному Совету РФ [3, с. 40–41].

Парадоксальной можно назвать ситуацию спада митинговой активности населения, когда начался процесс либерализации экономики. Объяснить данное обстоятельство можно тем, что российских граждан стала больше интересовать не политика, а собственное «выживание» в условиях экономической разрухи. Именно поэтому ни одной из политических группировок не удалось добиться массовой поддержки со стороны россиян.

Поддержка президента силовыми структурами стала решающим фактором для нарушения соотношения сил противоборствующих сторон. По мнению исследователей, разрешение политического кризиса мирными средствами было невозможно [3, с. 66–67]. С этой точкой зрения трудно согласиться, поскольку вплоть до расстрела здания российского парламента была возможность преодолеть кризис мирным путем. Так, в течение всего 1993 г. различными общественными силами обсуждалась идея одновременного избрания нового парламента

и президента РФ как средства выхода из политического кризиса. Эта инициатива получила название «нулевого варианта» и была поддержана ведущими политическими силами: регионами, Конституционным судом, X Съездом народных депутатов РФ¹, Русской православной церковью, Российским союзом промышленников и предпринимателей, Аграрным союзом России, Федерацией товаропроизводителей, Федерацией независимых профсоюзов России, рядом центристских партий. «Нулевой вариант» предусматривал восстановление в полном объеме действия Конституции РФ, возврат к статус-кво, имевшему место до 21 сентября 1993 года, то есть до времени оглашения Указа Президента РФ от 21.09.1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», «прерывающего» деятельность российского парламента.

Другое дело, что «нулевой вариант» был не в интересах президента, стремящегося к концентрации властных полномочий в своих руках, делал бы бессмысленным введение в действие указа № 1400. В итоге выбор был сделан в пользу силовых методов разрешения конфликта, которые сказались на дальнейшем формировании политического режима. Если период 1988–1993 гг. характеризовался как расцвет российского конституционализма, то с октября 1993 г. политико-конституционное развитие переменялось. С этого времени для России стала характерна моносубъектность власти. Условия для принятия новой Конституции, обеспе-

чившей легализацию власти в руках президента, созрели после ослабления «сильного» парламента и под влиянием той социальной напряженности, которая возникла вследствие дестабилизации политической ситуации [5, с. 10].

Анализ событий сентября-октября 1993 г. позволяет говорить о таком конституционном кризисе, который возник под воздействием противоречий между ключевыми участниками политического конфликта. Немаловажную роль сыграло уменьшение доверия к институтам государственной власти. Политическое противоборство характеризуется различными проявлениями: антиконституционный переворот, забастовки, демонстрации, вооруженные столкновения, а также так называемая «война законов», когда каждый политический лагерь пытается создать для себя такое правовое поле, которое способствовало бы политической победе.

Не стоит забывать о различии как политических, так и корпоративных интересов сложившихся политических группировок, имевших свое представление о направлениях развития страны, что позволяет говорить о политическом конфликте 1993 г. как о внутриэлитном конфликте. Однако когда большая часть населения не поддержала либеральный курс выбранный Б.Н. Ельциным и Е.Т. Гайдаром, конфликт вышел за рамки противоборства внутри элит, трансформировавшись в острый государственный кризис. Представители местных элит, пытавшиеся расширить свои полномочия вследствие нестабильности федеральной власти, также сыграли немаловажную роль в усилении центробежных тенденций.

¹ См. Постановление СНД РФ от 24.09.1993 г. № 5807-1 «О политическом положении в Российской Федерации в связи с государственным переворотом».

Российское правительство стало активнее искать пути выхода из кризиса, когда возникла угроза территориальной целостности государства, стали исчезать прежние условия и рычаги управления, направленные на восстановление главенствующей роли федерального центра в автономиях. Именно поэтому активизировался процесс принятия Федеративного договора, который был подписан 31 марта 1992 г. Хотя данный документ характеризовался ослаблением роли центра в ряде регионов страны, уже прослеживалась тенденция деэскалации конституционного кризиса. Во многом благодаря этому документу удалось сохранить территориальную целостность Российского государства.

Одной из причин политико-конституционного кризиса было отсутствие основного правового акта, который регулировал бы все стороны общественной и государственной жизни. Устаревшая Конституция РФ не соответствовала произошедшим изменениям в стране, несмотря на попытки внесения изменений и поправок. Конституция, которая обязывает соблюдать определенные «правила игры», может быть принята только в условиях найденного компромисса. В рассматриваемый период компромисса не было, как не было и конкретной социально-экономической концепции, которая могла быть одобрена большей частью населения.

С.М. Шахрай отметил, что именно несовершенство действовавшей Конституции спровоцировало политический кризис. Поскольку в Основном Законе страны не были зафиксированы конституционные способы преодоления кризиса, это обстоятельство

подтолкнуло противоборствующие стороны к силовым методам разрешения конфликта [13, с. 253–258].

В процессе развития политического кризиса парламент, пользуясь своим правом менять нормы Конституции РФ, стал планомерно отодвигать сторонников реформ на второй план. Во многом ситуация в стране осложнялась тем, что парламентарии не могли быть привлечены к какой-либо ответственности. Представители законодательной ветви власти наделили себя такими широкими полномочиями, что распространили сферы своих интересов даже на области государственной деятельности, входящие в компетенцию других ветвей власти. Таким образом, присвоение парламентом властных полномочий позволило ему распоряжаться государственным имуществом, а также контролировать денежную и финансово-кредитную политику страны. Исследователь М. Кыдыралиев подчеркивает, что противостояние основных ветвей власти привело к нестабильности всей государственной системы, в связи с чем возникла необходимость в скорейшем проведении референдума [6, с. 87].

Проанализировав политический конфликт 1993 г., можно сделать несколько значимых выводов. Рассматриваемый политический конфликт был, по сути, конфликтом внутри элит, характеризовавшихся различными политико-корпоративными интересами. Нарастание недовольства граждан проводимыми реформами стало причиной того, что политический кризис приобрел социально-политический характер.

Проведенный анализ позволяет проверить и уточнить теорию полити-

ческих кризисов для событий 1993 г. в России.

1. Во время кризиса 1993 г. односторонняя «законность» насилия была использована правящей политической элитой лишь частично, что отражало ее большую нацеленность на развитие государства, нежели на сохранение собственной власти. Именно поэтому события 1993 г., хотя и имели военные аспекты, не переросли в революцию или в гражданскую войну.

2. Политический кризис 1993 г. в России показал, что спрос на реформы, который начал формироваться в 1970-е–80-е гг. в СССР, долгое время оставался неудовлетворенным из-за слишком медленно проводимых правящей партией реформ. Именно такая длительная общественная неудовлет-

воренность позволила Б.Н. Ельцину привлечь на свою сторону силовые структуры.

3. В России в 1993 г. контакт между правящей элитой и оппозицией существовал. При этом политический кризис обострился только тогда, когда политическая элита перестала стремиться к компромиссу и перешла к стратегии защиты собственных интересов.

4. Политический кризис 1993 г. был так называемой «точкой невозврата», предопределенной длительным откладыванием сложных политических решений еще во времена СССР. Теория политических кризисов указывает, что, несмотря на завершение острого периода кризиса в 1993 г., возможны дальнейшие его отголоски в новейшей истории России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность / 2-е изд. М.: Сашко, 2000. 528 с.
2. Гельман В.Я., Добронравин Н.А., Колоницкий Б.И., Травин Д.Я. Политический кризис в России: модели выхода. СПб.: М-Центр, 2012. 56 с.
3. Информация // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1993. № 4. С. 35–74.
4. Исаев И.А. Правоустанавливающее насилие: опасный итог // История государства и права. 2014. № 16. С. 59–63.
5. Кофанова Е., Кротов Н. Румянцев Олег Германович. Биографический портрет. 1993–1994 // Олег Румянцев [сайт]. URL: <http://rumiantsev.ru/a771>.
6. Кыдыралиев М. Основные причины и следствия политического кризиса 1993 г. в России // Вестник Исык-Кульского университета. 2005. № 13. С. 86–92.
7. Медушевский А.Н. Российская конституция в мировом политическом процессе: к десятилетию Конституции РФ 1993 г. // Мир России. 2003. № 3. С. 62–103.
8. Мониторинг перемен: основные тенденции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1996. № 2. С. 3–6.
9. Николаев К.В. Парламентско-правительственные кризисы и их влияние на политическую стабильность в условиях многонациональной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 1 (1). С. 132–138.
10. Новикова А. В. Политическая власть и политическое управление в современной России // Власть. 2014. № 3. С. 39–42.
11. Прядкина И.М. Кризисы политического развития на примере политической модернизации постсоветской России // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2015. № 1. С. 74–76.

12. Семченков А.С. Особенности управления политическими кризисами в России // Историческое образование. 2014. № 4 (4). С. 118–127.
13. Шахрай С.М. Конституция России: от кризиса к развитию // Логос. 2014. № 3 (99). С. 243–264.
14. Шереметьева Л.Н. 1993 год: конфликт центральных властей и его отражение в регионах России // Конфликтология. 2013. № 1. С. 53–63.

REFERENCES

1. Avak'yan S.A. The Constitution of Russia: nature, evolution, modernity / 2nd ed. Moscow, Sashko Publ., 2000. 528 p.
2. Gel'man V.Ya., Dobronravin N.A., Kolonitskii B.I., Travin D.Ya. [Political crisis in Russia: model output]. SPb., M-TSentr Publ., 2012. 56 p.
3. Information. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes], 1993, no. 4, pp. 35–74.
4. Isaev I.A. [Constitutive violence: dangerous result]. *Istoriya gosudarstva i prava*. [History of the state and Law], 2014, no. 16, pp. 59–63.
5. Kofanova E., Krotov N. Rumyantsev Oleg Germanovich. Biograficheskii portret. 1993–1994 [Oleg Rumyantsev Germanovich. Biographical portrait. 1993-1994] Oleg Rumyantsev [sait]. [Oleg Rumyantsev [website]]. Available at: <http://rumyantsev.ru/a771>.
6. Kydyraliev M. [The main causes and consequences of the political crisis of 1993 in Russia]. *Vestnik Issyk-Kul'skogo universiteta*, 2005, no. 13, pp. 86–92.
7. Medushevskii A.N. [The Russian Constitution in the global political process: the tenth anniversary of the Russian Constitution of 1993]. *Mir Rossii*, 2003, no. 3, pp. 62–103.
8. Monitoring the changes: major trends. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring the public opinion: economic and social changes], 1996, no. 2, pp. 3–6.
9. Nikolaev K.V. [Parliamentary and government crises and their impact on the political stability in the conditions of multinational Russia]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh ot-noshenii* [Issues of national and federal relations], 2013, no. 1 (1), pp. 132–138.
10. Novikova A.V. [Political power and political management in modern Russia]. *Vlast'*, 2014, no. 3, pp. 39–42.
11. Pryadkina I.M. [Crises of political development political modernization in post-Soviet Russia]. *Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i sotsial'nogo upravleniya* [Bulletin of Voronezh Institute of Economics and Social Management], 2015, no. 1, pp. 74–76.
12. Semchenkov A.S. [Features of the management of political crises in Russia]. *Istoricheskoe obrazovanie*. [Historical Education], 2014, no. 4 (4), pp. 118–127.
13. Shakhrai S.M. [The Russian Constitution: from crisis to development]. *Logos*, 2014, no. 3 (99), pp. 243–264.
14. Sheremet'eva L.N. [1993: the conflict of the central government and its reflection in the regions of Russia]. *Konfliktologiya*. [Conflictology] 2013, no. 1, pp. 53–63.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Поняев Иван Михайлович – аспирант кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова;
e-mail: iponyaev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan M. Ponyaev – postgraduate student of the Department of History of Social Movements and Political Parties, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: iponyaev@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Поняев И.М. К вопросу о перспективах создания единой теории конфликта в российской политологической литературе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 206–215.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-206-215

FOR CITATION

I. Ponyaev. Political Crisis of 1993 in Russia: Prerequisites, Reasons and Missed Opportunities to Resolve It. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 206–215.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-206-215

УДК 32.019.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-216-226

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аржаных Т.Ф.

*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (филиал в г. Иваново)
153025, г. Иваново, ул. Дзержинского, 53, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена проблеме кризиса общественного сознания в современной России. Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления процессов идеологического мифотворчества политических элит. Перспективы становления российской идентичности рассматриваются в контексте мировой геополитической обстановки и реалиях XXI в. Содержательные рамки национальной идеи новой России анализируются сквозь призму осмысления опыта идеологического строительства в СССР и противоречий западного «мультикультурализма». На основе применения феноменологической методологии изучения социокультурных процессов и компаративного метода сравнительного анализа эмпирических данных автор приходит к выводу о том, что концепты идентификационного самополагания формируются в условиях трансформации условий и структуры социально-политической коммуникации.

Ключевые слова: национальная идея, идеология, самоидентификация, Россия, XXI век.

IDEOLOGICAL DISCOURSE IN MODERN RUSSIA: PERSPECTIVES OF FORMING RUSSIAN IDENTITY

T. Arzhanykh

*Russian Economy University named after G.V. Plekhanov (Ivanovo branch)
53, Dzerzhinsky street, Ivanovo, 153025, Russian Federation*

Abstract. The present article is devoted to the problem of social conscience crises in modern Russia. The topicality of the research is determined by the necessity to understand the processes of ideological myth-making of the political elites. The perspectives of forming Russian identity are scrutinized through the context of the geopolitical situation in the world and the realities of the XXI century. Content frames of the national idea of the new Russia are analyzed in terms of an attempt of trying to comprehend the experience of ideological building in the USSR and the West “multiculturalism” contradictions. Through applying the phenomenological methodology of studying social and cultural processes and the method of the comparative analysis of empirical data the author comes to the conclusion that the concepts of identity and self-identificational purpose-making are formed in the conditions of transforming the conditions and the structure of socio-political communication.

Key words: national idea, ideology, self-identification, Russia, XXI century.

Меняющиеся мир и человек, многообразии культурных практик и форм цивилизации заставляют исследователей обращаться к поиску новых путей их осмысления. Начало двадцать первого века в судьбе России представляет собой хронологический период, для которого характерна трансформация символической сферы социальных отношений. Вызовы глобализации и геополитическое противостояние актуализируют процессы смысловой организации социальной реальности и метаморфозы идентификационного самополагания.

Данная статья имеет своей целью анализ наличного идеологического достояния, уместного с точки зрения перспектив формирования российской идентичности.

Задачи исследования предопределили изучение ключевых концептов, функционирующих в общественном сознании российского социума. В данной статье уточняются и дополняются сложившиеся в науке взгляды о социально-идеологических новациях в современной России.

«Эрзацы» политики идентичности: мультикультурализм и интеграция

Базовая характеристика социального кода идентичности – подвижность и изменчивость. Политические события нередко изменяют характер экономического развития страны, и тогда на первое место выходят процессы адаптации к новым социальным условиям. В то же время универсальные нормы и принципы глобального рыночного обмена влияют на аксиологические ориентиры и ментальные практики. Доктринальные комплексы

наднациональных объединений переживают трансформации и проверку на историческую прочность. Так, интеграционная модель Европейского союза (опирающаяся на идеологемы политкорректности и мультикультурализма) подвергается серьёзной деконструкции в связи с бурным ростом афро-азиатской, культурно чуждой, миграции. Противостояние национальных дискурсов исламского и европейского мира отчётливо выявило противоречия идеологии глобализации и толерантности. Политика выхлещивания базовых для европейского менталитета христианских ценностей и навязывания «прав» девиантных сообществ породила протестное движение в защиту традиционных устоев. Современная Европа представляет собой сложный симбиоз этнонациональных и этнокультурных процессов, способных существенно переключить цивилизационную карту Старого Света.

Руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований Национального исследовательского Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова, член-корреспондент РАН И.С. Семенов резюмирует инверсию лейтмотивов самоидентификации и дефицитность идеологических номинаций в качестве организующего звена социокультурной эволюции: «Образы и понятия, структурирующие национальную картину мира, вытесняются универсалистскими моделями самоидентификации. Но идёт и обратный процесс поиска социально значимых и эмоционально наполненных жизненных ориентиров, которые глобаль-

ный универсализм дать не может» [11, с. 118–119].

Опасность «взрыва» мифосимволических структур идентификационного самообоснования возрастает в периоды социально-политических изменений. В условиях смены институционального и культурного контекста идеологические скрепы приобретают особую роль в процессах консолидации социума. В этом смысле кризис идеологии и самоидентичности – феномен, не имеющий конкретной пространственно-временной привязки.

Российская идентичность: историческая ретроспекция контекстных факторов

Последнюю декаду двадцатого столетия в новейшей истории нашей страны уместно артикулировать в рамочном обрамлении идеологического нигилизма. Россия, после распада Советского Союза, на государственном уровне (путём фиксации в Конституции) провозгласила отказ от идеологичности во всех сферах общественной жизни. В условиях ценностного вакуума меркантилизм и потребительство оказались для многих россиян доминирующими стратегиями жизнеустройства. Сытая и комфортная жизнь стала восприниматься как самодовлеющая ценность. Деструктивным аспектом реальности без смыслообразующих паттернов и символов стало разрушение предметно-смыслового ядра ментальной матрицы сознания. Коллапс духовных ценностей проявился: во-первых, в утрате чувства исторической перспективы; во-вторых, в разрыве единого духовного пространства и утрате национально-го консенсуса по поводу базовых ак-

сиологических принципов, ставших предметом общественной полемики и утративших статус абсолютных ориентиров.

Социально-экономический кризис «девяностых» более-менее остался позади только в середине нулевых годов, когда была в целом сформирована правовая база рыночной экономики, улучшилась ситуация с законностью, сформировались основные принципы работы государства и функционирования гражданского общества в новых экономических и социальных условиях.

С обретением относительной стабильности стал возможен анализ духовных потребностей и интеллектуальных запросов населения России. Кроме того, правящим кругам стало очевидно, что идеология агрессивного потребительства, насаждавшаяся в предшествующий период, не в состоянии обосновывать и поддерживать существование сильного государства, необходимого для реализации политической и экономической власти.

В результате идеология исподволь возводится в ранг национально значимой и объективно необходимой ценности. В официальном идеологическом дискурсе «новой» России присутствует национально-гражданский и патриотический компонент. Дидактический посыл державной патриотической риторики очевиден: абсолютизация и сакрализация «особого пути», позиционирование идеи «Россия – великая страна» способствуют укреплению этатистских установок в общественном сознании. Спектр патриотических экспектаций в сознании россиян подробно охарактеризован в монографии авторитетного политолога и главного редактора электронного

журнала «Вестник МГОУ» А.В. Абрамова [1, с. 134–139].

Изменение содержания общественного мнения просматривается в представлениях и оценках, разделяемых большинством людей. Как отмечают эксперты ВЦИОМ, патриотический тренд доминирует в различных социально-демографических группах [8]. Социологические опросы фиксируют положительную динамику доли россиян, воспринимающих свою страну как влиятельное государство на мировой арене. В 2016 г. такой ответ выбрали 75%, в 2017 г. – 86% респондентов [10]. «Крымский консенсус», сложившийся между властью и обществом, также сработал как фактор роста авторитета государства. 97% респондентов считают Крым частью России, 78% уверены в позитивных последствиях данного политического решения для россиян [4]. Патриотическая номинация, поданная в исторической ретроспекции «общей судьбы» Крыма и России, в значительной степени восполнила «дефицитность» смысловой организации реальности в современной России. Но в дальнейшем консолидирующее действие мифосимволического комплекса может быть осложнено экономическими трудностями и социальными диссонансами.

Симплификация идеологических формул (выделение наиболее важных моментов) обеспечивает внедрение в общественное сознание определённой мотивации. Однако процесс конструирования коллективной идентичности (монодискурсивные рамки которого просматриваются в публичных высказываниях представителей властной элиты) на самом деле представляет собой вариативное поле идейных смыслов.

Идеологические дискурсы российской идентичности в трудах отечественных и зарубежных исследователей

В отечественной науке накоплен значительный пласт концепций и подходов, в которых проблематика идентичности получила разностороннее освещение [5]. Доктор политических наук, научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук М.А. Фадеичева обращает внимание на эклектичность когнитивных интенций акторов информационного влияния: «Идеологии мутируют, в результате чего развиваются идеологические гибриды, не позволяющие определить сколько бы то ни было ясно, точно и однозначно их видовую принадлежность. Если отличительной чертой постмодерных истин называют их контекстуальность и консенсусность, то еще в большей степени это относится к теориям и идеологиям» [13, с. 126].

Доктор политических наук, профессор Санкт-Петербургского университета Н.А. Баранов полагает, что в структуре общественно-политического сознания в современной России преобладают переходные формы «социально-либерально-консервативного дискурса»: «Правые и левые идеологии в своей нынешней форме во многом утратили свою силу, поэтому происходит взаимное проникновение новых идеологических течений и классических, в результате чего создается порой эклектический идеологический синтез» [3, с. 31].

Попытки конвертировать европейские просветительские концепты в дискурсивный механизм модернизационных проектов далеко не всегда

продуктивны. Прививка либеральной парадигмы на почвенном материале может привести к несовпадению внешних (формальных) и внутренних (укоренённых в сознании) маркеров коллективной идентичности. Наглядное подтверждение тому – диссонансы репрезентации концепта «патриотизм» в политическом пространстве современной России, о чём мы писали ранее [15]. Национальный идеал в контексте идеологемы «Единая Россия – государство свободных и равноправных граждан» синтезировал два центра: системоцентристское ядро и персоноцентристскую периферию. Подобная модель позволила совместить консервативно-государственную трактовку патриотизма с лично ориентированным вектором самоопределения. Хотя однобокое восприятие концепта «патриотизм» только в личностном аспекте чревато опасностью формирования индивидуалистов, живущих по принципу: «Где нам хорошо, там и Родина». Любовь к Отечеству в этом случае ограничивается ценностью личности с совокупностью неотчуждаемых прав и свобод, включающих свободу передвижения, выбор места жительства и гражданства. Подобную трактовку гражданственности сложно признать исчерпывающей, поскольку феномен патриотизма в данном случае существенно обедняется: из него исключаются многие факторы, влияющие на проявление ценностной полифонии и органической преемственности нравственных императивов поколений в рамках единой исторической судьбы нации.

Смысловой каркас новой российской идентичности трудно вписать в рамки одной идеологии. Доктриналь-

ный комплекс, выраженный в Конституции РФ, воспроизводит ключевые установки либерализма. В официальных выступлениях представителей власти присутствуют консервативные импульсы, связанные с исторической героикой и духовными традициями. Нерешённость экономических проблем редуцируют эрзацы идеологии социализма – ренессанс идеи равенства в социуме и социальной ответственности бизнеса. Поиск объединительной национальной идеи осложняется двойным противоречием. Классические идеологии (консерватизм, либерализм, социализм) нуждаются в актуализации содержательных контентов, более соответствующих реалиям современности и страны. Идеологемы общественных организаций (феминистских групп, активистов движения «зелёных», антиглобалистов) не обладают признаками полновесных мировых идеологий. Об этом пишет Дж. Шварцмантель, выдвинувший гипотезу о новой стадии политического дискурса – постидеологической [14]. Наличие так называемых «ограниченных идеологий» свидетельствует об усложнении структуры поля социально-политической коммуникации.

В современной России в условиях социальной дифференцированности общества неизбежна диффузия аксиологических предпочтений различных референтных групп. Люди старшего (пенсионного) возраста продолжают исповедовать патерналистские идеи. Взлёт востребованности религиозной самоидентификации также очевиден, поскольку религия воспринимается как институт стабильности и сохранения традиций. Динамика глобализационных изменений в мире

и наплыв разнообразной информации обусловили явление «клипового» (мозаичного) сознания с тотальным снятием запретов, норм и ценностей. Часть общества, не приемля постмодернистский моральный релятивизм, неизбежно будет искать иной канал ценностного самоопределения: либо в рамках государственной идеологии как таковой (априори заданной правящей элитой), либо в границах идеологических конструкций новых общественных движений.

Дивергенция сознания потенциально опасна в условиях активизации социально деструктивных экстремистских учений и квазирелигиозных националистических теорий. Доктор философских наук, главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории», руководитель Центра мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН А.П. Назаретян подчёркивает злободневность проблемы «религиозно-идеологического ренессанса»: «Национальные, классовые идеологии всегда служили механизмом объединения людей в большие группы за счёт противопоставления другим людям. Поэтому их неизменным спутником оставалась реальная или потенциальная война. В ментальной матрице «они-мы» единственный приём для пресечения конкретной войны – перенос агрессии на внешнего врага» [6, с. 142]. Противовесом может стать целенаправленная политика власти по формированию единой системы норм, ценностей и идеалов в контексте общей культурно-исторической традиции, опирающаяся на развитые институты гражданского общества и правовые нормы.

Особенности формирования национально-государственной идентичности современной России

Идеологии российской идентичности в реалиях XXI столетия, безусловно, должен быть присущ надконфессиональный характер. Сложно не согласиться с заместителем директора Челябинского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», член-корреспондентом Академии военно-исторических наук О.В. Осиповым, который, анализируя возможность общенациональной религиозной идеи в современной России, отмечает необходимость взвешенного подхода к роли и значению Русской православной церкви в качестве доминирующей «духовной скрепы» в обществе: «Преференции РПЦ могут скорее привести приверженцев иных религий и неверующих к оппозиции не только православию, но и государству» [7, с. 11]. Исторический опыт многонациональных государственных образований (Римской империи, Австро-Венгрии, Оттоманской Порты) свидетельствует о фатальной пагубности идеологии национализма, меркантилизма и пренебрежения принципами равноправия народов. Однако полное игнорирование национального аспекта в духе западного «мультикультурализма» также неприемлемо и опасно не меньше.

Сегодня активно обсуждается мысль о необходимости для России новой национальной идеи. Представляется бесспорным, что её инвариантным ядром должны стать такие основополагающие ценности, как уважение к истории страны, незыблемость тра-

диций, сохранение преемственности по отношению к нравственным идеалам предшествующих эпох. Солидарную мотивацию индивидуального и группового поведения может обеспечить государство – главный агент идеологических трансформаций. Однако интеграция россиян осложняется целым рядом факторов, в том числе – отсутствием позитивной идентификации с российским государством.

В этой связи представляется уместным обратиться к опыту идеологического строительства в СССР. Тип благополучного сознания советского человека был конвергентен: в нём господствовала идея поступательной успешности государственного строя. Люди ощущали сопричастность к пусть не идеальному и гармоничному, но мощному государству. «Мораль успеха» помещалась в определённое направление и темпоральное измерение: общество постоянно меняется к лучшему, а в перспективе грядущие поколения советских людей достигнут коммунизма, при котором будут разрешены все материальные проблемы и обеспечена возможность для подлинно свободного развития каждой личности. Коммунизма не случилось, однако не всё в идеологическом наследии советского прошлого выглядит несерьёзным. Очень важным компонентом советской коммунистической идеологии являлась высокая ценностная значимость познания и преобразования мира, которые мыслились в качестве главной цели существования человека и обладали экзистенциальным значением.

Сохранение в массовом сознании положительного образа СССР превалирует. Об этом свидетельствуют

данные опроса Левада-центра: более половины респондентов сожалеют о распаде Советского Союза, примерно столько же подвергают сомнению неизбежность его разрушения, и чуть больше половины хотели бы восстановления СССР и социалистической системы [9].

Идеализация советского строя во многом обусловлена ностальгией по относительно благополучию и безопасной предсказуемости жизни в Советском Союзе. Не случайно гагаринский полёт является (наряду с победой над фашизмом) одним из наиболее знаковых символов ушедшей эпохи. Подобное отношение общества к своему прошлому не может совсем игнорироваться правящей элитой. Поэтому, как представляется, стиль «ретро» в российской идеологии и политике сегодня опять в моде. 2011 г. был объявлен Годом космонавтики в России, 2012 г. стал Годом истории, 2014 г. – Годом культуры, 2015 г. – Годом российского кино.

2018 г. «офлажен» символической рамой концепта «гражданственность». Дискурс гражданского действия может стать гомогенизирующим фактором, структурирующим объединение общественного целого, поскольку предполагает активное отношение к происходящим в стране событиям и ответственность за свою Родину. В этом смысле гражданско-патриотический компонент самосознания является вполне вероятным модусом национально-государственной идентичности.

Выводы

Эффективность идеологического дискурса в формировании обще-

национальной идентичности определяется степенью соответствия аккумулируемых идей основаниям трансформирующейся коллективной солидарности. Эта мысль находит подтверждение в диссертационном исследовании Е.О. Сониной: «В аксиологическом измерении успех идеологии зависит от степени её пластичности по отношению к ценностям, претендующим в обновлённом, модернизированном обществе на статус универсальных» [12, с. 13].

Идея плюрализма культур имеет также конструктивный смысл, поскольку признаёт разнообразие мира как ценности, что противоположно версии мира, управляемого из одного или двух центров (подобный тезис защищаем идеологами глобализма и гегемонизма). Геометрия и траектория глобализации достаточно ясны: глобализируется английский язык, американская массовая культура, японская и германская технологии. Тем симптоматичнее выглядит попытка поворота современной России в сторону от глобалистской утопии, поскольку гарантированно суверенен только тот народ, который обладает ценностью в глазах других народов, когда он неповторим и имеет уникальное позиционирование в духовном смысле.

Заслуживает внимания научная позиция доктора исторических наук, профессора Московского государственного областного университета В.Э. Багдасаряна, посвятившего анализу моделей идентичности за рубежом и в России ряд фундаментальных научных трудов. Осмысляя современные процессы теоретико-идеологического строительства, исследователь замечает: «Ликвидация института государ-

ства при непосредственном силовом воздействии на него ещё не означает гибели государственности. <...> Но если поражены окажутся общество и человек, то властные институты, при всём их техническом совершенстве, будут обречены» [2, с. 12.]

Для современной России такая угроза более чем актуальна. Слабые навыки самоорганизации индивидов и социальных групп, недоверие к институтам гражданского общества, мировоззренческая аномия создают вектор восприятия идеологом национально-государственной идентичности по принципу «от интеллектуалов к массам» и институциональные возможности политического манипулирования. Защитным барьером российской идентичности от внешних и внутренних факторов может стать восстановление иерархии элементов системы ценностей.

Безусловно, общегосударственная идея должна быть только наднациональной, и в этом случае она может действительно служить объединяющим фактором, задавать перспективу и смысл совместной жизни людей в стране. Всякие разговоры о необходимости новых ценностей лишь усиливают моральный релятивизм, а его в сегодняшней российской действительности и так предостаточно. Суть вдумчивого подхода состоит не в создании новых нравственных норм, но в сбережении ценностей, формировавшихся на протяжении веков и сохранении культурного своеобразия.

Россия имеет неоспоримые заслуги перед человечеством и богатую многовековую историю. Прошлое заслуживает внимания, это – мостик, выстроенный предшественниками.

Ценностный и мировоззренческий фундамент самоидентификации россиян уместно строить на основаниях национальной самобытности и духовного преображения общества. К тому же дискурсивный элемент традиционализма не только явственно присутствует в пространстве российского социума, но и маркирует политические или массмедийные элиты в качестве идеократических субъектов общественного влияния (т.е. реализующих отношения управления). Патерналистский код дискурсивного поля социально-политического взаимодействия подразумевает особую ответственность российской власти перед народом. К сожалению, этот вопрос до сих пор остаётся большим местом современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А.В. Российский патриотизм: история и современность. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 183 с.
2. Багдасарян В.Э. Когнитивное оружие как инструмент подавления национальных творческих потенциалов // Развитие личности. 2016. № 1. С. 10–40.
3. Баранов Н.А. Основные направления идеологического дискурса в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2012. № 2. С. 19–34.
4. Крым и Севастополь: три года с Россией (пресс-выпуск № 3328. 2017. 16 марта) / ВЦИОМ [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116112> (дата обращения 13.10.2017).
5. Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 384 с.
6. Назаретян А.П. Терроризм, религия и задачи современного воспитания // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 141–144.
7. Осипов О.В. Возможна ли общенациональная религиозная идея в современной России? // Социум и власть. 2013. № 5(43). С. 6–12.
8. Патриотизм в России: если завтра война, если завтра в поход (пресс-выпуск № 3136. 2016. 22 июня) / ВЦИОМ [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115747> (дата обращения 13.10.2017).
9. Распад СССР / АНО «Левада-Центр» [сайт]. URL: <http://www.levada.ru/2016/04/19/gaspad-sssr> (дата обращения 30.06.2016).
10. Россия – великая держава (пресс-выпуск № 3327. 2017. 15 марта) / ВЦИОМ [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116111> (дата обращения 13.10.2017).
11. Семененко И.С. Социокультурная модернизация и конфликт идентичностей // Россия формирующаяся. 2013. № 12. С. 111–131.
12. Сони́на Е.О. Концепт «модернизация» в политическом дискурсе современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 23 с.
13. Фадеичева М.А. Этнонационализм в политическом дискурсе российского постмодерна // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2006. Т. 2. № 2. С. 125–133.
14. Шварцмантель Дж. Идеология и политика. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 312 с.
15. Arzhanykh T.F. Modern Russian nationalism: origins and prospects // A person in the modern World. Research articles. San Francisco, California: Published by B&M Publishing, 2013. Pp. 4–9.

REFERENCES

1. Abramov A.V. [Russian patriotism: history and modernity]. Moscow, MGOU Publ., 2016. 183 p.
2. Bagdasaryan V.E. [Cognitive weapons as an instrument of suppressing the national creative potential]. *Razvitie lichnosti*, 2016, no. 1, pp. 10–40.
3. Baranov N.A. [The main directions of ideological discourse in modern Russia]. *POLITEKS*, 2012, no. 2, pp. 19–34.
4. Krym i Sevastopol': tri goda s Rossiei (press-vypusk № 3328. 2017. 16 marta) [Crimea and Sevastopol: three years with Russia (press release No. 3328. 2017. March 16)] VTSIOM [sait] [VTSIOM [website]]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116112> (accessed 13.10.2017).
5. [The cultural complexity of modern nations]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016. 384 p.
6. Nazaretyan A.P. [Terrorism, religion and the problems of modern education]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2011, no. 4, pp. 141–144.
7. Osipov O.V. [Is religious national idea possible in modern Russia?]. *Sotsium i vlast'*, 2013, no. 5 (43), pp. 6–12.
8. Patriotizm v Rossii: esli zavtra voina, esli zavtra v pokhod (press-vypusk № 3136. 2016. 22 iyunya) [Patriotism in Russia: if tomorrow a war outbreaks, if tomorrow we have to take part in a campaign (press release No. 3136. 2016. June 22)] VTSIOM [sait] [VTSIOM [website]]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115747> (accessed 13.10.2017).
9. Raspad SSSR [The collapse of the USSR] ANO «Levada-Tsentr» [sait] [ANO "Levada-Center" [website]]. Available at: <http://www.levada.ru/2016/04/19/raspad-sssr> (accessed 30.06.2016).
10. Rossiya – velikaya derzhava (press-vypusk № 3327. 2017. 15 marta) [Russia is a great power (press release No. 3327. 2017. March 15)] VTSIOM [sait] [VTSIOM [website]]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116111> (accessed 13.10.2017).
11. Semenenko I.S. [Socio-cultural modernization and the conflict of identities]. *Rossiia formiruyushchayasya*, 2013, no. 12, pp. 111–131.
12. Sonina E.O. [The concept of "modernization" in the political discourse of modern Russia: abstract of a thesis...cand... polit. sciences]. Rostov-on-Don, 2013. 23 p.
13. Fadeicheva M.A. [Ethno-nationalism in the political discourse of Russian post-modernism]. *POLITEKS* [POLITEKS], 2006, no. 2, pp. 125–133.
14. Svartmetall George. [Ideology and politics]. Kharkiv, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2009. 312 p.
15. Arzhanykh T.F. [Modern Russian nationalism: origins and prospects]. *A person in the modern World: Research articles*. San Francisco, California, Published by B&M Publishing Publ., 2013, pp. 4–9.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аржаных Татьяна Фёдоровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ивановский филиал ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»;
e-mail: maler37@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana F. Arzhanykh – PhD in History, associate professor at the Department of Humanities and Sciences, Ivanovo branch of Russian Economy University named after G. V. Plekhanov;
e-mail: maler37@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Аржаных Т.Ф. Идеологический дискурс в современной России: перспективы формирования российской идентичности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 216–226.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-216-226

FOR CITATION

T. Arzhanykh. Ideological Discourse in Modern Russia: Perspectives of Forming Russian Identity. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 216–226.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-216-226.

УДК 329.11(470+571)

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-227-240

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Вититнев С.Ф.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются черты и особенности современного российского консерватизма, выявляются закономерности и основные этапы его становления и развития, причины роста политического влияния. Дана характеристика основных направлений внутри консервативного движения, раскрывается специфика их идейно-политической деятельности, в первую очередь, связанной с попытками модернизации своего имиджа и самоидентификации. Раскрывается социальная природа современного российского консерватизма. Делается вывод, что, несмотря на наличие ряда проблем, стоящих перед российским консерватизмом, его положение в рамках действующей политической системы достаточно устойчиво, что определяется поддержкой со стороны значительной части правящего класса.

Ключевые слова: консервативная политика, идеология консерватизма, консервативные течения, левый консерватизм, ситуативный консерватизм.

MODERN RUSSIAN CONSERVATISM AND THE POLITICAL PROCESS

S. Vititnev

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article scrutinizes the traits and peculiarities of the modern Russian conservatism. The objective laws and main stages of its formation and development are found out. The reasons for the growth of its political influence are given. The main flows inside the conservative movement are characterized, as well as the specificity of their ideological-political activities. First of all, the specificity connected with the attempts to modernize the political image and self-identification is studied. The social nature of the modern conservatism is disclosed. The conclusion is made, which states that the position of the Russian conservatism inside the present political system is rather stable despite it has numerous problems. This stability is defined by the support given by the substantial proportion of the ruling class.

Key words: conservative politics, ideology of conservatism, conservative movements, the left conservatism, situational conservatism.

Первые десятилетия XXI в. в российской политической жизни были ознаменованы укреплением позиций партий, движений, кругов, заявлявших о своей приверженности к консервативным ценностям, в ряде случаев напрямую идентифицирующих себя с представителями дореволюционного российского консерватизма, либо охотно проводившими параллели между своими идейно-политическими установками и теми, что выдвигались некоторыми зарубежными организациями как прошлого, так и настоящего, традиционно относимых к консервативному лагерю.

При этом, несмотря на все аналогии и сопоставления, обнаруживалась их условность, поскольку постсоветский, постсоциалистический консерватизм по целому ряду характеристик заметно отличался от неких канонов, приверженность к которым демонстрировали консерваторы иных эпох и иного национального происхождения. Подобная ситуация вполне закономерна, поскольку за более чем два века с момента своего возникновения консерватизм, под воздействием происходящих общественных изменений не только национального, но и планетарного масштаба, поменял свой облик, обретая новую социальную базу, был вынужден обновлять свои идейно-политические установки, ассимилируя концепции, заимствованные из других идеологий, в частности, либерализма. Как отмечает в этой связи А.Н. Окара, консерватизм предстал как реактивный идеологический проект, альтернативный Просвещению и буржуазной революции во Франции с 1789 г., но его дискурс был ограничен эпохой модерна. В условиях же постмодерна

– вторая половина XX в. – начинают появляться различные идеологические гибриды [12, с. 119].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что у консерватизма существуют родовые признаки, хотя в зависимости от эпохи, сложившейся в стране политической ситуации, некоторые из них могут утратить былое значение, обнаруживая себя в заметно трансформированном виде, тесно переплетаясь с признаками ранее отсутствующими, но с некоторых пор обретшими ключевое значение, демонстрируя тем самым, что специфика консерватизма не сводится к единой и неизменной идейно-политической традиции, а, напротив, предполагает различного рода изменения, заимствования, модернизационные сдвиги. Так, к числу ключевых идей, сформулированных теоретиками феодального консерватизма, относились обоснования существования неравенства и благотворность социальных иерархий, культ сильного государства, отрицание институтов парламентской демократии, рассмотрение религии, Церкви, семьи, частной собственности в качестве незыблемых ценностей, признание «несовершенства» и греховности человеческой природы и ограниченных возможностей разума [11, с. 115]. Однако в наши дни многие из этих идей сняты с повестки дня или преподносятся посредством различного рода эвфемизмов.

Обращаясь к вопросу о соотношении общего и особенного применительно к политике и идеологии современного российского консерватизма, в теоретико-методологическом плане следует исходить из того, что консерватизм как социальный феномен, имеет

наднациональную природу, но обнаруживает себя в формах, во многом детерминируемых особенностями исторического бытия конкретных стран и народов, на определенных стадиях движения общества по пути внутренней трансформации, в первую очередь при переходе от феодального мироустройства к буржуазному [3, с. 10]. Это значит, что раскрытие сущности постсоветского консерватизма, выявление его черт и особенностей предполагает изучение в качестве определяющего фактора социальных противоречий и коллизий, пронизывавших жизнь общества вплоть до начала XXI в., порождая многочисленные страхи и негативные ожидания, что по прошествии, как пишет Л. Бызов, «революционной смуты» повергло массовое сознание в состояние политической апатии и безальтернативности, когда основой общественного согласия становится синтез различных идеологий [2, с. 4].

Говоря о современном российском консерватизме, отметим, что со времени своего возрождения в постсоветской России, он как в идейном, так и организационном отношении не может претендовать на целостность и внутреннее единство [15, с. 135]. Как идеология консерватизм изначально представал в виде конгломерата политических учений, идей, положений, по целому ряду позиций противоречащих друг другу [6, с. 62], многие из которых достались по наследству от русских консерваторов досоветского периода, также достаточно сильно расхопившихся во мнениях. Примером чему могут служить славянофилы и представители официально-монархического лагеря. Другим идейным источником постсоветского консерва-

тизма выступали политические теории авторов, уехавших в эмиграцию после победы социалистической революции в 1917 г., и ряда диссидентов советского времени.

Именно поэтому в 1990-е гг. XX в. консерватизм предстает как движение, носящее сугубо антисоветский и антисоциалистический характер, знаковыми фигурами которого выступали такие диссиденты, известные с советских времен, как А. Солженицын, И. Шафаревич, Л. Бородин, чья политическая деятельность и идейные установки строились в так называемом национально-патриотическом ключе. Этот же подход демонстрировали последователи (А. Дугин) другого консервативного течения – евразийства, доказывавшие с позиций геополитики необходимость сохранения России как евразийской цивилизации, созданной славяно-тюркским суперэтносом¹.

В конце XX – начале XXI в. набирает силу процесс политической институализации консерватизма – закладка его организационного фундамента. Именно тогда возникают партии, движения, газеты и журналы, провозглашавшие свою приверженность консервативным ценностям. К их числу относились Консервативная партия России «Российское земское движение», «Серафимовский клуб», журналы «Эксперт» и «Русский предприниматель», газета «Консерватор», движение младоконсерваторов и т.д. Их появление свидетельствовало о том, что консерватизм, не имевший в Советском Союзе устойчивой социальной базы и определявшийся как идейно-политическое

¹ Его создателями также были русские философы-эмигранты Н. Трубецкой, Г. Флоровский и др. См.: [14].

течение классово-антагонистического общества, несмотря на внутреннюю фрагментизированность, начинает обретать определенный политический вес и упомянутую социальную базу в лице национальной буржуазии, не связанной прочными экономическими отношениями с иностранным капиталом, а поэтому делающей свой бизнес, опираясь на внутренний рынок. Помимо этого, как указывает Э. Попов, его сторонников чаще всего можно было встретить среди представителей русской православной Церкви, в рядах ветеранов Вооруженных сил и спецслужб, казачества, а также национально ориентированной части интеллектуальной элиты [14, с. 51].

Складывание организационной структуры консервативного движения было вызвано спецификой реставрации капитализма в ходе так называемых демократических реформ, осуществляемых согласно рецептам классического либерализма и породивших в обществе множество конфликтов и противоречий. Это вызывало критику, подчас достаточно резкую, со стороны консерваторов-традиционалистов, враждебно настроенных по отношению к социализму, принимавших восстановление капиталистических порядков, но отвергавших те методы, с помощью которых эта задача решалась. Составляя ядро постсоветского консерватизма, они были убеждены в возможности, если использовать выражение В. Куликова и А. Ширинянца, рецепции отдельных идей и положений отечественной консервативной мысли в современной государственной практике [7].

В то же время коллизии общественной жизни стали стимулом для появ-

ления еще нескольких консервативных течений – правового, левого, либерального, номенклатурно-бюрократического толка [13; 9; 11]. Постсоветский консерватизм оказался подвержен мутациям, свойственным эпохе постмодерна, о чем речь шла выше.

Рост политического влияния консерватизма определялся как разочарованием подавляющего большинства населения в политике либеральных реформаторов, так и неспособностью коммунистов, потерявших статус правящей партии, вновь привлечь на свою сторону необходимое для возвращения к власти числа сторонников. При этом в силу того обстоятельства, что происходившие в стране изменения встречали отторжение, вызывали охранительные реакции не со стороны уходящих с исторической арены элитариев-аристократов или не овладевших новыми правилами рыночной игры отдельными фракциями класса капиталистов, а у достаточно широких слоев населения в консерватизме все громче начинают заявлять о себе течения, выступающие с критикой находящихся у власти политического режима, стремящиеся таким образом увеличить число своих сторонников.

Потребность в практическом воплощении этой задачи предопределила усиление левого фланга консервативного движения, лидеры которого отказываются от постулатов «классического» консерватизма, содержащих апологию социального неравенства, выдвигая на первый план идеи патриотического, демократического и даже социалистического звучания. Так, патриотическая тема нашла свое выражение в выступлениях и публикациях политиков, писателей, публицистов, разделяющих

мировоззренческие установки газеты «Завтра» (А. Проханов), партии «Родина», демонстрировавших позитивное отношение к советскому прошлому.

С идеями социал-реформистского толка начинают выступать ряд религиозных деятелей, тесно связанных с русской православной Церковью, утверждавших, подобно А.В. Щипкову, об обесценении универсальности либеральных принципов и возможности возникновения в этих условиях консервативного социализма [18, с. 247].

Более того, приверженность, демонстрируемая руководством Коммунистической партии Российской Федерации концепциям «русского социализма» и государственного патриотизма, содержащим элементы геополитики и идеи, заимствованные у славянофилов, евразийцев и даже извлеченные из произведений философа-белоэмигранта И. Ильина, известного своим враждебным отношением к советской власти и коммунистическому учению, утверждение исчерпания лимита на революции, комплиментарное отношение к Церкви и религии, дает основание некоторым авторам заявлять о консервативной природе данной партии [1, с. 1378].

Следует заметить: положение о том, что охранительными настроениями в нашей стране оказались охвачены широкие слои населения, благодаря чему и возникли «левые» тенденции в консервативном движении, отнюдь не противоречит другому, необходимому и определяющему в теоретико-методологическом плане, согласно которому консерватизм следует рассматривать как политику и идеологию, выражающие интересы, настроения, мировоззрение социальных групп, нисходящих

с исторической арены, испытывающих страх перед происходящими изменениями, стремящихся сохранить существующий статус-кво.

Дело в том, что разрушительные реформы конца прошлого века, сопряженные с закрытием тысяч предприятий, развалом целых секторов экономики, массовой безработицы, катастрофическим снижением уровня жизни и, как следствие, массовой маргинализацией населения, своей обратной стороной имели существенное изменение социальной структуры общества. Приспосабливаясь к новым реалиям, зачастую стремясь просто выжить, множество людей начинает перебиваться случайными заработками, вести мелкую торговлю, ездить за рубеж и перепродавать купленные там вещи, заниматься частным извозом и т.д.; при этом теряя квалификацию, утрачивая навыки, связанные с видом деятельности, осуществляемой в советское время, они смогли как-то вписаться в складывающуюся систему буржуазных отношений, превратившись, помимо своей воли, в весьма многочисленную социальную группу – мелкую буржуазию.

Обретя положение, предполагающее даже минимальный уровень социальной устойчивости, ее представители, изначально сожалея о канувшей в прошлое советской эпохе, тем не менее не стремились к возвращению в прошлое, не верили в возможность восстановления социализма, отвергали сколько-нибудь решительные изменения в обществе, опасаясь, что они приведут к последствиям, которые вновь обернутся социальной катастрофой.

Таким образом, именно новые мелкобуржуазные слои стали той силой,

что породили настроения «левого» консерватизма, задавая направленность его политического развития и содержание политической идеологии.

Консервативные настроения на рубеже прошлого и нынешнего веков все больше и больше начинают охватывать и представителей среднего и крупного бизнеса, до недавнего времени безоговорочно поддерживавших либерал-реформаторов, но, обретя положение экономически и политически господствующего класса, в условиях периодически заявляющих о себе кризисных процессов в финансово-экономической сфере, обострившейся внутриклассовой борьбе в собственной среде, участвовавших в выступлениях внесистемной оппозиции и усиливавшейся по целому ряду позиций конкуренцией со странами Запада на международной арене, заставляет многих из них идти по пути отказа от прежних идейно-политических приоритетов и переходить на позиции социального охранительства, обнаруживая растущий интерес к идеологии и политической практике консерватизма. Подобная трансформация была не столь болезненна, поскольку, как уже отмечалось выше, специфика консерватизма не определяется какой-то одной идеологической традицией, а потому осознание того, что возможна потеря обретенного статуса, политического влияния, материальных благ достаточно легко превращали бывших сторонников либерализма в консерваторов.

Строго говоря, это превращение начинается с момента прихода буржуазных реформаторов к власти в 1991 г., ведущих борьбу против советского строя и заявлявших о себе как об адептах классического либерализма. Однако

оказавшихся у руля государственного управления, провозглашая идею о минимизации вмешательства государства в экономику, поскольку все по местам должна расставить невидимая рука рынка, они предстают в качестве консерваторов, напоминающих западных либертарианцев [8]. Правда, в отличие от тех либертарианцев, команда «чикагских мальчигов» во главе с Е. Гайдаром выражала интересы не частных собственников, тяготящихся излишней опекой со стороны буржуазного государства, а формирующегося класса буржуазии, разрушившего государство социалистическое и опиравшегося на всестороннюю поддержку со стороны также находящегося в процессе формирования государства буржуазного.

Будучи оттесненными от власти своими бывшими единомышленниками, решившими дистанцироваться от либерализма, в его либертарианском исполнении, эта часть политического истеблишмента начинает концентрироваться в таких правоцентристских партиях, как «Гражданская сила», «Демократическая партия России», «Союз правых сил», «Партия Роста», «Гражданская платформа», сохраняя приверженность своим исходным установкам, позиционируя себя как правых либералов или даже как консерваторов¹. Электоральные неудачи время от времени заставляли руководство этих партий задумываться об изменении собственного образа в глазах избира-

¹ Как замечает в этой связи известный исследователь истории консерватизма А. Репников, можно предположить, что представители правых сил желают «заморозить» нестабильную и несовершенную политическую систему, сложившуюся за последние десятилетия, а подобный консерватизм выступает прикрытием для обанкротившихся политиков [20].

телей, что предполагало проведение собственного идейно-политического ребрендинга. Примером тому может служить «Правое дело», попытавшееся вторгнуться в чужое политическое пространство, начав осваивать, хотя и безрезультатно, национал-патриотическую проблематику.

Если одна часть вчерашних либералов начала превращаться в либертарианцев, судя по всему, не осознавая сути происходящего, то другая, о которой речь шла выше, свой «консервативный транзит» совершила вполне осознанно, перепрофилируя деятельность и политические установки созданных при их непосредственном участии партий.

Примером тому может служить появление в 1993 г. «Партии российского единства и согласия», выступившей с так называемым консервативным манифестом, авторами которого были В. Никонов и С. Шахрай, близко стоящими к властной элите того времени. В этом документе положения, типичные для идеологии либерализма (значимость частной собственности и свободы конкуренции) перемешались с теми, что были выдержаны в явно консервативных тонах (утверждавшие о существовании вечных ценностей, сохранение старого в сочетании с движением вперед, проведение необходимых реформ). Во второй половине 1990-х гг. о собственной консервативной ориентации устами своего лидера В. Черномырдина заявляет еще одна проправительственная партия, ранее считавшаяся либеральной – «Наш дом Россия», именуя себя «партией просвещенного консерватизма» [114, с. 65].

Весьма показательна политическая судьба нынешней партии власти «Еди-

ная Россия», образованной в декабре 2001 г. и уже на своем втором съезде в 2003 г. провозгласившая себя партией энергичного социального консерватизма, и в настоящее время определяющая свою политическую позицию как правоцентристскую и либерально-консервативную [5, с. 21]. Развивая это положение, заместитель секретаря Генсовета «Единой России» Ю. Шувалов утверждал, что консервативный поворот – не произвольный вектор политической элиты, а господствующий идейный и ценностный тренд самого российского общества, выражением чего служит рождение и успех его партии [19, с. 4]. В подтверждение своей консервативной идентичности лидеры «Единой России» обращаются к проблематике, определяющей специфику консервативного дискурса, в частности, значение традиций в истории российской цивилизации, роли Церкви и религии в ее становлении и развитии, подчеркивая, что «традиционные российские ценности легли в основу национального курса», реализуемого партией «Единая Россия», руководством российского государства¹ [4, с. 79].

Подобные действия достаточно критично воспринимались сторонниками консервативных течений, ориентированными на иные ценностные приоритеты. В частности, стремившимися подчеркнуть свою преемствен-

¹Касаясь вопроса о привлекательности консерватизма для современной российской власти, А. Давыдов и С. Устинкин указывают, что она определяется его универсальностью, связанной с ориентацией на индивидуальные для каждого общества и эпохи принципы, которые применительно к настоящему историческому моменту сводятся к отказу от революций и неприятию отвлеченных утопий, предполагающих радикальную перестройку общества.

ность с правым дореволюционным консерватизмом, знаковыми фигурами которого были Л. Тихомиров, К. Леонтьев, К. Победоносцев, М. Катков, или обращавшимися к концептуальным построениям таких зарубежных авторов, как В. Парето, К. Шмитт, М. Хайдеггер, Э. Юнгер, а потому воспринимавшими «консервативный транзит» партии власти как политическую мимикрию и «эпигонский консерватизм».

Не меньший скепсис в консервативной среде вызывал квазиконсерватизм КПрФ, в идеологии которой присутствовали положения, далекие от ортодоксального марксизма-ленинизма. По замечанию Э. Попова, причисление КПрФ к консервативному лагерю – следствие использования определенными политологами «ситуативного подхода», ведущего к методологической путанице, к тому, что консерваторами объявляются «партия власти», ультралибералы и их антиподы из «левопатриотического фланга» [14, с. 72]. Неприятие этого подхода своим следствием имело то, что в рядах российских консерваторов-ортодоксов начали раздаваться призывы осуществить процедуру самоидентификации¹, связывая ее с четким определением мировоззренческого ядра консерватизма.

Заметим, что, с этой точки зрения, участники консервативного движения,

¹ Применительно к политической науке, изучающей феномен современного российского консерватизма, эта процедура трансформируется в процедуру выявления сущностной специфики каждого из течений, заявляющих о своей консервативной природе. Если перефразировать известное высказывание К. Маркса, то подобно тому, как о человеке нельзя судить на основании того, что он сам о себе думает, так и о идейно-политическом течении невозможно судить на основании тех представлений, которые оно само о себе создает.

призывающие к реставрации самодержавия и мечтающие об организации социальной жизни в соответствии с представлениями авторов XIX в., скорее могут быть определены как реакционные романтики-утописты, чьи политические представления в условиях отсутствия необходимой социальной базы (дворянства) во многом определяются культурно-историческими и даже эстетическими воззрениями. В то же время охранительные умонастроения, охватившие определенную часть политических и экономических элит, свидетельствуют об осознании ими необходимости придать устойчивость во имя «увечковечивания» своего общественного положения, сложившейся в России системы социально-экономических и государственно-политических отношений, что вполне закономерно превращало вчерашних либералов в неопитов консерватизма.

Задаваясь вопросом, что следует сохранять, консерваторы-ортодоксы-традиционалисты, выступая своеобразным стержнем рассматриваемого движения, подчеркивают, что его нельзя сводить, уподобляясь упомянутым эпигонам, к сохранению институтов либеральной демократии, определяя подобное видение как проявление ситуативного или институционального, охранительного консерватизма, альтернативой ему назывался консерватизм подлинный, определяемый как интегральный и динамический. Так, по замечанию М. Ремизова, в концепции интегрального консерватизма контрактному подходу к обществу и индивидуализму противопоставляется органицизм, холизм (учение о приоритете целого по отношению к его частям), культурный фундамен-

тализм, рационализму – философия жизни, вере во всеобщие законы и универсальные ценности – историзм, социальному утопизму – геополитика и цивилизационный подход, вере в освобождение «естественного человека» – культурная антропология [15, с. 128–129].

На основании этих концептуальных установок формулируются пять принципов консерватизма, согласно первому, цивилизационному глобализму, Россия, будучи самостоятельной цивилизацией, не должна интегрироваться в какие бы то ни было глобальные альянсы, представленные в системе международных отношений (за исключением тех, где центром является она сама), поскольку это несет угрозу ее существованию.

Принцип экономического солидаризма, тесно связанный с предыдущим, гласит, что интеграция в мировое сообщество ведет к социальной дезинтеграции, связанной с деиндустриализацией, углублением сырьевой специализации, люмпенизацией населения и т.д., а потому государство должно предстать в виде мегакорпоративной системы, в рамках которой «политэкономические элиты» будут действовать во имя общегосударственных интересов, а бизнес и власть станут проявлять «исключительную солидарность» с собственным населением, «поскольку речь идет о соотечественниках». Отсюда следует, что социально-экономическая политика государства должна предполагать переход в его руки национального достояния в виде недр и инфраструктурных монополий и протекционизм для отечественных предпринимателей, обеспечение занятости и социальных прав для населения.

Принцип демографического национализма провозглашался в связи с тем, что в идеологии консерватизма особое внимание уделяется таким проблемам, как увеличивающийся приток из-за рубежа некоренных народов, а также разделённые положения русской нации на постсоветском пространстве. Их решение может быть достигнуто путем проведения политики, определяемой формулой «репатриация против иммиграции», предполагающей стимулирование процесса возвращения соотечественников, живущих в других государствах, на историческую родину [15, с. 133].

Принцип государственного легитимизма означает, что территориальная целостность России является фактом исторической преемственности всех форм российской государственности. Отсюда следует, что несоответствие этим формам системы государственного устройства отвергается, примером чему может служить неприятие концепции превращения России в государство-нацию с перспективой интеграции в евроатлантические структуры, а также концепции договорного федерализма, согласно которой государство учреждается своими собственными частями – субъектами федерации.

Принцип религиозного традиционализма предполагает поддержание высокого общественного статуса традиционных религий, их приоритет в культурной и влиянии в политической сферах. В первую очередь, речь идет о Православии, а значит, и о православной Церкви, деятельность которой определяет историческую идентичность государства, легитимизирует власть, способствует социализа-

ции граждан, придает России цивилизационную самостоятельность.

Эти же идеи с небольшими терминологическими отличиями представлены в концепции динамического консерватизма [16; 10]. Ключевой ценностной установкой здесь провозглашается патриотизм, отвергающий любые формы экспансии враждебных России сил. В связке с идеей патриотизма идут идеи: поддержания русской духовности, в основе которой, как подчеркивают консерваторы, лежит Православие, умеренного русского национализма (русская идея), сильного государства (державничество), социальной справедливости, экономического дирижизма, предполагающая активное участие государства в управлении экономикой, антиамериканизм и антизападничество.

Обозначая подобным образом свои идейно-политические приоритеты консерваторы-традиционалисты тем самым стремятся подчеркнуть отличие своего политического мировоззрения от мировоззрения поправевших либералов, показать неприятие результатов правления прозападных элит, вторгаясь при этом в проблематику, преимущественно осваиваемую левой политической мыслью, не забывая, впрочем, и теоретические наработки представителей русской консервативной мысли XIX в. [6, с. 60]. Так, указывая, что либеральные реформы привели к резкому снижению экономического, политического, военного потенциала страны, консервативные издания заявляют, что произошедшее стало возможным благодаря прямой поддержке всех разрушительных начинаний Западом, заинтересованным в ослаблении России, видевшим в ней

своего исторического врага и конкурента, о чем еще в позапрошлом веке писали Н. Данилевский и К. Леонтьев.

Несмотря на стремление консерваторов, выступающих с позиций идейной ортодоксии и стремящихся предстать в образе хранителей консервативных ценностей, подчас даже позиционирующих себя как системную оппозицию и контрэлиту [14, с. 52], результатом всех предпринимаемых ими усилий становились не победы на президентских или парламентских выборах, открывающие путь к обретению власти, а скорее превращение в младшего партнера партии власти, предоставляя той возможность заимствовать у себя определенные установки и лозунги.

Отдельные политические и идеологические расхождения не мешали консерваторам как из числа традиционалистов, так и в «ситуативных» неофитов говорить о наличии глобального, консервативного мегатренда современного цивилизационного развития, актуализации консервативных, фундаменталистских, традиционалистских моделей общественного развития, консервативном буме, охватившем Россию, определять консерватизм как стратегию будущего.

Достаточно часто аргументами в пользу способности консерватизма стать ведущим политическим движением, по крайней мере, в российских масштабах, выступает утверждение о его надклассовой и сверхидеологической природе, способности сочетать приверженность к национальным традициям, в том числе касающимся форм социально-политического устройства, с адаптацией к меняющимся реалиям общественной жизни, признанием необходимости проведения назревших

общественных реформ. Однако есть основания предполагать, что креативно-преобразовательные возможности консерватизма несколько преувеличены. Дело в том, что консерватизм как политическое движение идеологии отнюдь не носит надклассового характера, а напрямую произведен от интересов тех классов, положению которых начинают угрожать новые прогрессивные тенденции общественного развития; история консерватизма – прямое тому подтверждение. Консерватизм феодально-аристократический эволюционирует и превращается в консерватизм буржуазный, а учитывая, что призвание консерватизма любого вида сохранять, а не преобразовывать, предполагаемые консервативные реформы даже в условиях серьезного общественно-политического кризиса будут носить паллиативный характер, не предполагая сколько-нибудь серьезного ущемления интересов правящих элит. В особенности для роли реформаторов мало подходит консерваторы-традиционалисты, чье влияние на российскую государственную власть в начале XX в. не помешало низвержению монархии.

Что же касается XXI в., то свойственная ему высокая динамика экономического и социально-политического развития создает предпосылки для прекращения существования или

снижения значимости былых и, казалось бы, весьма устойчивых традиций. К тому же применительно к социально дифференцированным обществам вопрос о том, какие традиции можно рассматривать как общенациональные, представляется весьма спорным. Сказанное выше не означает, что консерватизм обречен на скорую политическую маргинализацию, напротив. Он будет жить до тех пор, пока будут существовать экономически и политически привилегированные группы, которым есть что терять и охранять. Маргинализация скорее станет уделом тех течений в консерватизме, которые излишне однозначно будут позиционировать свою приверженность правому радикализму, другим разновидностям политической реакции, не имеющему прочных социальных корней традиционализму.

Основной же массив консервативных партий и организаций, не ставя под сомнение верность своим идейно-политическим истокам, продолжит движение по пути интеграции в сложившуюся в России политическую систему, ассимилируя ценностные установки как либерального, так и социал-реформистского происхождения, рассчитывая таким образом увеличить число своих сторонников, тяготея к заключению политических союзов с прагматическими партиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Е.А. Идеальный облик российского социал-консерватизма // Вестник Башкирского университета. 2011. Т.16. № 4. С. 1376–1380.
2. Бызов Л.Г. «Неоконсервативная волна» в современной России: фаза очередного цикла или стабильное состояние? // Мир России (Социология. Этнология). 2010. Т. 19. № 1. С. 3–44.
3. Галкин А., Рахшмир П. Консерватизм в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1987. 192 с.
4. Давыдов А., Устинкин С. Консервативная идеология в политической системе современной России // Власть. 2010. № 11. С. 78–80.

5. История Партии // Единая Россия [сайт]. URL: <http://er.ru/history/> (дата обращения: 05.12.2017).
6. Консерватизм и развитие: основы общественного согласия / Под. ред. Б.И. Макаренко. М.: Альпина Паблишер, 2015. 332 с.
7. Куликов В.И., Ширинянц А.А. Консервативный дискурс в концептуальном пространстве современной политической науки // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 3. URL: <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/692> (дата обращения: 25.10.2017).
8. Макаренко Б., Макаркин А. Либералы // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М.: Наследие Евразии, 2006. С. 84–93.
9. Мантиков Б.А. Консерватизм в постсоветской России: между ностальгией и утопией // Политика. 2012. № 1. С. 33–54.
10. Миронов Д. Интегральный консерватизм (К 3-летию Синего Жирафа) // Русский национальный культурный центр – Народный дом [сайт]. URL: <http://rusnardom.ru/integralnyiy-konservatizm-k-3-h-letiyu-sinego-zhirafa/> (дата обращения: 05.11.2017).
11. Нечаев Д.Н. Консервативные ценности программных документов политических партий РФ на парламентских выборах – 2011 // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 1. С. 113–121.
12. Окара А.Н. Консерватизм как модернистский проект и политтехнологии элиты // Контуры глобальных трансформаций. 2010. Т. 3. № 4. С. 119–121.
13. Поляков Л.В. К изучению российского консерватизма: история и метод // Политика. 2012. № 4. С. 29–44.
14. Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т, 2005. 196 с.
15. Ремизов М. Консерватизм // Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений. М.: Наследие Евразии, 2006. С. 117–140.
16. Ремизов М. Консерватизм сегодня: аналитический обзор (27.01.2006) // АПН: Агентство политических новостей [сайт]. URL: <http://www.apn.ru/index.php?newsid=1748> (дата обращения: 05.10.2017).
17. Репников А.В. Русский консерватизм: вчера, сегодня, завтра // Консерватизм в России и в мире: прошлое и настоящее [Вып. 1]. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 9–20.
18. Щипков А.В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе: дис. ... докт. полит. наук. М., 2016. 418 с.
19. Шувалов Ю.Е. Новый этап развития российской демократии // Современный российский консерватизм: сборник статей. М.: [б/и], 2011. С. 4–5.

REFERENCES

1. Belyaev E.A. [The ideological character of the Russian social conservatism]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2011, T. 16, no. 4, pp. 1376–1380.
2. Byzov L.G. ["Neo-conservative wave" in contemporary Russia: a phase of the next cycle or a stable stage?] *Mir Rossii (Sotsiologiya. Etnologiya)*, 2010, T. 19, no. 1, pp. 3–44.
3. Galkin A., Rakhshmir P. [Conservatism in the past and present]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 192 p.
4. Davydov A., Ustinkin S. [Conservative ideology in the political system of modern Russia]. *Vlast'*, 2010, no. 11, pp. 78–80.
5. Istoriya Partii [The history of the party]. *Edinaya Rossiya [United Russia]* [website]. Available at: <http://er.ru/history/> (accessed 05.12.2017).

6. [Conservatism and development: foundations of public consent]. Moscow, Al'pina Publisher Publ., 2015. 332 p.
7. Kulikov V.I., Shirinyants A.A. [Conservative discourse in the conceptual space of modern political science]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)*, 2015, no. 3. Available at: <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/692> (accessed 25.10.2017).
8. Makarenko B., Makarkin A. Liberaly [Liberals] Myslyashchaya Rossiya. Kartografiya sovremennykh intellektual'nykh napravlenii [Thinking Russia. Cartography of the contemporary intellectual trends]. Moscow, Nasledie Evrazii Publ., 2006, pp. 84–93.
9. Mantikov B.A. [Conservatism in the post-Soviet Russia: between nostalgia and utopia]. *Politiya*, 2012, no. 1, pp. 33–54.
10. Mironov D. Integral'nyi konservatizm (K 3-letiyu Sinego Zhirafa) [Integral conservatism (3-anniversary of Blue Giraffe)] Russkii natsional'nyi kul'turnyi tsentr – Narodnyi dom [Russian national cultural center – the people's house] [website]. Available at: <http://rusnarod.ru/integralnyiy-konservatizm-k-3-h-letiyu-sinego-zhirafa/> (accessed 05.11.2017).
11. Nechaev D.N. [Conservative values of program documents of political parties of the Russian Federation in the parliamentary elections of 2011]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 2013, no. 1, pp. 113–121.
12. Okara A.N. [Conservatism as a modernist project and the political strategies of the elite]. *Kontury global'nykh transformatsii*, 2010, T. 3, no. 4, pp. 119–121.
13. Polyakov L.V. [To the study of Russian conservatism: history and method]. *Politiya* [Politiya], 2012, no. 4, pp. 29–44.
14. Popov E.A. [Russian conservatism: ideology and socio-political practice]. Rostov-on-Don, Rostovskii gos. un-t Publ., 2005. 196 p.
15. Remizov M. Konservatizm [Conservatism]. *Myslyashchaya Rossiya: kartografiya sovremennykh intellektual'nykh napravlenii* [Thinking Russia: a cartography of contemporary intellectual trends]. Moscow, Nasledie Evrazii Publ., 2006, pp. 117–140.
16. Remizov M. Konservatizm segodnya: analiticheskiy obzor (27.01.2006) [Conservatism today: the analytical review (27.01.2006)]. APN: Agentstvo politicheskikh novostei [APN Agency of political news] [website]. Available at: <http://www.apn.ru/index.php?newsid=1748> (accessed 05.11.2017).
17. Repnikov A.V. Russkii konservatizm: vchera, segodnya, zavtra [Russian conservatism: yesterday, today, tomorrow]. *Konservatizm v Rossii i v mire: proshloe i nastoyashchee* [Вып. 1] [Conservatism in Russia and the world: past and present [Vol. 1]]. Voronezh, Voronezhskii gos. un-t Publ., 2001, pp. 9–20.
18. Shchipkov A.V. [Liberalism and social conservatism in the modern ideological discourse: thesis... doctor of polit. sci.]. Moscow, 2016. 418 p.
19. Shuvalov Yu.E. Novyi etap razvitiya rossiiskoi demokrati [The new stage in the development of Russian democracy]. *Sovremennyyi rossiiskii konservatizm* [Modern Russian conservatism]. Moscow, [b/i], 2011, pp. 4–5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вититнев Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: svititnev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey F. Vititnev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the department of Politology and Law, Moscow Region State University;
e-mail: svititnev@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Вититнев С.Ф. Современный российский консерватизм и политический процесс // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 227–240.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-227-240

FOR CITATION

S. Vititnev. Modern Russian Conservatism and the Political Process. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 227–240.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-227-240

УДК 324

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-241-252

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦПРОСА

Мамараев Р.М.

*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанский научный центр РАН
367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, д. 75. ИИАЭ ДНЦ РАН*

Аннотация. Целью исследования явилось изучение посредством проведения массового политико-социологического опроса влияния социально-экономических факторов на электоральные предпочтения избирателей в Республике Дагестан перед выборами депутатов 18 сентября 2016 г. Были рассмотрены политические ориентации респондентов; значимость для них выборов как способа формирования органов государственного управления; предпочитаемый респондентами вид избирательной системы; оценка способов голосования за депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти; рейтинг популярности политических партий современной России; влияние конфессиональных предпочтений на электоральное поведение в Дагестане. По результатам проведенного исследования можно заключить, что в Республике Дагестан, наряду с политическими, правовыми, культурными и демографическими факторами, большое воздействие на политические установки электората оказывают социально-экономические факторы. Статья написана на основе результатов исследования проведенного в рамках плановой научной работы в отделе социологии ИИАЭ ДНЦ РАН за 2016 г.

Ключевые слова: электоральное поведение, электоральные предпочтения, выборы, абсентеизм, религия, протесты.

THE INFLUENCE OF THE SOCIAL AND ECONOMIC FACTOR ON THE ELECTORAL BEHAVIOR OF PEOPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN ACCORDING TO THE RESULTS OF THE OPINION POLL

R. Mamarayev

*Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Scientific Center of RAS
75, M. Yaragского st., Makhachkala, 367030, Republic of Dagestan, Russian Federation*

Abstract. The purpose of the study was to study the influence of social and economic factors on the electoral preferences of voters in the Republic of Dagestan, before the election of deputies on September 18, 2016, through a mass political and sociological survey. The author considers the political orientations of the respondents; the importance for them of elections as a way of forming public administration bodies; preferred type of the electoral system; evaluation of the methods of voting for deputies of legislative (representative) bodies of state power; the popularity rating of political parties of modern Russia; influence of confessional preferences on elector-

al behavior in Dagestan. The scientific novelty of the research is that the scientific experience of studying electoral preferences of voters has not yet been sufficiently accumulated in this subject in Russia and the subjects of the Russian Federation. As a conclusion of the study, it can be concluded that in the Republic of Dagestan, along with political, legal, cultural and demographic factors, socio-economic factors have a great impact on the political attitudes of the electorate.

Key words: electoral behavior and electoral preferences, elections, absenteeism, religion, protests.

В исследованиях электорального поведения [1; 2; 5–7; 10; 12–18] нельзя обойти стороной влияние социально-экономических факторов на данный политический процесс, зависимость электорального поведения от экономической ситуации, в которой оказывается население страны (или население различных территориальных образований). На сегодняшний день данная взаимосвязь представляет актуальность, в свете той внешнеполитической и социально-экономической ситуации в которой находится наша страна в преддверии выборов Президента Российской Федерации.

В странах, относящихся к современным демократическим и правовым государствам, экономические и социальные сдвиги не всегда трансформируются в электоральные. Тем не менее экономический фактор влечет за собой изменение поддержки правящей партии, правительства, президента страны. Существуют два противоположных мнения, что социально-экономический фактор влияет на электоральное поведение и некоторые улучшения социально-экономического положения населения, которые ассоциируются с достижениями действующего президента или правительства страны во внутренней политике и, как следствие, влияют на рейтинг президента, правительства, политических партий. В подавляющем большинстве

европейских стран зависимость политического выбора избирателей зависит от двух переменных – уровня инфляции и безработицы в государстве. Другое мнение, что социально-экономический фактор не всегда оказывается решающим в объяснении электоральных предпочтений избирателей [8, с. 13–38]. В большинстве случаев социально-экономический фактор накануне и во время голосования сказывается преимущественно через призму субъективной оценки избирателем перспектив экономического развития страны в целом и своего материального положения в частности [3], поэтому для анализа и прогноза результатов выборов предпочтительнее использовать не макроэкономические показатели, а результаты социологических опросов. Вопрос о значении социально-экономического фактора и его влияния на электоральные ориентации избирателей [4], является полемичным и дискуссионным, как среди учёного сообщества политологов, так и в среде профессиональных политиков, в силу чего исследователи электорального поведения совершенно по-разному дают ответ на него [11, с. 61–112].

Целью данного политолого-социологического исследования являлось изучение электоральных предпочтений в Республике Дагестан [9; 19] накануне выборов депутатов федерального и регионального уровня 18 сентября

2016 г. Данное исследование в Республике Дагестан является первым прикладным политико-социологическим исследованием по основным вопросам воздействия социально-экономических факторов на электоральные предпочтения избирателей, учитывая, что данная проблематика в России в целом и в отдельных ее регионах мало исследована и имеет небогатый эмпирический опыт. В данной статье полученные результаты будут рассмотрены через признак материального (т.е. социально-экономического) положения респондентов. Социологическое исследование с целью изучения электоральных предпочтений жителей Дагестана, проведенное летом 2016 г. среди городско-

го и сельского населения республики, в результате которого было опрошено 269 чел. Участниками опроса выступили рядовые граждане из различных социальных групп с разными политическими взглядами и убеждениями.

При изучении электорального поведения дагестанского населения важным в исследовании является выявление приверженности дагестанцев к тем или иным общественно-политическим идеям и политическому строю. В этой связи респондентам был задан вопрос: «**Какие политические взгляды вам близки?**» (см. табл. 1). Респондентам предоставлялась возможность отметить несколько предложенных вариантов ответов.

Таблица 1

**Результаты опроса об идейно-политических предпочтениях
(в % от общего количества опрошенных респондентов)**

Как изменилось ваше материальное положение за последнее время? Какие политические взгляды вам близки?	Улучшилось	Осталось неизменным	Ухудшилось	Итого:
Социалистические	23,3	35,8	23,3	29
Коммунистические	30	22	21,6	22,7
Социал-демократические	26,7	32,5	40,5	35,3
Теократические	3,3	1,6	6	3,7
Правые	0	5,7	4,3	4,5
Либеральные	6,7	7,3	4,3	5,9
Консерватизм	0	4,1	2,6	3
Национализм	6,7	13	7,8	10
Клерикализм	0	1,6	1,7	1,5
Центризм	3,3	2,4	0,9	1,9
Умеренные взгляды	13,3	10,6	8,6	10
Индифферентность	10	6,5	11,2	8,9
Итого:	11,2	45,7	43,1	

Результаты исследования показывают превалирование в установках опрошенных социал-демократических идей (каждый третий, опрошенный по всему массиву). Причем данная политическая ориентированность ярко выражена у подгруппы респондентов, чье материальное положение за последнее время ухудшилось, – практически у половины опрошенных в данной подгруппе. Второе ранговое место по значимости занимают социалистические идеи, которые больше всего выражены в подгруппе, чье материальное положение за последнее время осталось неизменным. На третьей позиции располагаются коммунистические взгляды, которые выражены у подгруппы, чье материальное положение за послед-

нее время улучшилось. На четвертом месте находятся два суждения «национализм» и «умеренные взгляды», отмеченные каждым десятым опрошенным по всему массиву. Остальные политические концепции и взгляды, как показывает проведенное исследование, практически не востребованы в массовом сознании населения республики. Таким образом, можно заключить, что население Республики Дагестан предпочитает социал-демократическое государственно-политическое устройство. Для выявления значимости уровня и видов выборов у респондентов, им был задан вопрос: **«Выберите наиболее значимые для Вас выборы?»** (см. табл. 2).

Таблица 2

**Результаты опроса об оценке значимости выборов
(в % от общего количества опрошенных респондентов)**

Выберите наиболее значимые для Вас выборы? Как изменилось ваше материальное положение за последнее время?	Выборы Президента России	Выборы депутатов Государственной думы России	Выборы главы Республики Дагестан	Выборы депутатов Народного Собрания Дагестана	Выборы глав муниципальных образований	Выборы глав сел	Выборы муниципальных депутатов	Никакие
Улучшилось	56,7	10	26,7	10	10	16,7	0	10
Осталось неизменным	49,6	8,9	31,7	4,1	12,2	12,2	2,4	13
Ухудшилось	50	6	20,7	5,2	8,6	16,4	1,7	29,3
Итого:	50,6	7,8	26,4	5,2	10,4	14,5	1,9	19,7

Результаты ответов показывают доминирование значимости выборов Президента России (первое ранговое место, в том числе и в подгруппах), главы Республики Дагестан, никакие выборы не интересуют каждого пято-

го опрошенного (данная позиция ярко выражена в подгруппе чье материальное положение ухудшилось), «глав сел, «глав муниципальных образований», «депутатов Государственной думы России, депутатов Народного Собра-

ния Республики Дагестан (НС РД), «муниципальных депутатов». Таким образом, первостепенными выборами для дагестанцев являются выборы Президента Российской Федерации и главы Республики Дагестан. Остальные выборы являются второстепенными, т.к. они с большим отрывом отстают от первостепенных для граждан Дагестана выборов. Муниципальные выборы глав городских и сельских муниципальных образований для населения стоят выше, чем выборы депутатов в федеральный и республиканский (в котором представлены на региональном уровне общероссийские политические партии, большинство в котором принадлежит партии «Единая Россия») законодательные органы, а выборы депутатов муниципальных образований набрали статистически незначительную цифру. При этом достаточно высок показатель безразличия избирателей ко всем уровням выборов.

Далее респондентам было предложено выбрать **вид избирательной системы депутатов в законодательные органы**. Полученные результаты говорят о явном доминировании варианта ответа «Беспартийные, независимые кандидаты тоже должны иметь возможность избираться в депутаты» – 70,3 % (данное мнение доминирует в подгруппах «ухудшилось» и «осталось неизменным»), которые подразумевают использование мажоритарной избирательной системы. А вариант пропорциональной избирательной системы депутатов – «Депутатами Народного Собрания РД и муниципальных образований должны быть только члены партий» – 29,7 %, выражен у подгруппы, чье материальное положе-

ние улучшилось. Таким образом, дагестанский электорат выразил желание, чтобы наряду с пропорциональной системой существовала и мажоритарная избирательная система при выборах депутатов, т.е. смешанная избирательная система, которая применялась при выборах депутатов Государственной Думы с 1993 по 2003 гг. и была отменена в России в период с 2007 по 2016 гг.

Далее в анкете респондентам было предложено **выбрать вариант голосования за партию по открытым или закрытым партийным спискам**. По результатам ответов по совокупности доминирует вариант голосования за политическую партию по открытым спискам (74,3%), с формулировкой «голосование за конкретных людей в списке партии, чтобы депутатами автоматически становились те, кто пользуется наибольшей поддержкой у населения», который доминирует во всех подгруппах. Второй вариант: «Голосование за партию, а руководство партии само решит, кто станет депутатом» получил поддержку у каждого четвертого респондента (25,7 %) и среди подгрупп выражен у тех, чье материальное положение улучшилось.

Результаты последних двух вопросов свидетельствуют о последовательности электорального предпочтения респондентов, их ориентированность голосовать за конкретных людей, а не за партию как таковую. Данную ситуацию можно объяснить тем, что респонденты довольны не всеми членами той или иной политической партии, представленной на выборах.

Накануне выборов республиканского и федерального уровня интерес представляет рейтинг основных политических партий, представленных

в политической системе российского общества. Был задан вопрос: «**В сентябре 2016 года будут проходить выборы, за какую партию Вы бы проголосовали?**» (см. табл. 3). Респондентам предоставлялась возможность отметить несколько предложенных вариантов ответов.

Респондентам предоставлялась возможность отметить несколько предложенных вариантов ответов.

Таблица 3

**Результаты опроса о предстоящем голосовании
(в % от общего количества опрошенных респондентов)**

Как изменилось ваше материальное положение за последнее время?	Улучшилось	Осталось неизменным	Ухудшилось	Итого:
В сентябре 2016 года будут проходить выборы, за какую партию Вы бы проголосовали?				
Единая Россия	50	48	38,8	44,2
Коммунистическая Партия (КПРФ)	10	7,3	9,5	8,6
ЛДПР	3,3	3,3	3,4	3,3
Народ против коррупции (дагестанское отделение представлено религиозными лидерами)	6,7	12,2	6,9	9,3
Партия народной свободы (ПАРНАС)	3,3	1,6	0,9	1,5
Патриоты России	0	2,4	1,7	1,9
Правое дело	0	0,8	0	0,4
Родина	0	0,8	0	0,4
Справедливая Россия	0	3,3	1,7	2,2
Яблоко	0	2,4	1,7	1,9
От большинства этих партий нет толку, нужны новые прогрессивные партии	3,3	3,3	7,8	5,2
Голосовал бы против всех	3,3	4,1	10,3	6,7
Я не пойду на выборы, так как от моего голоса ничего не зависит	10	11,4	9,5	10,4
Я не пойду на выборы, т.к. будет фальсификация результатов выборов	10	8,9	12,9	10,8

Полученные результаты демонстрируют явное преимущество политической партии «Единая Россия», которую отметил каждый второй опрошенный (данная позиция ярко выражена и доминирует во всех подгруппах), за ней с большим отрывом располагается партия «Народ против коррупции», которую отметил каждый одиннадцатый опрошенный (среди подгрупп

выражена в подгруппе «осталось неизменным») и замыкает тройку лидеров «КПРФ», которую выбрал каждый двенадцатый опрошенный (среди подгрупп выражена в подгруппе «улучшилось»). При этом каждый девятый опрошенный не будет принимать участие в выборах, с мотивацией возможной «фальсификации результатов выборов» (среди подгрупп выражено

в подгруппе «ухудшилось»), и каждый десятый опрошенный «не пойдет на выборы, считая, что от «его голоса ничего не зависит» (среди подгрупп выражено в подгруппе «осталось неизменным»). Рейтинг и уровень доверия к остальным партиям в массовом сознании дагестанских респондентов довольно низкий. Если рассматривать полученные результаты внутри подгрупп, то у тех, чье материальное положение улучшилось, выражены позиции «Единая Россия», «КПРФ» и две позиции нежелания идти на выборы по указанным в вопросе причинам. У респондентов, чье материальное положение осталось неизменным, выражены позиции «Единая Россия», «Народ против коррупции», а также две позиции нежелания идти на выборы. У подгруппы «ухудшилось положение» выражены позиции «Единая Россия», не пойдут на выборы из-за фальсификаций, голосование против всех, «КПРФ», нежелание идти на выборы из-за неверия в важность своего голоса, бесполезность данных партий, «Народ против коррупции». Уровень открытого электорального протеста в

Дагестане, выраженный в голосовании против всех, слабо проявляется (кроме подгруппы «ухудшилось»), но высок уровень нежелания принимать участие в выборах (по совокупности и во всех подгруппах), который в совокупности составляет 21,2 %. Можно предположить, что при определенных сложившихся экономических и политических условиях данная категория электората может составить потенциальную группу протестного голосования.

Во время избирательной кампании в Дагестане в 2016 г. активно свои политические амбиции проявляли исламские духовные лидеры, через выдвижение кандидатов в депутаты. Исходя из сложившейся ситуации, интерес представляют электоральные предпочтения дагестанских избирателей в отношении исламских партий и движений. Данный аспект был затронут в вопросе: «Если бы в Дагестане появилась «Исламская партия», Вы бы стали за нее голосовать?» (см. табл. 4). Респондентам предоставлялась возможность отметить несколько предложенных вариантов ответов.

Таблица 4

**Результаты опроса об отношении к гипотетической «Исламской партии»
(в % от общего количества опрошенных респондентов)**

Как изменилось ваше материальное положение за последнее время?	Улучшилось	Осталось неизменным	Ухудшилось	Итого:
Если бы в Дагестане появилась «Исламская партия», Вы бы стали за нее голосовать?				
Да, т.к. представители этой партии защищали бы интересы мусульман	46,7	29,3	26,7	30,1
Да, т.к. представители партии повысили бы нравственность в дагестанском обществе	10	17,9	4,3	11,2

Продолжение таблицы 4

Да, т.к. эта партия смогла бы сплотить дагестанцев и установить стабильность	13,3	16,3	11,2	13,8
Нет, т.к. партия под религиозными лозунгами и лозунгами защиты интересов мусульман будут преследовать свои корыстные цели	16,7	12,2	24,1	17,8
Нет, религиозные деятели и так вмешиваются в политическую жизнь республики, посягая на светские основы государства	13,3	21,1	34,5	26
Другое (напишите)	3,3%	7,3%	5,2%	5,9

Результаты исследования по данному вопросу показывают в первую очередь склонность респондентов по генеральной совокупности к положительному варианту ответа «Да, т.к. представители этой партии защищали бы интересы мусульман», который выражен в подгруппе с улучшившимся материальным положением и доминирует внутри подгрупп «улучшилось» и «осталось неизменным». Второе ранговое место занимает противоположное суждение «нет, религиозные деятели и так вмешиваются в политическую жизнь республики, посягая на светские основы государства», которое доминирует в подгруппе с ухудшившимся материальным положением. На третьем месте расположилось также отрицательное отношение к исламской партии, ибо она «под религиозными лозунгами и лозунгами защиты интересов мусульман будет преследовать свои корыстные цели». Данное суждение выражено у респондентов с ухудшившимся материальным положением. Вместе с тем опрошенные усматривают в появлении «Исламской партии в Дагестане» позитивный момент с возможностью сплочения дагестанцев и установления стабильности. Больше всего респондентов, разделяющих данное суждение, в подгруппе,

где материальное положение осталось неизменным. Возможности исламской партии на повышение нравственности в современном дагестанском обществе усматривает каждый девятый опрошенный. Данное суждение выражено в подгруппе, где материальное положение осталось неизменным. Если объединить положительные (55,1%) и отрицательные ответы (43,8%) по всему массиву, то можно увидеть преобладание положительного отношения к появлению «исламской партии» в Дагестане.

Если рассмотреть полученные данные в разрезе подгрупп, то увидим, что у респондентов, где материальное положение улучшилось, выражен положительный ответ с мотивировкой защиты интересов мусульман и отрицательный ответ с мотивировкой, что данная партия будет преследовать свои корыстные цели. Если внутри подгруппы объединить положительные (70%) и отрицательные ответы (30%), то получится доминирование положительных ответов. В подгруппе с не изменившимся материальным положением выражен положительный ответ с мотивировкой защиты мусульман и отрицательный ответ с мотивировкой, что религиозные деятели и так вмешиваются в политическую жизнь

республики, посягая на светские основы государства. При объединении положительных (63,5%) и отрицательных (33,3%) ответов в подгруппе, также получится доминирование положительного отношения к появлению данной партии. В подгруппе, чье материальное положение ухудшилось, выражен отрицательный ответ по причине того, что религиозные деятели и так вмешиваются в политическую жизнь республики, посягая на светские основы государства, и выражен положительный ответ с мотивировкой того, что представители этой партии защищали бы интересы мусульман. При обобщении положительных (42,2 %) и отрицательных (58,6 %) ответов в данной подгруппе, то получится преобладание отрицательного отношения к появлению «исламской партии», в отличие от остальных подгрупп. Данный вопрос показывает преобладание в массовом сознании дагестанских народов ориентацию на поддержание партии, основанной на исламском вероучении, однако электорат не склонен к теокра-

тическому государственному устройству (см. табл. 1).

Если по совокупности подытожить полученные результаты данного исследования, то можно сказать, что у каждого второго дагестанца за последнее время материальное положение осталось неизменным или ухудшилось и лишь у каждого девятого оно улучшилось, что в электоральных установках дагестанцев преобладают в целом социалистические, а в частности социал-демократические предпочтения общественно-политического устройства; предпочтение к смешанной избирательной системе (применение как пропорциональной, так и мажоритарной системы подсчета голосов) депутатов в законодательные органы; голосование за партию по открытым партийным спискам; наиболее значимыми являются выборы Президента России и главы Республики Дагестан; наибольшей популярностью пользуется партия «Единая Россия»; возможна поддержка потенциальной исламской политической партии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскакова Ю.М. Возможности экспертного прогнозирования результатов выборов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 2 (108). С. 14–22.
2. Баскакова Ю.М. «Мы эту власть не выбрали»: абсентеизм на выборах 2011–2012 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5 (111). С. 5–15.
3. Баскакова Ю.М. Недовольные и несогласные: социальное недовольство и его масштабы (часть I) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 2 (114). С. 24–32.
4. Баскакова Ю.М. Недовольные и несогласные: социальное недовольство и его масштабы (часть II) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 3 (115). С. 61–70.
5. Баскакова Ю.М. Электоральное прогнозирование в США: игроки рынка и понимание прогнозов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6 (130). С. 195–202.
6. Бызов Л.Г. Избирательный цикл 2011–2012 годов через призму ценностных и идей-

- ных противоречий общества (часть I) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 2 (114). С. 5–12.
7. Бызов Л.Г. Избирательный цикл 2011–2012 годов через призму ценностных и идейных противоречий общества (часть II) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 3 (115). С. 51–60.
 8. Гришин Н.В. Динамика электоральных предпочтений населения Юга России: сравнительное исследование. М.: Социально-политическая мысль, 2008. 181 с.
 9. Землянская Л.Ю. Эффективность государственной политики на Северном Кавказе: мнения жителей республик, их ключевые потребности и ожидания // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 1 (113). С. 44–50.
 10. Киселев В.О. Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 6 (124). С. 51–64.
 11. Ковров В.Ф. Теоретико-методологический анализ электорального поведения: социологический аспект. М.: Палеотип, 2007. 188 с.
 12. Львов С.В. Динамика социальной структуры и «эволюция» электоратов партий и кандидатов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 2 (114). С. 13–23.
 13. Мамонов М.В. Поствыборная ситуация в России: перспективы и риски // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 2 (108). С. 5–13.
 14. Мамонов М.В. Электоральный выбор и политическая активность: взаимосвязи и противоречия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5 (111). С. 28–45.
 15. Мамонов М.В. Электоральные предпочтения россиян: семь пятниц на неделе? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 2 (114). С. 33–39.
 16. Мартынова А.В. Мотивы участия/не участия студентов и учащихся в выборах депутатов Государственной Думы РФ (2011 г.) и Президента РФ (2012 г.) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 4 (116). С. 139–151.
 17. Мамонов М.В. Новые риски электоральной социологии (По результатам анализа осенних выборов 2013 г.) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 1 (119). С. 56–69.
 18. Сарансков В.Е. Формирование сети электоральной поддержки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 5 (117). С. 95–113.
 19. Шестопап Е.Б. Политическое лидерство в новых условиях: смена парадигмы восприятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 3 (115). С. 82–90.

REFERENCES

1. Baskakova Yu.M. [The possibility of expert forecasting election results]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 2012, no. 2 (108), pp. 14–22.
2. Baskakova Yu.M. ["We did not choose this power": absenteeism in the elections of 2011–2012]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2012, no. 5 (111), pp. 5–15.

3. Baskakova Yu.M. [Dissidents and malcontents: social unrest and its scale (part I)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2013, no. 2 (114), pp. 24–32.
4. Baskakova Yu.M. [Dissidents and malcontents: social unrest and its scale (part II)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2013, no. 3 (115), pp. 61–70.
5. Baskakova Yu.M. [Election forecasting in the United States: market players and understanding the forecasts]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2015, no. 6 (130), pp. 195–202.
6. Byzov L.G. [The electoral cycle of 2011–2012 through the prism of value and ideological contradictions of society (part I)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2013, no. 2 (114), pp. 5–12.
7. Byzov L.G. [The electoral cycle of 2011–2012 through the prism of value and ideological contradictions of society (part II)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2013, no. 3 (115), pp. 51–60.
8. Grishin N.V. [Dynamics of electoral preferences of the population of the South of Russia: a comparative study]. Moscow, Sotsial'no-politicheskaya mysl' Publ., 2008. 181 p.
9. Zemlyanskaya L.Yu. [The effectiveness of state policy in the Northern Caucasus: opinion of residents of republics, their key needs and expectations]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2013, no. 1 (113), pp. 44–50.
10. Kiselev V.O. [Trust in political institutions in Russia: the experience of sociological monitoring]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2014, no. 6 (124), pp. 51–64.
11. Kovrov V.F. [Theoretical-methodological analysis of electoral behaviour: the sociological aspect]. Moscow, Paleotip Publ., 2007. 188 p.
12. L'vov S.V. [Dynamics of social structure and evolution of the electorates of parties and candidates]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2013, no. 2 (114), pp. 13–23.
13. Mamonov M.V. [The post-election situation in Russia: perspectives and risks]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2012, no. 2 (108), pp. 5–13.
14. Mamonov M.V. [Electoral choice and political activity: relationships and contradictions]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2012, no. 5 (111), pp. 28–45.
15. Mamonov M.V. [Electoral preferences of the Russians: never know what they want from one minute to the next?] *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2013, no. 2 (114), pp. 33–39.
16. Martynova A.V. [Motives of participation/non-participation of students in elections of deputies of the State Duma of the Russian Federation (2011) and the President of the Russian Federation (2012)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2013, no. 4 (116), pp. 139–151.
17. Mamonov M.V. [New risks of electoral sociology (For results of the analysis of the autumn elections 2013)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2014, no. 1 (119), pp. 56–69.
18. Saranskov V.E. [The formation of a network of electoral support]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2013, no. 5 (117), pp. 95–113.
19. Shestopal E.B. [Political leadership in new circumstances: change of paradigm of perception]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2013, no. 3 (115), pp. 82–90.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мамараев Руслан Магомедсаламович – научный сотрудник отдела социологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН;
e-mail: ruslan070@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan M. Mamarayev – research worker of the Department of Sociology, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of RAS;
e-mail: ruslan070@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мамараев Р.М. Влияние социально-экономических факторов на электоральное поведение жителей Республики Дагестан по результатам соцопроса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 241–252.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-241-252

FOR CITATION

M. Mamarayev. The Influence of the Social and Economic Factor on the Electoral Behavior of People of the Republic of Dagestan According to the Results of the Opinion Poll. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 241–252.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-241-252

УДК 32

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-253-257

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ КВАНТИФИКАЦИИ ПРИ АНАЛИЗЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ЯВЛЕНИЙ

Панов А.И.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена проблемам использования квантификации при анализе политических процессов и явлений, а именно специфики использования квантификации в политической науке. Автор уделяет преимущественное внимание таким приемам квантификации, как шкалирование и индексирование политических феноменов. В результате получен вывод о необходимости увязывания измеренного количества, числа, интенсивности или степени проявления политического явления или процесса с анализом внутреннего содержания указанного явления или процесса. По мнению автора, это позволит не только избежать критики в формальности и поверхностности процедуры квантификации, но и действительно постичь суть изучаемого политического явления или процесса.

Ключевые слова: метод квантификации, инструментарий в политологии, анализ политических процессов.

PROBLEMS OF USING QUANTIFICATION WHILE ANALIZING POLITICAL PROCESSES AND PHENOMENA

L. Panov

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract. The article covers the problems of using quantification while analyzing political processes and phenomena, namely the specifics of using quantification in political science. The author pays much attention to such methods of quantification as: scaling and indexing of political phenomena. As a result the conclusion is made that it is necessary to tie up together the measured amount, number, intensity or the degree of the political phenomena manifestations with the analysis of its inner content. The author considers it will help not only avoid accusations in formality and superficiality of the quantification procedure, but also help get the core of the studied political phenomena or process.

Key words: method of quantification, tools of Politology, analysis of political processes.

Развитие политической науки в России требует как использования новых, так и пересмотра уже известных подходов к анализу политической реальности. К числу последних, несомненно, относится и квантификация¹. Сам термин был заимствован из естественных наук, а его первое применение в социальных и гуманитарных науках было зафиксировано в работах основоположников бихевиоризма. В настоящее время мы являемся свидетелями применения квантификации в экономике, социологии, истории и политологии. В советский период отдельные попытки применения квантификации предпринимали философы. В современной социальной философии квантификации в неявном виде использует В.А. Шишкин, который считает, что этапы развития национального самосознания – это смена форм политического и духовного идеала в результате накопления критических изменений содержания ценностей в течение одного этапа развития. По сути исследователем используется конкретно-историческая форма действия закона перехода количества в качество в области национального самосознания [7, с. 104].

Квантификация получила широкое распространение за рубежом. Считается, что сам термин первым использовал в своих работах Ч.С. Пирс (1839–1914). В той или иной степени приняли участие в разработке и развитии теории квантификации К. Лоренц (1903–1989) и П.А. Сорокин (1889–1968). Последний, впрочем, назвал стремление всё подвергать количественному измерению «квантофренией» – псев-

¹ Квантификация (от лат. Quantum – сколько и facio – делаю) – количественное измерение качественных признаков.

донаучным увлечением чрезмерной и неадекватной квантификацией общих положений и данных. Критически отнеслись к этому методу и другие учёные. «Квантификация, – писали американские учёные Г. Алмонд и С. Генсо, – несомненно, внесла вклад в крупные достижения в политической науке и других социальных науках. Но она также породила значительное количество псевдонаучных опытов, выпячивающих форму, а не содержание исследования» (цит. по [6, с. 22]).

В мире современной науки практически не существует дисциплины, в которой бы в той или иной степени не применялась квантификация. Но, являясь универсальным инструментом изучения политики, она тем не менее не получила должной теоретической разработки. В первую очередь это относится к российской политической науке, где квантификация применяется очень ограниченно и локально, преимущественно в сфере политического анализа. Как отмечает К.С. Гаджиев, «политический анализ – это в некотором роде искусство реконструкции не только рациональных, поддающихся квантификации, калькуляции мотивов, интересов людей, но также их иррациональных, подсознательных, неосознанных побуждений, которые невозможно квантифицировать и математизировать ... требуют воображения, интуиции, психологического проникновения и т.д.» [1, с. 34].

Применение квантификации к исследованию политических процессов связано в немалой степени с определенными трудностями. Это, прежде всего, касается использования в политологии индексов, шкал, формул, уравнений графиков, рейтингов и т.п.

Важно, чтобы выбранный инструментарий был вариативным, но не произвольным, согласовывался с другими общепринятыми приемами. Как представляется, только системно структурированный инструментарий может привести к реализации поставленной задачи по изучению конкретного политического процесса. Набор инструментов квантификации должен определяться целями исследования, которые определяют его характер и направленность.

Так, например, применение индексов повышает валидность исследования политического процесса: «В области политических наук понятие «индекс» обычно используется как комплексный показатель, полученный в результате агрегации других взаимосвязанных показателей, т. е. индексирование можно рассматривать как конкретный метод анализа информации, полученной эмпирическим путём. Это позволяет свести воедино количественные и качественные характеристики социума» [4, с. 111]. Таким образом, квантификация вообще и индекс в частности выступают как квинтэссенция количественных параметров и соединяет теорию и практикой изучения политического процесса.

Еще одним приемом из арсенала квантификации выступает измерительная шкала, при помощи которой данные приводится к количественным показателям [2, с. 43]. Разным типам отношений между субъектами и объектами политического процесса соответствуют разные уровни измерений: номинальный, порядковый, интервальный и абсолютный. По сути шкалирование обозначает присвоение объекту исследования символа. В

квантификации таким символом выступает цифра.

Квантификация помогает структурировать институционализированные и институционализированные политические процессы. Однако духовные, морально-нравственные аспекты политического процесса становятся для квантификации камнем преткновения. Иначе говоря, квантификация ярче, увереннее показывает внешнее, формальное, фактически уклоняясь от содержательного в исследуемом явлении.

Широкий спектр инструментов, с помощью которых мы осуществляем квантификацию создает опасность излишней детализации изучения самого процесса. Об этом предупреждал ещё А. Маслоу, отмечая, что «приоритет средств в ущерб целям увлекает науку на стезю мелочной квантификации, которая, в конце концов, может подменить собой истинные цели научного исследования и науки в целом» [3, с. 3].

Исследования можно подразделить как конкретно числовые и общеполитические. В первом случае качественные характеристики политического процесса, переводимые в количество, начинаются и заканчиваются цифрой. Гораздо сложнее уяснить смысл общеполитического направления, ибо оно имеет тяготение к философско-методологическому познанию окружающей действительности. В этом случае в процессе квантификации даётся приблизительная оценка качества политического явления, и механизм «отцифровки» просматривается нечётко. В этом случае важную роль играет субъективная оценка качественных признаков политического процесса. Сопоставление расчленённых элемен-

тов для того, чтобы сравнить их друг с другом для выяснения истинной значимости исследуемого политического события, во втором случае будет менее точным, но может быть более длительным во временных рамках чем простое и быстрое количественное выражение.

Как представляется автору, в процессе квантификации количество,

число, интенсивность или степень обязательно должна увязываться с внутренним содержанием явления или процесса. Таким образом, можно будет не только избежать критики в формальности и поверхности процедуры квантификации, но и действительно постичь суть изучаемого политического явления или процесса [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку / Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 1999. 544 с.
2. Егоров В.Г., Абрамов А.В., Федорченко С.Н. Сравнительная политология постсоветского пространства: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2015. 406 с.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
4. Митрохина Т.М., Баскакова Ю.М. Индексный анализ в сравнительной политологии // Современное общество: человек, власть, экономика. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2002. С. 108–116.
5. Панов А.И. Модянова Т.В. Квантификация в социально-гуманитарных науках // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 2. С. 110–117.
6. Соловьев А.А. Политология (политическая теория, политические технологии). М.: Аспект Пресс, 2000. 559 с.
7. Шишкин В.А. Этапы развития национального самосознания в России // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 102–105.

REFERENCES

1. Gadzhiev K.S. Introduction into the political science / Ed. 2nd, revised. and enh. Moscow, Logos Publ., 1999. 544 p.
2. Egorov V.G., Abramov A.V., Fedorchenko S.N. [Comparative politics of the post-Soviet space]. Moscow, KNORUS Publ., 2015. 406 p.
3. Maslou A. [Motivation and personality]. SPb., Evraziya Publ., 1999. 478 p.
4. Mitrokhina T.M., Baskakova Yu.M. Indeksnyi analiz v sravnitel'noi politologii [Index analysis in comparative politics] *Sovremennoe obshchestvo: chelovek, vlast', ekonomika* [Modern society: people, power, economy]. Saratov, Saratovskii gos. un-t Publ., 2002, pp. 108–116.
5. Panov A.I., Modyanova T.V. [Quantification in the Humanities and social Sciences]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2016, no. 2, pp. 110–117.
6. Solov'ev A.A. [Political science (political theory, political technologies)]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. 559 p.
7. Shishkin V.A. [The stages of development of national consciousness in Russia]. *Omskii nauchnyi vestnik*, 2009, no. 5 (81), pp. 102–105.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Панов Анатолий Иванович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: ai.panov@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly I. Panov – Doctor of Politology, professor, professor of the Department of Politology and Law, Moscow Region State University;
e-mail: ai.panov@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Панов А.И. Проблемы применения квантификации при анализе политических процессов и явлений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 253–257.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-253-257

FOR CITATION

L. Panov. Problems of Using Quantification While Analyzing Political Processes and Phenomena. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 253–257.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-253-257

УДК 325.14

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-258-268

СТРУКТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ МИГРАЦИИ

Маталаева Ф.Э.

Дипломатическая академия МИД РФ

119021, г. Москва, Остоженка, 53/2, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу социальных причин, инициирующих европейскую политику форсирования миграционных потоков и ее последствий. Автор акцентирует внимание на демографической ситуации в ряде стран Европы и раскрывает некоторые предпосылки актуального положения дел в этой сфере. В результате исследования автор приходит к выводу, что попытка заместить убыль носителей европейского культурного наследия выходцами из иной культурной среды ведет к деструктивным социальным результатам в настоящем и может привести к смене современной европейской культуры в будущем.

Ключевые слова: Европейский союз, демографическая проблема, рождаемость, старение населения, социальная отчужденность, миграция, социальный кризис.

STRUCTURAL BACKGROUND AND CONSEQUENCES OF EUROPEAN MIGRATION

F. Matalaeva

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

53/2 building 1 Ostozhenka, Moscow 119021, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of social reasons initiating the European policy of forcing migration flows and its consequences. The author focuses on the demographic situation in a number of European countries and reveals some of the prerequisites for an actual situation in this area. As a result of the research, the author comes to the conclusion that an attempt to replace the loss of bearers of the European cultural heritage by people from a different cultural environment leads to destructive social results in the present and can lead to a complete change of culture in Europe in the future.

Key words: European Union, demographic problem, fertility, population aging, social exclusion, migration, social crisis.

Миграция как социальное явление, актуализировавшее целый ряд проблем и ставшее причиной обострения политической обстановки в стабильных и благополучных до недавнего времени социумах, определяется объективными факторами. Среди последних есть факторы влияющие на темпы и масштабы (помимо конъюнктурных), а также структурные предпосылки, связанные с качественными социальными трансформациями. Такие предпосылки в большей степени,

чем где-либо, проявляются в социальной реальности наиболее развитых стран мира, в том числе европейских.

Первой и наиболее важной причиной, ставящей «управляемую миграцию» в ряд социально значимых проблем Европейского союза, является демографическая ситуация, стремящаяся к критическим значениям по своей остроте. По данным ООН, численность европейцев может сократиться с 739,2 млн. в 2017 г. до 706,8 млн. в 2050 г., т.е. на 4,4% [5]. Однако, сокращение численности населения не отражает в полной мере остроты демографической проблемы и ее влияния на социально-экономическое положение в странах Европы.

В большинстве европейских стран убыль населения связана с падением рождаемости. Германия, являющаяся политическим и экономическим центром объединенной Европы, входит в число стран Старого Света с наименьшими показателями рождаемости [12]. Сохранение лидерских позиций за этой европейской страной непосредственно зависит от того, насколько успешно будет решена демографическая проблема. При низкой рождаемости приток населения во многих государствах происходит исключительно за счет легальной и нелегальной миграции. Темпы миграции до 2010 г., обеспечивающие воспроизводство населения, были явно недостаточными для того, чтобы компенсировать его естественную убыль [14].

Общее убывание количества европейцев далеко не исчерпывает сложности демографической ситуации. Сокращение общей численности населения сопровождается развивающимся еще большими темпами процессом

уменьшения доли социальных групп работоспособного возраста (рис.1). Причем по прогнозу ООН тенденция, связанная с сокращением работоспособного населения, в Европе будет нарастать.

Предполагается, что уже в ближайшие полстолетия удельный вес пожилых людей в общей структуре населения Европы возрастет до 50%. Наиболее остро проблема старения населения ощущается в странах северной Европы, с самым низким уровнем смертности и самой высокой продолжительностью жизни [12]. Только за период с 1990 по 2005 гг. количество европейцев в возрасте моложе 20 лет сократилось со 116 млн. до 103 млн. человек. Таким образом, удельный вес молодежи в общей численности населения уменьшился с 26,5 % до 22,3 %, а доля достигших возраста свыше 60 лет увеличилась с 19,2 % до 21,9 % [14].

Население Европы не только убывает, значительно ограничивая масштабы рынка труда, но прежде всего уменьшается в социальных стратах наиболее активной его части, определяющей, в числе прочего, научно-технический прогресс.

Согласно данным демографов, для воспроизводства национальной популяции коэффициент рождаемости должен составлять не менее 2,11 на каждую семью. Даже уровень этого показателя в 1,9 не может обеспечить сохранение нации. Сравнение этих критериев популяции с фактически существующими показателями рождаемости отражает степень социальной значимости демографической проблемы в странах Европы. Коэффициент рождаемости во Франции составляет 1,8; Англии – 1,6; Германии – 1,3; Гре-

ции – 1,3; Италии – 1,2; Испании – 1,1. В целом по Европейскому союзу рождаемость в среднем составляет 1,38 на семью [4].

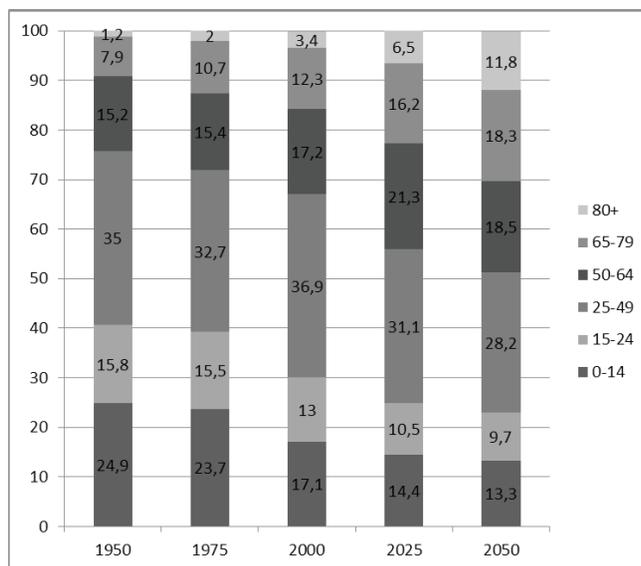

Рис. 1. Изменение возрастного состава населения Европы, 1950-2050 гг., % [5].

Сокращение общей численности населения на фоне его старения ведет к росту демографической нагрузки. Этот показатель, исчисляющийся отношением неработоспособных групп населения к работоспособным, по данным ООН, возрастет с 2005 по 2050 г. в 1,5 раза (рис. 2).

Возрастание демографической нагрузки, помимо прочего, ведет к рас-

ширению социальных обязательств государства и проблемам, связанным с поддержанием положительного баланса государственного бюджета в странах Европейского союза. Такое положение дел обострит и без того непростую ситуацию с государственным долгом в Европе, представление о котором дают данные за 2016 г. (табл. 1) [3].

Таблица 1

Государственный долг стран Европы на 2016 г.

Название страны	Внешний долг (трлн. долларов)	Внешний долг к ВВП (%)
Великобритания	9, 836	396
Германия	5, 624	159
Франция	5, 633	188
Нидерланды	3, 733	309
Испания	2, 570	165
Италия	2, 684	101
Ирландия	2, 357	1060
Люксембург	2, 146	3411

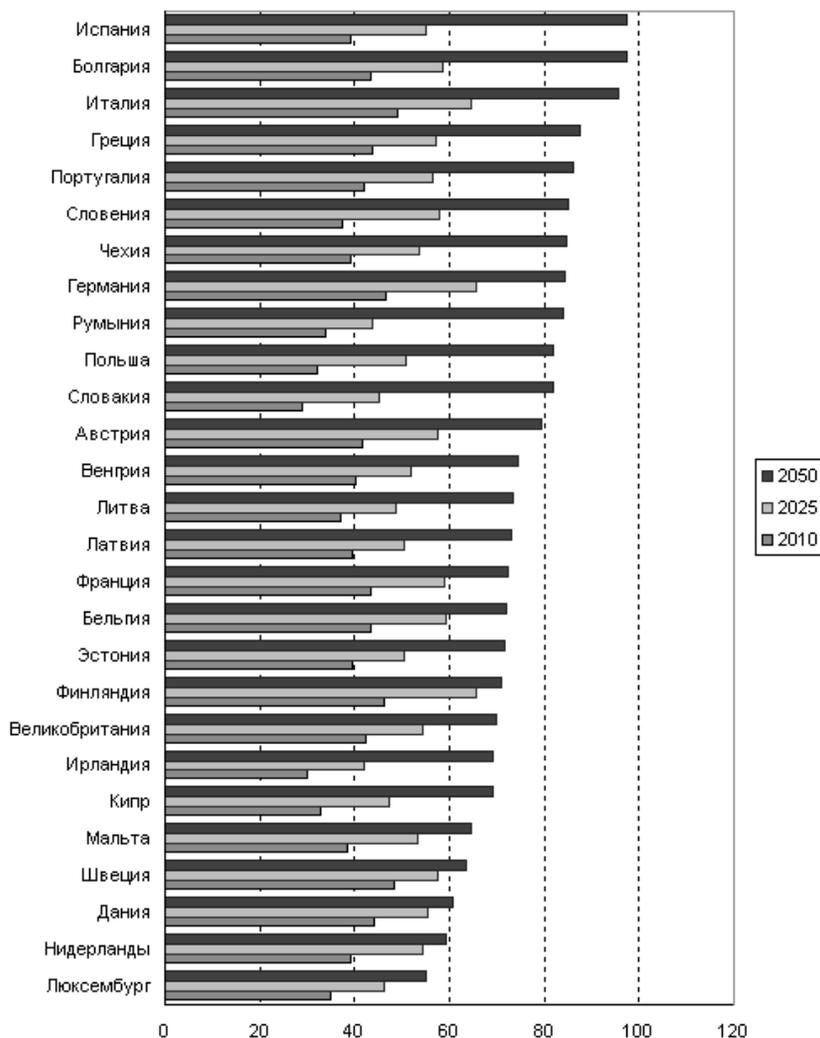

Рис. 2. Демографическая нагрузка на население трудоспособного возраста (20–59 лет) населением старших (60 лет и старше) возрастных групп в странах Европа-27, по базовому варианту прогноза в 2010, 2025 и 2050 годах, % [16–18].

Институт семьи, укрепление которого могло бы обеспечить разворот негативных демографических тенденций в положительное значение, находится далеко не в самом лучшем состоянии, что позволяет многим социологам говорить об «умирании семьи» в Европе. Церковные христианские общины, всегда считавшиеся оплотом социальной стабильности в том числе в части

сохранения семейно-брачных устоев, также, как и сам институт семьи, переживают не лучшие времена. Только в Германии количество закрывающихся ежегодно храмов исчисляется тысячами [8]. Расшатыванию традиционных устоев семейной организации Европы способствует стремление властей преуспеть в достижении свободы личности, даже в тех проявлениях, которые

противоречат человеческой сущности как таковой. В Голландии легально существуют «кафе», распространяющие «легкие» наркотики, галлюциногенные грибы, марихуану. При этом по данным центров лечения наркомании 90 % их пациентов получили зависимость именно в таких заведениях. В этой же стране зарегистрирована и официально действует партия, отстаивающая права педофилов. Правительство Великобритании официально разрешило продажу детских презервативов [8].

Согласно исследованиям французского Института демографических исследований сожителство становится основной формой семьи. При этом живущие вместе вне брака значительно реже нормальных семейных пар решаются на рождение детей. Во Франции, Англии и Германии распадается каждый второй заключенный брак. По свидетельству европейского Института семейной политики, каждые 30 секунд в

Европе распадается одна семья, а каждый год – более миллиона. Средний возраст брачных отношений в Европе составляет 13,9 лет (во Франции – 12,3 года, в Италии – 17 лет). Средний возраст разводящихся французов менее 45 лет, французенок – 43,5 года [7].

Помимо мер социальной защиты материнства и детства, важнейшим направлением европейской государственной демографической политики является «регулируемый» приток мигрантов из стран Магриба и Ближнего Востока (рис. 3). Согласно опросам, проведенным среди прибывающих оттуда семей, главным мотивом их переезда в Европу является не бегство от опасности, а возможность устроить свою жизнь более благополучно. Именно поэтому основной поток мигрантов направлен не на периферию Европейского союза, а в государства с наиболее высоким уровнем жизни и гарантией получения социальных благ.

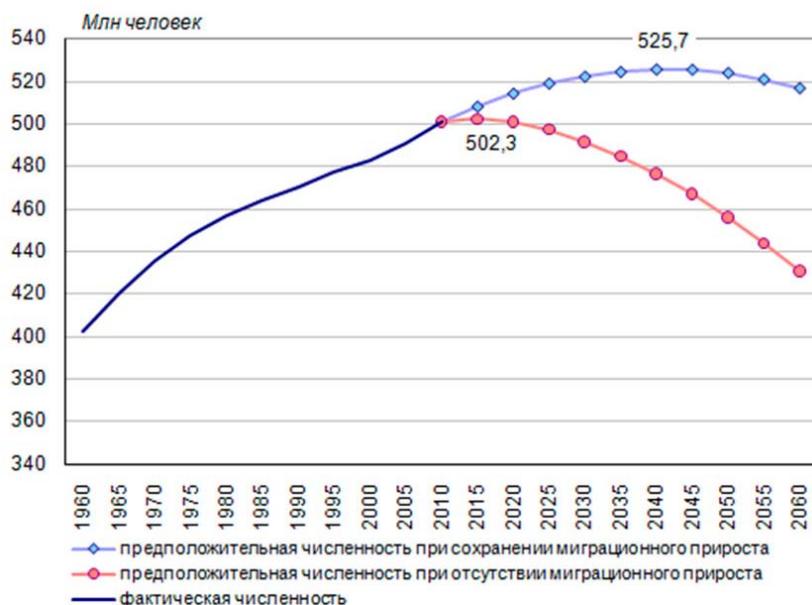

Рис. 3. Население Европы с учетом миграционных потоков

За первое полугодие 2017 г. поток «беженцев» в Европу резко увеличился. По сообщениям ООН, количество жителей ближневосточных и африканских стран, нелегально прибывших с начала года в ЕС, составило 378 тыс. чел., а до конца года их число возрастет до 850 000 чел. При этом эксперты ООН предполагают, что основная масса нелегалов оседет в Германии [4].

В отличие от уровня рождаемости среди коренных европейцев, рождаемость среди оседающих мигрантов превышает его в разы. Например, во Франции рождаемость в семьях мигрантов-мусульман составляет 8,1. В таких городах этой страны как Ницца, Марсель, Париж, 45% детей и подростков в возрасте до 20 лет – мусульмане, рожденные от мигрантов. При сохранении таких темпов рождаемости приезжих мусульман Франция уже через 35 лет «исламизируется».

За последние 30 лет исламское население Великобритании увеличилось с 80 тыс. чел. до 3 млн. Количество мечетей за этот срок увеличилось в 36 раз, в том числе за счет переоборудования христианских соборов. В Голландии более половины всех новорожденных появляются на свет от родителей мусульман. Уже к середине следующего десятилетия половину населения этой страны будут составлять потомки мигрантов. В настоящее время население Бельгии на четверть состоит из некоренных жителей. Как заявлял трагически погибший лидер ливийского государства М. Каддафи: «Похоже, что аллах подарит мусульманам победу без мечетей, без оружия и без завоеваний. Нам не нужны террористы, нам не нужны смертники, всего лишь через 20 лет десятки миллионов мусульман в

Европе превратят ее в мусульманский континент» [9], а в августе 2010 г., посещая Рим, он прямо декларировал что «ислам должен стать религией всей Европы» [4].

Инокультурное давление, сопровождающее активный миграционный приток, усиливает в целом неблагоприятные общественные настроения европейцев. Наряду с демографической ситуацией общий контекст миграционного потенциала Европы определяется нарастающей отстраненностью европейцев от активной общественной жизни. Среди молодежи растет слой тех, кто, несмотря на высокий образовательный статус, становится «новым рантье» или обеспечивает свой прожиточный минимум за счет участия в интернет играх, аукционах, а теперь и в «играх» на бирже криптовалют. Например, количество европейцев, живущих от сдачи недвижимости в аренду, выше российского показателя в 4 раза [11].

Отстраненность европейцев от общественной жизни, обусловленная, в том числе, нарастающим культурным давлением многочисленного слоя мигрантов, ведет, выражаясь словами Ф. Фукуямы, к «трате социального капитала», означающей «уменьшение доверия к общественным институтам, уменьшение радиуса доверия, высокий уровень преступности, разрыв родственных связей и т.д.» [13]. По данным Евростата с каждым годом растет удельный вес социально неадаптированных граждан. Таких в 2008 г. среди европейцев насчитывалось 116,6 млн. чел. (23,7%), в 2011 г. – 119,6 млн. чел. (24,3%), в 2013 г. – 124,5 млн. чел. (24,8%) [6]. По уровню желающих уехать из своей страны Франция, Германия, Англия опережают Россию (рис. 4) [15].

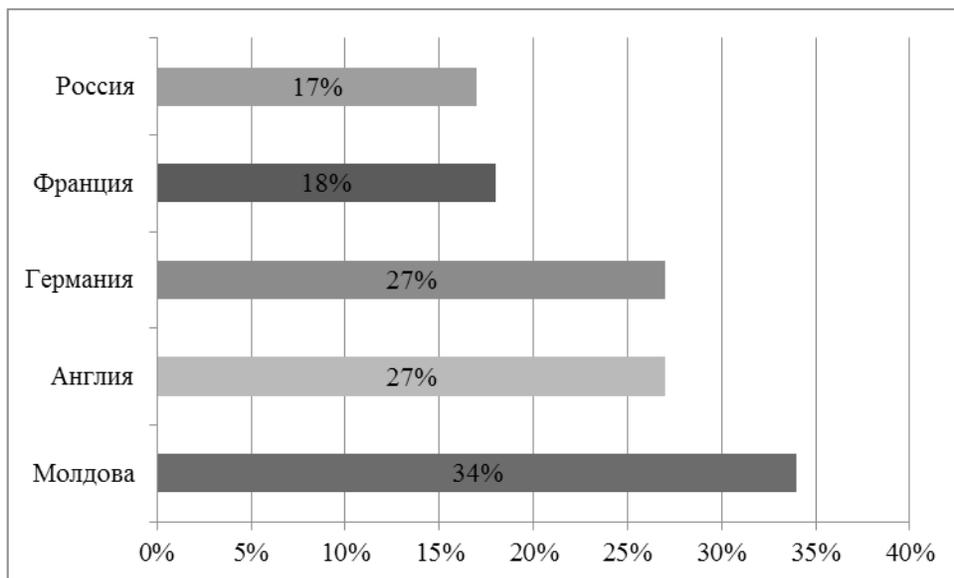

Рис. 4. Желаящие покинуть свою страну, в %

Европейские страны не входят в число наиболее благополучных и по уровню самоубийств (табл. 2).

Таблица 2

Число самоубийств в странах Европы, на 100 000 чел.

Литва	28,2
Венгрия	19,1
Польша	16,6
Латвия	16,2
Финляндия	14,8
Бельгия	14,2
Исландия	14,0
Эстония	13,6
Чехия	12,5
Франция	12,3
Австрия	11,5
Германия	9,2

Кумулятивный эффект последствий социальных проблем порождает ранее неизвестные Европе или возрождаемые из глубин национальной

памяти рудименты общественного сознания, связанные с ксенофобией и расовой нетерпимостью. Например, совершенно дико выглядят нарастающие антисемитские настроения, затрагивающие, прежде всего, представителей крупного капитала. По утверждению New World Weath «в то время как жители периферийных стран Европы, Азии и Африки с восторгом и завистью смотрят на Запад, готовые на все ради европейской мечты, в сердце Европы идут процессы, диссонирующие с привлекательной картинкой европейской жизни» [10].

Последнее время Европу активно покидает наиболее состоятельная часть населения. Первую позицию по проявлению этой тенденции занимает Франция. В 2015 г. эту страну покинули 10 тыс. миллионов (3% их общего количества). Согласно опросу отъезжающих миллионов, мотивом расставания со страной стала межконфессиональная напряженность, а

большинство из их числа указали свою принадлежность к еврейской нации.

Форсированная миграция из стран Африки и Ближнего Востока, вместо ожидаемых результатов, несет с собой опасность разрушения европейской солидарности, ставит под угрозу существование самого Европейского союза. Так, в ответ на надвигающуюся опасность неконтролируемых миграционных потоков 16 января 2016 г. Австрия временно отказалась от участия в Шенгенской зоне [1]. Вена выступила также с предложением исключить из Шенгенской зоны Грецию, поскольку та делает недостаточно усилий для защиты границ и миграционного контроля.

Как заявила глава МВД Австрии Микль-Ляйтнер, терпение многих европейцев заканчивается: «Если правительство в Афинах больше не уделяет времени для охраны внешних границ, то следует открыто обсудить вопрос о временном исключении Греции из Шенгенской зоны. Это миф, что греко-турецкая граница не может управляться». Глава МИД ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер раскритиковал позицию Микль-Ляйтнер: «Подобные решения, как исключение отдельных стран из зоны Шенгена, ни к чему не приведут. Прежде всего, они не уменьшат поток беженцев».

Ряд европейских стран, включая Германию, настаивает на изменении Шенгенского режима и введении национального пограничного контроля. «Мы должны защищать наши внешние

границы, потому что мы хотим сохранить Шенген. Если мы не сможем защитить наши внешние границы, то это свободное пространство в рамках внутреннего рынка, основа нашего благосостояния, окажется в опасности. Этому нужно воспрепятствовать. Я считаю, что все страны-члены ЕС разделяют эту точку зрения», – заявила канцлер Германии Ангела Меркель [2].

Таким образом, официально декларируемое обоснование «открытой» миграционной политики Европейского союза причинами гуманитарного характера, связанными с предоставлением «убежища» тем, кто, в силу обострения политической ситуации, вынужденно покидает страны проживания, лишь отчасти соответствует реальному положению дел. Фактически главной причиной «гуманного отношения» к выходцам из горячих точек планеты является необходимость преодоления надвигающейся на Европу демографической проблемы, попытка оживить «национальный дух», порождающий общественную активность, о важности которого говорили представители «немецкого романтизма». Однако, замещение социальной и физической убыли носителей европейского культурного наследия выходцами из «другой» культурной среды, вместо конструктивного потенциала, несет с собой порой непреодолимые проблемы, агрегирование которых неизбежно подвигает Старый Свет к системному кризису.

ЛИТЕРАТУРА

1. Австрия ограничивает действие Шенгена и усиливает проверку на границе (16.01.2016) [Электронный ресурс] // РИА новости : [сайт]. URL: <http://ria.ru/world/20160116/1360663972.html> (дата обращения: 11.09.2017).
2. Ангела Меркель рассказала, как сохранить Шенген (06.02.2016) [Электронный ресурс] // RT на русском: [сайт]. URL: <http://russian.rt.com/article/146768> (дата обращения: 11.09.2017).
3. Внешний долг стран мира на 2017 год: таблица [Электронный ресурс] // Финансовый базис [сайт]. URL: <http://finbasis.ru/vneshnij-dolg-stran-mira-na-2016-god-tablica/> (дата обращения: 11.09.2017).
4. Европа. Между молотом и наковальней [Электронный ресурс] // London ru: Russian newspaper: [сайт]. URL: http://www.londonru.com/muslim_stream/ (дата обращения: 11.09.2017).
5. Европа. Население 1900–2100 [Электронный ресурс] // Population. City: [сайт]. URL: <http://naseleniye.population.city/world/eu> (дата обращения: 11.09.2017).
6. Евростат: на грани бедности или социальной отчужденности находятся 125 млн европейцев (10.12.2013) [Электронный ресурс] // Российская Академия Наук: [сайт]. URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=270dcf22-c14b-4265-a271-55fbcf4338cd> (дата обращения: 11.09.2017).
7. В Европе совершаются разводы каждые 30 секунд (27.09.2010) [Электронный ресурс] // Избери жизнь: [сайт]. URL: <http://choose-life.ru/themes/v-evrope-sovershayutsya-razvody-kazhdye-30-sekund/comment-page-1> (дата обращения: 11.09.2017).
8. Матвейчев О. Для чего в Европе разрушают институт семьи и брака [Электронный ресурс] // Аналитик: политика и экономика: [сайт]. URL: <http://www.news-usa.ru/dlya-chego-v-evrope-razrushayut-institut-semi-i-braka.html> (дата обращения: 11.09.2017).
9. Мечеть Парижской богородицы: к 2050 году Европа может превратиться в мусульманский континент // Российская газета (Неделя). 2016. 10 февр.
10. Миллионеры спасаются бегством от кризиса в Европе (05.04.2016) [Электронный ресурс] // Политическая Россия: [сайт]. URL: <http://politrussia.com/society/millionery-begut-iz-518/> (дата обращения: 11.09.2017).
11. Основные типы российских рантье: любители, профессионалы и романтики (30.04.2013) [Электронный ресурс] // РИА Новости: [сайт]. URL: https://realty.ria.ru/analysis_trends/20130430/400330205.html (дата обращения: 11.09.2017).
12. Савчук А. Население Европы: общая динамика и региональные особенности (20.07.2015) [Электронный ресурс] // SYL: [сайт]. URL: http://www.syl.ru/article/195927/new_naselenie-evropy-i-obschaya-dinamika-i-regionalnyie-osobennosti (дата обращения: 11.09.2017).
13. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2004. 474 с.
14. Щербакова Е. В Европе общая демографическая нагрузка на население рабочих возрастов увеличится к 2050 году в 1,5 раза // Демоскоп-Weekly [демографический электронный журнал]. 2008. 21 янв. – 3 февр. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0317/print.php>.
15. One-Quarter of World's Population May Wish to Migrate (24.06.2008) [Электронный ресурс] // GALLUP News: [сайт]. URL: <http://news.gallup.com/poll/108325/OneQuarter-Worlds-Population-May-Wish-Migrate.aspx> (дата обращения: 11.09.2017).
16. Population projections 2004-2050 // Eurostat news release. 2005. 8 Apr.
17. Population statistics (Detailed tables). Luxembourg: Office of Official Publications of the European Communities, 2006. 160 p.

18. The social situation in the European Union 2005-2006: The balance between Generations in an Ageing Europe. Luxembourg: Office of Official Publications of the European Communities, 2007. 176 p.

REFERENCES

1. [Austria restricts the action of the Schengen area and strengthens checks at the border (16.01.2016)]. In: *RIA novosti* [RIA News [website]. Available at: <http://ria.ru/world/20160116/1360663972.html> (accessed: 11.09.2017).
2. [Angela Merkel told how to save the Schengen area (06.02.2016)]. In: *RT na russkom* [RT in Russian. Available at: <http://russian.rt.com/article/146768> (accessed: 11.09.2017).
3. [The external debt of countries of the world in 2017: table]. In: *Finansovyi bazis* [The financial basis]. Available at: <http://finbazis.ru/vneshnij-dolg-stran-mira-na-2016-god-tablica/> (accessed: 11.09.2017).
4. [Europe. Between a rock and a hard place]. In: *London ru: Russian newspaper* [London ru: Russian newspaper]. Available at: http://www.londonru.com/muslim_stream/ (accessed: 11.09.2017).
5. [Europe. The population 1900–2100]. In: *Population. City* [Population. City]. Available at: <http://naseleniye.population.city/world/eu> (accessed: 11.09.2017).
6. [Eurostat: at risk of poverty or social exclusion are 125 million Europeans (10.12.2013)]. In: *Rossiiskaya Akademiya Nauk* [Russian Academy of Sciences]. Available at: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=270dcf22-c14b-4265-a271-55fbcf4338cd> (accessed: 11.09.2017).
7. [In Europe, divorces occur every 30 seconds (27.09.2010)]. In: *Izberi zhizn'* [Choose life]. Available at: <http://choose-life.ru/themes/v-evrope-sovershayutsya-razvody-kazhdye-30-sekund/comment-page-1> (accessed: 11.09.2017).
8. Matveichev O. [Why in Europe destroy the institution of family and marriage]. In: *Analitik: politika i ekonomika* [Analyst: politics and economy]. Available at: <http://www.news-usa.ru/dlya-chego-v-evrope-razrushayut-institut-semi-i-braka.html> (accessed: 11.09.2017).
9. [Mosque of Notre Dame: by 2050, Europe could become a Muslim continent]. In: *Rossiiskaya gazeta (Nedelya)* [Russian newspaper]. 2016. 10 Feb.
10. [Millionaires are fleeing from the crisis in Europe (05.04.2016)]. In: *Politicheskaya Rossiya* [Political Russia]. Available at: <http://politrussia.com/society/millionery-begut-iz-518/> (accessed: 11.09.2017).
11. [The main types of Russian rentier: Amateurs, professionals and romance (30.04.2013)]. In: *RIA Novosti* [RIA news]. Available at: https://realty.ria.ru/analysis_trends/20130430/400330205.html (accessed: 11.09.2017).
12. Savchuk A. [The population of Europe: General dynamics and regional characteristics (20.07.2015)]. In: *SYL*. Available at: http://www.syl.ru/article/195927/new_naselenie-evropyi-obschaya-dinamika-i-regionalnyie-osobennosti (accessed: 11.09.2017).
13. Fukuyama F. [The great disruption]. Velikiy razryv. Moscow, AST Publ., 2004. 474 p.
14. Shcherbakova E. [In Europe, the overall demographic burden on the working-age population will increase by 2050 to 1.5 times]. In: *Demoskop Weekly: demographic electronic journal*, 2008, 21 Jan. 3 Feb.
15. [One-Quarter of World's Population May Wish to Migrate (24.06.2008)]. In: *GALLUP News*. Available at: <http://news.gallup.com/poll/108325/OneQuarter-Worlds-Population-May-Wish-Migrate.aspx> (accessed: 11.09.2017).
16. [Population projections 2004–2050]. In: *Eurostat news release*, 2005, 8 Apr.
17. [Population statistics (Detailed tables)]. Luxembourg, Office of Official Publications of the European Communities, 2006. 160 p.

18. [The social situation in the European Union 2005–2006: The balance between Generations in an Ageing Europe]. Luxemburg: Office of Official Publications of the European Communities, 2007. 176 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маталаева Фарида Эдуардовна – соискатель Дипломатической академии МИД РФ;
e-mail: fd711@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Farida E. Matalaeva – PhD applicant, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: fd711@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маталаева Ф.Э. Структурные предпосылки и последствия европейской миграции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 258–268.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-258-268

FOR CITATION

F. Matalaeva. Structural Background and Consequences of European Migration. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 258–268.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-258-268

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-269-272

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: «РОССИЯ 1905–1907 ГГ.: ЭНЦИКЛОПЕДИЯ / ОТВ. РЕД. В.В. ЖУРАВЛЕВ. М.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2016. – 1196 С.»

Куренкова Е.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

REVIEW OF THE BOOK: «RUSSIA 1905–1907: ENCYCLOPEDIA / ED. IN CHIEF V.V. ZHURAVLEV. M.: POLITICAL ENCYCLOPEDIA, 2016. – 1196 P.

E. Kurenkova

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

В прошлом году в свет вышла энциклопедия «Россия 1905–1907 гг.». Издание, дающее характеристику стране в указанный период во всем многообразии. Под прицел попадают политическая, экономическая, социальная, культурная сферы жизни российского общества. В дни 100-летия революции 1917 года обсуждаются различные вопросы, в которых можем наблюдать идеализацию России начала XX в. Поэтому появление такого издания, которое способно полно осветить время, формирующее революционную ситуацию.

В советское время зародилось мнение, что история России в 1905–1907 гг. не может сводиться только к революционной борьбе. Протесты на улицах хорошо уживались с концертами Шаляпина. Авторы проекта ставят перед собой цель, опираясь на революцию 1905–1907 гг., объединить различные сюжеты, рассказать о «многогранной и диалектически противоречивой целостности жизни российского общества» (с. 5).

Над энциклопедией работал профессиональный коллектив авторов, каждый из которых является специалистом по указанному периоду: В.В. Журавлев, Л.Г. Березовая, О.В. Волобуев, Н.А. Иванова, Ю.А. Петров, А.В. Репников, И.С. Ро-

© Куренкова Е.А., 2017.

зенталь, П.Ю. Савельев, К.А. Соловьев, В.В. Шелохаев и другие исследователи. На их счету ряд энциклопедических изданий, получивших общественное признание [1–4]. Не стала исключением и энциклопедия «Россия 1905–1907 гг.», ставшая лауреатом конкурса «Национальная премия “Лучшие книги и издательства года – 2016”».

Уникальность данного издания заключается в нескольких факторах. В статье А.Н. Егорова заявлена смена научной парадигмы «от изучения революции в России к изучению истории России в годы революции» (с. 369). Дан полный обзор отечественной историографии революции 1905–1907 гг.

Обстоятельный очерк зарубежной историографии показывает повышение интереса иностранных исследователей к широкому кругу проблем: национальной, гендерной, культурной истории. Но вместе с этим исследователь Н.В. Макаров отмечает отсутствие новой парадигмы изучения революции на Западе. Для изучающих историю России начала XX в. интересным будет ознакомиться с объемным библиографическим списком к отечественной и зарубежной историографии, составленным с учетом новейших достижений исторической науки.

Широта тематического охвата является другим достижением рецензируемого издания. Рассматриваются сюжеты, не освещенные в исторической литературе.

Интеллектуальная и культурная история 1905–1907 гг. занимает значительное место в контексте революции начала XX в. Представлена галерея портретов деятелей культуры и искусства, показано, как революционные события повлияли на их творчество.

Народное образование также вошло в сферу внимания авторского коллектива. Много статей связано с комитетами грамотности, Санкт-Петербургским обществом грамотности, Лигой образования. Это подчеркивает возросший интерес российского общества к сфере образования, что, в свою очередь, повысило интерес к чтению. Темы, посвященные отечественной периодике начала XX в., занимают значительное место в энциклопедии. В самих названиях периодических изданий прослеживается ощущение новых общественных настроений – «Новая жизнь», «Начало», «Новое время». Разбору в энциклопедии подлежат и серьезные издания, и сатирические.

Большое место в издании занимает иллюстрация повседневной жизни россиян начала XX в. С одной стороны перед читателем вырисовывается картина суровых революционных будней, с другой – впечатляющий размах разнообразных развлечений. Традиционно любимые новогодние праздники отмечались по-разному: Рождество – дома, а Новый год – в общественном месте.

Хотя главным местом для досуга горожан оставался театр, но уже набирал силу кинематограф. Однако революция вносила свои коррективы в показ представлений: в период все возрастающих траурных дней (с. 804) театры прерывали свои постановки. Большую популярность набирали легкие жанры – оперетта, водевиль, фарс. Спортивные развлечения также пользовались спросом: развивались футбол, гимнастика, легкая атлетика, атлетическая борьба, теннис, катание на коньках, лыжах, велосипеде.

Статистическая информация, представленная в энциклопедии, отлично представляет социально-экономическую сферу жизни – социальную структуру, биржи, банки, промышленность, сельское хозяйство, налоги. Но все-таки главной темой энциклопедии является политическая тема. Если выделить статьи по политической тематике и прочитать их в хронологическом порядке, то открывается история Первой российской революции в событиях и лицах. Причем сюжеты, представленные в статьях, написаны с позиции разных политических сил, что раздвигает границы проблемных вопросов периода Первой революции. Причины революции, позиции ведущих социальных акторов, значимые законодательные акты, основные революционные события, начиная с Кровавого воскресенья, нашли развернутое освещение в энциклопедии. Интересно, что информационная насыщенность статей по революционной тематике избегает конъюнктурных оценок, которые встречаются в историографии данного периода.

Рецензируемое издание является многожанровым, что, безусловно, подчеркивает энциклопедический характер. Представлены социальные институты, термины и понятия, персоналии, периодика. Все это проиллюстрировано репродукциями картин и уникальными фотографиями, на которых изображены общественные и политические деятели, события и сцены из повседневной жизни. Конечно же,

издание рассчитано на массового читателя, но именно в нем историю можно увидеть.

Несмотря на четко оговоренный хронологический период времени, энциклопедия ставит достаточно актуальные вопросы для современных участников политической жизни нашего государства: какой должна быть оппозиция? Справится ли государственная власть с грузом ответственности за ситуацию в стране? Где грань, разделяющая реформу и революцию? Конечно же, такие вопросы задаются не впервые, но, изучив энциклопедию «Россия 1905–1907 гг.», можно осмыслить «уроки истории», проанализировав опыт общественного развития начала прошлого века.

В целом, главное впечатление, которое остается после прочтения энциклопедии, – «живое» общество России начала XX в., которое переплетено различными интересами с революцией, но существующее вместе с революцией, а не только в ней. Широкий подход к освещению событий начала XX в. раскрывает серьезную проблему российской истории – противостояние власти и политически активной части общества. Их неспособность договориться в конечном счете привела к тому, что «год 1905 стал прологом для года 1917» (с. 644).

Энциклопедия дает богатый материал для анализа и размышлений о том, что нужно сделать, чтобы события начала XX в. не произошли в начале XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев; Отв. секр. А.В. Репников. М.: РОССПЭН, 2005. 639 с.
2. Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2009. 703 с.
3. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия / Ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996. 873 с.
4. Революционная мысль в России XIX – начала XX в.: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2013. 613 с.

REFERENCES

1. Public thought of Russia XVIII – early XX century: Encyclopedia. Ed. V.V. Zhuravlev; Otv. secr. A.V. Repnikov. Moscow, ROSSPAN Publ., 2005. 639 p.
2. Public thought of the Russian abroad: Encyclopedia. Otv. Ed. V.V. Zhuravlev. Moscow, ROSSPAN Publ., 2009. 703 p.
3. Political parties of Russia. The end of XIX – the first third of the twentieth century. Encyclopedia. Ed. V.V. Shelokhaev. Moscow, ROSSPAN Publ., 1996. 873 p.
4. Revolutionary thought in Russia XIX – early XX century: Encyclopedia Ed. V.V. Zhuravlev. Moscow, ROSSPAN Publ., 2013 and others. 613 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куренкова Евгения Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: ea.kurenkova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya A. Kurenkova – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times; Moscow Region State University PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia of The Middle Ages and Modern Times;
e-mail: ea.kurenkova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Куренкова Е.А. Рецензия на книгу: «Россия 1905-1907 гг.: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 1196 с.» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 269-272.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-269-272

FOR CITATION

E. Kurenkova. Review of the Book: «Russia 1905–1907: Encyclopedia / Ed.-In-Chief V.V. Zhuravlev. M.: Political Encyclopedia, 2016. – 1196 p.». In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 269-272.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-269-272

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-273-275

ХРОНИКА 1917 ГОДА В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

CHRONICLE OF 1917 IN MOSCOW REGION

27 февраля – 1 марта 1917 года

Распространение слухов о революции в Петрограде по уездам Московской губернии; начинаются забастовки рабочих на фабриках и заводах с требованиями повышения заработной платы, улучшения условий труда и жизни.

28 февраля – 15 марта 1917 года

Образование Советов рабочих и солдатских депутатов в Москве и уездных городах; ведущая роль в Советах принадлежит эсерам и социал-демократам.

2–15 марта 1917 года

После подтверждения известий об отречении Николая II городские думы и земские собрания Подмосковья направляют поздравительные адреса Временному правительству с признанием его власти.

Март – ноябрь 1917 года

Подготовка к выборам во Всероссийское учредительное собрание по постановлению Временного правительства.

16 марта – апрель 1917 года

Образование фабрично-заводских комитетов, обострение противоречий между рабочими и администрацией предприятий.

21–23 марта 1917 года

В Москве состоялся Епархиальный Съезд клира и мирян, участники которого от лица Церкви выразили лояльность и поддержку Временному правительству.

Апрель 1917 года

Возобновлена прекращённая в 1914 г. деятельность Московского Областного бюро большевиков – РСДРП(б); большевиками начата борьба за реализацию в Московской губернии ленинского призыва «Вся власть Советам!»

Май 1917 года

Волна забастовок, попытки захвата контроля над предприятиями со стороны рабочих.

4–16 мая 1917 года

Всеобщая забастовка рабочих и работниц в Орехово-Зуево.

Июнь 1917 года

Создание отрядов Красной Гвардии в уездных городах и на промышленных предприятиях. После неудачного наступления войск Юго-Западного фронта в среде рабочих и солдат нарастают антивоенные настроения.

Апрель–август 1917 года

Растёт число и напряжённость конфликтов крестьян и помещиков в деревнях и сёлах Подмосковья. Жалобы помещиков на насилия со стороны крестьян, самовольные захваты ими земель, покосов, порубки лесов и т.п. Случаи погромов усадеб.

4–6 июля 1917 года

В городах Московской губернии проходят демонстрации в поддержку рабочих и солдат Петрограда, столкновения с полицией, лозунги в поддержку большевиков и против Временного правительства.

Июль–сентябрь 1917 года

Рост популярности большевиков на местах. При выборах в органы местного самоуправления они получают значительное количество мест.

12–15 августа 1917 года

Работа Московского Государственного Совецания, созванного по инициативе Временного Правительства с целью укрепления собственного влияния и консолидации общества. В действительности размежевание различных группировок на Совецании только усилилось.

15 августа 1917 года

Открытие в Успенском соборе Московского Кремля Поместного Собора Русской Православной Церкви.

26–28 августа 1917 года

В Московской губернии представители социалистических партий (меньшевики, большевики, эсеры) выступили с осуждением Корниловского мятежа. Представители правых партий, а также кадеты и октябристы заняли выжида-

тельную или про-корниловскую позицию. Раскол в обществе усиливается.

Конец сентября – октябрь 1917 года

В уездах Московской губернии ячейки большевиков, выполняя общепартийные решения, начали подготовку к вооружённому восстанию с целью захвата власти на местах.

25 октября 1917 года

До Москвы дошли сведения о событиях в Петрограде. Для большевиков это являлось сигналом к началу действий по вооружённому захвату власти. Московский комитет РСДРП(б) отдаёт приказ о занятии почты и телеграфа. Состоялось заседание бюро всех фракций Московского Совета рабочих депутатов с участием большевиков. В 17 часов в Политехническом музее открылось соединённое заседание Московского Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов. 394 голосами против 106 при 23 воздержавшихся принято решение о создании Московского военно-революционного комитета. Председателем Московского ВРК стал большевик Г.А. Усиевич.

27 октября года – 3 ноября 1917

Московское вооружённое восстание завершилось победой большевиков. В период с 26 октября по 5 ноября проходят согласованные акции в уездах по захвату власти большевиками с опорой на революционно настроенных солдат и отряды Красной Гвардии. Городские думы и земские собрания, состоявшие преимущественно из кадетов, меньшевиков и правых эсеров высказались с резким осуждением действий большевиков и в поддержку Временного правительства.

Ноябрь – декабрь 1917 года

В губернии развернулись процессы монополизации власти победившими большевиками. Закрыты буржуазные газеты, объявлено о прекращении деятельности и роспуске старых органов власти (городские думы, полицейские

управы). Запрещаются оппозиционные партии.

12 ноября 1917 года

Выборы во Всероссийское Учредительное собрание. По Московской губернии 56% голосов получили большевики.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хроника 1917 года в Московской области // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 273–275.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-262-264

FOR CITATION

Chronicle of 1917 in Moscow Region. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 273–275.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-273-275

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте журнала (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ
2017. № 5

Над номером работали:

Литературный редактор О.О. Волобуев
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор Н.Л. Борисова
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 17,25, усл. п.л. 17,25.
Подписано в печать: 29.12.2017. Выход в свет: 17.01.2018. Заказ № 2017/12-05.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А